

ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4>

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2024. Том 12, № 4

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW

2024, vol. 12, no. 4

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

The preparation and publication of the journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the National Identity of the Tatar People"

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2024

© State Institution "Tatarstan Academy of Sciences", 2024

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки), 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), ERIH PLUS, ResearchBib, Dimensions, Google Scholar, Internet Archive, Белый список, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Национальная платформа периодических научных изданий (РЦНИ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Регистрация СМИ:	Номер свидетельства: ПИ № ФС 77-87864 Дата регистрации: 22.07.2024
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Баумана, 20, Республика Татарстан, Российская Федерация)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7, Республика Татарстан, Российская Федерация Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Типография:	Издательство Академии наук Республики Татарстан (420111, г. Казань, ул. Баумана, 20, Республика Татарстан, Российская Федерация)
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс:	(843) 292 84 82 (приемная), (843) 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“**Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review**” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar Khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 5.6.1. – Domestic history (historical studies), 5.6.5. – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), ERIH PLUS, ResearchBib, Dimensions, Google Scholar, Internet Archive, Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka.

The journal is a participant in partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Media registration:	Certificate Number: PI No. FS 77-87864 Date of registration: July 22, 2024
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Institution “Tatarstan Academy of Sciences” (20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)
Editorial address:	7, Baturin Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Press:	Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences (20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), (843) 292 00 19
Subscription:	Subscription index II7934

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Минниханов Рифкат Нурғалиевич, д.тех.н., президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Юлай Шамильоглу, Ph.D. (история), профессор Назарбаевского Университета (Нур-Султан, Республика Казахстан); профессор Висконсинского университета в Мадисоне (Мадисон, США)

Тасин Джемил, доктор философии, профессор, директор Института тюркологии Университета Бабеш-Бойяи – Клуж-Напока, член-корреспондент Тюрк Тарих Куруму, почетный член Академии ученых Румынии, иностранный член АН РТ (Румыния)

Мария Иванич, д.и.н., заслуженный профессор кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (Далонга, США)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Ильяс Кемалоглу, д.и.н., профессор Исторического отделения Университета Мармара (Стамбул, Турция)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Измайлов Искандер Лерунович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Александар Узелац, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Маслюженко Денис Николаевич, к.и.н., доцент кафедры «История и документоведение», директор гуманитарного института Курганского государственного университета (Курган, Российская Федерация)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы (Уфа, Российская Федерация)

Беляков Андрей Васильевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Почкаев Роман Юлианович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Тимохин Дмитрий Михайлович, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Аксанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редактор английских текстов: **Стивен Поу**, Ph.D. (история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Сайфетдиновна Эльмира Гаделзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Байбулатова Лилия Фаритовна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

Il'nur M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Rifkat N. Minnikhanov, Dr. Sci. (Technical Sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Uli Schamiloglu, Ph.D. (History), Professor, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan); Professor Emeritus, University of Wisconsin-Madison (Madison, USA)

Tasin Gemil, Ph.D. (Philosophy), Professor, Director of the Institute of Turkology, Babeş-Bolyai University – Cluj-Napoca, Corresponding Member of the Türk Tarih Kurumu, honorary member of the Academy of Scientists in Romania, foreign member of the Tatarstan Academy of Sciences (Romania)

Mária Ivanics, Dr. Sci. (History), Professor Emeritus of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (Dahlonega, USA)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

İlyas Kemaloğlu, Dr. Sci. (History), Professor, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Iskander L. Izmailov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Denis N. Maslyuzhenko, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Documentation, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Andrey V. Belyakov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Roman Yu. Pochekaev, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

Dmitry M. Timokhin, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts' editor: Stephen Pow, Ph.D. (History), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: Elmira G. Sayfedinova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: Liliya F. Baybulatova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: Lyutsiya S. Giniyatullina, Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Публикации

Мухаметзянова Л.Х. Татарская историография «Идегея»	740
Зайнеева Г.Н. Нигмат Хаким в изучении дастана «Идегей»	758
Фазлутдинов И.И. Варианты татарского эпоса «Идегей» (Сибирский ареал)	766
Уалиев Т.А., Кушкумбаев А.К. К вопросу об изучении казахских вариантов преданий об Идегее	782
Сабитов Ж.М., Каратаев А.А. Эпосы про Идегея и его родственников в эпическом цикле «Сорок батыров Крыма»	814
Исхаков Д.М. Исторические реалии в дастане «Идегей»	832
Измайлов И.Л. Идегей: историческая личность и ее оценка в отечественной историографии	858
Валиуллина Ф.М. Религиозные мотивы в дастане «Идегей»	873
Kemaloğlu İ. Research on the Epic of Edigeý in Türkiye	888
Закирова И.Г. Ногайская версия эпоса «Эдиге»: обзор вариантов и история изучения	897
Аникеева Т.А. П.А. Фалев и его «Ногайское сказание об Едигее» (к истории изучения эпоса)	915
Айтмуратов Ж. Духовное наследие каракалпакского народа: «Идегей»	926
Эшчанова Г.А. Об исследовании узбекской версии дастана «Идегей»	934
Хабутдинова М.М. Из истории первого сводного текста башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым»	943

Хроника

Умбетов Н.А. Обзор II Международного Конгресса истории тюркской государственности «Государственность тюркских народов в Чингизидскую эпоху»	970
Гиниятуллина Л.С. Средневековые памятники Нижнего Поволжья: предварительные результаты экспедиции	977

CONTENTS

Publications

Mukhametzianova L.Kh. Tatar historiography of the epic “Idegey”	740
Zayneeva G.N. Nigmat Hakim in the dastan “Idegey” study	758
Fazlutdinov I.I. Variants of the tatar epos “Idegey” (in the Siberian area)	766
Ualiyev T.A., Kushkumbayev A.K. Studying kazakh versions of the legends about Edige	782
Sabitov Zh.M., Karatayev A.A. Epics about Idegei and His Relatives in the Epic Cycle “Forty Heroes of Crimea”	814
Iskhakov D.M. Historical realities in the “Idegei” dastan	832
Izmailov I.L. Idigey: a Historical Personality and its Assessment in Russian Historiography	858
Valiullina F.M. Religious motives in the dastan “Idegey”	873
Kemaloğlu İ. Research on the Epic of Edigey in Türkiye	888
Zakirova I.G. Nogai version of the epic “Edige”: review of versions and history of study	897
Anikeeva T.A. Pavel Falev and his “Nogai Legend of Idegey” (on the history of the epos study)	915
Aytmuratov J. “Edige” is the undying spiritual heritage of the Karakalpak people	926
Eshchanova G.A. On the study of the Uzbek version of the dastan “Idegey”	934
Khabutdinova M.M. The History of Creation and Promotion the First Consolidated Text of the Bashkir Folk Epic “Idukai and Muradim”	943

Chronicle

Umbetov N.A. Review of the II International Congress on the History of Turkic Statehood “The statehood of the Turkic peoples in the Chingisid era”	970
Giniyatullina L.S. Medieval monuments of the Lower Volga Region: preliminary results of the expedition	977

ПУБЛИКАЦИИ

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.740-757>

УДК 398

EDN: ABLYLA

ТАТАРСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ «ИДЕГЕЙ»

Л.Х. Мухаметзянова

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова

Академии наук Республики Татарстан

Казань, Российская Федерация

lilmuhat@mail.ru

Резюме. Цель исследования – анализ татарской историографии дастана «Идегей»; статья аккумулирует совокупность основных исследований с XIX столетия по сегодняшний день, относящихся к татарскому эпосу «Идегей».

Материалы исследования. В науке фигурирует немалое число текстологических и теоретических исследований, посвященных собиранию, изданию и изучению монументального народного эпоса «Идегей». В то же время историография дастана до настоящего времени не становилась предметом специального исследования в контексте филологических и исторических наук, хотя эпос в разные годы неоднократно привлекал внимание исследователей. Актуальность статьи объясняется необходимостью переосмысления татарской историографии эпоса «Идегей» с учетом достижений филологической и исторической науки и представления целостного взгляда на данную проблему.

Результаты и научная новизна. Исследование является первым опытом системного анализа, описания источников и научной литературы об «Идегее», принадлежащих татарским ученым. Акцентирование внимания к трудам отечественных и зарубежных исследователей в отношении к татароязычным текстам дастана в разные исторические периоды, выделение значимых проблем, характерных для изучения историографии эпоса «Идегей» также входят в круг научного интереса автора. Новизной исследования является достоверная трактовка историографии «Идегея» в свете новых научных требований, систематизация оценок, характеристик и пересмотр целого спектра прежних взглядов по заявленной тематике. Данное исследование дает важный импульс для введения в активный научный оборот ряда значимых материалов по «Идегею» в широком историко-культурном контексте.

Ключевые слова: Идегей, историография дастана, исследования ученых, собирание и изучение татарского эпоса, тюркский эпос, научные и исторические версии и варианты

© Мухаметзянова Л.Х., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Мухаметзянова Л.Х. Татарская историография «Идегея» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 740–757. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.740-757> EDN: ABLYLEA

Благодарность: Автор выражает искреннюю признательность И.М. Миргалееву, кандидату исторических наук, руководителю Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ за идею проведения данного исследования и поддержку при написании статьи.

TATAR HISTORIOGRAPHY OF THE EPIC "IDEGEY"

L.Kh. Mukhametdzianova

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lilmuhat@mail.ru*

Abstract. The purpose of the study is a systematic analysis of the Tatar historiography of the dastan "Idegey"; the article accumulates a set of basic studies from the 19th century to the present day related to the Tatar epic of the dastan "Idegey".

Research materials: The multifunctional science of folk art samples includes a considerable number of textual and theoretical studies devoted to the collection, publication, and study of the monumental folk epic "Idegey". At the same time, the historiography of Dastan in Tatar studies has not yet become the subject of special research in the context of philological and historical sciences, although the famous Dastan of the Golden Horde period has repeatedly attracted and continues to attract the attention of prominent collectors and researchers over the years. The relevance of the article is explained by the need to rethink the Tatar historiography of the epic, taking into account the achievements of philological and historical science and presenting a holistic view of this problem.

Results and novelty of the research: The study is the first effort at a systematic analysis and description of sources and scientific literature about "Idegey" epic belonging to Tatar scientists. The emphasis on the works of domestic and foreign researchers in relation to the Tatar-language texts of the dastan in different historical periods, along with the identification of significant problems characteristic of the study of the historiography of the epic "Idegey" are also included in the circle of interest of the author. The novelty of the research is a reliable interpretation of the historiography of "Idegey" in the light of new scientific requirements, systematization of assessments, characteristics, and revision of a whole range of previous views on the declared topic. This research provides an important impetus for the active scientific circulation of a number of significant materials on the "Idegey" epic in a broad historical and cultural context.

Keywords: Idegey, historiography of the dastan, research of scientists, collection and study of the Tatar epic, Turkic epic, scientific and historical versions and variants

For citation: Mukhametdzianova L.Kh. Tatar historiography of the epic "Idegey". *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 740–757. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.740-757> (In Russian)

Acknowledgements: The author expresses sincere gratitude to I.M. Mirgaleev, Candidate of Historical Sciences, head of the Usmanov Center for Research of the Golden Horde and Tatar Khanates of the Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences for the idea of conducting this research and support in writing the article.

В татарском дастане «Идегей» отражена сложная история смутного периода в истории Золотой Орды. Как верно подмечено основателем исследовательской школы теоретической фольклористики Е.М. Мелетинским, «основная часть эпоса об Идиге оказывается историческим преданием, преобразованным фольклорно-поэтической фантазией» [18, с. 587]. Казанский исследователь И.М. Миргалеев также продвигает идею, что дастаны об Идегее считать преданиями в широком, а не в фольклорном смысле, так как, несмотря на народный жанр, дастан сохранил целостную историю событий, происходивших в Золотой Орде в конце XIV – начале XV столетия [23, с. 60]. Прототипами героев дастана стали реальные исторические личности, жившие в конце XIV – начале XV вв.: Идегей, Токтамыш, Аксак Тимер и др. Исходя из сюжета и тематики, время формирования и начало распространения дастана «Идегей» следует отнести к XV веку. Татарская версия эпического произведения об Идегее складывалась постепенно на протяжении нескольких веков. Наки Исанбет, стоявший во главе группы научного коллектива, умело сочетавшего и традиционный эпический фольклор, и исторические источники, сумел соединить разрозненные татарские версии в единый дастан с безупречной поэтической формой. Как и хронология, ареал распространения татарских вариантов дастана «Идегея» также охватывает обширный регион, являющийся исторической родиной всего татарского населения – Среднее и Нижнее Поволжье, Сибирь, Урал [31, с. 90–92].

Необходимо отметить, что развитие историографии «Идегея» зависело от политических ситуаций, происходящих в стране. Оценка научного опыта прошлого и теоретико-методологическая ревизия исследовательских подходов в развитии хода событий вокруг собирания и изучения «Идегея» невозможна без обобщения схожих тенденций в развитии гуманитарных наук в стране в целом. Идеологические ограничения или, наоборот, открытость к мировым трендам и исследованиям формировали контекст для будущего национальных гуманитарных наук, в том числе и для изучения эпоса «Идегей».

Динамика развития изучения историко-героического дастана татар, в связи с ключевыми моментами политических ситуаций в стране, пережила несколько этапов на своем пути:

1) начало XIX – начала XX вв. Определяющим фактором в этот период является открытие Казанского университета в 1804 году, что стало важным событием и для концентрирования внимания на собирание и публикацию эпических произведений, в том числе и «Идегея». Во второй половине XIX века формировались отечественное и зарубежное исследовательские направления, нацеленные на собирание и издание в оригинале и переводе фольклорных образцов. В этот период по дастану «Идегей» изданы значимые труды видных деятелей науки;

2) промежуток с 1917 года по 1950-е годы. Несмотря на идеологические ограничения научного творчества в области гуманитарных наук, существования необходимости адаптации исследований под требования партийной линии, этот период в историографии «Идегея» в целом можно определить как годы целенаправленной систематизации татарского эпического фольклора;

3) 1960–1980 годы – начальный этап возрождения научного изучения «Идегея» в татарской фольклористике в период после сталинской оттепели и далее национального подъема;

4) 1990-е годы – постсоветский переходной период открытости к новым методологиям;

5) с 2000-го по настоящее время – развитие эпосоведения на новом этапе, в том числе рост внимания к главному эпосу татар «Идегей» при активной поддержке государства, укрепление национальной науки об эпосе.

Рассмотрев историю научного направления эпосоведения в целом и дастана «Идегей» в частности в такой последовательности, далее будем иметь в виду, главным образом, факты, имена и события и по возможности тех или иных исследований по татарскому народному дастану. Краткий очерк истории изучения дастана «Идегей» в татароведении позволит расширить знания о татарской эпической культуре через популяризацию татарской версии и вариантов дастана и научных исследований в данной области.

Сбор материалов по эпосу «Идегей» в местах компактного проживания татар началась лишь с середины XIX века. Тексты «Идегея» опубликованы, исследованы и анализированы в трудах таких ученых, как, А.Л. Ходзько [51, с. 348 – 362], И.Н. Березин [38, с. 59 – 76], Н.С. Семенов [27, с. 412 – 487; 33, с. 469 – 481], Ч.Ч. Валиханов [48, с. 265 – 273], В.В. Радлов [34, с. 99–117; 199–208; 267–276; 208–140], П.М. Мелиоранский [19, с. 2–24], А.Н. Самойлович [35, с. 186–211], П.А. Фалёв¹, позднее – В.М. Жирмунский [7, с. 349–386], Е.М. Мелетинский [18, с. 586–587] и др. Ученые обращаются к текстам «Идегея» в разных вариантах, преподносят их научному обозрению как ценный тюркский героический эпос.

В XIX веке востоковед А. Ходзько записал у татарина в Астрахани один из вариантов «Идегея». К сожалению, оригинал этого варианта «Идегея» из уст первоисточника не сохранен. Сам А. Ходзько пишет, что материалы «... были сообщены мне (А. Ходзько – Л.М.) одним из моих татарских друзей Али Бегом Шарাপовым зимой 1830 года, во время моего пребывания в Астрахани. Будучи человеком ученым и прекрасно владея родным языком, он объяснил мне их смысл, слово в слово переводя на персидский язык, и я записал их под диктовку» [51, с. 347]. Текст, устно переданный на татарском языке, переведен сначала самим сказителем А. Шарапovым на персидский язык, затем А. Ходзько – на английский язык и им же издан в Лондоне [51]. Текст дастана под названием «Песнь об Идигее», записанный А. Ходзько, в переводе на русский язык также издан в сборнике Н. Семенова [33, с. 469 – 481]. Следует отметить, что в этом варианте на первый план выдвигалось стремление татарского батыра Идегея освободить свой народ от власти Чингизидов. Поскольку формирование и распространение эпоса «Идегей» охватывает широкий временной промежуток и в художественно-контаминационной форме отражает реальные события, в дастане обращает на себя внимание тот факт, что исторические сведения весьма разбросаны внутри произведения. Известные эпические мотивы прочно укоренились в сюжете варианта А. Ходзько. Несмотря на то, что эпос дошел до нас довольно сложным путем, легко заметить, что он обладает характерным для эпоса изобразительным языком. В нем легко улавливаются знаменитые мелодии Сьбра-жырау, вос-

¹ Введение в изучение тюркских литератур и наречий. Лекции, чит. проф. П.А. Фалёвым в 1921 г. в Туркестанском восточном институте. На правах рукописи. Ташкент // РГБ. Шифр хранения: FB S 45/374.

певаются эпические традиции татарского фольклора. Материал сопровождается вступительным словом и постраничными примечаниями-комментариями А. Ходзько.

В 1895 году Н. Семенов издает варианты «Идегея» в переводе на русский язык. Сведения о первоисточнике ценнейшего текста одного из вариантов дастана в сборнике при этом ограничиваются словами: «Мурза Эдигы. Монгольская эпическая поэма, переведенная с ногайского» [27, с. 413]. Хотя Н. Семеновым эпос приписан к ногайцам и текст «Мурза Эдигы», переведенный на русский язык, назван «монгольской эпической поэмой», понятно, что этнонимы, употребленные чиновником Русского географического общества, этнографом-любителем, не имеет четкого обоснования с научной точки зрения. В предисловии к тексту он относит «Идегей» к «эпохе процветания в юго-восточной Европе монгольского царства, носившего громкое название «Золотой Орды» [27, с. 413], что вносит некую ясность, тому, кого именно он имеет в виду под понятием «монголы». Далее он продолжает: «Не имея целых поэм, ногайцы, или, правильнее говоря, немногие певцы их все-таки в достаточной мере знакомы с содержанием этих памятников монгольского творчества и охотно сообщают его любознательным слушателям... Пелись эти отрывки, разумеется, по татарски и потом переводились для меня на русский язык опытным толмачем» [27, с. 413]. Н. Семенов пишет, что со слов певцов эпос он записал по-русски, в то же время отмечает, что преимущественно пользовался имеющимися у них рукописными сборниками на татарском языке [27, с. 414]. (Несколько отойдя от темы, здесь обратим внимание на то, что в Астраханской губернии в начале XIX века устно сказанный эпос еще и записывали. «Имеющиеся у них (т.е. у татар. – Л.М.) рукописные сборники на татарском языке» лишний раз подтверждают справедливость применения термина «книжный» в отношении татарского эпоса [30, с. 51–66]. Это феноменальное явление – отражение книжной традиции в эпосе. Примечание С. Семенова еще раз доказывает параллельное существование в определенный период устной и книжной разновидности эпоса, что было характерно для эпической культуры именно татар).

Вернемся к переводу текста «Идегея» Н. Семенова. Как известно, в монгольской эпической традиции не существовала эпическая поэма под названием «Эдыге» («Идегей»), да и сам текст безоговорочно созвучен с другими версиями и вариантами тюркского «Идегея», где фигурируют исторические лица периода Золотой Орды времен эмира Идегея. К тому же имеется заявление самого Н. Семенова, что произведение распевали именно татары – хозяева дома, у которых гостил ученый. Все эти факты и единая историческая основа произведения говорят в пользу вердикта, что текст, над которым работал Н. Семенов, был именно татарским, записанным из уст татарина. Однако недомолвки некоторых деятелей XIX века в национальном вопросе по сегодняшний день оставляют место необходимости внесения ясности спорам в отношении принадлежности сегодня вариантов «Идегея» к тому или иному тюркскому народу.

Известны татарская, казахская, каракалпакская, ногайская, узбекская и др. версии дастана в различных вариантах. Текст, который представлен в хрестоматии Н.И.Березина как туркменский [38], на самом деле, как показал Ф. Урманчеев, является татарским вариантом, зафиксированным на письме в

середине XIX в. [39, с. 8]. Известно, что в верности указания языка данной версии в источнике туркменским усомнился и П.М. Мелиоранский [19, с. 3.]. По лингвистическим особенностям этот памятник относится к казанскому, т.е. среднему диалекту татар [42, с. 125]. Здесь уместно будет в общем подчеркнуть, что принадлежность тому или иному народу многих версий и вариантов, тенденциозно «присвоенных» в последние десятилетия в глобализованном мире некоторыми деятелями еще предстоит подвергнуть к глубокому и комплексному научному исследованию, прежде чем назвать тот или иной вариант «Идегея» эпосом, например, ногайского народа.

Наряду с фиксацией в XIX веке А. Ходзько, Н. Семенова, записанные и изданные Ч. Валихановым арабографические тексты также являются одним из самых ранних трудоемких работ по дастану «Идегей». В 1841–1842 гг. он записал объемный вариант «Идегея», затем текст сам же перевел на русский язык [48, с. 265–273; 29, с. 2–24]. Среди всех текстов, зафиксированных в XIX веке, версия под названием «Идеге бий», записанная Ч. Валихановым, считается наиболее композиционно-целостной и совершенной со стороны соотношения произведения к художественности [37, с. 334]. По сегодняшний день безоговорочно считающийся ногайским вариантом текст по лексическому и морфологическому составу языка легко воспринимается даже современным татарским читателем. Учитывая, что казахи и среднеазиатские народы в то время всех татар также называли ногаями, не удивительно, что татарские варианты иногда названы как ногайские. Безусловно, термин ногай в это время использовался в качестве некоего зонтичного термина по отношению в тюркским народам западнее казахов.

Записи и издания дастана об Идегее В.В. Радлова [34, с. 99–117; 199–208; 267–276; 208–140] в нескольких вариантах с названиями «Идеге пи», «Токтамыш хан» (в двух вариантах), «Аксак Тимир», «Йыр» («Песнь») – кладь, найденный и зафиксированный в конце 60-х гг. XIX столетия. Стиль и сюжет фольклорных материалов об Идегее, представленные В.В. Радловым, выступают как части единого целого и это позволяет рассматривать их как цикл, в центре которого – фигура Идегея и тема губительного для государства раздора между правителями. Следуя В.М. Жирмунскому, отмечаем, что эти варианты дастана об «Идегее» «принадлежат к числу наиболее полных и хорошо сохранившихся» [7, с. 352]. Об информантах данных вариантов дастана нет подробных сведений, кроме того, что сам В.В. Радлов указывает, что записал их у барабинских («Идеге пи») и тобольских («Токтамыш хан», «Йыр») татар.

Сложный и неординарный путь татарской историографии «Идегея» в XX веке продолжается немалым размахом. В 1908 году в литературном и политическом журнале «Шура» на татарском языке издается очерк «Идегэ морза» («Мурза Идегей»), посвященный историческим событиям и взаимодействиям личностей периода распада Золотой Орды [11, с. 225–231], где основное внимание уделяется деятельности эмира Идегея. В 1917 году этот же журнал издает один из вариантов дастана под названием «Идегэ батыр», записанный Абубакиром Диваевым [6]. Помимо изданных текстов, записанных еще в самом начале XX в., в фондах Центра письменного наследия «Мирасханэ» Института языка, литературы и искусства (ЦПН ИЯЛИ) им. Г. Ибрагимова АН РТ хранятся до сих пор не изданные варианты «Идегея», записан-

ные деятелями татарской общественности в одно и то же время с вышеупомянутыми списками дастана. Так, например, известны варианты, переданные в архив главным редактором журнала «Мугаллим», учеником Акмуллы Хасаном Гали², учителем в Астраханской губернии Д. Батиевым³ и др.

В 1915 году в селе Большое Бурнашево Усть-Ишимского района Тарского округа нынешней Омской области Хафиз Рахматуллин записал «от деда Гафура» один из татарских вариантов «Идегея». Дастан привлекает внимание своим более оригинальным сюжетом, значительной поэтической составляющей. 42-х страничный текст был передан собственноручно Х. Рахматуллиным в фонды ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова в 1940 году. Данный вариант дастана, будучи редким фольклорным произведением, бытовавшим устно и записанным Х. Рахматуллиным, ценен тем, что сохраняет признаки традиционного тюркского эпоса, соответствует духу историко-героических дастанов. Как исторический источник он отражает события распада Золотой Орды на татарские ханства, повествует о ханах, эмирах, беках.

Кроме этого в 1917 году Х. Рахматуллиным записаны еще два варианта «Идегея» [Более подробно см.: 22, с. 792–816]. В силу политических событий и неблагоприятных обстоятельств, созданных с 1940 годов вокруг татарского дастана «Идегей», варианты Х. Рахматуллина, так же как и текст перевода, долгое время оставались вне должного внимания исследователей. В несколько сокращенном виде один из вариантов дастана был опубликован в газете Кызыл Татарстан в 1940 году [13].

В эти же годы Нигматуллой Хакимовым (Нигмат Хаким, 1899–1937) был составлен татарский сводный текст дастана «Идегей»⁴. Первоначально произведение было записано в 1919 г. в Сибири в селе Еланлы Тобольской губернии Тарского уезда из уст татарского чичана-сказителя Ситдика Зайнетдинова (1854–1927). Впоследствии ученый отослал обработанный им текст профессору Ленинградского университета А.Н. Самойловичу с просьбой написать вступительное слово и издать его. Известно, что А.Н. Самойлович передал рукопись Н. Хакима своему ученику П.А. Фалёву, занимавшемуся сбором и изданием различных версий эпоса «Идегей». Отметим высокую оценку текста дастана со стороны А.Н. Самойловича: «Запись сказания о Едигее и Тохтамыше, произведенная Н. Хакимовым со слов Сыдык-карта ... является обширной и наиболее в литературном отношении ценной» [35, с. 187]. [Более подробно см.: 29, с. 544–545].

Начиная с конца XX века по сегодняшний день тема деятельности Н. Хакима по собиранию, обработке и изучению вариантов «Идегея» затронута некоторыми исследователями. В. Хаков [46, с. 13], И. Надиров [32, с. 104], Ф.В. Ахметова-Урманче [37, с. 334], Л.Х. Мухаметзянова [30, с. 118–121], И.М. Миргалеев и др. [22, с. 804–805.] официально передают огласке вклад Н. Хакима в создание татарской версии «Идегея», высоко оценивают его роль в деле изучения, сохранения и популяризации дастана. «Идегей», записанный у Ситдыка Зайнетдинова в обработке Н. Хакима был подготовлен к печати и опубликован ученым-фольклористом Ф.В. Ахметовой-Ур-

² Идеге // ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 52. Ед. хр. 173.

³ Сказание о Едигее // ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ Ф. 52. Ед. хр. 175.

⁴ Идегэ дастаны // ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 240.

манче в 2003 г. [3, с. 102–135]. Текст также включен в сборник «Татар эпосы. Дастаннар» [37, с. 286–331]. Отметим важность для науки сохранность в варианте Н. Хакима эпических традиций. Данный вариант татарского «Идегея» – один из самых стадильно ранних полных вариантов в смешанной форме.

Таким образом, начиная с начала 1900-х гг. дастан «Идегей» оказывается в центре особого внимания татарских ученых-литературоведов, равно как и некоторых представителей не научной татарской интеллигенции, видевших в нем своего рода фундамент татарского эпоса. В начале XX в. обращение Х. Гали, Д. Батиева, Х. Рахматуллина, Н. Хакима, журнала «Шуры» и др. к теме «Идегея», поиск ими сказителей дастана является сугубо личной инициативой представителей татарских собирателей эпического фольклора в свое время, глубоко осознавших значение дастана для татарского народа. Однако фактический интерес к «Идегею» в XX столетии шел еще с прошлых веков. Но а более организованные научные предпосылки тому были сложены со времен деятельности Академического центра в ТАССР, которым были приняты первые меры государственного характера по обеспечению развития татарской науки. Наряду с другими деятелями, вокруг Академического центра были объединены и такие видные ученые и специалисты, как Г. Ибрагимов (1887–1938), Х. Бадиги (1887–1940), Г. Рахим (1892–1943), Г. Губайдуллин (1887–1937) и др., внесшие заметный вклад в фольклористику как науку еще на начальном этапе ее развития. Кроме того, большую роль в становлении и развитии изучения знаменитого татарского эпоса сыграл выдающийся ученый Н. Исанбет (1899–1992). Академцентр, созданный как структурное подразделение Наркомата просвещения ТАССР (1921–1930), став координирующим центром с его деятелями, весьма компетентными в вопросах национальной истории и культурного эпического наследия татар, равным образом благоприятно повлиял на ход событий по изучению «Идегея» и других эпических произведений татар.

С начала образования в 1939 г. ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (первоначальное название – Научно-исследовательский институт татарского языка, литературы и истории) под руководством Хамита Ярми (Х. Ярмухаметов, 1904–1981) интересы вокруг «Идегея» взошли на совершенно новый уровень, приобретая еще более структурированную и планомерную форму. Со времени образования подобного рода научного центра в Казани ученые стали выдвигать новаторские концепции, которые оказывали воздействие на ход научных исследований, а также на общественное мнение о народном творчестве, в том числе и об эпосе «Идегей». Это повлияло на возрастание внимания со стороны научных кругов к текстам дастана: появились научные статьи [50]; простые обыватели стали отправлять по почте или приносить ценные материалы по «Идегею» в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Начиная, с 1940 года фольклорные экспедиции фронтально охватили все районы Татарстана. В последующие десятилетия был собран фольклор татар, компактно проживающих в разных регионах страны. Интенсивную и целенаправленную работу по сбору записи новых материалов «Идегея» с 1939 года вел ученый-фольклорист Х. Ярми. Во время экспедиций им лично обнаружены и изучены несколько вариантов дастана в Омской, Тюменской, Новосибирской областях.

В марте 1940 года ИЯЛИ провел специальное совещание с участием ученых, писателей и народной интеллигенции по изучению дастана «Иде-

гей». Был поднят вопрос пополнения эпического фонда, организации научных экспедиций для собирания новых вариантов дастана. Сформировали инициативную комиссию, которой была поручена работа по организации официального обращения в правительство ТАССР с целью проведения мероприятий, посвященных 500-летию «Идегея». 27 апреля в союзе писателей Татарстана был заслушан доклад Н. Исанбета о дастане «Идегей» [49, с. 100]. В содержательном выступлении он остановился на истории дастана и наличии достаточного фольклорного материала для желающих изучать этот дастан. Сразу после этого в мартовском номере 1940 года в хронике литературно-художественного и общественно-политического журнала «Совет эдэбияты» («Советская литература») появилось обзорное сообщение о начале изучения татарского народного эпоса «Идегей» [9, с. 97].

Все эти мероприятия свидетельствует о наличии грамотных и квалифицированных ученых-гуманитариев, имеющих высокий потенциал и подготовленность к проведениям обширных исследований о дастане уже к началу XX века и о полной расположенности в этот период татарской общественности к «Идегею».

К концу 30 – х гг. XX в. Н. Исанбет собрал тексты всех известных изданных вариантов, помимо этого использовал результаты собственных фольклорных экспедиций [44, с. 130], записанных у татар, проживающих в Сибири, на Урале. Как пишет Ф. Урманчеев он в равной мере обратился и к рукописным вариантам дастана, найденным в Поволжье [39, с. 7]. Имея под рукой богатый фактический материал по дастану «Идегей», он интенсивно занимался его обработкой. Как плод кропотливого труда к этому времени им был составлен объемный поэтический текст дастана, где использован большой пласт народного дастана об Идегее в разных вариантах. В фондах ЦПН хранится список, где сам Н. Исанбет указывает все тексты, примененные для создания сборного «Идегея» в стихотворной форме⁵.

Разумеется, большой пласт он поднимал совместно с учеными Научно-исследовательского института татарского языка и литературы во главе заведующего сектором фольклористики Х. Ярми. В группе данного коллектива кроме Н. Исанбета и Х. Ярми были Ш. Маннур и Х. Гатина [30, с. 116–117]. К глубокому сожалению, материалы и текст дастана, подготовленные группой ученых и литературоведов, по объективным причинам эпохи не были изданы отдельной книгой. Сводный вариант дастана «Идегей», подготовленный коллективом, был опубликован лишь в 1988 году [12].

К довершению всего результат работы Н. Исанбет все же опубликовал: текст поэтического «Идегея» был издан в 1940 году в 11 и 12 номерах журнала «Совет эдэбияты» [16, № 11, с. 39–76, № 12, с. 34–82]. Текст дастана в журнале сопровождается вводной статьей Н. Исанбета [16, № 11, с. 77–92, № 12, с. 83–98]. В ней исследователь выявляет исторические основы «Идегея»; описывает динамику его формирования; упоминает о предшествующих публикациях об «Идегее»; проводит сравнительно-типологический анализ сюжета, мотивов, выделяет особенности тюркских вариантов; рассматривает ряд дискуссионных моментов по дастану; апробирует принципы создания

⁵ Материалы об «Идегее». 1940 год // ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 201.

сводного текста эпоса. Н. Исанбет высоко оценивает историко-литературное значение «Идегея» и поддерживает инициативу научного изучения национальной версии в широком плане и подробно рассматривает проблемы, связанные с этим направлением.

В фондах ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ имеется оригинал рукописи (машинопись) рецензии С. Баттала⁶, написанный им на статью Н. Исанбета, опубликованной в 1940 г. В том же фонде имеется документ под названием «Пояснение к народному эпосу «Идегей», где зафиксированы развернутые комментарии в 98 пунктах к тексту дастана «Идегей»⁷. Все эти документы до сих пор не обнародованы и до конца не изучены в систематическом плане.

Наки Исанбет пишет, что «Буржуазные историки ... скрыли тот факт, что Идегей является народным героем, пользовавшимся симпатией низших слоев населения. ... Идегей является представителем татарского народа и живя в центре страны Идегей пошел войной против татарских же ханов и аристократии»⁸. Для своего времени поддерживающие слова в адрес исторического Идегея смело оправдывают действия его эпического образа. Н. Исанбет видел в Идегее народного героя, богатыря, признавал его исторически реальным лицом, который организовал массы на борьбу против Токтамыш хана. «Идегей» Наки Исанбета – сборный вариант дастана, талантом Н. Исанбета возведенный в поэтическую форму. О вкладе Н. Исанбета в историографию дастана много место уделено в исследованиях Н. Ханзафарова [47, с. 104 и др.] и М.М. Хабутдиновой [43, с. 181–201 и др.].

В 1944 году поэт Семен Липкин по подстрочному переводу с татарского на русский язык, выполненному А. Нарбековым и А. Гаязовым, сделал поэтический перевод народного эпоса «Идегей». В том же году в клубе им. Г. Тукая перевод был представлен вниманию общественности, где высказали мнения о необходимости скорейшего издания произведения на русском и татарском языках. Об этих мероприятиях по продвижению дастана «Идегей» была издана статья в газете «Кызыл Татарстан»[36].

Однако уже в начале 1940-х гг. научную работу по исследованию данного эпического памятника татар пришлось прекратить в связи с известным постановлением Центрального Комитета ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы Татарской партийной организации», в котором татарские учёные были обвинены в национализме, идеализации истории Золотой Орды, в приукрашивании и популяризации «ханско-феодального» эпоса «Идегей». Не только «Идегей», но и другие произведения эпической традиции татар на годы были исключены из орбиты научных исследований. Правящая партия таким образом приковало внимание официальных научных организаций своего времени к проблеме необходимости ведения систематической контролируемой пропаганды по отно-

⁶ Баттал С. Казан тел, әдәбият институтына. 6.04.1941. Материалы об «Идегее». Машинопись на татарском языке // ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 52, оп. 1., ед.хр. 198. Инв. 498.

⁷ Пояснения к народному эпосу «Идегей». На 27 листах. 26 сентября 1941 г. // ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 52, оп. 1., ед.хр. 210.

⁸ Об эпосе «Идегей». Восстание идегеистов и социально-исторические причины, способствовавшие возникновению этого эпоса. Машинопись на 38 листах // ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Фонд 52, оп. 1., ед.хр. 192.

шению к дастану «Идегей». И только со второй половины XX в. ученые получили возможность вновь заняться изучением эпоса «Идегей».

Подготовленный в 1944 г. и оставшийся в рукописном виде поэтический перевод С. Липкина увидел свет лишь в 1990 г. [15]. Научным редактором издания является М.А. Усманов. Авторами подстрочного перевода указаны А. Нарбеков и А. Гаязов. В книге дается словарь по тексту дастана [15, с. 241–246]. Здесь же опубликована статья М.А. Усманова «О трагедии и трагедиях людских» [15, с. 247–254], где ученый кратко описывает историю дастана и делает вывод, подчеркивающий малоизученность и взаимосвязь с реальной историей выдающегося эпоса татар: «Такова и весьма сложная, и очень простая история дастана «Идегей». Сам эпос так же прост, как просты конечные судьбы его героев. Одновременно он весьма сложен, как диалектически противоречива отображаемая им действительность» [15, с. 254].

Далее на новом этапе изучения эпоса труды Ф.И. Урманчеева [39; 40, с. 167–347], Ф.В. Ахметовой-Урманче [37], И. Надилова [32, с. 103–106; 12, с. 5–10], Л.Х. Мухаметзяновой [29, с. 537–550; 31, с. 90–92; 26, с. 356–370; 28], И.Г. Закировой [8, с. 210–222], Д.М. Исхакова [17, с. 72–110], И.М. Миргалеева [21; 22, с. 792–816; 35, с. 60–70], М.М. Хабутдиновой [43, с. 181–201] имеют большое теоретическое значение в историографии дастана.

Систематическое исследование татарских вариантов дастана «Идегей», как часть тюркского эпоса, бесспорно связано с именем известного татарского ученого, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РТ Фатыха Ибрагимовича Урманчеева [39; 41, с. 84–88; 40, с. 167–347 и др.]. Именно под его руководством началось целенаправленное изучение эпоса татар, в том числе и «Идегея» с разных аспектов, проводились и проводятся специальные исследования монографического характера, выясняющие своеобразие исторического развития национального эпоса и его жанровую специфику. Ф. Урманчеев «привлекал к рассмотрению все имеющиеся татарские печатные и архивные варианты дастана» [29, с. 541].

Современные исследователи регулярно обращаются к архивным документам об «Идегее», которые имеются в фондах ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Некоторые варианты дастана описываются в статье И.М. Миргалеева и его соавторов [22, с. 792–816] «К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Идегее». В статье сделан подробный обзор и попытка систематизации архивных и опубликованных вариантов татарской версии дастана «Идегей». Авторы вводят в научный оборот неисследованные варианты, составляют список текстов, дают им структурный и текстологический анализ. Как верно отмечают авторы данного исследования, «архивные варианты дастана, за небольшим исключением, никогда и нигде не публиковались» [22, с. 804].

М.И. Ахметзянов [2, с. 7] опубликовал статью, посвященную жизни и творчеству Х. Рахматуллина, где упоминается о его деятельности по собиранию и изданию дастана «Идегей». В 1999 г. В.И. Хайруллина защитила кандидатскую диссертацию на тему «Народный эпос «Идегей» и его исторические основы» [45]. Ф.М. Валиуллиной в 2005 г. защищена диссертация на соискание кандидата филологических наук на тему «Национально-мифологические и религиозные мотивы в дастане «Идегей» 5]. И.И. Ямалтдинов [49, с. 99–103] в своей монографии обращает внимание на проблему ведения сис-

тематической контролируемой советской властью пропаганды по отношению к дастану «Идегей». М.Х. Бакиров в своем монографическом труде, написанном с учетом фундаментальных и новейших достижений фольклористики, делает упор на эпический историзм дастана «Идегей» [4, с. 194–215].

В 2006 г. в Казани вышло в свет новое иллюстрированное издание дастана «Идегей» на татарском и русском языках [10]. Татарский текст представляет собой поэтический вариант Н. Исанбета, а «Идегей» на русском языке – известный перевод С. Липкина. Иллюстрации Байназара Альменова. Смущает тот факт, что издание вышло без содержательной вводной статьи о бесценной жемчужине духовного наследия татар. В конце книги имеется статья Д.К. Валеевой об иллюстрациях Байназара Альменова к эпосу «Идегей» [10, с. 510–521], где констатируются некоторые известные факты о дастане, описывается путь художника к дастану. Книга оснащена комментариями и пояснениями к тексту» [10, с. 522–533].

Д.М. Исхаков в объемной статье «“Идегей” дастанының серләре» («Тайны дастана “Идегей”») основательно анализирует дастан с точки зрения его значения в национальной истории татар [17, с. 72–110]. Примечательно и то, что имя Идегея также встречается во многих татарских родословных-шежере [1, с. 55]. Ф. Миннуллина обращается к дастану «Идегей» с целью анализа литературного воплощения героя в драматургии [20]. Литературовед М.М. Хабутдинова ведет огромную работу по изучению жизни и деятельности Н. Исанбета, внесшего большой вклад в изучение татарского дастана «Идегей». В своих исследованиях ученый предают гласности и вводит в научный оборот использованные поэтом для возрождения дастана в XX столетии фольклорные материалы [43, с. 181–201].

В наши дни появился еще одно издание текста дастана «Идегей» в переводе на русский язык [14]. Несколько лет назад перевод был осуществлен Равилем Бухараевым, книга издана в 2023 г. Литературный пересказ Р. Бухараева основывается на варианте Н. Исанбета, в тексте дастана преобладает проза. Книга сопровождается вводной статьей И.В. Зайцева и Т.А. Аникеевой «Идегей легендарный и Идегей исторический» [14, с. 8–13], где авторы сосредотачивают внимание на то, что «эпос об Идегее является неотъемлемой частью исторической памяти казанских татар» [14, с. 8]. В издании имеются комментарии к тексту [14, с. 180–188] и словарь для исторических слов, встречающихся в дастане [14, с. 189–191]. Научным консультантом издания является И.М. Миргалеев, внесший большой вклад и как редактор перевода. Книга достойна положительной оценки, пополняет ряд достижений в истории развития «Идегея» и татарской эпической культуры в целом уже в новом веке.

В 2023 г. переведен на татарский язык и издан вариант, записанный в XIX веке востоковедом А. Ходзько у Али Шарапова в Астрахане. Как уже написали выше, на языке оригинала текст до наших дней не дошел. Текст, бытовавший в XIX веке и записанный у татарина, снова вернулся, если не в исходный, то в близкий первоначальный вид, т.е. был реконструирован Л.Х. Мухаметзяновой и опубликован на современном татарском языке [24, с. 167–172]. Л.Х. Мухаметзяновой проделана научно-текстологическая работа также по обработке и изданию одного из текстов, записанных Х. Рахматуллиним в 1917 г. [25, с. 4–17].

Начало складывания татарского героического эпоса «Идегей» охватывает начало XV в. и до начала XX в., а татарская историография дастана начинается с 30 – х годов XIX века. Тем не менее в течение неполных двух столетий она набрала полные обороты и к сегодняшнему дню имеет весьма богатую историю. Исследователи сумели определить состав постепенно зафиксированных текстов, разработать целый ряд научных подходов, идей и теорий, которые взаимно дополняли друг друга.

Татарская историография дастана «Идегей» представляет собой особую ветвь татарской фольклористики, исторической науки и татароведения в целом. В разное время изучение «Идегея» татарскими учеными получало творческие импульсы от известных науке к тому времени текстов дастана. Смысловой и временной осью становления объектом изучения дастана «Идегей» в первую очередь явилось обилие материалов в устах информантов, некоторые из которых ученым удалось записать в свое время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. 128 б.
2. Әхмәтжанов М. Фольклорчы Хафиз Рәхмәтуллин // Татар иле. 2005. № 23–24. С. 7.
3. Әхмәтова-Урманче Ф. Һәр документның – үз язмышы. Идегей. Татар халык дастаны // Казан утлары. 2003. № 9. Б. 102–135.
4. Бакиров М. Татарский фольклор. Казань: Ихлас, 2012. 400 с.
5. Валиуллина Ф.М. Национально-мифологические и религиозные мотивы в дастане «Идегей». автореф. дис. ... канд. филол.н. Казань, 2005. 24 с.
6. Диваев Ә. Идегә батыр // Шура. 1917. № 15. Б. 357–360; № 16. Б. 382–384.
7. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 727 с.
8. Закирова И.Г. Эпическая биография Идегея в татарском фольклоре // Золотоордынское наследие. Сб. посвящен 1100-летию принятия ислама народами Волжской Булгарии. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2023. С. 210–222.
9. «Идегей» дастанын өйрәнү // Совет әдәбияты. 1940. № 3. Б. 97.
10. Идегей. На татарском и русском языках. Казан: Тат. книж. изд-во, 2006. 535 с.
11. Идегә морза // Шура. 1908, № 8. Б. 225–231.
12. Идегей: Татар халык дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. 254 б.
13. Идеге (Итук батыр) // Кызыл Татарстан. 1940. 1 ноябрь. № 15.
14. Идегей. Татарский народный эпос. В пересказе Р.Бухараева. Гл. ред. Р. Сулейманов. М.: Фонд Марджани, 2023. 192 с.
15. Идегей. Татарский народный эпос. Казань: Тат. книж. изд-во, 1990. 256 с.
16. Исәнбәт Н. Татар халык эпосы «Идегей» дастанының 500 еллыгы // Совет әдәбияты. 1940. № 11. Б. 39–92, № 12. С. 34–98.
17. Исхаков Д.М. Халкыбызның эпик әсәрләрендә милли тарих. («Түләк һәм Сусылу», «Ак Күбәк», «Идегей», «Чура батыр» дастаннары һәм тарихи риваятьләргә анализ): монография. Казан: ООО «Грумант», 2022. 160 с.
18. Мелетинский Е.М. Кипчакский эпос о ногайских богатырях // История всемирной литературы. В 9 томах. Т. 3. М.: Наука, 1985. С. 586–587.
19. Мелиоранский П.М. Сказание о Едигее и Токтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч.Ч. Валиханову. Издал проф. П.М. Мелиоранский. СПб.: Типо-литография И. Боранского и Ко, 1905. 67 с.
20. Миннуллина Ф.Х. Образ Идегея в татарской драматургии // Василий Манчаары: образ и концепт национального героя в истории и культуре народов Евразии.

Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Сер. «Электронные издания Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия)» Якутск, 2022. С. 115–120.

21. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.

22. Миргалеев И.М., Фазлутдинов И.И., Закирова И.Г. К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Идегее // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 792–816. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816> EDN: ИКМІЈА

23. Миргалеев. Дастан «Идегей» с исторической точки зрения // Южный и Средний Урал от хана Бату до Николая I. Материалы научной конференции. Челябинск, 2023. С. 60-70.

24. Мөхәммәтжанова Л. Янә «Идегәй» хакында. «Идегәй» дастаның Александр Ходзько тарафыннан язып алынган варианты. Казан утлары. № 9 (1211). 2023. Б. 167–172.

25. Мөхәммәтжанова Л.Х. «Идегәй» – халык дастаны // Безнең мирас. 2020. № 2. С. 4–17.

26. Мөхәммәтжанова Л.Х. «Идегәй» дастаны // Татар әдәбияты тарихы. Сигез томда. 1 т.: Борынгы чор һәм Урта гасырлар. Үзгәрт. 2 нче басма. Казан: Татар.кит. нәшр., 2021. Б. 356–370.

27. Мурза Эдыге // Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. Рассказы, очерки, исследования и заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцах и образцы поэзии этих народцев. СПб.: тип. А Хомского и Ко, 1895. С. 412–487.

28. Мухаметзянова Л.Х. Еще раз о главном эпосе «Идегей»// Эпическая культура татар. Дастаны. Казань, 2023. 120 с.: ил. (Сер. Обычаи и традиции татарского народа).

29. Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос «Идегей»: эхо сквозь столетия // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 537–550. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550>.

30. Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос: книжные дастаны. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2014. 380 с.

31. Мухаметзянова Л.Х. От Поволжья до Сибири: ареал распространения татарского эпоса «Идегей» // Сибирский форум фольклористов. Тезисы докладов к 90-летию со дня рождения А.Б. Соктоева, основателя серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Отв. ред. Е.Н. Кузьмина. Новосибирск, 2021. С. 90–92.

32. Надиров И.Н. Народный эпос «Идегей» // Средневековая татарская литература (VIII–XVIII вв.) Казань: Фэн, 1999. С. 103–106.

33. Песнь об Идигее // Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. Рассказы, очерки, исследования и заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцах и образцы поэзии этих народцев. СПб.: тип. А Хомского и Ко, 1895. С. 469–481.

34. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. Сост. Ф.Ф. Юсупов. Казань: Татар. книж. изд-во, 2012. 519 с.

35. Самойлович А.Н. Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым // Тюркологический сборник. 1972. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литературы. С. 186–211.

36. Татар халык эпосы «Идегәй»нең русчага тәржемәсе // Кызыл Татарстан. 1944, 11 июнь.

37. Татар эпосы. Дастаннар. Төзүчесе, кереш мәкалә һәм комментарийлар авторы – Әхмәтова-Урманче Ф.В. Казан: Раннур, 2004. 640 б.

38. Токтамыш хан хикаяте // Березин И. Турецкая хрестоматия. В 3-х т. Т.2. Казань: Тип. Ун-та, 1862. С. 59–76.

39. Урманче Ф. Народный эпос «Идегей». Казань: Фэн, 1999. 200 с.
40. Урманчиев Ф.И. Татарский народный эпос. Казань: ИЯЛИ, 2023. 384 б.
41. Урманче Ф.И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек. 3 томда. Т. 2 (Д – С). Казан: Мәгариф, 2009. 343 б.
42. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1972. 223 с.
43. Хабутдинова М.М. Вклад Наки Исанбета в изучение Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, №1. С. 181–201. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.181-201> EDN: NZKGGK
44. Хабутдинова М.М., Хабибуллин Ф.А. Наки Исанбет об искусстве сказительства. *Tatarica*. 2021; 17(2). С. 119–140. <https://doi.org/10.26907/2311-2042-2021-17-2-119-140>.
45. Хайруллина В.И. Народный эпос «Идегей» и его исторические основы: автореф. дис. ... канд. филол.н. Казань, 1999. 22 с.
46. Хаков В. Нигъмәт Хәким (1889–1938). Тууына 110 ел тулу уаеннан // Мәдәни жомга. 1999, № 12 (76), 24 декабрь.
47. Ханзафаров Н.Г. Нәкый Исәнбәт драматургиясе. Жанр, конфликт һәм героика проблемалары. Татар. кит. нәшр., 1982, 192 б.
48. Эдигей // Валиханов Ч.Ч. Сочинения Чокан Чингисовича Валиханова / Под ред. и с предисл. Н.И. Веселовского. СПб.: Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии., 1904. Т. XXIX. С. 265–273.
49. Ямалтдинов И.И. Татарская фольклористика 20–60-х гг. XX века. Собрание, публикация и научное изучение фольклора. Казань: ИЯЛИ, 2016. 184 с.
50. Ярми Х. «Идегәй» дастаны // Совет әдәбияты. 1940 № 5/6. Б. 163–178.
51. Chodzko A. Astrakhan tatar songs. *Adiga // Specimens of the popular poetry of Persia*. London, 1842. P. 348–362.

REFERENCES

1. Akhmetzyanov M.I. Tatar genealogies. Kazan: Tatar Book Publ., 1995. 128 p. (In Tatar)
2. Akhmetzyanov M.I. Folklorist Hafiz Rakhmatullin. *Tatar ile*. 2005, no 23–24, pp. 7. (In Tatar)
3. Akhmetova-Uрманче F. Each document has its own destiny. Idegey. Tatar folk dastan. *Kazan Utlari*. 2003, no 9, pp. 102–135. (In Tatar)
4. Bakirov M. Tatar folklore. Kazan: Ikhlās. 2012. 400 p. (In Tatar)
5. Valiullina F.M. National-mythological and religious motives in the dastan “Idegey”: Abstract of a dissertation for an academic degree Candidate of Philological Sciences. Kazan, 2005. 24 p. (In Russian)
6. Divaev A. *Idegey batyr*. *Shura*, 1917, no. 15, pp. 357–360, no. 16, pp. 382–384. (In Tatar)
7. Zhirmunsky V.M. The Turkic heroic epos. Leningrad: Nauka. Leningrad Branch, 1974. 725 p. (In Russian)
8. Zakirova I.G. Epic biography of Idegey in Tatar folklore. Golden Horde Heritage. Sat. dedicated to the 1100th anniversary of the adoption of Islam by the peoples of Volga Bulgaria. Vol. 5. Kazan: Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2023. pp. 210–222. (In Russian)
9. The study of the epos “Idegey”. *Sovet edebiyaty=Soviet literature*. 1940, no. 3, p. 97. (In Tatar)
10. *Idegey*. In Tatar and Russian languages. Kazan: Tatar Book Publ., 2006. 535 p. (In Tatar and Russian)
11. Idegey Murza. *Shura*. 1908, no. 8, pp. 225–231. (In Tatar)

12. Idegey: Tatar folk Dastan. Kazan: Tatar Book Publ., 1988. 254 p. (In Tatar)
13. Idegey (Ituk Bogatyr). *Kyzyl Tatarstan*. 1940. November 1, no. 15. (In Tatar)
14. *Idegey*. Tatar folk epic. Retold by R. Bukharaev. Chief Editor R. Suleymanov. Moscow: Marjani Foundation, 2023. 192 p. (In Russian)
15. Idegey. Tatar folk epic. Kazan: Tatar Book Publ., 1990. 256 p. (In Russian)
16. Isanbet N. 100th anniversary of the Tatar folk epic «Idegey». *Sovet edebiyaty = Soviet literature*. 1940, no. 11, pp. 39–92; no. 12, pp. 34–98. (In Tatar)
17. Iskhakov D.M. *National history in folk epic works*. (Analysis of the dastans «Tulek and Susylu», «Ak Kubek», «Idegey», «Chura Batyr» and historical legends). Monograph. Kazan: Grumant LLC, 2022. 160 p. (In Tatar)
18. Meletinsky E.M. Kipchak epic about the Nogai heroes. *History of world literature*. In 9 vol. Vol. 3. Moscow: Nauka, 1985, pp. 586–587. (In Russian)
19. Melioransky P.M. The Legend of Edigei and Toktamys. Kyrgyz text based on a manuscript that belonged to Ch.Ch. Valikhanov. Published by Prof. P.M. Melioransky. St. Petersburg: Typo-lithography by I. Boransky and Co., 1905. 67 p.
20. Minnullina F.Kh. The image of Idegei in Tatar drama. Vasily Manchaary: the image and concept of a national hero in the history and culture of the peoples of Eurasia. Materials of the All-Russian scientific conference with international participation. Ser. «Electronic publications of the National Library of the Republic of Sakha (Yakutia)» Yakutsk, 2022. pp. 115–120. (In Russian)
21. Mirgaleev I.M. The political history of the Golden Horde during the reign of Toktamys Khan. Kazan: Alma-Lit, 2003. 164 p. (In Russian)
22. Mirgaleev I.M., Fazlutdinov I.I., Zakirova I.G. On the question of studying Tatar variants of the epos about Idegey. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 792–816. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816>. (In Russian)
23. Mirgaleev. Dastan «Idegey» from a historical point of view. *Southern and Middle Urals from Khan Batu to Nicholas I. Materials of the scientific conference*. Chelyabinsk, 2023. pp. 60–70. (In Russian)
24. Mukhametzyanova L. Again about the «Idegey». The version recorded by Alexander Khodzko. *Kazan Utlari*. 2023, no 9, pp. 167–172. (In Tatar)
25. Mukhametzyanova L. «Idegey» is a folk epic. *Beznen miras=Heritage ours*. 2020, no. 2, pp. 4–17. (In Tatar)
26. Mukhametzyanova L.H. Dastan «Idegey». The history of Tatar literature. In 8 vol. Vol. 1: Ancient and Middle Ages. Expanded 2nd edition. Kazan: Tatar Book Publ., 2021, pp. 356–370. (In Tatar)
27. Murza Edyge. Semenov N. Natives of the North-eastern Caucasus. Stories, essays, studies and notes about Chechens, Kumyks and Nogais and samples and samples of poetry of these peoples. St. Petersburg: printing house of A. Chomsky and Co., 1895, pp. 412–487. (In Russian)
28. Mukhametzyanova L.H. Once again about the main epic «Idegü». Epic culture of the Tatars. Dustans. Kazan, 2023. 120 p. (Series Customs and traditions of the Tatar people). (In Russian)
29. Mukhametzyanova L.Kh. The Tatar Epic «Edigü»: An Echo through the centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 537–550. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550>. (In Russian)
30. Mukhametzyanova L.Kh. *Tatar epic: book dastans*. Kazan: G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 380 p. (In Russian)
31. Mukhametzyanova L.Kh. From the Volga region to Siberia: the area of distribution of the Tatar epic «Idegey». *Siberian Forum of folklorists. Abstracts for the 90th anniversary of the birth of A.B. Soktoev, the founder of the series «Monuments of folklore of the*

peoples of Siberia and the Far East». The responsible editor E.N. Kuzmina. Novosibirsk, 2021, pp. 90–92. (In Russian)

32. Nadirov I.N. The folk epic «Idegey». *Medieval Tatar literature (8th–18th centuries)* Kazan: Fen, 1999, pp. 103–106. (In Russian)

33. The Song of the Idigey. Semenov N. Natives of the North-eastern Caucasus. Stories, essays, studies and notes about Chechens, Kumyks and Nogais and samples and samples of poetry of these peoples. St. Petersburg: printing house of A. Chomsky and Co., 1895, pp. 469–481. (In Russian)

34. Radlov V.V. Samples of folk literature of Turkic tribes living in Southern Siberia and Dzungarian steppe. Part IV. The dialects of the Barabinsk, Tarsk, Tobolsk and Tyumen Tatars. Compiled by F.F. Yusupov. Kazan: Tatar Book Publ., 2012. 519 p. (In Russian)

35. Samoilovich A.N. Version of the legend of Edigey and Tokhtamysh, recorded by N. Khakimov. *The Turkological collection*. 1972. Moscow: Nauka, pp. 186–211. (In Russian)

36. Translation of the Tatar folk epos «Idegey» into Russian. *Kyzyl Tatarstan*. 1944. June 11. (In Tatar and in Russian)

37. Tatar epos. Dastans / compiler, author of the introductory speech and comments, compiler of the dictionary F.V. Akhmetova-Urmanche. Kazan: Rannur. 2004. 640 p. (In Tatar)

38. The story of Toktamysh Khan. Berezin I. Turkish anthology. In 3 vol. Vol. 2. Kazan: University Printing House, 1862, pp. 59–76. (In Tatar)

39. Urmanche F. I. *The folk epic «Idegey»*. Kazan: Fen, 1999. 200. (In Tatar)

40. Urmancheev F. I. Tatar folk epic. Kazan: G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, 2023, 384 p. (In Russian)

41. Urmanche F. I. *Tatar mythology. An encyclopedic dictionary*. In 3 vol. Vol. 2 (D – S). Kazan: Magarif, 2009. 343 p. (In Tatar)

42. Usmanov M.A. *Tatar historical sources of the 17th–18th centuries*. Kazan: Kazan University Publ., 1972. 223 p.

43. Khabutdinova M.M. The Contribution of Naki Isanbet to the Study of the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 181–201. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.181-201> (In Russian)

44. Khabutdinova M.M. Naki Isanbet on the art of storytelling. *Tatarica*. 2021, no 17(2), pp. 119–140. <https://doi.org/10.26907/2311-2042-2021-17-2-119-140>.

45. Khairullina V.I. Folk epos «Idegey» and its historical foundations: Abstract of a dissertation for an academic degree Candidate of Philological Sciences. Kazan, 1999. 22 p. (In Russian)

46. Khakov V. Nigmat Hakim (1889–1938). To the 110th anniversary of his birth. *Madani jomga*. 1999, no. 12 (76), December 24. (In Tatar)

47. Khanzafarov N. *Problems of genre, conflict and heroics*. Tatar Book Publ., 1982. 192 p. (In Tatar)

48. *Edigey*. Valikhanov Ch.Ch. The works of Chokan Genghisovich Valikhanov / edited by and with a preface by N.I. Veselovsky. St. Petersburg: Notes of the Imp. Russian Geographical Society for the Department of Ethnography., 1904. Vol. XXIX. pp. 265–273. (In Russian)

49. Yamaltdinov I.I. Tatar folklore of the 20–60s of the 20th century. Collecting, publishing and scientific study of folklore. Kazan: G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 184 p. (In Russian)

50. Yarmi H. «Idegai» dastan. *Sovet edebiyaty=Soviet literature*. 1940, no. 5/6, pp. 163–178. (In Tatar)

51. Chodzko A. Astrakhan tatar songs. *Adiga // Specimens of the popular poetry of Persia*. London, 1842. P. 348–362.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лилия Хатиповна Мухаметзянова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ (420111, ул. К. Маркса, 12, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0071-7058. E-mail: lilmuhat@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liliya Kh. Mukhametdzianova – Dr. Sci. (Philology), Chief Researcher of the Department of Folk Art, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12, K. Marks Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0071-7058. E-mail: lilmuhat@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 17.06.2024

Поступила после рецензирования / Revised 23.09.2024

Принята к публикации / Accepted 29.11.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.758-765>
EDN: ASFARP

УДК 398.223

НИГМАТ ХАКИМ В ИЗУЧЕНИИ ДАСТАНА «ИДЕГЕЙ»**Г.Н. Зайнеева**

*Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
gulnara.zaineeva@mail.ru*

Резюме. Целью исследования является научное изучение текста рукописи Нигмата Хакима «О дастане «Идегей»» и ввод его в научный оборот.

Материалы исследования: ранее неопубликованный научный труд известного фольклориста, языковеда Нигмата Хакима под названием «О дастане «Идегей»», сохранившийся в рукописи в фонде № 52 архива Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ. Данный фонд ценен тем, что там имеются различные материалы о дастане «Идегей» и его версиях.

Научная новизна исследования состоит в том, что труд Нигмата Хакима в полном объеме изучается впервые. Основываясь на данный архивный источник-рукопись, читателю преподносится разносторонний научный взгляд на дастан «Идегей». При написании данного исследования Н. Хаким обращается к трудам известных ученых, востоковедов, основывается на сведения из различных письменных источников, цитируя их в качестве доказательства той или иной стороны изучаемого дастана.

Результаты исследования. Большинство вариантов татарского дастана «Идегей» сохранились в рукописном виде на арабской графике. Одним из полных вариантов эпоса является вариант Ситдык баба Зайнетдинова, записанный Нигматом Хакимом в 1919 году. Текст скрупулезно исследован с текстологической стороны: точное воспроизведение текста-источника, его подлинность, доступность читателю-исследователю, комментирование текста. Рукопись «О дастане «Идегей»» состоит из 13 глав-разделов, каждый из которых посвящен тому или иному вопросу исследования дастана: предпосылки возникновения, сохранности, вариативности, сказительских талантов главных героев. Есть необходимость включения текста данной рукописи в современный научный оборот. Является одним из ценнейших материалов в источниковедении.

Ключевые слова: Нигмат Хаким, рукопись, «Идегей», дастан, вариативность, текстология, письменные источники, версия

Для цитирования: Зайнеева Г.Н. Нигмат Хаким в изучении дастана «Идегей» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 758–765. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.758-765> EDN: ASFARP

© Зайнеева Г.Н., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

NIGMAT HAKIM IN THE DASTAN "IDEGEY" STUDY

G.N. Zayneeva

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
gulnara.zaineeva@mail.ru

Abstract. The purpose of this research is a scientific study of the text of the manuscript of Nigmat Hakim "On Dastan 'Idegey'" and its introduction into scientific circulation.

Research materials: A previously unpublished scientific work by the famous folklorist and linguist, Nigmat Hakim, entitled "On Dastan 'Idegey'", preserved in a manuscript in the fund No. 52 of the archive of the Center for Written Heritage of the G.Ibragimov Institute of Language, Literature and Art at the Tatarstan Academy of Sciences. This fund is valuable because there are various materials about the dastan "Idegey" and its versions.

The scientific novelty of the study lies in the fact that the work of Nigmat Hakim is being studied in full for the first time. Based on this archival source, the manuscript, the reader is presented with a comprehensive scientific view of the dastan "Idegey". When writing his study, N. Hakim refers to the works of famous scientists and orientalists, based on information from various written sources, quoting them as evidence of one aspect or another of the dastan in question.

The results of the study: Most of the variants of the Tatar dastan "Idegey" have been preserved in manuscripts on Arabic graphics. One of the complete versions of the epic is the version of Sitdyk baba Zainetdinov, recorded by Nigmat Hakim in 1919. The text is scrupulously researched regarding the textual aspects: accurate reproduction of the source text, its authenticity, accessibility to the reader-researcher, commentary on the text, etc. The manuscript, "On Dastan 'Idegey'", consists of 13 chapters-sections, each of which is devoted to a particular issue of dastan research: the prerequisites for the emergence, preservation, variability, storytelling talents of the main characters, etc. There is a need to include the text of this manuscript within modern scientific circulation. It is one of the most valuable materials existing in source studies.

Keywords: Nigmat Hakim, manuscript, "Idegey", dastan, variability, textual studies, written sources, version

For citation: Zayneeva G.N. Nigmat Hakim in the dastan "Idegey" study. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 758–765. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.758-765> (In Russian)

Исследователи различных жанров фольклора, древней литературы, литературы нового времени занимаются прежде всего исследованием текста. Каждый из них имеет свои особенности, приемы исследования. В фольклорных произведениях почти всегда отсутствует авторская рукопись, наоборот имеются полные или частичные вариации, дошедших до наших дней списков произведений. Для более точного изучения таких вариаций необходима текстологическая работа над текстами. Текстолог должен максимально точно воспроизвести текст, учитывая особенности местности переписывания, национальности, возраста передающего тот или иной текст.

Дастан «Идегей» был и до сих пор является объектом для исследователей ученых фольклористов и историков. В данном эпосе наблюдается тесная

связь данных научных дисциплин. В XIX – начале XX века изучением дастана «Идегей» занимались многие исследователи, следовательно сохранились десятки вариантов списков данного произведения.

В статье «К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Идегее», написанной коллективом авторов Миргалеевым И.М., Фазлутдиновым И.И., Закировой И.Г. [3] дается важная информация о рукописи языковеда, журналиста, тюрколога Нигмата Хакима (1889-1937) в научном изучении дастана «Идегей». Рукопись хранится в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ¹. В статье подробно описывается, о том каким образом она была сохранена до наших дней, о ее судьбе и ценности в истории татарского народа. Исторические дастаны как бы не передавались, не переписывались, в них сохранено то содержание, та идея, которое было передано изначально. То есть он не иссякал, наоборот только обогащался за счет пересказчиков.

Рукопись Нигмата Хакима «*О дастане «Идегей» («Идегэй» дастаны турында)*» в объеме 39 страниц написана на татарском языке арабской вязью. Данная рукопись – большой научный труд, где дастан тщательно и разносторонне изучен автором рукописи. Текст читается с интересом, предложения точные, лаконичные, передающие основную мысль. Представленная информация ценна с исторической точки зрения и тем, что автор опирается на труды российских ученых востоковедов-тюркологов И.Н. Березина, В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, приводит цитаты из древнеарабской литературы. Рукопись включает в себя 13 глав-разделов.

1. Известия о дастане «Идегей». В начале главы говорится о письменных и устных известиях о дастане. По версии историка Ибн Арабшаха (1388-1450) в произведении «Аджаиб аль-макдур фи наваиб (фи ахбар) Таймур» («Чудеса предопределения в превратностях судьбы (в известиях) Тимура»), написанное в 1436 году, еще при жизни Идегея существовало народное творчество, об Идегее были сложены сказания². Уже после смерти Идегея, в 1471 году ас-Сахиби в своем произведении «Давами тарих аль-ислам» пишет о том, что встречался с личностью знавшей Идегея лично³. Он передал сказания о смелости, величавости, чувственности Идегея. Приводя примеры из литературы других народов, автор рукописи Нигмат Хаким передает цитирования источника на оригинале.

В XVII–XVIII вв. имеются и письменные источники о существовании дастана. Например, в «Дастан о Чингизхане и Аксак Тимуре» имеется небольшая по объему в 2-3 страницы отдельная глава «О дастане «Идеге», где представлена информация об Идегее (место рождения, родословная, где жил)⁴. Так же Н. Хаким приводит отрывки о дастане из книги «Тарих дусты Солтан», из книги поэта и историка Абдулгаффара Кырыми в «Умдат аль-ахбар» («Основа известий») (1748 г.)⁵, в которой центральное место принадлежит изложению истории поздней Золотой Орды и Крымского ханства.

¹ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, опись 1, единица хранения 240.

² ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, оп. 1, единица хранения 240, л. 1.

³ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, оп. 1, единица хранения 240, л. 2.

⁴ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, оп. 1, единица хранения 240, л. 2.

⁵ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, оп. 1, единица хранения 240, л. 3.

Нигмат Хаким особое внимание уделяет устным вариантам, они ценны тем, что сохранены в устах народа, тем самым с исторической стороны очень важны. Перечисляет известные ему списки вариантов дастана: 4 варианта у сибирских татар, 4 варианта у крымских татар, 2 варианта у казахов, 1 вариант у астраханских татар, 1 вариант у каракалпаков, 1 вариант у туркмен, 3 варианта у башкир, 1 вариант у ойротов. Делая вывод, автор рукописи говорит о том, что «Идегей» как эпос существует с XIV века и по сегодняшний день в устной и письменной форме. В конце приводит слова востоковеда-тюрколога П.М. Мелиоранского (1868-1906) о том, что «сказание об Идегее и Токтамыше сложилось давно, вероятно даже певцы слагали отдельные песни о них еще во время их жизни».

2. Историчность дастана «Идегей». В общем, существуют дастаны исторические и не исторические. «Идегей» же – это прежде всего исторический дастан. Главные герои Идегей, Туктамыш, Норадын, Кадирбирде – исторические личности. Для достоверности Н. Хаким приводит труды на арабском языке, написанные на рубеже XIV–XV веков со слов современников героев эпоса. К примеру, это прослеживается в произведениях историков и государственных деятелей Ибн Арабшаха (1389-1450), Бадр ад-дина аль-Айни (1360–1451), Таки ад-дина аль-Макризи (1364–1442), Ибн Дукмака (1349–1407), Ибн Хаджара аль-Аскаляни (1372–1448), аль-Асади ибн Шехба (1377–1446) и других. На основе произведений вышесказанных историков есть утверждение о героях дастана – как о существовавших исторических личностях. Это еще доказывается и письмом Токтамыш-хана в 1392 году, где оговаривается о начале событий между Токтамыш-ханом и Идегеем с Аксак Тимуром. В эпохе есть и герои второстепенной роли: Джанбай и Сабрау. Они тоже являются представителями той эпохи, их образами представляется дворцовая жизнь того времени. Место, где происходят события – территория Золотой Орды. Повествование в основном затрагивает промежуток 1389–1419 годов. Таким образом, Нигмат Хаким рассматривает дастан как одно целое с исторической значимостью главных героев, их поступков, места и времени происходящего.

3. Происхождение, распространение, сохранение и изменение песен дастана. Нигмат Хаким останавливается на всех этих критериях по изучению эпоса.

Дастан не существует без главного героя. Великих героев рождают великие времена. Тот, кто становится на сторону народа, защищает его интересы, начинают называть «батыр»ом. Народ в свою очередь слагает о них легенды, песни, которые передаются, заучиваются, поются из уст в уста. Из таких вот передаваемых из поколения в поколение сочинений появляются дастаны. Обычно сами герои будучи жырауами (поэтами) передают такие песни и повествования, если же не являются поэтами, то другие поэты слагают о них песни. Это распространяется другими жырауами между собой, при этом добавляя, или заменяя некоторые слова, предложения. Таким образом, в течении столетий дастаны передавались из поколения в поколение. «Идегей» является примером такого дастана. Идегей батыра создали события, произошедшие в Золотой Орде. «Идегей» считается самым крупным дастаном эпохи Золотой Орды. Распространение получил путем сказаний жырауами-сказителями на меджлисах ханов, свадьбах, похоронах, а также путем передачи от старшего поколения потомкам. Передаваясь из уст в уста он несколько видо-

изменялся, но структура, образность, последовательность событий сохранялась.

4. Вариант Ситдык баба, его транскрипция и язык. В данном разделе Нигмат Хаким подробно дает информацию о дастане, переписанный им летом 1919 года со слов Ситдык баба Зайнетдинова (1857–1927) «Сказание об Идегей би и Токтамыш хане» в селении Йыланлы Тобольской губернии (совр. Омская область). Данный вариант, записанный на территории Западной Сибири считается более полным, систематичным, и наиболее ценным в литературном отношении. Переписан Нигмат Хакимом со слов Ситдык баба без искажений и поправок, перепроверив дважды-трижды с ним лично. Были исправлены или переставлены только некоторые слова или предложения, которые были непонятны при прочтении, но на содержание и структуру это никак не повлияло. Все остальное осталось так, как диктовал Ситдык баба. При написании в некоторых местах стихосложения есть лишние, есть недостающие строки, они представлены без изменений.

Ситдык баба был вполне эрудированной, мудрой, знающей народное творчество личностью. А.Н. Самойлович в статье «Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н.Хакимом» пишет: «...Сыддык-бабай обладал особым интересом к фольклору и к истории Западной Сибири, Туркестана, Поволжья, проявлял в этих областях большие познания, отличался ораторским талантом и славился не только в родной деревне, но и всюду, где его знали, – среди татар, казахов, русских – как занимательный рассказчик, способный увлекательно передавать были и сказания днями и неделями. Записанный Н.Хакимом со слов Сыддык-бабая вариант сказания о Едигее свидетельствует действительно об ораторском даровании передатчика, о его большой памяти на словесные произведения и, можно полагать, о его способностях импровизатора» [5, с. 196].

По поводу транскрипции текста, Н. Хаким предупреждает, что на момент переписывания не была учтена научная транскрипция. То есть дастан переписан со слов Ситдык баба арабской графикой без транскрипции. Следовательно не был учтен говор местности и самого Ситдык баба, не взяты во внимание фонетические особенности говора рассказчика. Для ученых данный вариант не позволяет изучить местный говор с фонетической точки зрения, но может быть полезным и ценным материалом в изучении лексикографии, языковых особенностей (морфология, синтаксис, стиль), литературы и истории. В своем исследовании Н. Хаким оговаривает, что лексика, синтаксис и стиль данного варианта дастана достаточно не изучен, но есть некоторые заметки по морфологии. Вот некоторые морфологические различия с современным татарским литературным языком:

1) повелительное наклонение глагола 1 лица единственного числа передается формой «бирээн, бараен». Такая же форма встречается в трудах В.В. Радлова, также в письменной литературе эпохи Золотой Орды, например «Махаббат-намэ» (1352) и «Нахдж аль-фарадис» Махмуда Булгари (1357).

2) Глагол настоящего времени 3 лица единственного числа представлен формой «бирмэй, бармай». В настоящее время эта форма присутствует в диалектах Мензелинского района Татарстана, в некоторых районах Башкортстана. Также используется в письменных источниках не только XIV века, но и в

XVII веке, например, в «Мудрых изречениях» («Хикмәтләр», 1671) Мавля Колыя.

3) Глагол настоящего времени 1 лица единственного числа в форме «бирмән, барман». Используется в письменных источниках XIV века, например, в «Махаббат-наме» (1352), также довольно много в материалах собранных В.В. Радловым.

4) Используются формы инфинитива «биргәле, баргалы, алгалы». Данная форма используется в говорах татар тоболо-иртышского и тюменского диалекта, встречается в материалах В.В. Радлова, в «Дастан о Чингиз-хане и Аксак Тимуре» (1882), «Кисекбаш» (1908) Г. Тукая.

5) Глагол настоящего времени 3 лица единственного числа передается формой «бирәде, барады, ашады». Данная форма сохранена в говорах татар тоболо-иртышского диалекта. Используется часто в произведениях «Хосров и Ширин», «Махаббат-наме», «Нахдж аль-фарадис».

6) Суффикс сравнительной степени передается формами «дай-дэй, тай-тэй». Встречается у татар тоболо-иртышского диалекта, уфимских татар.

7) Использованы формы «биргән соң, барган соң». Встречается у татар тоболо-иртышского диалекта, в материалах В.В. Радлова.

8) Предлог «с» («белән») представлен формами «атман, кошман, авызлыкман». Встречается у татар тоболо-иртышского диалекта, в материалах В.В. Радлова.

Подытоживая можно сделать вывод, что морфологические формы использованные в варианте Ситдык баба существовали в Золотой Орде и являются особенностями некоторых татарских говоров. О содержании данного варианта дастана «Идегей» подробно описывается в статье А.Н. Самойловича «Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н.Хакимом» [5]. Данная статья хранилась в архиве профессора Л. Залая (1894–1966), в свое время была передана редколлегии «Тюркологического сборника» [5] фольклористом Х.Х. Ярмухаметовым (1904–1981) и опубликована.

5. Место возникновения дастана «Идегей»; у кого сохранился до сих пор; Различные варианты и их список. В данном разделе Н. Хаким показывает географию возникновения и распространения дастана, границы Золотой Орды. Ниже приводит перечень всех известных ему списков дастана, им перечислены всего 22 варианта дастана.

6. Кому первоначально принадлежал «Идегей». Н. Хаким задается вопросом: такое множество вариантов, на разных тюркских языках, все же кому изначально принадлежал дастан?! Об этом же упоминается в трудах академика В.В. Радлова и профессора П.М. Мелиоранского. В рукописи приводится цитата П.М. Мелиоранского о предположении отношения первоначального дастана к ногайцам. По содержанию дастана, это предположение верное добавляет Н. Хаким, в доказательство приводит отрывки из дастана. В рукописи приводятся размышления о принадлежности к географии ногайцев, опираясь на труды Н.А. Аристов (1847–1910), Сулеймана Бухари (1821–1890) «Лугати чагатайи ва турки усмани» (1882). Чтобы точнее дать ответ на данный вопрос нужно найти ответы к вопросам:

1) дастан создан самими историческими личностями или кем-то неизвестным;

2) если создан кем-то из героев эпоса, то к какой этнической группе он принадлежал.

Но на эти вопросы однозначного ответа нет, чтобы понять все тонкости необходимо разобрать дастан по крупинкам. Были ли главные герои поэтами или жырауами в истории?!

7. Сказительский талант Идегея. Самая крупная и яркая фигура дастана. Слова Идегея в дастане принадлежат ли ему самому?! Арабский историк Ибн Арабшах предполагает, что Идегей был талантлив, уме.

8. Сказительство Норадына. Является одним из главных героев эпоса. Рос под присмотром жырауа Джанбая, следовательно он был обучен этому жанру.

9. Сказительство Жанбая. Жанбай – дворцовый жырау-сказитель. Своим талантом сказительства был известной личностью в эпоху Золотой Орды. Его слова, песни сказывались народом в качестве афоризмов. В дастане также большинство сказаний происходит от имени Жанбая.

10. Сказительство Сабрау. Песни Сабрау можно встретить не только в дастане «Идегей», они присутствуют и в других эпосах. В «Идегее» Токтамыш хан обращается к нему словами «йыраучым».

11. Сказительство Кадырбирди. Сын Токтамыша Кадырбирди тоже прославлен как жырау.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что герои дастана были жырауами-сказителями. Следовательно, основа песен-сказаний сочинена самими героями. Со временем пересказывая из уст в уста, переходя из поколения в поколение они искажались в какой-либо степени народными жырауами и пополняли списки вариативности дастана.

Остается вопрос: к какому этническому роду принадлежали жырау-сказители дастана?! В следующих двух разделах эпоса (**12. Из какого рода Кадырбирди; 13. Из какого рода Идеге и Норадын**) проводится рассуждение к какому роду относились Кадырбирди и Идегей с Норадыном. Однозначного ответа нет, распространенность эпоса географически очень широка. В заключении Нигмат Хаким делает вывод: «тот народ, который почитает, сохраняет, передает дастан из века в век своим потомкам, для тех он будет считаться общим достоянием»⁶.

Материалы рукописи много лет были в забвении на полках хранилища Центра письменного наследия. Ознакомление с содержанием будет информативной для ученых историков, фольклористов, литературоведов. Данный научный труд Нигмата Хакима дает возможность продолжить изучение дастана в различных отраслях науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березин И.Н. Турецкая хрестоматия. СПб., 1857–1878, 1–3 тт.
2. Мелиоранский П.М. «Сказание о Едигее и Токтамыше». Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч.Ч.Валиханову. Издал проф. П.М. Мелиоранский // ЗРГО ОЭ. Прилож. к тому XXIX. СПб.: Типо-литография И.Боранского и Ко, 1905. 23+44 с.

⁶ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, оп. 1, единица хранения 240, л.39.

3. Миргалеев И.М., Фазлутдинов И.И., Закирова И.Г. К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Идегее // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 792–816. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816> EDN: ИКМІЈА
4. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Т. 1–4. СПб., 1866–1872,
5. Самойлович А.Н. Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н.Хакимовым // Тюркологический сборник, 1972. М.: Наука. 1973. С. 186–211.

REFERENCES

1. Berezin I. The Turkish chrestomathy. Vol. 1–3. St. Petersburg, 1857–1878. (In Russian)
2. Melioransky P.M. The Saga of Edigu and Toktamys. Kyrgyz text based on a manuscript belonging to Ch.Ch. Valikhanov. Published by Prof. P.M. Melioransky. *Notes of the Russian Geographical Society on the Department of Ethnography*. Appendix to Vol. 29. Saint Petersburg: Типо-литография I. Boranskogo i Co. 1905, 23+44 p. (In Russian and Kyrgyz)
3. Mirgaleev I.M., Fazlutdinov I.I., Zakirova I.G. On the question of studying Tatar variants of the epos about Edigu. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 792–816. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816>. (In Russian)
4. Radlov V.V. Samples of folk literature of Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungarian steppe. Vol. 1–4. St. Petersburg, 1866–1872. (In Russian)
5. Samoilovich A.N. Version of the legend of Edigu and Tokhtamysh, recorded by N.Khakimov. *Turkological Collection*. Moscow: Nauka, 1973, pp. 186–211. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гульнара Нургалиевна Зайнеева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела текстологии Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова АН РТ (420111, ул. К. Маркса, 12/4, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0004-5635-8543. E-mail: gulnara.zaineeva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gulnara N. Zayneeva – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher at the Department of Textual Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12/4, K. Marx Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0009-0004-5635-8543. E-mail: gulnara.zaineeva@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 01.07.2024

Поступила после рецензирования / Revised 01.10.2024

Принята к публикации / Accepted 27.11.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.766-781>
EDN: DNYGAV

УДК 398.223

**ВАРИАНТЫ ТАТАРСКОГО ЭПОСА «ИДЕГЕЙ»
(СИБИРСКИЙ АРЕАЛ)****И.И. Фазлутдинов**

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
fazl97@mail.ru*

Резюме. Дастан «Идегей» снискал популярность во всех регионах, где проживали татары. В данной статье речь пойдет о вариантах дастана, собранных в татарских деревнях Западной Сибири и у телеутов.

Объектом работы являются варианты татарской версии народного эпоса «Идегей».

Предметом работы является ареал распространения дастана и найденные на указанной территории варианты, их идейно-тематические, а также лексико-стилистические и диалектальные особенности, связанные с локальной принадлежностью.

Целью работы является выявление всех вариантов, записанных в Сибири, а также представление информации об исследователях фольклора, которые собирали и изучали дастан, дана оценка вкладу каждого из исследователей, описаны исторические неточности обнаруженных в разные годы фрагментов и отрывков.

Материалами исследования послужили архивные и опубликованные варианты татарского дастана «Идегей». Были использованы сведения из литературных и исторических источников, научных исследований. Привлечены труды известных фольклористов, в частности многочисленные исследования и публикации последних лет.

Нами предполагается анализ вариантов татарской версии, которые были устно или письменно обнаружены в разных населенных пунктах Сибири и приграничных регионов. Они были записаны у информантов, принадлежащих к разным этническим группам сибирских татар, с сохранением диалектальных особенностей. Вторая часть была зафиксирована у переселенцев из Поволжья, точнее из деревень, относящихся к районам Татарстана, или переписана из сохранившихся у них в рукописях текстов. В статье отдельно рассмотрен каждый вариант, выделены основные мотивы и сюжетные особенности, дана наиболее полная на сегодняшний день информация о каждом варианте.

Ключевые слова: дастан, Идегей, варианты, Сибирские татары, диалектальные особенности, мотивы, телеутский фольклор

Для цитирования: Фазлутдинов И.И. Варианты татарского эпоса «Идегей» (Сибирский ареал) // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 766–781. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.766-781> EDN: DNYGAV

© Фазлутдинов И.И., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

VARIANTS OF THE TATAR EPOS "IDEGEY" (IN THE SIBERIAN AREA)

I.I. Fazludinov

*Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russian Federation
fazl97@mail.ru*

Abstract. The dastan "Idegey" gained popularity in all regions where Tatars lived. This article will focus on the variants of the dastan collected in the Tatar villages of Western Siberia and the Teleutes.

The object of the work is to explore variants of the Tatar version of the folk epic "Idegey". The subject of the work is the area of distribution of the dastan and the variants found in the specified territory, their ideological and thematic – as well as lexico-stylistic and dialectal – features associated with local affiliation.

The aim of the work is to identify all the variants recorded in Siberia, as well as to provide information about folklore researchers who collected and studied dastan, assessing the contribution of each of the researchers and describing historical inaccuracies of fragments and excerpts published in different years.

The research materials were archival and published versions of the Tatar dastan "Idegey". Information from literary and historical sources and scientific research was used. The works of famous folklorists were involved, in particular numerous studies and publications of recent years.

We propose to analyze the variants of the Tatar version which were found orally or in writing in different settlements of Siberia and the border regions. They were recorded by informants belonging to different ethnic groups of the Siberian Tatars and preserving dialectal features. The second part was recorded by immigrants from the Volga region, more precisely from villages belonging to the regions of Tatarstan, or copied from texts preserved in their manuscripts. The article considers each option separately, highlights the main motives and plot features, and provides the most complete information about each option to date.

Keywords: dastan, Idegey, variants, Siberian Tatars, dialectal features, motives, Teleut folklore

For citation: Fazludinov I.I. Variants of the tatar epos "Idegey" (in the Siberian area). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 766–781. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.766-781> (In Russian)

Татарские варианты эпоса «Идегей» отличаются от национальных версий других народов своей многочисленностью. В настоящее время, включая тексты об Идегее, зафиксированные в исторических документах и письменных источниках, количество татарских вариантов насчитывает более 30 образцов. Эти тексты собраны у татар в разных районах Татарстана и Башкортостана, в Рязанской, Астраханской областях и в регионах Сибири. Точное количество татарских вариантов назвать невозможно. Одна из причин этого кроется в том, что, несмотря на близость некоторых текстов к татарским вариантам по языку или сюжету, с уверенностью определить их принадлежность к отдельному народу нельзя. С другой стороны, татары были знакомы и с версиями других народов. Например, преподаватель Санкт-Петербургского Императорского

университета М.-Э. Османов в 1883 году разместил в хрестоматии «Ногайские и кумыкские тексты» ногайский вариант дастана «Предание о Тохтамыш-хане» [11, с. 32–49], который в 1914 году издается в г. Казани отдельной книгой на адаптированном татарскому читателю языке [3]. Поэтому и эпос воспринимается своим, татарским. Этот же текст как татарский вариант упоминается Н. Исанбетом [7, с. 91]. В казахском варианте Чокана Валиханова также немало фрагментов на татарском языке [7, с. 91; 8]. Собранный Наки Исанбетом по заданию руководства Башкирии так называемый «башкирский» текст составлен со слов татарских учителей. Безусловно, татарские варианты по меньшей мере оказали влияние и на другие тюркские варианты, например телеутский вариант появился именно от татар. Поэтому, при определении количества татарских вариантов необходимо учесть и эту сторону вопроса.

Тот факт, что первый текст эпоса «Идегей» был написан в Сибири и опубликован в 1820 году в журнале «Сибирский вестник» в Петербурге, подтверждает популярность эпоса на этой территории. Учитывая то, что упомянутый текст был напечатан на русском языке, комментировать язык оригинала не представляется возможным [5, с. 189–204]. Подтверждать принадлежность данного произведения киргизам нецелесообразно, так как киргизская версия эпоса «Идегей» фольклористике неизвестна, можно лишь отметить, что отдельные мотивы «Идегея» перекликаются с киргизским эпосом «Манас». Поэтому можем предполагать о принадлежности данного варианта казахскому народу, составляющему часть кайсаков-киргизов. Однако основные известные варианты дастана «Идегей», записанные или обнаруженные на территории Сибири, принадлежат татарскому народу. Поэтому, рассуждая об истинных истоках этого варианта определенному народу, мы не категоричны.

История собирания в Сибири татарских вариантов эпоса «Идегей» начинается с деятельности В.В. Радлова. Позже, в первой четверти XX века эту работу продолжил Х. Рахматуллин. В те же годы Нигмат Хаким записал один из наиболее полных вариантов эпоса. Во время поездки, организованной для сбора народного творчества в Сибирь, Наки Исанбетом был обнаружен объемный, однако без заключительной части, рукописный вариант дастана, он в свою очередь также записал несколько его фрагментов. Отдельные фрагменты «Идегея» были зафиксированы в 1940 году во время фольклорной экспедиции ученых Казанского института языка и литературы. Последним отрывок произведения был записан в 1970 году сотрудницей отдела народного творчества Института Флорой Ахметовой.

Зафиксированные фольклористами отрывки и фрагменты эпоса являются завершенным по сюжету мотивом эпоса, поэтому воспринимаются самостоятельным произведением. Здесь следует отметить, что основу дастана «Идегей» составляют исторические предания о деяниях исторической личности и песни, сложившиеся в его честь, текст состоит из отдельных самостоятельных мотивов. С течением времени после того, как эпос утратил свою целостность, он вновь распался на отдельные фрагменты, которые продолжали существовать как исторические предания или песни до второй половины XX века. В этом отношении можно упомянуть телеутские варианты эпоса, которые дошли до наших дней в качестве исторической песни, давно утратившей связь с подлинником.

В.В. Радлов и записанные им четыре варианта дастана «Идегей». Четыре варианта дастана «Идегей» в Сибири были записаны академиком В.В. Радловым. В 1867–1868 годах ученым были собраны образцы народного творчества татарского народа, принадлежащего к разным этническим группам, проживающим вдоль рек Иртыш, Тобол, Обь. Фольклор сибирских татар: эпос, предания, легенды, песни, сказки – представлены в четвёртом томе 10-томного свода «Образцов народной литературы тюркских племен», изданном в 1872 году [13].

Четвертый том «Образцов народной литературы тюркских племен» начинается материалами, записанными В.В. Радловым у барабинцев в «Тэрэнэ ил» (с. Теренино), находящемся на территории современной Новосибирской области. В.В. Радлов отмечает, что «Тэрэнэ ил» расположено вблизи озера Каргат (есть и река Каргат, берущая свое начало из одноименного озера), а территория, где проживают барабинские татары, расположена на берегу реки Омь. О происхождении топонима он пишет, что названия этих поселений образованы преимущественно от наименований рода: «Они делятся на семь волостей, каждая имеет свою управу. Названиями волостей и селений чаще всего служат родовые и племенные названия». Таким образом, можно предположить, что «Тэрэнэ ил» принадлежало одноименному роду. В настоящее время село Теренино относится к Каргатскому району Новосибирской области. На татарском языке оно сохранило название Тэрэнэ, которое используется параллельно с другим названием – Жэйлэу (дословный перевод: *летник*).

У барабинских татар, проживающих в Новосибирской области, В.В. Радлов записал девять дастанов: «Идыга пи», «Чонтай Мерген», «Кузы Корпеч», «Мижек Алып», «Ак Кубек», «Кадыш Мерген», «Кара Кокель», «Алтаин Саин Сума» и «Йестай Мунке».

Объем записанного у барабинцев варианта «Идеге пи» составляет 18 страниц, он состоит из чередующихся прозаических частей и поэтических строк [13, с. 27–45]. Ряд взаимосвязанных мотивов образует логически связанный сюжет. Язык текста относится к барабинскому диалекту татарского языка. Язык эпоса морфологически не отличается от литературного языка, содержатся лексические единицы, характерные для барабинского говора. Фонетически он также сохраняет особенности барабинского диалекта.

Вариант «Идеге Пи» представляет собой законченное произведение, содержащее основные мотивы, имеющее логическое начало и конец. Дастан начинается с того, что пасущий стадо старик, возвращаясь с пастбища, обнаруживает оставленного там ребенка. Старик несет ребенка в сапоге (на татарском: *итек*), что послужило основой имянаречения героя. С течением времени Идеге Пи приобретает себе известность справедливого судьи, способного решить спорные тяжбы. Услышав о находчивости и умственных способностях Идеге, Токтамыш-хан взял его к себе на службу. Через некоторое время Токтамыш хан, поняв, что при виде Идеге он встает, то есть подсознательно признавая его превосходство, пожелал узнать о нем больше, в связи с чем обращается к 120-летнему Сафардау. Сафардау сообщает, что Идеге – тот, кто будет причиной распада страны и гибели хана.

Идеге бежит к Сат Тимеру. По дороге встречает русского богатыря Анисима, похитившего дочь Тимера, и убивает его, спасает дочь Тимера, возвращает ее отцу. Через год от второй жены, дочери Сат Тимера, родился сын

Мырадыл. Когда Мырадылу исполнилось 15 лет, Идеге пи со своим сыном напал на Токтамышша. Мырадыл преследует и убивает сбежавшего Токтамышша. В конце концов, убив Мырадыла, на престол взошел внук Токтамышхана – Исмаил-хан.

Поэтическая часть эпоса сохраняет древние мотивы и в меньшей степени подверглась изменениям. В этом варианте отсутствует эпическая биография Идегея, которая обосновывает его связь с божественным началом, поэтому эпизод, где Токтамыш-хан признает его превосходство не является законченным. Мырадыл, сын Идеге Пи, в этом варианте является сыном от второго брака с дочерью Сат Тимера. Утрачены несколько сюжетобразующих мотивов. Также в этом варианте как образ не раскрыт Анисим, вернее из соратника он превратился в противника Идегея, которым тот и был убит.

Сравнение версии «Идеге пи» с другими татарскими вариантами показывает, что этот вариант, утратил многие мотивы, в то же время поэтические части меньше подвержены здесь искажениям.

Второй вариант дастана «Идегей» записан В.В. Радловым в местности «Коурдак. Олы Кау» [26, с. 127–136]. Ф.Ю. Юсупов рассматривает топоним «курдак» в связи с названием племени и пишет, что этот вариант был записан «от племени курдаков, живущих в барабинских степях, которые считались колыбелью для многих тюркских народов» [17, с. 27]. Деревни Коурдак / Каурдак и Улу Кау (Большая Кова) относились Коурдакской / Каурдакской волости. В настоящее время эти территории находятся в ведении Омской области. Село Большая Кова ныне не существует, по сведениям «Списков населенных мест Российской империи» по Тобольской губернии за 1868–1869 годы [14, с. 103] оно находилось около д. Тайчи Тевризского района.

Вариант, записанный В.В. Радловым, называется «Токтамыш хан» и занимает 13 страниц сборника. Первая страница текста исполнена в прозаической форме, в ней коротко пересказывается содержание дастана до того момента, как сын Идегея Мурадым, поссорившись с отцом, уходит, что пересказывает содержание более половины дастана. В остальной стихотворной части текста на 12 страницах рассказывается о том, как Идеге направляет за сыном своих людей, и излагается разговор отца и сына.

Определить отнесенность варианта, записанного в селе Большая Кова, к выходцам из Казанской губернии или коренному населению можно, лишь опираясь на языковые особенности текста. Татарские диалектологи отмечают, что в Усть-Ишимском, Тевризском и Знаменском районах Омской области проживают Сибирские и Поволжские татары, язык которых сохраняет диалектальные особенности. Село Большая Кава находилось рядом с деревней Тайчи. История Тайчи изучена Н.Ф. Галеевой, которая пишет, что коренное население данной местности – это «сибирские татары тоболо-иртышской группы племени курдаки» [2, с. 180] «далее на эти земли прибывают переселенцы из Средней Азии... Все эти переселенцы называли себя «бохарлы» (бухарцы), иногда сартами [2, с. 180]. Последняя составляющая деревни – Казанские татары [2, с. 180]. Как отмечает Н.Ф. Галеева, «в ряде деревень Тарского уезда Тобольской губернии (Байбы, Ташетканы и др.) пришлые татары, по переписи 1897 г., составляли около 55 процентов» [2, с. 181].

Татары, проживающие в Омской области, относятся тевризскому говору тоболо-иртышского диалекта. Переселенцы из Казанской губернии долгое

время сохраняли языковые особенности среднего диалекта. Самыми характерными особенностями тевризского говора тобол-иртышского диалекта является оглушение звонкого б (б-п): бала – пала, бер – пер; оглушение звонкого з (з-с). В рассматриваемом нами варианте оглушение звука «б» полностью отсутствует: «Токтамыш Хан бир хан булган, мәчиткә барып ултырганда йулда итик ичиндән бир бала тапты. Аны үйүнә алып барды. Идэгә тип ат койды, азрады. Ул бала жити жәшкә житкән соң мәдрәсәгә бирде» [13, с. 127]. Отсутствуют лексические единицы, присущие тевризскому говору. Судя по языковым особенностям, можем предположить, что указанный вариант дастана «Токтамыш хан» был записан у информанта переселенца из Поволжья. Вариант отличается от известных вариантов упоминанием исламских святых, поверий, мифологических мотивов. В тексте встречаются следующие слова и выражения, доказывающие хорошее знание информантом мусульманской мифологии и фольклора: «Мәккә», «Мәккә тулла тәңре өе», «Курман чалу», «Аллага нәзер әйтү», «Учмакның бер нишаны», «Азазыл», «Ислам кылыч», «Рамазан ае», «Айның унбиш көнәндә», «Жума акшам», «Байгамбәрнең кияве Алидән нурлы угълым, бириштәдәен битлү углым», «Араби китап огуган алим», «Кучуклап Курән угуган мулла» и т.д. В отрывке встречаются лексические заимствования из турецкого языка, например: «баба» – отец, «ярашыклы» – красивый, «чинар» – кипарис и т.д.

Третий вариант «Жыр» (тат. песня) также записан В.В. Радловым в деревне Улу Кау (Большая Кова) Омской области [13, с. 136–140]. Н. Исанбет считает, что отрывок является фрагментом дастана «Идегей» [6, с. 81]. Текст является отрывком эпического произведения. Исходя из содержания, можно предположить, что отрывок является песней Субра жырау, есть созвучные с другими вариантами дастана «Идегей» строфы.

Четвертый вариант дастана «Токтамыш Кан» записан В.В. Радловым в «Ишим Тамагы» (с. Усть-Ишим), это село в настоящее время относится к Омской области [13, с. 195–204]. Отрывок на 8 страницах состоит из двух частей в стихотворной форме. Первая часть является прощальной песней «Токтамыш Кана», вторая – стихотворный диалог между Мырат мырза и Чанбаем.

Язык текста смешанный, в равной степени относится и к среднему, и к тоболо-иртышскому диалекту. Поэтому принадлежность информанта к Казанским татарам или к местному населению остается под вопросом, разрешить который можно только на основе основательной диалектологической экспертизы.

Хафиз Рахматуллин и записанные им три варианта. Хафиз Рахматуллин родился в 1894 году в селе Тау Усть-Ишимского района Омской области. С 1928-го по 1936 год он занимал различные должности, в том числе работал заместителем и главным редактором газеты «Азат Себер» (тат. Свободная Сибирь) в Новосибирской области (1932–1936 гг.). Параллельно он проводит огромную работу по собиранию устного народного творчества татар, проживавших в Омской и Новосибирской областях, и сохранению его для потомков. Благодаря энтузиасту сохранились оригинальные образцы фольклора сибирских татар. Х. Рахматуллиным были записаны дастаны «Атаклы кыз Тукбикә» (Знаменитая девушка Тукбике), «Типтәрләр турындагы тарихи әкият» (Историческая сказка о типтярях), «Әйтүкә белән Батыш» (Айтука и

Батыш). Однако самой большой заслугой Х. Рахматуллина для татарской фольклористики является запись трёх оригинальных вариантов дастана «Идегей».

Рукопись одного из самых первых вариантов дастана «Идегей» была датирована 15 шавваль 1270 года по хиджре (10 июля 1854 г.), то есть является самым первым письменно зафиксированным татарским вариантом. Выполненная арабской графикой рукопись состоит из 23 листов¹. После текста приводится информация о месте и времени записи и о переписчиках варианта:

«Ушбу риваять кала килгән бабаларымыздан бабаларымызга. Туктабай Гарай углы андин Сахип Туктабай углы андин Миңлебай Сахип углы. Мин Габдулла Әхмәтҗан углы Акъегет кариясендә тугып үстем. Бабам Миңлебайдан яшь чакта тыңладым вә соңра гыйлем тәхсил² кыйлып кайттым. Бабам вафат улмыш иде. Мин бабадан калмыш нөсхәне хәрәф би хәрәф язып алдым. Һәм дә ятлап үз яшьтәшләремгә риваять кыйлып сөйләдем. 1270 һижри ел. Шәвал 15. Акъегет³». (Это сказание передавалось от предков к предкам. От Туктабая сына Гарая было передано Сахибу сыну Туктабая и от него Минлебаю сыну Сахиба. Я, Габдулла сын Ахметзяна родился в селе Акзигитово. В детстве получил знание (дословный перевод: слушал) от своего дедушки Минлебая, а затем уезжал на учебу. К моему приезду дедушка умер. Я слово в слово переписал рукопись, оставшуюся от деда. И, выучив, рассказывал своим сверстникам. 15 шавваль 1270 года по хиджре (10 июля 1854). Акзигитово).

Таким образом, дастан был записан в селе Акзигитово, которое ныне относится к Зеленодольскому району Республики Татарстан. Письменно зафиксировал текст Минлебай сын Сахиба, который жил в селе Акзигитово. Габдулла сын Ахметзяна является первым переписчиком, указана и дата первой переписи дастана. Ученые ИЯЛИ, изучая дастан «Идегей», видимо, пытались найти сведения об этом человеке, так как в одном из документов, касающихся этого варианта, существует приписка, сделанная карандашом «Себергә старшинаны кыйнап ике кеше жибәрелә. Берсе Әхмәтҗанмы, Мөхәмәтҗанмы була» (После избияния старшины два человека были отправлены в Сибирь. Одного из них звали то ли Ахметзян, то ли Мухаметзян)⁴. Однако в предисловии варианта хранится следующая информация: *«Идел буеннан килгән моһажирләр Идыгы Туктамыш ханның сәр⁵ гаскәре Исмагел бин Сантимер углы идеген риваять идеюрләр. Моһажир Габдулла әфәнде риваятенә бинәен Идыгы сәр гаскәр Исмагил гаиләсендә 711нче һижри ел тугмыштыр»* (Выходцы из Поволжья рассказывают, что Идыгы был сыном Исмагела бин Сантимера, полководца Туктамыш-хана. По сообщению переселенца Габдуллы әфенди, Идыгы родился в 711 году по хиджре в семье полководца Исмагиля).

Таким образом в Омскую область переселился Габдулла сын Ахметзяна, и, судя по стилю языка рукописи и обращению двух переписчиков друг к другу как «әфенди», оба они были образованными и уважаемыми людьми.

¹ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, единица хранения 179.

² Тәхсил (гыйлем алу) – получение образования.

³ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, единица хранения 179; 180.

⁴ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, единица хранения 180. Обратная сторона 17 л.

⁵ Сәр (башлык, баш кеше) – глава, главнокомандующий, полководец, государь.

Текст написан на смешанном татарско-турецком языке, присутствует много арабских и персидских заимствований, что было характерно для языка казанских татар того времени. К тому же, тот факт, что Габдулла эфенди переселился сюда не один, а скорее всего в составе нескольких семей, имея при себе имущество, вплоть до книг и рукописей, свидетельствует скорее о добровольном переселении, чем о ссылке на каторгу.

Далее указан второй переписчик: *«Габдулла эфэнденең носхәсеннән күчереп язгучы Гаффар Миңлебай углы. Тара өязе, Саргат волсы, Таутамак кариясе (Переписал с рукописи Габдуллы эфенди Гаффар сын Минлебая. Тарский уезд, Саргатская волость, село Таутамак). В дастане указан год переписывания дастана – 1897. Село Таутамак являлось административно-территориальной единицей Омской области и на сегодняшний день прекратило свое существование.*

Х. Рахматуллин переписал материал с рукописи Гаффара бабая в 1917 году, о чем также сделал соответствующую приписку: *«Гаффар бабайдан яздым. Х. Рахматуллин. 1917 ел»*. Вариант известен как вариант Абдуллы или вариант Гаффар бабая. В нем как город, в котором находился трон Идегея, упоминается Олы Тархан: *«Идыгы тәхет торасы шәһәре Болгардан утызкырык чакрым мосафәдә Идел нәхренең икенче тарафында Сембер өязе Олы Тархан кариясе улан жирдә улдыгын зан идюрләр»* (Рассказывают, что тронный город Идыгы находился в тридцати-сорока верстах от города Булгара, на другом берегу реки Волги, в местности, где находятся Большие Тарханы Симбирского уезда). Для справки: село Большие Тарханы находится в Тетюшском районе Республики Татарстан.

Н. Исанбет в своей статье о 500-летнем юбилее эпоса «Идегей», опубликованной в 1940 году в журнале «Совет эдәбияты», не упоминает о Хафизе Рахматуллине и о тех трех вариантах, представленных им в Институт татарского языка и литературы в 1940 году. Год спустя при подготовке второго сводного варианта, эта версия упоминается в комментариях⁶.

Ссылаясь на Н. Исанбета, Ф.И. Урманчеев также упоминает: «Как писал Н. Исанбет, в татарском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории хранится рукопись варианта «Идегея», записанная в 1854 г. Габидуллой Ахметджан углы. Дастан этот записан на смешанном книжном и народном языке» [16, с. 7]⁷.

Содержание, язык и стиль дастана претендуют на статус исторического документа, содержащего сведения о биографии, личности и деятельности Идегея, которые больше ни в одном варианте не встречаются:

Идегей является сыном полководца Токтамыш хана – Исмагела бин Сантимера и его жены Кондызбике. В рукописи указан год рождения Идегея, 711 по хиджре, годы сражений и других исторических события. Однако ни эта дата, ни последующие не соответствуют историческим датам той эпохи.

После смерти мужа его вдова повторно выходит замуж за Токтамыша и Идегей с шести лет воспитывается ханом. В результате, когда ему исполнилось двенадцать лет, Токтамыш-хан отправил его (Госмания вилаяте) на обу-

⁶ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, единица хранения 210.

⁷ Упоминание села Большие Тарханы привело к путанице в вопросе о существовании фантомного варианта дастана «Идегея» [10, с. 541].

чение военному делу. Идегей изображается высоким, статным мужчиной с большими и острыми глазами, красивым лицом и очень твердым голосом. Он становится талантливым полководцем. Эпос описывает череду битв и окончательный распад Золотой Орды⁸.

Второй вариант дастана «Идегей» – «Итук батыр» был записан Хафизом Рахматуллином в 1915 году у информанта Гафура бабая в селе Тюрметьяки (Олы Бүрэн). В настоящее время село относится к Усть-Ишимскому району Омской области. Рукопись выполнена арабской графикой на 21 странице⁹.

В тексте повторяются персонажи предыдущего варианта: мать Идегея Кондызбике, его соратник – Анисим [9, с. 805–806]. Вариант с небольшими сокращениями был опубликован в газете «Кызыл Татарстан» – «Красный Татарстан» [4].

Третий вариант был записан Хафизом Рахматуллиным в 1924 году в деревне Яланкуль Тарского округа (Большереченский район Омской области). Этот вариант, объемом 53 страницы, представляет рукопись на арабской графике¹⁰. Состоит из чередующихся стихотворных и прозаических частей. Сведения об информанте указаны в конце текста: «Алжыган Ситдыйк бабагыз ядыре диб искә алыгыз, улларым. Тара өязе Яланкул авылы Ситдыйк бабай авызындан 1924нче ел яздым. Г. Рахматуллин».

Этот вариант дастана отличается содержанием. Язык варианта сложный и несовершенный, стиль неоднородный, содержание запутанное, желание дать в небольшом фрагменте максимальную информацию о племенах, народах, государствах и сражениях привело к путанице, многие моменты остаются непонятными. Если пропустить информацию о народах, племенах, родственных связях и перемещениях, то содержание сводится к следующему: Кулбукай был убит по приказу Токтамышша, подозревавшего его в измене. Его сын Идегей вырос под именем Кубулкай. После смерти матери его усыновил Янбай, визирь Токтамыш-хана. Идегей получает знания, обучается военному делу, славится своей мудростью и остроумием, завоевывает любовь Токтамыш-хана. Цель Идегея-Кубулкая мечь за смерть отца. Узнав об этом, слуги доводят намерения до Токтамыш-хана. Хан, чтобы узнать, кто такой Кубулкай, обращается к своему советнику Супратай. Супратай не знает, кем является Кубулкай. В конце Идегей, раскрыв себя, сбегает. За ним следуют его сторонники. Он вместе с Анисимом сражается против славянского царя и Токтамыш-хана. Идегей, победив Токтамышша, избирается ханом. За это время московский царь, собрав войска, нападает на Золотую Орду, услышав об этом, с другой стороны, нападает Тамерлан. Дочь Тамерлана, взятая в плен Идегеем, умоляет не убивать ее. Выйдя замуж за Идегея, эта женщина убивает 36-летнего Идегея.

Нигмат Хаким и вариант Ситдыйк карта. Один из совершенных вариантов дастана был записан Нигматом Хакимом в 1919 году у Ситдика Зайнутдинова в Тарском уезде Тобольской губернии. Нигмат Хаким пишет: «Это я записал от деда Ситдыйка летом 1919 года. Бабай проживал в селе Еланлы на берегу реки Иртыш Тарского округа, а сегодня это село Еланлы относится

⁸ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, единица хранения 179.

⁹ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, единица хранения 166.

¹⁰ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, единица хранения 169.

к Большереческому району Омской области». В тексте он еще раз повторяет эту же информацию, что записал данный текст у старика Ситдика Зайнетдинова в деревне Еланлы (Еланка, Еланское) Тарского уезда бывшей Тобольской губернии. Об информанте Нигмат Хаким пишет: «Этот дед много где был, много повидал, много слушал народной литературы и сам много рассказывал, талантливый сказитель. Этот человек, который даже в разговоре выражается “складно”». Информант назвал свой вариант «Идегэ би мән Туктамыш хан хикэяте»¹¹, дастан по рукописи Н. Хакима был опубликован Ф.В. Ахметовой под названием «Идегэ дастаны» [15, с. 286–337].

Ситдыйк Зайнетдинов родился в 1854 г. в селении Аубаткан Бухарской волости Тарского уезда Тобольской губернии (по нынешнему административному делению Большереченский район Омской области) в семье Магдия Сейтахметовича Зайнетдинова. Умер в 1927 г. В начале 80-х годов XIX века семья переехала в селение Йиланлы (Яланкуль). Как пишет Ф.Т. Валеев, ссылаясь на слова сына информанта, дастан «Идегей» «сын слышал от отца еще в 90-х годах» [1, с. 213].

О данном варианте Нигмат Хаким пишет, что он записывал его под диктовку, т.е. как слышал, потом несколько раз проверял вместе с информантом. Никаких изменений и исправлений текста им внесено не было¹². Нигмат Хаким об этом варианте пишет, что вариант отличается своей совершенностью, особенно это касается поэтических строк. Высоко оценивает этот вариант и А.Н. Самойлович¹³. Поэтому ремарка Н. Исанбета: «Вариант, который известен под названием “вариант старика Ситдика” записан со слов старика из села Яланкуль Тарского округа. Поэтических строк около полутора тысяч. Всего около 80 печатных страниц на бумаге. Однако из-за того, что переписчики путали и включили не относящиеся к народному творчеству детали, я смог использовать его только с особой осторожностью и после долгих исследований и сравнений» вызывает сомнения в том, к какому варианту Ситдыйк карта обращался Н. Исанбет [7, с. 91].

До сих пор считалось, что и Хафиз Рахматуллин и Нигмат Хаким записывали дастан у одного и того же информанта – Ситдыйк бабая. Однако после сравнения этих двух, совершенно разных вариантов, становится очевидным, что речь идет о двух абсолютно разных вариантах и о разных информантах – одноименных бабаях. Этим же объясняется и путаница в названии сел. Предполагаем, что Н. Исанбет тоже пишет о первом, записанном Х. Рахматуллиным, варианте.

Текст несколько раз публиковался, также был включен в том «Дастаны» 25-томного свода татарского фольклора [15].

Н. Исанбет и записанные им варианты дастана. Следующий вариант дастана был обнаружен в краеведческом музее г. Тобольска Н. Исанбетом. Вариант, как следует из рукописи, был записан Мухамметзяновым Габделхакимом из деревни Рязез Тобольского округа для передачи в Тобольский губернский музей. Копия данного варианта, выполненная арабской графикой, на 33 страницах хранится в Центре письменного наследия Института языка, лите-

¹¹ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, единица хранения 240.

¹² ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, единица хранения 240. л.10.

¹³ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, единица хранения 243.

ратуры и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ¹⁴. Текст полностью стихотворный, в нем описываются события, целиком включенные в первые 9 глав сводного варианта Н. Исанбета, вариант обрывается на десятой главе. Н. Исанбет пишет, что при составлении сводного варианта, он обращался к этому варианту [12, с. 91].

В статье, опубликованной в журнале «Совет эдебияты» в 1940 году Н. Исанбет упоминает о четырех вариантах, обнаруженных им во время фольклорной экспедиции в Сибири, среди которых известен только отрывок варианта Мавлет бабая («Мәүлет бабай вариантыннан өзек»), записанный Наки Исанбетом от Мавлета бабая в деревне Новокурупаевка Чановского района Новосибирской области [7, с. 44]. Н. Исанбет упоминает еще о трех вариантах, записанных им в том же 1940 году в Сибири:

От Ташмая Урусмухаметова в деревне Новокурупаевка (Чүпле Күл) Чановского района Новосибирской области. Н. Исанбет пишет, что текст состоит из чередующихся прозаических и поэтических частей.

Среди рукописей, обнаруженных на складе села Кошкуль Чановского района Новосибирской области, были отрывки дастана.

Вариант, записанный от информанта Шарипова в деревне Эбаргуль в Усть-Ишимском районе Омской области [7, с. 91].

К сожалению эти варианты не обнаружены в архиве.

Варианты, записанные Хамитом Ярми и Саитом Амировым. В 1940-х годах Казанский институт языка, литературы и истории АН СССР организовал первую научную экспедицию в Омскую, Новосибирскую и Тюменскую области с целью изучения фольклора и языковых особенностей сибирских татар. В этой экспедиции, организованной под руководством фольклориста Хамита Ярми, участвуют Вали Хазиев, Мухаммед Садри и Саит Амиров. Маршрут экспедиции включает в себя все деревни, где ранее были записаны варианты дастана об Идегее. Поэтому можно предположить, что главной целью этой экспедиции был сбор материала для сборника, посвященного дастану «Идегей».

Члены экспедиции, прежде всего Хамит Ярми, повторяя маршрут В.В. Радлова, не только записывали фольклор, но и искали информацию об именованном ученом. Об этом Хамит Ярми написал: «В 1870-е годы в этом селе Теренино побывал В.В. Радлов. Когда мне сказали, что в деревне много стариков, я собрал самых пожилых людей этой деревни и спросил у них о Радлове. Потому что мне было интересно, каким человеком был Радлов, как он работал в татарских деревнях далекой Сибири, как и у кого записывал народное творчество. По-моему, несмотря на то, что Радлов очень не долго останавливался в этих деревнях, он прекрасно понимал языковые особенности народа и очень правильно зафиксировал сказки и дастаны на подлинном языке (подлинном диалекте) народа»¹⁵. Запись сделана в селе Теренино 22–23 мая 1940 года. Хамит Ярми долго беседовал со стариками. Только 92-летний старец Габбас карт смог вспомнить о В.В. Радлове: «Я был молод. В нашу деревню приехал высокий мужчина, он был в черной шляпе. Я помню, как он разговаривал со старейшинами. Меня не интересовало, что он писал или о

¹⁴ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, единица хранения 189.

¹⁵ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Колл. 4. Папка 2. Единица хранения 37. ФФ.

чем спрашивал. В то время нас ничего не интересовало. Кажется, рядом с ним был еще молодой человек. Они пробыли у нас несколько дней»¹⁶.

В селе Теренино, где Радлов записал вариант дастана «Идеге пи», Хамит Ярми услышал информацию о Радлове, однако дастан «Идегей» к тому времени уже не сохранился.

В Новосибирской области Хамит Ярми записал лишь один фрагмент эпоса. Им у Нура Ибрагимова в деревне Аялу Чановского района Новосибирской области был записан вариант «Идеге»¹⁷. Вариант объемом одна страница является самостоятельным произведением, имеющим начало, основную часть и логическое завершение. Текст повествует о том, как казахи постоянно совершали набеги на татар и во время одного из таких набегов украли и Идеге. Казахские шаманы, наблюдая за ним, пришли к выводу, что в будущем следует ожидать от парня больших неприятностей. Чтобы узнать его лучше, ему дают отравленный катык, который он перемешал ножом. Повзрослев, он, как и предсказывали, победил хана и завоевал его страну.

Сайтом Амировым, участвовавшим в этой экспедиции в Новосибирской области, были обнаружены два варианта. Первый вариант, фрагмент «Идеге хана», состоит из пяти строк. Записан в деревне Тармакуль Чановского района Новосибирской области у Мирсияп Амруллина 1880 года рождения¹⁸.

Второй вариант дастана «Итегэй батыр» – это законченное произведение на двух страницах, кратко излагающее содержание дастана. Записан С. Амировым в деревне Кошкуль Чановского района Новосибирской области у Хикматуллы Баширова¹⁹. Текст воспроизведен на барабинском диалекте восточного диалекта татарского языка.

Все три варианта записаны в Чановском районе. Во время этой же экспедиции Хамитом Ярми в Омской области записаны еще два небольших варианта.

Первый вариант «Идеге батыр» записан у Шарифа Сагитова в деревне Эбаргуль Усть-Ишимского района Омской области²⁰. В этом варианте события разворачиваются на берегу Иртыша, в окрестностях Омска. Образ Пуре-хана, который является персонажем сибирскотатарских дастанов, отсутствует в других вариантах [9].

Дастан содержит традиционные сказочные мотивы. Например, Хан, вручив Идеге письмо с приказом убить принесшего это послание, отправляет его к Пуре-хану. Идеге, прочитав по дороге письмо, узнает об истинных намерениях хана.

Вариант «Идеге турында» на 5 страницах записан у Мингарая Мухаметова (в возрасте 42 лет) в деревне Яманкуль (Еланлы) Большереченского района Омской области²¹. Мингарай Мухаметов рассказал, что этот вариант услышал у Ситдыйк бабая в 1915 году во время сенокоса. Вариант содержит оригинальные мотивы, например, сон Идегея. В этом варианте деревня называется Яманкуль и, как указывает Хамит Ярми, имеет параллельное наимено-

¹⁶ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Колл. 4. Папка 2. Единица хранения 37. ФФ.

¹⁷ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, единица хранения 175.

¹⁸ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, единица хранения 198.

¹⁹ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, единица хранения 198.

²⁰ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, единица хранения 198.

²¹ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52, единица хранения 185.

вание – Еланлы. Язык текста соответствует тевризскому говору тоболо-иртышского диалекта татарского языка.

Таким образом, во время этой экспедиции было записано 5 текстов. Все они, за исключением одного фрагмента, несмотря на малый объем и отдаленность от эпоса по структуре, представляют собой законченные тексты, кратко излагающие содержание эпоса. Они, с одной стороны, подтверждают популярность этого произведения, с другой стороны, особые мотивы, сохранившиеся в этих текстах, показывают, что среди татарского народа были популярны многочисленные варианты этого дастана.

Вариант, записанный Флорой Ахметовой. Вариант, получивший название «Аерылу турында жыр» («Песня о разлуке»), был переписан Ф. Ахметовой в 1970 году со старинной рукописи, хранившейся в семье Минзиды Нигметзяновой (1908 года рождения) и Тимержана Нигметзянова (1906 года рождения), проживающих в Тюмени²² [15]. По сведениям Ф. Ахметовой, семья Нигметзяновых переехала из села Турай Апастовского района Татарстана в село Ахман Тавдинского района Тюменской области в 1912 году. Отдельные строфы варианта созвучны с дастаном «Идегей». В варианте Нигмата Хакима есть строфы, рифмующиеся с этими отрывками. Это также доказывает, что «Песня о разлуке» – это отрывок из дастана «Идегей».

Телеутские варианты дастана «Идегей». Небольшой отрывок дастана «Идегей» записан М.В. Чевалковым у телеутов и опубликован В.В. Радловым в его I томе «Образцов народной литературы тюркских племен» [17, с. 190]. Этот же вариант был переведен на русский язык и опубликован в 1874 году в «Камско-Волжской газете», издававшейся в Казани.

Фрагмент популярный, встречается и в других вариантах, например, в варианте Нигмата Хакима, записанном от деда Ситдыйка в селе Еланлы Омской области есть строки, дословно повторяющие этот отрывок. Это показывает, что данный дастан к телеутам перешел от сибирских татар, так как сибирские татары и телеуты проживают рядом, тесно взаимодействуя между собой [9].

Текст описывает поэтический спор сына Идегея Мырат-пи (Мырадыма) с его матерью. Мать хочет остановить сына, который злится на отца и хочет уйти из дома.

*Ай, Мырадым, Мырадым!
Эдил тэгэн су кэлэр,
Аны канып кечерзиң?
Эдегинде эл болор,
Аны канып өдөрзиң?*

*Әй, Норадын, Норадын,
Идел дигән су килер,
Аны ничек кичәрсең?
Итәгендә ил булыр,
Аны ничек үтәрсең?*

*О, Мырадым, Мырадым!
Встретятся тебе воды Волги
(Итиля)
Как же ты ее перейдешь?
У берегов будет государство
Как же ты его пройдешь?*

О популярности этого отрывка среди телеутов свидетельствует запись трех его вариантов в конце XX века (один – в 1988 году, два варианта – в 1992 году). Тексты песен, записанные в последнее время, претерпели жанровую трансформацию и являются произведением, описывающим отношения матери и ребенка. Уход Мырата из дома, с одной стороны, оскорбляет его

²² ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Коллекция 1970 года. ФФ.

родителей, а с другой – отречение от страны и родной земли делает человека несчастным. Об этом мать предупреждает сына.

Таким образом, не считая четырех фрагментов, записанных у телеутов, в Западной Сибири было записано 19 татарских вариантов. Часть вариантов зафиксирована с сохранением диалектальных особенностей, другая часть записана в книжном стиле и говорить о диалектальной принадлежности текста сложно. В 4 томе «Образцов народной литературы» текст зафиксирован с сохранением особенностей среднего диалекта татарского языка. Переписанный Хафизом Рахматуллиним с рукописи, хранившейся в селе Таутамак, текст написан на смешанном татарско-турецком языке и происходит из Среднего Поволжья (деревня Акзигитово Зеленодольского района Татарстана). Вариант обнаруженный Н. Исанбетом в Тобольском краеведческом музее также не содержит особенностей восточного диалекта и возможно происходит из Среднего Поволжья. Записанные в 1940 году варианты, зафиксированы в основном без соблюдения правил транскрипции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валеев Ф.Т., Зайнитдинов С.М. Приложение к статье А.Н. Самойловича «Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым» // Тюркологический сборник за 1972 год. М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1973. С. 212–213.
2. Галева Н.Ф. Из истории деревни Тайчи // Гасырлар авазы-Эхо веков. 2021, № 4. С. 174–187.
3. Госман М. Идегэй белэн Нуретдин (тарихи хикяэ) (Прилож. к журн. «Ак-Юл»). Казан, 1914. 32 б.
4. Идиге (Итук батыр) // Кызыл Татарстан. 1940. 1 ноябрь. № 15.
5. Идиге. Киргизская сказка // Сибирский Вестник. СПб., 1820. Ч. X. С. 189–204.
6. Изеүкэй менэн Моразым // Кызыл Башкирия. 1940. № 95–98, 100, 101, 103–108, 110–116.
7. Исәнбәт Н. Татар халык эпосы «Идегэй» дастанының 500 еллыгы // Совет әдәбияты. 1940. № 11. Б. 72–92.
8. Мелиоранский П.М. Сказание о Едигее и Токтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч.Ч. Валиханову. Издал проф. П.М. Мелиоранский // ЗРГО ОЭ. Прилож. к тому XXIX. СПб.: Типо-литография И. Боранского и Ко, 1905. 23+44 с.
9. Миргалеев И.М., Фазлутдинов И.И., Закирова И.Г. К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Идигее // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 792–816. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816> EDN: ИКМІЈА
10. Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос «Идегей»: эхо сквозь столетия // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 537–550. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550>
11. Османов М.-Э. Ногайские и кумыкские тексты. Хрестоматия. СПб.: Изд-во Академии наук, 1883. С. 32–49.
12. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. I: Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб., 1866. XXIV. 419 с.
13. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Часть IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872. 411 с.

14. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб.: изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. Дел, 1861–1885. Вып. 60: Тобольская губерния: по сведениям 1868–1869 годов / обраб. ред. В. Зверинским; сост. и изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел. 1871. ССLXXII, 196 с.

15. Татар эпосы. Дастаннар / Төзүче, кереш сүз һәм искәрмәләрне язучы, сүзлекне әзерләүче Ф.В. Әхмәтова-Урманче. Казан: «Раннур», 2004. 640 б.

16. Урманче Ф. Народный эпос «Идегей». Казань: Фэн, 1999. 200 с.

17. Юсупов Ф.Ю. В.В. Радлов и его книга «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгагарской степи». Часть IV. «Наречия барабинов, тарских, тобольских и тюменских татар». СПб., 1872. Нижний Тагил: ООО «Онлайн-сервис», 2021. 912 с.

REFERENCES

1. Valeev F.T., Zajnitdinov S.M. Appendix to the article of A.N. Samoilovich “A variant of the legend of Edigu and Tokhtamysh, recorded by N. Khakimov”. *The Turkological collection*. 1972. Moscow: Nauka, 1973, pp. 212–213. (In Russian)

2. Galeeva N.F. Excerpts on the history of Taychi village. *Echo of centuries*. 2021, no. 4, pp. 174–187. (In Russian)

3. Gosman M. Edigu and Nuretdin (a historical tale) (appendix to the “Ak-Yul” magazine). Kazan, 1914. 32 p. (In Tatar)

4. Edigu (Ituk batyr). *Kyzyl Tatarstan*. No. 15. 1940. (In Tatar)

5. Edigu. Kyrgyz fairy tale. *Siberian Bulletin*. Vol. 10. St. Petersburg, 1820, pp. 189–204. (In Russian and Kyrgyz)

6. Idukai and Muradym. *Kyzyl Bashkiria*. No. 95–98, 100, 101, 103–108, 110–116, 1940. (In Bashkir)

7. Isanbet N. The 500th anniversary of the Tatar folk epos “Edigu”. *Sovet edebiyaty=Soviet literature*. 1940, no. 11, pp. 72–92. (In Tatar)

8. Melioransky P.M. The Saga of Edigu and Tokhtamysh. Kyrgyz text based on a manuscript belonging to Ch.Ch. Valikhanov. Published by Prof. P.M. Melioransky. *Notes of the Russian Geographical Society on the Department of Ethnography*. Appendix to vol. 29. St. Petersburg: Tipo-litografiya I. Baranskogo i Co, 1905, 23+44 p. (In Russian and Kyrgyz)

9. Mirgaleev I.M., Fazludinov I.I., Zakirova I.G. On the question of studying Tatar variants of the epos about Edigu. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 792–816. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816> EDN: IKMIJA. (In Russian)

10. Mukhametzanova L.Kh. The Tatar Epos “Edigü”: An Echo through the centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 537–550. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550>. (In Russian)

11. Osmanov M.E. Nogai and Kumyk texts. A textbook. St. Petersburg: USSR Academy of Sciences Publ., 1883, pp. 32–49. (In Russian, Nogai and Kumyk)

12. Radlov V.V. Samples of folk literature of Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungarian steppe. Part 1: Sub-dialects of Altai: Altaians, Teleutes, Chernov and Lebedinsky Tatars, Shors and Sayans. Vol. 24. St. Petersburg, 1866. 419 p. (In Russian)

13. Radlov V.V. Samples of folk literature of Turkic tribes living in Southern Siberia and Dzungarian steppe. Part 4. Adverbs of the Barabin, Tarsk, Tobolsk and Tyumen Tatars. St. Petersburg, 1872. 411 p. (In Russian)

14. Lists of populated places of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. St. Petersburg, 1861–

1885. Vol. 60: Tobolsk province: according to information from 1868–1869. Edited by V. Zverinsky, 1871. 196 p. (In Russian)

15. Akhmetova-Urmanche F. V. Tatar epos. Dastans. Kazan: Rannur, 2004. (In Tatar)

16. Urmanche F. The folk epos "Idegei". Kazan: Fan, 1999. 200 p. (In Russian)

17. Jusupov F.Ju. V.V. Radlov and his book "Samples of folk literature of Turkic tribes living in Southern Siberia and Dzungagar steppe". Part 4. "The dialects of the Barabin, Tarsk, Tobol and Tyumen Tatars". St. Petersburg, 1872. Nizhny Tagil: Onlain serviz, 2021. 912 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильназ Ильдусович Фазлутдинов – старший преподаватель Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета (420111, ул. Проф. Нужина, 1/37, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2676-9750, ResearcherID: JPY-0685-2023. E-mail: fazl97@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilnaz I. Fazlutdinov – senior lecturer, Institute of Social and Philosophical Studies and mass media, Kazan (Volga region) Federal University (1/37, Professor Nuzhin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2676-9750, ResearcherID: JPY-0685-2023. E-mail: fazl97@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 24.06.2024

Поступила после рецензирования / Revised 03.10.2024

Принята к публикации / Accepted 03.11.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.782-813>
EDN: FRCSFC

УДК 398.1

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ КАЗАХСКИХ ВАРИАНТОВ ПРЕДАНИЙ ОБ ИДЕГЕЕ

Т.А. Уалиев^{1,2} ✉, А.К. Кушкумбаев¹

¹ Научный институт изучения Улуса Джучи
Астана, Республика Казахстан

² Кокшетауский университет имени Ш. Уалиханова
Кокшетау, Республика Казахстан
✉ tarikhname10@gmail.com

Резюме. Цель исследования: обзор и систематизация архивных и опубликованных казахских вариантов эпоса «Идегей», составление полного списка текстов, их структурный и текстологический анализ.

Материалами исследования являются как опубликованные, так и неопубликованные рукописные казахские варианты предания об Идегее. В работе также задействованы обширные данные казахстанской историографии изучения эпоса, в основном труды фольклористов, сведения из литературных и исторических источников.

Результаты и научная новизна: в хронологическом порядке проведен обзор истории изучения эпоса «Идегей» в Казахстане. Произведен обзор всех известных вариантов и сравнительный анализ основных сюжетов и мотивов эпоса.

Были выделены три основных региона литературных традиций, которые оказали влияние на формирование казахских вариантов сказания. Варианты сказания об Идегее, особенно поэтические фрагменты, оказали значительное влияние на творчество казахских сказителей.

Ключевые слова: фольклор, Золотая Орда, Ногай, предания, Идегей, Токтамыш, казахские варианты предания об Идегее

Для цитирования: Уалиев Т.А., Кушкумбаев А.К. К вопросу об изучении казахских вариантов преданий об Идегее // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 782–813. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.782-813> EDN: FRCSFC

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP23490261)

Благодарности: Авторы статьи выражают благодарность И.М. Миргалееву за идею написания этой статьи и всестороннюю помощь в работе над текстом. Также, мы бы хотели поблагодарить С.А. Закирова за его критические замечания и ценные рекомендации, которые способствовали изучению историографии казахских вариантов сказания об Идегее, выявлению и классификации текстов, а также их структурному и текстологическому анализу.

© Уалиев Т.А., Кушкумбаев А.К., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

STUDYING KAZAKH VERSIONS OF THE LEGENDS ABOUT EDIGE

T.A. Ualiyev ^{1,2}✉, A.K. Kushkumbayev ¹

¹ Research Institute for Jochi Ulus Studies
Astana, Republic of Kazakhstan

² Kokshetau University named after Sh.Ualikhanov
Kokshetau, Republic of Kazakhstan
✉ tarikhname10@gmail.com

Abstract. This research aims to review and systematize archival and published Kazakh versions of the epic of “Edige” (Yedige) and compile a complete list of texts while including their structural and textual analysis.

For the materials of the article, both published and unpublished handwritten Kazakh versions of the legend of “Yedige” have been used. The work also involves extensive data from Kazakh historiography of the study of the epic of Edige, mainly the works of folklorists, as well as information from literary and historical sources.

Results and scientific novelty: A chronological review of the history of the epic of Edige in Kazakhstan has been conducted. An overview of all known variants and a comparative analysis of the main plots and motives of the epic have been made. Information is provided about folklore researchers and historical circumstances and conditions in which it was necessary to record and publish various versions of the epic in Kazakhstan. Prohibiting the study of the epic “Edige” had a negative impact not only on the field of Edige studies, but also on the study of the epic in Kazakhstan as a whole, limiting the scientific potential of researchers who were forced to avoid this topic. As a result, the topic of Edige and the Golden Horde remained outside the focus of Russian historical science for a long time, and many scientists began to build their careers focusing on mainstream topics of that period.

Three main regions of literary traditions were identified that influenced the formation of Kazakh versions of the legend. Variants of the legend of Edige, especially poetic fragments, had a significant impact on the work of the Kazakh akyns, zhyrshy, and zhyrau.

Keywords: folklore, Golden Horde, Nogai, legends, Edige, Toktamys, Kazakh versions of Edige legend

For citation: Ualiyev T.A., Kushkumbayev A.K. Studying kazakh versions of the legends about Edige. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 782–813. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.782-813> (In Russian)

Financial Support: The work was carried out with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (grant no. AP23490261)

Acknowledgements: The authors of the article express their gratitude to I.M. Mirgaleev for the idea of writing this article and comprehensive assistance in working on the text. We would also like to thank S.A. Zakirov for his critical comments and valuable recommendations, which contributed to the study of the historiography of the Kazakh versions of the legend of Idegei, the identification and classification of texts, as well as their structural and textual analysis.

Введение. В четвертом номере научного журнала «Золотоордынское обозрение» за декабрь 2023 года вышла статья татарстанских ученых – И.М. Миргалеева, И.И. Фазлутдинова и И.Г. Закировой «К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Идегее» [46]. Авторы статьи на основе архивных и опубликованных вариантов татарского дастана «Идегей», а также сведений из литературных и исторических, научных исследований представили тщательный обзор всех доступных им на тот момент вариантов и сравнительный анализ отдельных эпизодов и мотивов эпоса. Справедливо указывая на то, что татарские варианты имели большое территориальное распространение среди татар Волго-Уралья, Западной Сибири и Крыма, авторы вслед за П.М. Мелиоранским [45], Наки Исанбетом и А. Самойловичем [46, с. 797], также обратили внимание на близость отдельных частей вариантов татарских вариантов эпоса Идегей с казахскими. В перспективе исследователи планируют публикацию всех известных вариантов татарской версии дастана «Идегей» и выявление их взаимосвязей с другими национальными версиями.

Работа вышеназванных авторов над обзором многочисленных татарских вариантов и сравнительный анализ отдельных мотивов дастана «Идегей» побудила и нас сделать аналогичную работу уже по казахским вариантам эпоса «Идегей» (Едиге) и преданий, в которых можно легко найти похожие сюжетные линии и мотивы¹.

Сказания об «Идегее» занимают важное место в эпическом наследии тюркских народов Евразии и имеет большое значение в трансляции истории и культуры Золотой Орды. Несмотря на то, что образцы степного эпического наследия обладают достаточно высоким научно-познавательным уровнем, тем не менее, не считая отдельные статьи исследователей [36; 37; 52; 51; 50; 53], эпос «Идегей» до сих пор остается за пределами внимания казахстанских историков, а многочисленные варианты эпоса до сих пор не введены в научный оборот.

Основная сюжетная линия эпоса описывает внутривосточный кризис, разразившийся в конце XIV – начале XV веков в Улусе Джучи. В центре повествования находится междоусобица и борьба за власть среди местной политической элиты. Исследователи давно отметили высокий уровень историчности и достоверности эпоса. Центральные фигуры, такие как Токтамыш-хан, Идегей, Сатемир (от Шах (Са) Темир, Тимур, Аксак Тимур, Тамерлан), были реальными историческими личностями той эпохи. Основные сюжеты эпоса также отражают реальные исторические события, дополненные архаическими элементами и новыми эпическими мотивами.

Как известно, самый первый печатный вариант сказания об Идегее был опубликован в вольном переводе (в прозе) на русский язык в журнале «Сибирский вестник» Г.И. Спасским в 1820 году. Стоит отметить, что данный вариант был записан у казахов, и вышла в свет под названием «Идиге: киргизская сказка» [61].

Одним из наиболее полных вариантов эпоса по праву считается вариант «Валиханова-Мелиоранского», который был записан Чингизом Валихановыми

¹ Идея написания этой статьи возникла после серии обсуждений в офлайн и онлайн-форматах с Ильнуром Мидхатовичем Миргалеевым, главным редактором журнала «Золотоордынское обозрение» и руководителем Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств имени М.А. Усманова Института истории имени Ш. Марджани АН РТ.

(отцом Чокана Валиханова) в 1841–1842 годах. История фиксации казахских вариантов и преданий об Идегее Валихановыми, вероятно, берет свое начало с февраля 1840-го года, когда начальник Пограничной комиссии полковник М.В. Ладыженский в письме султану Аман-Карагайского округа майору Чингизу Валиханову поручил собрать образцы казахской народной поэзии, сказок и преданий [20, с. 30]. Выполняя поручение М.В. Ладыженского, Чингиз Валиханов собирал у степных акынов и сказителей и записывал с их уст песни и легенды. В результате Чингизу Валиханову удалось собрать три списка сказаний об Идегее: первый список был записан со слов кыпчака (подрод курлеут-кыпчак) Джумагул акына; «второй сделан им же с добавлениями их из устных преданий разных лиц»; третий – со слов Арслан-бая (Арыстанбай акын, представитель рода бабасан-атыгай из аргынов) [60, с. 223–225].

В 1896 году А.А. Диваев опубликовал в Ташкенте один из вариантов преданий об Идегее в русском переводе [25]. В 1922 году этот же вариант был издан на казахском языке в Ташкенте в сборнике «Батырлар» под названием «Мырза Едиге батыр» [26].

В 1895 году близкий друг Ч.Ч. Валиханова Г.Н. Потанин совершает полевую экспедицию в Казахстан, где его сопровождал молодой студент Петроградского университета Д. Султангазин уроженец берегов реки Токрау, Каркаралинского округа. В данной поездке Д. Султангазин помогал записывать казахские народные предания, сказки и переводил их на русский язык. В итоге Г.Н. Потанину удалось собрать четыре варианта (переложенные в форме прозы) предания об Идегее, и в 1897 году издать их в журнале «Живая старина» [48]. Как отмечал В. Жирмунский, все четыре варианта изданные Г.Н. Потаниным «в сюжетных подробностях заметно отличаются друг от друга, отклоняясь от истории в сторону сказки» [32, с. 352].

В начале XX века с появлением первых казахских печатных изданий наблюдается резкий рост казахской литературы, расширяется тематика издаваемых сочинений, ведущая роль переходит к жанру фольклора, который занимает первое место по количеству изданий в этот период. В этом прослеживается своя логика, обусловленная читательским интересом в среде казахов, где широкой популярностью пользовались эпические сказания и народные предания [68, с. 142]. Нельзя не отметить и просветительскую роль представителей яркой плеяды казахской интеллигенции начала XX века, чьи разносторонние исследовательские интересы часто сходились в одном – большинство их увлеченно занимались изучением казахских народных преданий и эпосов.

В этот период издаются (преимущественно в г. Казани) известные в народе эпосы, легенды и сказания, такие как «Алпамыс батыр», «Қара Мерген ертегісі («Сказка о Кара Мергене»), «Орақ-Мамай», «Қисса Құламерген», «Ер Тарғын», «Қобыланды батыр». В 1900 году в 47 номере газеты «Дала уалаяты» печатается материал Отыншы Алжанова, под псевдонимом «Орта жүз» – предание «Едігенің төресі» («Суд Эдыге») [19, 4].

В 1924 году во 2-ом и 3-ем номерах журнала «Сана» выходит статья известного казахского общественного и политического деятеля первой трети XX века М. Тынышпаева «Мырза Едиге батыр». В статье М. Тынышпаев в отличие от работ многих представителей казахской интеллигенции, так или иначе занимавшихся изучением казахских устных преданий и эпосов, Идегей не предстает положительной исторической личностью, скорее наоборот. Сопоставляя

исторические и эпические сведения, он четко приводит грань между историческим и эпическими образами Идегея. Не случайно он в подзаголовке статьи использует название «Едиге в сказании и истории» («Ертедегі Едіге мен тарихтағы Едіге»), противопоставляя исторический образ Идегея его образу из устных преданий. Ослабление и последующее падение государства Улуса Джучи М.Тынышпаев ставит в вину прежде всего Идегею, и только потом эмиру Тимуру: «нет никого в истории Улуса Джучи, кто бы превзошел в совершении злодеяний в отношении этой страны, чем Едиге» [4, с. 221–224].

После публикации русского перевода сочинений Ч. Валиханова в 1904 году и издания оригинальной рукописи, подготовленной П.М. Мелиоранским годом позже, текст рукописи Ч. Валиханова неоднократно переиздавался в Казахстане до начала войны, хотя и в несколько переработанном виде. В 1927 году К. Сатпаев издает книгу «Ер Едіге» в Москве тиражом 3000 экземпляров на казахском языке арабской графикой [55]². В 1934 году выходит сборник «Батырлар жыры» под редакцией писателя С. Сейфуллина, а в 1939 году – сборник С. Муканова «Батырлар». Оба сборника были изданы на латинице, и в них вариант Ч. Валиханова подвергся незначительному редактированию [12, с. 392].

Еще студентом, К. Сатпаев начал увлекаться изучением устного и литературного творчества казахского народа: «причиной, побудившей меня заняться тогда сказанием об Едиге, было мое общее увлечение материалами устного народного творчества в 1920–1924 гг., в период моей работы народным судьей в Баян-Аульском районе и в ранние годы студенчества» [56, с. 133]. В 1924 году в архиве трудов Русского географического общества в библиотеке Томского университета К. Сатпаев работает над текстом варианта Валиханова-Мелиоранского. Отредактировав его, он создает свой новый вариант эпоса Идегей. К. Сатпаев составляет предисловие (в 1924–1925 гг.) к данной редакции варианта эпоса, после чего весь материал текста направляет в Москву, в адрес Центрального издательства народов СССР.

В том же 1927 году в г. Кзыл-Орда [9, с. 235]³ (тогда столица КазССР) выходит книга писателя М.О. Ауэзова «Әдебиет тарихы» («История литературы»). В этой книге писатель М. Ауэзов приводит классификацию героических эпосов разделяя их на два вида – 1) ұлы батырлар (великие батыры): Едиге, Кобыланды батыр, Ер Таргын, Ер Сайын, Шора батыр; 2) кіші батырлар (младшие батыры) Алпамыс батыр, Камбар батыр [9, с. 95].

Монография М. Ауэзова была призвана заполнить пробел трудов по казахской литературе и тем самым стать первой в истории казахов книгой из жанра учебно-методической литературы. Однако, этому не суждено было сбыться, поскольку книгу сразу после издания задержали на складе и наложили арест.

² По воспоминаниям родственников К. Сатпаева эпос «Ер Едіге» был издан по совету и при поддержке Алихана Букейхана (лидера национального движения «Алаш» до установления советской власти в Казахстане), который в 1927 году заведовал казахской редакцией в Центральном издательстве народов СССР в Москве.

³ В письме-заявлении Мухтара Ауэзова АПО Крайкома ВКП (б) от 6 июня 1928 года говорится, что его труд по истории казахской литературы был издан в г. Ташкенте [8, с. 76].

Переиздание книги М. Ауэзова «Қазақ әдебиеті» вышло спустя 58 лет в 1985 году после первого издания, в 16 томе собрания сочинений писателя, и претерпело значительную редакционную правку, в том числе, были удалены отдельные разделы, посвященные героическим сказаниям – «Краткое сказание об Едиге», «Едиге батыр», «Краткое сказание Нарикюлы Шоры», «Шора батыр» и т.д [10, с. 365].

В 1932 году выходит в свет книга С. Сейфуллина «Қазақ әдебиеті» («Казахская литература») [58]. Еще в начале XX века профессор П.М. Мелиоранский и его ученик П.А. Фалев выдвинули теорию о происхождении сказания об Идегее, согласно которой, устные предания ногайлинской эпохи (в том числе, и Идегей) возникли у ногайцев и от них уже перешли к казахам: «весьма вероятно, что и вообще родиной этой былины были ногайские, а не киргизские степи...» [45, с. 5], «сами ногайцы принесли свои героические песни и сказания в киргизские (казахские) степи» [65, с. 14]. С. Сейфуллин отрицает эту теорию и использует термин «ногайлы» в значении всего населения Улуса Джучи и отрицает гипотезу о ногайском происхождении сказаний золотоордынского периода. Он утверждает, что эти предания сложились в давние времена, когда все народы и племена, которые были в составе Золотой Орды и прежде именовались как «ногайлы»: «После гибели Ногай хана, соседние государства называли золотоордынские племена как «ногайлы», «ногай»... «Эти предания восходят в эпоху, когда Крым, Казань и монгольские племена были единым народом ногайлы» [57, с. 13–14].

Если в довоенное время во многих произведениях казахских писателей идея воспевания героев древних эпических времен проходит красной нитью, то в разгар войны герои эпических поэм повсеместно используются в пропагандистских целях. Как вспоминал А. Маргулан, имена героев из эпических преданий культивировались для поднятия морального духа бойцов и широкого слоя населения [44, с. 92]. Необычайным и важным событием для ценителей казахского фольклора явилось история записи специалистами Института литературы и искусства Академии наук Казахской ССР эпоса «Сорок батыров Крыма» (Қырымның қырық батыры) от Мурын-жырау в 1942 году. Сорок богатырей Крыма – эпический цикл дастанов (сказаний), распространенный у тюркских народов Поволжья, Северного Кавказа, Западной Сибири и Казахстана⁴.

Мурын-жырау родился около 1860 года в местности Коньорорпа на полуострове Мангыстау в семье кузнеца. Детство он провел среди казахов Младшего жуза и с ранних лет работал в кузнице своего отца, а все свободное время посвящал изучению былин и легенд. По словам самого Мурын-жырау, сказаниям он учился в молодости у известных жырау Нурыма (1825–1898 гг.) и Кашагана (1841–1929 гг.), странствуя вместе с ними по Средней Азии [1, с. 48]. Любопытно, что традицию богатырских сказаний, которые он исполнял, Мурын-жырау возводил, по преданию своих учителей, к Сыпра-жырау –

⁴ «Сказание об Едиге» также является составной частью эпоса «Сорок батыров Крыма», он входит в исходную группу эпоса, которая известна как «Аншыбай батыр и его потомки». Согласно эпосу «Сорок батыров Крыма», генеалогия Идегея выглядит следующим образом: «Едиге – сын Куттыкии, который был сыном Барпарии, Барпария – сын Баба Тукти Шашты Азиза, который, в свою очередь, был сыном Аншыбая» [12, с. 138].

легендарному певцу и прорицателю при дворе золотоордынских ханов Токтамыша и его предков, известному по сказанию об Идегее [32, с. 394].

Благодаря личной инициативе К. Сатпаева, который на тот момент возглавлял Казахский филиал Академии наук СССР и осознавал как неопценную ценность устного наследия, так и возраст старца-жырау, удалось пригласить Мурына Сенгирбекулы в Алматы. К. Сатпаев сумел добиться выделения значительных сумм из государственного бюджета на его дорожные расходы и проживание в Алматы, что позволило зафиксировать устные предания и легенды тюркских народов, включая эпос «Сорок батыров Крыма». Состоящий из более чем 28400 строк стихов, и сохранившийся благодаря природному дару Мурын-жырау и его наставников, данный эпос теперь по праву входит в избранные шедевры мировых народных сочинений [13, с. 426].

В 1945 году в Москве выходит книга А.С. Орлова «Казахский героический эпос», в которой автор анализирует не только эпосы о «Алпамысе батыре», «Кобыланды батыре» и «Ер Саине», но также уделяет внимание эпосу «Идегей», посвятив ему 20 страниц [47, с. 128–147].

Известно, что в молодости А.Х. Маргулан занимался фольклористикой, уделяя особое внимание исследованию дастана «Идегей». Например, в 1940 году в журнале «Литература и искусство Казахстана» была опубликована статья А. Маргулана «Едыге и Орак Мамай» [43, с. 34–35]. В 1944 году он издал книгу «Едиге в истории и преданиях», а в 1946 году защитил докторскую диссертацию на тему «Эпические сказания казахского народа» [44]. К последней работе выполненной по фольклорной тематике относится его статья 1946 года «О характере и исторической обусловленности казахского эпоса» [44, с. 405–416], после чего ученый резко меняет направление и специализацию своих научных исследований, и из специалиста по духовной культуре, в том числе устных эпических преданий он становится археологом, изучающим материальные памятники Казахстана эпохи бронзы.

Причиной смены карьерной траектории А. Маргулана в это время, помимо прочего, стали события, происходившие в Татарстане. В августе 1944 г., было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». На основании этого постановления эпос «Идегей» и его исследователей обвиняются в пропаганде татарского национализма. Это оказало колоссальное негативное влияние на изучение народного эпоса, как справедливо отметили татарстанские ученые, «не только дастан «Идегей», но и жанр эпоса в целом вычеркиваются из научного контекста, выпадают из научно-исследовательских планов, прекращается работа по собиранию и изучению татарского народного эпоса» [46, с. 801].

Данное постановление также оказало значительное воздействие на изучение эпоса казахского народа, вызвав соответствующие последствия для исследователей тех регионов, где распространялся героический эпос об Идегее. Данное постановление затронуло не только татар, но и казахов, киргизов, ногайцев, башкир, каракалпаков, узбеков и горных алтайцев [66, с. 177].

Так, например, по решению ЦК ВКП(б) в июле 1945 года в Казахстан была направлена группа работников Управления пропаганды и Союза советских писателей СССР для оказания практической помощи ЦК КП(б) Казахстана в проведении идеологической и пропагандистской работы. В ходе ра-

боты группа выявила, среди прочего, «серьезные идеологические ошибки» в книге «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», вышедшей в 1943 году под редакцией секретаря ЦК КП(б) Казахстана по пропаганде М. Абдыкалыкова и академика А.М. Панкратовой [27, с. 4–5]. В её написании, помимо самой А.М. Панкратовой, участвовали такие ученые, как А.Д. Баевский, Е.Б. Бекмаханов, А.Н. Бернштам, М.П. Вяткин, Б.Д. Греков, М.О. Ауэзов, А.Х. Маргулан и другие. В докладной записке в ЦК ВКП(б) «Об ошибках и недостатках в идеологической работе в партийной организации Казахстана», составленной по итогам проверки группой работников Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Союза советских писателей и направленной Г.М. Маленкову, говорится, что «авторы «Истории Казахской ССР», вопреки марксистской методологии, положили в основу истории Казахстана не развитие производительных сил, производственных отношений, классов и классовой борьбы, а борьбу казахов за свою независимость». В записке также отмечено, что «некоторые казахские историки и литераторы явно идеализируют Золотую Орду и всячески восхваляют Едыге» [27, с. 5]. Имя Алькея Маргулана упоминается неоднократно и сопровождается критическими замечаниями по поводу его идеализации исторических фигур и трактовки событий Золотой Орды [27, с. 5].

В 1947 году в газете «Большевик Казахстана» была опубликована статья партийного функционера Б. Степанова под названием «Об идеологических ошибках работников науки Казахстана», в которой была жестко раскритикована книга А. Маргулана «Едиге в истории и преданиях». По его мнению, «доктор филологических наук Маргулан наделяет Эдыге – этого злейшего врага русского народа – всеми лучшими чертами казахского народа, называет его истинным представителем народа. В целях искажения исторической правды автор идет на прямую фальсификацию» [62, с. 41].

После статьи Б. Степанова и Постановления «О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР» от 21 января 1947 года [67, с. 229] идеологическое давление продолжалось до середины 1950-х годов XX века.

11–15 апреля 1953 года в Алма-Ате проходит дискуссия по вопросам казахского эпоса с участием президента Академии наук Д. Кунаева (он официально открыл обсуждение), а также более 30 ученых из Казахстана и РСФСР. После итогов нашумевшей дискуссии было принято решение о запрете публикации и исследовании таких эпосов, как «Орак-Мамай», «Карасай-Кази», «Шора батыр», «Ер Сайын» и т.д. От обширного эпического наследия народа остались лишь эпосы «Камбар» и «Ер Таргын» [11, с. 340].

Постановление 1944 года и связанный с ним запрет на изучение эпоса «Идегей» существенно замедлили развитие исследований в этой области. В современной казахстанской историографии существует точка зрения [1, с. 47; 7, с. 124–126], что с 1944 года и вплоть до 1980-х годов в Казахстане эпос «Идегей» не изучался и попыток его реабилитации не предпринималось. Авторы этих строк ранее также разделяли подобную точку зрения [37, с. 23–24].

Однако этот период нельзя назвать временем полного молчания. Архивные данные проливают новый свет на историю изучения этого эпоса и в советский период. В конце 1950-х годов ряд ученых, среди которых В.М. Жирмунский, М.О. Ауэзов, Е.С. Исмаилов и другие, инициировали обсуждение

вопроса о пересмотре оценки эпоса «Идегей» в ЦК КПСС. В ответ на их инициативу Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР получил поручение изучить проблему. Для этого представители института посетили республику, где этот вопрос был актуален. В частности, в Алматы прибыла доктор филологических наук, заместитель директора института, профессор А.А. Петросян. Под ее руководством было организовано совещание с участием академиков АН Казахской ССР А.Х. Маргулана, К.Д. Джумалиева, А.К. Джубанова, С.М. Муканова, Е.С. Исмаилова, М.С. Сильченко и других. На встрече обсуждалась необходимость ходатайства перед ЦК КПСС о пересмотре оценки и реабилитации эпоса «Идегей»⁵.

Согласно архивным документам Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), осенью 1969 года в Москве планировалась научная конференция, посвященная исследованию эпоса «Идегей». Основной доклад должен был представить академик В.М. Жирмунский. Казахстанским фольклористам и историкам было поручено предоставить все имеющиеся материалы по эпосу, что они и сделали. Однако конференция по неизвестным причинам так и не состоялась⁶.

Протокол заседания ученого совета Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова АН Казахской ССР от 13 июня 1969 года отражает оптимистичные настроения ученых в условиях оттепели. В документе, написанном арабской графикой, отмечено: «Едіге биыл шешіледі» («вопрос об Едиге решится в этом году»), что, вероятно, написано рукой М. Габдуллина⁷.

Хотя текст эпоса в этот период не переиздавался и образ Идегея практически не фигурировал в общественной жизни, научный интерес к нему не угасал. Продолжали публиковаться и переиздаваться исследования, посвященные эпосу, причем на высоком уровне [42; 57; 20; 41; 38; 31; 32; 22; 21; 17; 16 и др]. В это время было проведено очень серьезное осмысление эпического цикла «Сорок батыров Крыма»⁸, высказан ряд важных гипотез, в том числе, о том, что автором цикла мог быть Шалкииз-жырау [41, с. 54]. В целом изучение и фиксация различных вариантов эпоса «Идегей» в советский период продолжались вплоть до конца 1980-х годов.

В начале 1990-х годов изучением эпоса «Идегей» занялся сын писателя и исследователя казахского фольклора М. Магауина – Едиге Магауин. В 1993 году был опубликован его труд под названием «Едіге: халық эпосы» («Едиге: народный эпос»), где был представлен вариант Ч. Валиханова [39].

В 1995 году Е. Магауин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Едіге жырының тарихилығы және көркемдік ерекшеліктері» («Историзм и художественные особенности эпоса «Едиге»») [40]. Это было первое в Казахстане, после уничтоженной книги А. Маргулана, комплексное исследование по эпосу Идегей. Е. Магауин на основе привлечения богатого фактического материала по истории времен распада Золотой Орды и сравнительного изу-

⁵ Центральный государственный архив РК. Ф.2140. Оп.1. Д. 19. Л.3.

⁶ Центральный государственный архив РК. Ф.2140. Оп.1. Д. 19. Л.4-5.

⁷ Центральный государственный архив РК. Ф.2140. Оп.1. Д. 331. Л.3.

⁸ В 1965 году фольклорист С. Садырбаев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Вопросы циклизации казахского эпоса на материалах эпического репертуара известного сказителя Мурын-жырау», посвященную жизни и творчеству этого выдающегося исполнителя.

чения их с эпосом Идегей, констатирует, что «Идегей» – это героический эпос, сложенный на основе исторических событий и с реальными историческими прототипами [40, с. 26]. К сожалению, Е. Магауин в ходе изучения эпоса Идегей, ограничился лишь вариантом Валиханова-Мелиоранского.

В 1996 году вышел сборник «Едиге батыр» [30] под редакцией О. Нурмагамбетовой, в который вошли не только варианты Ч. Валиханова и К. Сатпаева, но и варианты А. Диваева, М.Ж. Копеева, а также варианты сказителей Мурын жырау и Нуртугана Кенжегулулы. Кроме того, были добавлены каракалпакские варианты. Переиздание этой книги вышло в 1999 году с минимальными изменениями [29].

В 2006 году в 39 томе многотомной серии казахского фольклора «Бабалар сөзі» были опубликованы 8 казахских вариантов эпоса «Идегей». Стоит отметить, что среди этих опубликованных вариантов ранее не были опубликованы «Едиге-Нуран» и «Едиге батырдың әңгімесі». В 2012 году в 85 томе «Бабалар сөзі», посвященном устным историческим преданиям публикуются несколько казахских преданий и легенд об Идегее и хане Токтамыше [14, с. 254–283].

В 2010 году Ж.А. Асанов защитил докторскую диссертацию на тему «Едиге жыры – тарихи-қаһармандық эпос» [6], а затем выпустил монографию, посвященную этому эпосу [7]. Среди современных исследователей-фольклористов выделяются работы таких ученых, как К.Б. Алпысбаева, П.Т. Ауесбаева [5], С. Сакенов [54], К. Дуйсен [69] и другие. Как видно из вышеупомянутого историографического обзора, в Казахстане в советский период и в период независимости изучением эпоса «Идегей» в основном занимались филологи-фольклористы. Лишь после 2010-х годов некоторые казахстанские историки начинают использовать материалы эпоса в качестве объекта своих научных изысканий. Среди них можно отметить исследования А.К. Кушкумбаева [36; 37], Ж.М. Сабитова [52; 51; 50; 53], Р.Д. Темиргалиева [63], У. Агатай [1; 2; 3], А.А. Каратаева [33] и Т.А. Уалиева [64] и других.

Сюжетная линия сказания об Идегее в целом сохраняется в большинстве казахских вариантов, с небольшими отличиями в отдельных эпизодах, и представляется следующим образом: 1) чудесное происхождение главного героя – Идегея, как это принято в традициях тюркских сказаниях. 2) Детство Идегея и проявление его чудесной силы и ума в годы его пастушества. 3) Маленький Идегей выступает в роли судебного арбитра, разрешая споры между людьми. 4) Идегей служит во дворце хана Токтамышша. 5) Жена хана Токтамышша натравливает хана против Идегея. 6) Пиршество в ханском окружении и заговор против Идегея. 7) Предосторожение (мотив преждупреждения) Идегея его другом Ангысыном о готовящемся покушении. 8) Бегство Идегея и период его казакования. Спасение Идегеем дочери Сатимура (Тимура) от плена великана Кабантыын альпыа. 9) Поступление на службу к Сатимуру. Возвращение на родину вместе со своим сыном Нуралыном и месть хану Токтамышшу. 10) Возвращение сына Токтамышша Кадырберди и его победа над Идегеем и Нуралыном.

Перейдем к краткому обзору казахских версий эпоса «Идегей», некоторые из которых до сих пор не были опубликованы.

1. Вариант Г.И. Спасского несколько отличается от других казахских версий своеобразной сюжетной линией, ее обрывностью и неизвестными

персонажами. Так, например, вариант Г.И Спасского не знает либо путает имена главных персонажей; главным антагонистом Идегея вместо Токтамыша выступает Сатимир, именно он в самом начале сказания, в эпизоде охоты находит ребенка под кустом и забирает с собой домой, он дает ему имя Идиге, воспитывает его [61, с. 358]. Вместо старца советника Сыпыра жырау указан некий Кинизем, «который до того был стар, что не только голова его была обвита, но и зубы привязаны шелком» [61, с. 361]. При этом у этого старика Кинизема был сын по имени Чжанибай [61, с. 363], в котором легко узнать Кенжанбая из других вариантов. Также в сказании дочь Сатемира Чжанибеке (в других вариантах и в исторических источниках Джанике – дочь хана Токтамыша) становится женой Идегея и рождает ему двух сыновей: Ир-батыр и Сай-батыр [61, с. 367–370]. Совершенно неожиданным моментом в сказании является упоминание об иштяках-башкирцах (когда как в других вариантах врагами Идегея и его сыновей являются калмаки), от рук которых и погибает и старший сын Идегея – Ир-батыр. К слову, сказание как раз и завершается гибелью Ир-батыра [61, с. 373].

2. Первый вариант Валиханова. Отрывок предания «Идегея», один из вариантов, опубликованных на русском языке в XXIX томе Записок Русского географического общества «Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова» (1904) [60, с. 231–232]. В начале текста повествуется о том, что Эдыге (Идегей) происходит от Баба-Тукласа (Шашты Азиза). Далее повествуется о приключениях самого Баба-Тукласа: о том, как он смог истолковать загадочный сон хана и как на берегу моря встретил девицу. Одни считали её дочерью солнца (Күн-сұлу), другие – дочерью духа Албасты.

3. Второй вариант Валиханова. Второй вариант предания «Идегея», включённый в «Сочинения Ч.Ч. Валиханова» [60, с. 232–233], представляет собой фрагмент предания, близкий по сюжету ногайским вариантам сказания. В предании Идегей происходит от Баба-Тукласа в девятом колене. Отец Идегея – Кутлук-ия погибает от рук хана Токтамыша, за то, что он передал яйца охотничьей птицы Са-Темиру. Токтамыш намеревался убить и Идегея, но его спасает бий, которому Кутлук-ия передает сына на воспитание, жертвуя ради этого своим родным ребенком. В дальнейшем Идегей, который пас стадо баранов, становится известным благодаря своему уму и способности решать судебные споры. Вскоре хан Токтамыш приглашает его к себе на службу. Однако, находясь при дворе хана, Идегей сталкивается с угрозой: ханша плетет интриги против него, и Токтамыш созывает совет, чтобы обсудить, как избавиться от Идегея.

4. Третий вариант Валиханова. Еще один вариант предания из рукописей Ч. Валиханова представляет собой более полный вариант предыдущего сказания. В «Сочинениях Ч.Ч. Валиханова» есть сведения что, рукопись была найдена в бумагах В.В. Григорьева и носит заглавие – «Джирь Эдигей. Перевод Чокана Валиханова» [60, с. 265–273].

5. Вариант Валиханова-Мелиоранского. В отличие от предыдущих вариантов, происхождение которых неизвестно, и вероятнее всего представляют собой ногайские варианты, вариант Валиханова-Мелиоранского как ранее было упомянуто был записан в Аман-карагайском округе (ныне на территории Аулиекольского района Костанайской области в Казахстане) в 1841 году из уст местного жырау. Данный вариант, как и все предыдущие три варианта

был опубликован в 1904 году в сборнике сочинений Ч. Валиханова под редакцией профессора Н.И. Веселовского на русском языке [60, с. 233–264], а через год профессор П.М. Мелиоранский издает его в оригинале, снабдив своим предисловием [45]. Данный вариант сказания был переиздан в 2006 году [12, с. 9–44] и 2019 годах [24, с. 455–487].

По словам Ч. Валиханова в его варианте было объединено три варианта из разных источников. Несовпадение места и обстоятельств гибели хана Токтамыша в сюжете с предсказанием Сыпыра жырау (Сыпыра жырау предсказывает гибель Токтамыша от рук Идегея в местности Кара-дун, на истоке реки Иртыш, но далее в эпизоде гибели хана это происходит на берегу озера Кокилди, к тому же, хана убивает не Идегей, а его сын – Нуралын), передача имени сына Идегея в рукописи в разных формах – Нурадын, Нуралын, Нуредин, Мурадын, также можно объяснить тем, что это части разных версий.

6. Вариант Валиханова-Березина. Опубликован профессором И.Н. Березиным в виде фрагмента сказания 1890 году [18, с. 228–234]. Сопоставление вариантов «Валиханова-Мелиоранского» и «Валиханова-Березина» показало, что, несмотря на их близость, это разные версии, записанные Ч. Валихановым. Текст варианта «Валиханова-Березина» содержит еще больше татарских слов и оборотов, чем вариант «Валиханова-Мелиоранского»⁹.

7. Вариант Валиханова-Сатпаева. Вариант представляет собой переработанную версию Валиханова-Мелиоранского. В предисловии книги «Ер Едіге» (1927 г.) К. Сатпаев пишет, что вариант проф. Мелиоранского содержит в себе «немало чуждых «татарско-книжных» слов и оборотов речи», но полагает что это вызвано субъективными причинами: «В этом, конечно, не виновны ни Чокан, ни проф. Мелиоранский. В этом, мне кажется, виновны татарский мулла Ахмет¹⁰, переписавший, по свидетельству Мелиоранского, рукопись сказания для печати, а также и та «мода на «татарско-книжный язык», которая культивировалась тогда среди знати и других верхушечных слоев казахского народа» [55, с. 75–76]. К. Сатпаев решает переписать вари-

⁹ В ходе устной консультации с С. Закировым было установлено, что опубликованный фрагмент эпоса «Идегей» в третьем томе «Турецкой хрестоматии» 1890 года является отдельным вариантом, записанным Ч. Валихановым.

¹⁰ К. Сатпаев ошибочно полагал, что рукопись переписал татарский мулла по имени Ахмед, в действительности же, Ч. Валиханову помогал султан восточной части Младшего жуза Ахмет Джантюрин. В «сочинениях Ч. Валиханова» вышедшего под редакцией Веселовского, на 225 странице, где даются сведения о том, кем и когда были записаны варианты эпоса, имя переписчика дано не полным: «из этих трех списков, вместе с Чингизом, мы составили в 1842 году свод, переписанный Ахмед..., с которого уже переведена настоящая рапсодия». Видимо в свое время редакторы сборника сочинений Ч. Валиханова работавшие с черновыми записями и рукописями ученого, не смогли разобрать почерк ученого и пропустили фамилию Ахмета Джантюрина, то, что переписчиком был именно он, не вызывает никаких сомнений: на следующей – 226 странице Ч. Валиханов снова упоминает имя султана Ахмета Джантюрина, при кочевье которого он услышал полную версию джира об Урак батыре из уст Нурумбай жырауа. Известно, что кочевье Ахмет Джантюрина находился в пределах Аман-Карагайского округа, где впервые был записан вариант эпоса Идегея [60, с. 225–226]. К слову, К.Б. Алпысбаева в пояснительной части 39 тома «Бабалар сөзі», посвященного эпосу Идегей, прямо указывает, что рукопись была переписана именно Ахметом Джантюриным [12, с. 392].

ант Валиханова-Мелироанского на основе современной казахской орфографии и «исправить имеющийся недостатки в его стихотворных разделах». Для этого он привлек дополнительные тексты, полученные из уст Копабая-жырчи, происходящего из Баянаульского района, рода каржас-аргын [55, с. 77]. Вариант Валиханова-Сатпаева был переиздан в 1995 году на русском и казахском языках [55].

8. Вариант Г.Н. Потанина (1 вариант) записан миссионером отцом Ивановским от казахов, кочующих в горах Тарбагатай. Опубликован в исследовательском труде Г.Н. Потанина «Тюркская сказка о Идыге» в 1897 году [48, с. 294–301]. Сюжет и персонажи этого варианта значительно отличаются от большинства других версий эпоса, включая вариант, записанный Ч. Валихановым. Например, предание начинается не с эпизода у озера как в варианте Валиханова, а с предыстории о вдове, у которой после визита сорока гостей умирают трое сыновей (живших отдельно друг от друга). Имя святого странника Баба-Тукты Шашты Азиза здесь представлено как имена трех разных персонажей: «Бабай», «Тукты» и «Шаш-Тазы», которые являются между собой братьями и внуками этой вдовы. В качестве верного друга вместо Ангысына, который предупреждает о готовящемся покушении выступает Джамбай и т.д.

В эпизоде у озера три брата наблюдают за тремя сестрами-пэри. Младший из них, Шаш-Тазы, берет в жены младшую сестру. Однако она, скрывшись под лебединой шкурой, покидает его, заявив, что родит сына в чужой стране и оставит его на перекрестке дорог. У мальчика будут печати Азраила на лопатке и Джебраила на лбу. Младенца находит Ажу-Кожа, вожак каравана, который по пути в столицу приносит его хану. Хан утверждает, что это его сын Идегей и что он намеренно велел оставить его на дороге, чтобы ускорить возвращение Ажу-Кожы. Когда спор между ханом и Ажу-Кожой еще не разрешен, во дворец приходит странник, который подтверждает слова о ребенке, описывая его особые приметы – печати Азраила и Джебраила.

Возвращаясь домой Шаш-Тазы на пути останавливается у бедного старика со старухой, чтобы помолится Богу и покормить ребенка. Бездетные старик и старуха просят оставить им своего сына, странник в начале не хотел оставить своего сына у чужих, но они все упрашивали и Шаш-Тазы пришлось согласиться и оставить им ребенка. Старуха ухаживала за Идегеем, а старик пас своих козлов. Когда мальчику исполнилось семь лет он начал пасти козлов вместо старика, и получает новое имя Койчубай. Далее предание рассказывает, что, пока Койчубай пас коз в степи, к нему обращались другие пастухи и соседи для разрешения споров. Благодаря своей справедливости и мудрости он снискал уважение и стал бием-казием. В предании упоминаются его решения по различным конфликтам: спор между визирем хана Токтамышом Джамбаем и владельцем горы из-за туши убитого зайца, разбирательство между двумя людьми по поводу верблюжонка, а также конфликт между пятью братьями, чьи козы повредили посевы. В последнем случае Койчубай отменяет решение, ранее вынесенное ханом Токтамышем.

Хан Токтамыш берет Койчубая на службу и объявляет его своим сыном. Койчубай получает имя Эдиге, что означает «человек, заботящийся обо всех». Младшая дочь хана влюбляется в Идегею и предлагает ему сбежать с ней к соседнему хану, но он отказывается. Разгневанная ханша сообщает хану, что Идегей собирается перейти на сторону врага. Хан собирает совет,

чтобы решить, как наказать Идегея. В сказании не упоминается имя Сыпыра жырау, на этом совете он представлен как безымянный восьмидесятилетний старик. Он советует построить железный дом с тремя выходами и пятнадцатью печами, растопить их, а затем напоить Идегея вином, приготовленным из разных сортов винограда. Джамбай предупреждает Идегея о готовящейся казни и советует молиться Богу, когда его отведут в железный дом. Однако покушение на Идегея проваливается, и он выходит из дома невредимым. Признав свою вину, хан Токтамыш подчиняется Идегею, который прощает его и его жену. В конце сказания говорится, что после смерти хана Токтамыша «управление народом перешло к умному и деятельному человеку, и ханство Эдиге прославилось».

9. Вариант Г.Н. Потанина (2 вариант) записан Г.Н. Потаниным со слов султана Д.Х. Султангазина, который это сказание слышал в детстве в Семипалатинской области на реке Токрау. Вариант также опубликован в труде Г.Н. Потанина «Тюркская сказка о Идыге» в 1897 году [48, с. 301–303]. В предании отцом Идегея является святой Баба-Туклас, который был женат на дочери пэри. Как и в предыдущем варианте от Г.Н. Потанина, беременная жена Баба-Тукласа покидает его, сообщив, что оставить новорожденного ребенка на пересечении девяти дорог. Но первым находит ребенка пастух, случайно пасший по той дороге скот. У него и воспитывается Идегей.

В предании также описаны эпизоды, в которых Идегей проявляет недюжинный ум, разрешая споры между людьми. Молва о мудром пастухе доходит до хана Токтамыша, который призывает его к себе. Идегей становится табунщиком и начинает пасти ханских лошадей. Жена хана влюбляется в Идегея и пытается его соблазнить. Когда Идегей отвергает ее, она решает отомстить и настраивает против него хана Токтамыша. Однако хан не осмеливается открыто выступить против Идегея и убить его, поскольку тот был известен как великий силач и искусный наездник. Поэтому хан решает погубить Идегея обманным путем – он объявляет, что хочет выдать за него свою дочь, и устраивает пир. Его намерение состояло в том, чтобы напоить Идегея вином и убить. Однако об этом замысле хана Идегея предупреждает его друг Кек-Дженбай, сын Кенеса. Он приводит оседланного коня, готового для бегства. Идегей, покинув юрту, вскочил на коня и умчался прочь. Примечателен момент, когда разгневанный хан Токтамыш, приказывая своим воинам поймать и вернуть Идегея, восклицает: «Схватите единца!» Этим словом хан намекал на то, что Идегей был либо единственным сыном, либо безродный.

В данном варианте дочь Са-Темира находится в плену у великана Чуюн-кулак-дядя (Чуюн-кулак – чугунное ухо, дядя – великан). Идегей убивает великана, освобождает дочь Са-Темира, и тот, в благодарность, отдает её замуж за него. Заслужив уважение Са-Темира, Идегей отправляется в поход против Токтамыша, в ходе которого царство хана было разрушено, а сам хан погиб. В предании Идегей умирает от рук эпического персонажа – Кей-Кувата, сына хана Токтамыша (в реальности же Кей-Куват/Кейковат является сыном исторического Идегея). Во время набега Идегей пожалел убить одну рабыню и оставил ее живой на месте стоянки аула. Рабыня, будучи беременной от Токтамыша, голодала в степи и где-то в пещере родила сына, Кей-Кувата, будущего героя. Одновременно с его рождением кобыла, также оставшаяся в степи, родила саврасого жеребенка, который впоследствии станет знаменитым

Кулаша-атом («саврасый конь»). На этом коне Кей-Куват сражается с сыновьями Идегея, после того как он убил самого Идегея.

10. Вариант Г.Н. Потанина (3 вариант). Третий вариант сказания, записанный Г.Н. Потаниным в 1895 году, был зафиксирован во время его экспедиции в Кокчетавский уезд, в ауле Чингиза Валиханова – Сырымбет [48, с. 304–312]. Сказку пересказал местный житель Бейсенбе, а перевод на русский язык выполнил Д. Султангазин, оказавший значительную помощь ученому.

Этот вариант также начинается с предыстории, которая слабо связана с основным сюжетом предания. Единственной связующей нитью является то, что главный персонаж предыстории – Ись-Туле, сын некоего Толубая, – оказывается отцом Идегея, рождённого девушкой-пэри. В основной части сюжет повторяется, с некоторыми изменениями, эпизоды, связанные с судьбой Идегея, его службой при дворе хана Токтамышша. В предании имена некоторых персонажей изменены до неузнаваемости. Так, например, на берегу реки Идиль вместо Сыпыра-жырау старец с подвязанными и завязанными щеками Имень-жырау пытается вернуть Идегея во дворец хана Токтамышша и рассказывает тому, «что на своем веку он много видел людей и царей». Интересно, что среди них называет и имена Чингиз-хана и казахского хана Тауке. Имя Тимура здесь передан не как Сатемир, а Тасемир. Идегей спасает дочь Тасемира от рук калмыцкого великана Ир-Джоко. Идегей проводит пятнадцать лет во дворце у Тасемира. Далее Идегей вместе со своим сыном Нуралы, возглавляя сорокотысячное войско, снаряженное Тасемиром, отправляется в поход против Токтамышша. Токтамышш убегает, но Нуралын настигает его у озера и убивает его, заколов пикой. Идегей взял двух дочерей Токтамышша к себе и от одной из них у него родился сын по имени Токюй. При этом, данный персонаж, одновременно совмещает в себе признаки и Кадырберди, сына Токтамышша. Это видно, по тому, как в предании говорится, что жена Токюй просит убить Нуралы, чтобы отомстить за своего отца, Токтамышша. Токюй при встрече с Нуралы говорит прямо, что он отомстит за своего отца Токтамышша, хотя согласно преданию он является сыном Идегея и внуком Токтамышша. Нуралы, после того как убегает от него Токюй заявляет: «если бы я знал, что Токюй, родившийся от рабыни (кумань), будет чужой, то убил бы в малолетстве». В конце сказания Нуралы умирает не вынося тяжесть слов Токюй умирает, а Токюй остался жить у Идегея.

11. Вариант Г.Н. Потанина (4 вариант). Данный вариант представляет собой пересказ сказания, который был записан А.А. Калачовым в Алтайской станице, в долине Бухтармы из уст местной жительницы. Вариант предания также был опубликован Г.Н. Потаниным [48, с. 312–313]¹¹.

Вариант сказания начинается с эпизода, в котором жена хана Токтамышша, Тогай-бю-бю, замечает, что хан вздрагивает при виде Идегея, хотя сам этого не осознаёт. Она обращает на это его внимание. В варианте сказания, кроме них, упоминаются имена таких персонажей, как Джамбай и Комбай, которых хан Токтамышш отправляет за Идегеем, Сатимир, дочери хана Токтамышша – Атюке и Тютихе, Нурилай сын – Идегея и Кейкуват – сын Токтамышша.

¹¹ Кроме того, Г.Н. Потанин зафиксировал еще один отрывок сказания об Идегее в составе преданий о происхождении казахов. Этот отрывок почти идентичен в двух записях, где говорится, что ногайского хана Токтамышша убил казакский (казахский – Т.У., А.К.) батыр Эдиге [49, с. 55–60].

В данном варианте есть один примечательный эпизод, который редко встречается в других вариантах. После разгрома Токтамыша тот скрывается от преследователей. Идегей замечает птицу, которая кружит над одним местом, находит там Токтамыша и поднимает его на пик. Он спрашивает: «Ну, каково тебе, Токтамыш?» Хан отвечает: «Все же я выше тебя». Тогда Идегей пронзает его пикой, и Токтамыш, соскользнув по ней, говорит: «Теперь я ниже тебя, Эдиге», после чего умирает.

12. Вариант «Идыге-би и Тохтамыш». Этот вариант сказания был опубликован семипалатинским этнографом и фольклористом А.Н. Белослюдовым в русском переводе в десятом выпуске «Записок Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества (ИРГО)» в 1915 году [15]. Сказание начинается с эпизода, которого нет в других вариантах: некий благочестивый стрелец ранил оленя, и тот прибежал к Кайперену, пастуху лесных зверей. Олень спросил, выживет ли он, и Кайперен ответил, что если стрелец придет, он отдаст за него свою дочь. Стрелец, следуя за оленем, нашел юрту, где старик велел ему не засыпать всю ночь, но тот уснул. Когда он проснулся, юрта исчезла. Стрелец вернулся к своей жизни, молясь Богу и охотясь. Однажды в лесу на него напал туман (дочь Кайперена в виде тумана), и голос сказал: «Вот твой ребенок. Если бы ты не заснул, я всегда была бы с тобой». Туман исчез, оставив стрельцу ребенка, которым оказался Идегей.

В предании мать Идегея спасает его от покушения слуг Токтамыша, перелетев над юртой и брызнув молоком ему в глаза, когда он начал засыпать. Это разбудило Идегея, и он увидел опасность, выскочил из юрты и ускакал на коне. По дороге Идегей встречает Миус-алыпа, который похитил дочь Сатемир-хана; он вступает с ним в бой и одерживает победу, убив противника. Далее по сюжету Идегей вместе с сыном Нуралы нападает на царство хана Токтамыша. Нуралы убивает хана Токтамыша, а Идегей берет в жены двух дочерей хана – Атукея и Тотукея. Побочный сын Токтамыша, Кей-Куат, замышляет убить Нуралы и Идегея. В конце сказания Идегей мстит за гибель своего сына Нуралы, отрубив голову Кей-Куата.

13. Вариант А. Диваева «Мырза Едиге батыр». Копия варианта хранится в фонде рукописей государственного архива РК, а фотокопия в фонде рукописей Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова в Алматы. Если в Валихановском варианте преобладают стихотворные части, то в варианте А. Диваева текст полностью написан в прозе. Этот вариант был впервые опубликован в 1896 году на русском языке в переводе в Ташкенте [25], а в 1922 году издан на казахском языке (на арабской графике), также в Ташкенте [26]. В 2006 году данный вариант был вновь опубликован в 39-м томе серии «Бабалар сөзі» [12, с. 45–59].

В версии эпоса, опубликованной А. Диваевым в 1822 году, в Ташкенте под названием «Мурза Едиге», содержатся два эпизода, которые отсутствуют в версии Валиханова. В частности, в версии Диваева рассерженный Идегей покидает лагерь Токтамыша, но вскоре возвращается после того, как узнает о болезни своего друга Ангысына, но тот оказывается здоров, его приглашают в ханский лагерь, где его пытаются отравить вином с целью убить, но Ангысын спасает его. Позже Идегей направляется к хану Сатимиру и по дороге

встречает великана Бесетин алып (у Джумагула – Кабантыын алып), жена которого влюблена в Идегея. С ее помощью он убивает великана.

Далее в диваевском варианте Сатимир наделен титулом хан (Сатимирхан) и в дальнейшем предстает не как союзник Идегея, а как его враг. По хитроумному плану своего везира, хан решает уничтожить Идегея, чтобы захватить его жену. Для этого он сначала отправляет Идегея в далекую страну за лекарственными травами, якобы необходимыми для лечения «больного» правителя. Во второй раз, снова по совету везира, Сатимир приказывает Идегею посетить давно умершего отца хана и узнать, как он чувствует себя в загробной жизни. С помощью своей умной жены Идегей успешно выполняет оба поручения. В конце эпоса жадность и коварство приводят хана к гибели, и Идегей становится правителем царства Сатимира. У Идегея рождается сын Нуралы-хан, который после смерти отца берет управление народом в свои руки. Таковы основные отличия диваевского варианта «Мырза Едиге батыр» от варианта записанного Ч. Валихановым. В повествовании остальных эпизодов они совпадают.

14. Вариант «Ер Едиге» (первый вариант). Вариант записан М.Ж. Копеевым, когда он собирал устные рассказы и легенды об Идегее от старейшин, хранителей древних преданий. Впервые опубликовано в 1992 году в двух разных сборниках казахских легенд и героических эпосов [34; 35]. Данное предание также было опубликовано в 39-м томе серии «Бабалар сөзі» [12, с. 60–66]. Предание (в объеме своем довольно короткое) записано полностью в прозе, за исключением нескольких стихотворных отрывков. Несмотря на общую сюжетную схожесть с другими вариантами, предание М.Ж. Копеева имеет свои особенности. В частности, новорожденного младенца кто-то находит на берегу реки в колыбели и приносит ногайлинскому хану Токтамышу в Туркестан и Идегей становится пасынком хана. Идегей освобождает дочь Сатимир-хана от великана Каратобына алып, выходца из калмаков. Когда Идегей возвращается в Туркестан, чтобы отомстить хану Токтамышу, тот убегает вместе со своими восьмью сыновьями (в других вариантах у Токтамыша указан один сын – Кадырберди). Токтамыш погибает от рук Нуралына, который настигает его в местности заросшими камышами. М.Ж. Копеев, говорит, что теперь это место народ именуется как «Баян копасы» («болото Баяна»), и что там есть курган-оба Токтамыша. Люди также находили стремя коня Токтамыша в этом районе. Мотив борьбы отца и сына, по видимому, проявляется в эпизоде, когда за месть хану Токтамышу выходит не его собственный сын, а сын Идегея – Кейкуат, рожденный от невольницы. Кейкуат говорит отцу, что когда он находился в утробе матери, то он Идегей подарил его матери саврасую кобылу, теперь же когда его отец состарился он не поднимет на него оружия. Если ты женщина, будешь жить смеясь и радуясь, если ты батыр, то умрешь не выдержав тяжелый груз позора. Идегей умирает от стыда и горя.

15. Вариант «Ер Едиге» (второй вариант) записанный М.Ж. Копеевым. Текст начинается с эпизода, где говорится о том, что Бабай Тукти Шашты Азиз ежедневно совершает намаз у источника, расположенного в горах Каратау, в местности под названием «Мынжылкы». Там он встречается девушек, которые без одежды купаются в воде. На одной из которых он и женится. В предании Токтамыш правит в Туркестане. Согласно преданию Бабай Тукти

Шашты Азиз и Идегей похоронены у того же родника, где отец Идегея встречает девушек-пэри. Текст варианта опубликован в 85 томе серии «Бабалар сөзі» [14, с. 261–263] Место хранения: ЦНБ «Ғылым ордасы», фонд редких рукописей, папка 1177.

16. Вариант «Ер Едиге» (третий вариант). Предание, записанное М.Ж. Копеевым, рассказывает о том, как в детстве Идегей завоевывает уважение народа благодаря более справедливому разрешению судебных тяжб и споров по сравнению с ханом Токтамышем. Идегей неоднократно отменяет решения Токтамыша, находя их неправильными. Токтамыш затаив обиду начинает гонения на Идегея, который спасается бегством, однако через несколько лет возвращается и прогоняет Токтамыша. Идегей просит своего сына Нуралына догнать и убить хана Токтамыша. Токтамыш, спасаясь бегством, порезал ногу о камыш, и Нуралын, следуя по кровавым следам, находит и убивает хана. Предание вместо Кадырберди называет Кейкуата сыном Токтамыша, который ради мести отца находит Идегея, проживающего на склоне лет. Текст варианта опубликован в 85 томе серии «Бабалар сөзі» [14, с. 263–266]. Место хранения: ЦНБ «Ғылым ордасы», фонд редких рукописей, папка 1177.

17. Вариант «Едиге-Нуран». Вариант записан Ж. Еликбаевым в исполнении сказителя-акына К. Жапсарбаева в 1939 году. Рукопись записана на латинице в тетради объемом 90 страниц. Вариант текста полностью передается в стихах. Впервые был опубликован в 39 томе серии «Бабалар сөзі» [12, с. 67–112]. По своему сюжету и именам главных персонажей этот вариант значительно отличается от других. Краткое содержание эпоса таково: однажды жил хан Есим, который жестоко правил своим народом. У Есим хан есть два сына наследника. Но хан знает, что придет время, когда мудрый и умный мальчик по имени Идегей захватит его царство, а его собственные сыновья будут служить Идегею. Поэтому он замышляет избавиться от Идегея, он отправляет письмо правителю соседней страны Мухтар хану, у которого недавно умер его старший брат. В письме хан Есим, выражая соболезнования по поводу смерти брата Мухтар хана, дабы утолить чувство горечи, разрешает ему напасть на 500 домов, расположенных на берегу Алаколя, среди которых был и Идегей. Так Идегей попадает в плен, но его ум и харизма привлекают Мухтар хана, у которого не было собственного сына. Мухтар хан решает усыновить его. Молодая жена хана Жамал влюбляется в Идегея, однако он отвергает ее чувства и тогда огорченная ханша решает отомстить и рассорить Идегея с ханом. Готовится покушение на Идегея, однако его верный друг Ангысын заранее предупреждает его об этом. Идегей возвращается на родину и освобождает своих родителей: отца Нурана и мать Асем. Идегей убивает своего давнего врага, хана Есима, а затем вторгается во владения Мухтар хана, обезглавливает его и ставит на трон своего друга Ангысын, а сам становится батыром-вельможей двух стран.

18. Вариант «Едиге». Вариант Мурын жырау. Записан в 1942 году Марией Хакимжановой у сказителя Мурын жырау в Алматы в арабской графике. Вариант Мурын жырау был впервые опубликован в 1989 году [28, с. 70–96], также был издан в 1996 [30, с. 140–168], 1999 [29, с. 137–166], 2006 [12, с. 129–160], 2019 [23, с. 53–71]. Сказание «Едиге-батыр» в исполнении Мурын-жырау состоит из двух частей. В первой части повествуется, что у хана Токтамыша была птица кречет по имени «Куканат», за которой ухаживает сокольник

Куттыкия. Однажды на охоте Токтамыш встречает хана Сатемира, у которого тоже есть кречет, подобный его собственному «Куканату». По возвращении с охоты Токтамыш обнаруживает, что Куттыкия подарил Сатемиру одного из птенцов ханского «Куканата». За такой поступок Токтамыш приговаривает Куттыкия к казни. Затем Токтамыш приказывает привести к нему жену убитого, которая была беременна, и берет ее под стражу, поручая охране немедленно убить ребенка, как только он появится на свет. Когда она рождает сына, охрана уходит на пир. Воспользовавшись этим, женщина оставляет щенка себе, а своего сына подкидывает к дому жигита Жылкыбая. Стража сообщает хану, что жена родила щенка, а не ребенка. В это время Жылкыбай, у которого уже есть новорожденный мальчик, находит подкидыша, дает ему имя Идегей и воспитывает его как собственного сына. Кто-то сообщает хану об этом, и тот приказывает привести мальчика и убить его. Однако Жылкыбай вместо Идегея отдает хану своего сына, тем самым спасая Идегея от гибели. Когда Идегей становится джигитом, Жылкыбай рассказывает ему о его происхождении и пережитых испытаниях. Жылкыбай дарит Идегею тулпара, и тот присоединяется к джигитам Токтамыша, где находит верного друга по имени Ангысын. Жена хана узнает о настоящем происхождении Идегея и советует хану убить его. Хан устраивает пир, чтобы расправиться с Идегеем, но тот спасается при помощи Ангысына и уходит к Сатемир-хану.

Во второй части сказания «Едиге батыр» Идегей, отказавшись от предложенного Сатемир-ханом войска, берет с собой только своего друга Ангысына и отправляется в поход против Токтамыша, чтобы разгромить его, убивает хана и назначает на его место своего дядю Жылкыбая. Затем Идегей совершает походы в страну калмакского хана Ханходжи, разгромив самого хана, его сыновей Абыгая и Тогалая, а также калмакского батыра Койкару. Оригинал варианта хранится в отделе редких рукописей Национальной библиотеки «Ғылым Ордасы» в Алматы под шифром – Ш. 1307.

19. Вариант «Едиге батыр ангимеси» («Сказание об Едиге батыре») записан Насиболлой Бихановым в 1940 году у сказителя Аякеша Омирзакова. Впервые текст этого варианта был опубликован в 39-м томе серии «Бабалар сөзі» в 2006 году [12, с. 113–128]. Согласно сведениям самого А. Омирзакова, это сказание он услышал от старца по имени Жарас [12, с. 401]. В этом варианте в сказочной манере излагается содержание эпоса «Идегей» Мурын жырау. Различие в этом варианте сказания заключается в изменении имен персонажей по усмотрению сказочника. Например, имя «Куттыкия» заменяется на «Ебесей», а «Жылкыбай» называется «Бабатукты шашты Азиз». О готовящемся покушении на Идегея его предупреждает не друг Ангысын, как это принято в других версиях, а Баба Тукти Шашты Азиз. Идегей в вешем сне видит своего отца – Ебесея, который советует ему идти к Сатимуру. По дороге Идегей встречает калмакского батыра Коргасына и убивает его, тем самым спасает дочь Сатимур-хана. После этого собирает войско и направляется во владения хана Токтамыша. Во время похода он встречает своего сына, который представляет себя под именем «Итбай». Итбай узнает от своего отца, что его настоящее имя – Нурадин. Оригинал варианта хранится в отделе редких рукописей Национальной библиотеке «Ғылым Ордасы» в Алматы под шифром – Ш. 1307. 7-ая тетрадь. Есть еще копия этого варианта. Также хранится

в фонде редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки «Гылым ордасы» под шифром 67д. Буква «д» в шифре обозначает слово «дубликат».

20. Вариант «Маулимнияз-Едиге». Вариант «Маулимнияз-Едиге» представляет собой уникальное произведение, которое в свое время исполнил известный казахский сказитель XIX века Нуртуган жырау. Исследователь Аскар Турганбаев в 1987 году переписал одну из версий этого сказания из тетради джирши (исполнителя народных песен) Демеу Жолымбетова и передал ее в фонд редких рукописей Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, где она хранится под шифром Ш. 949, 1 тетрадь. Этот вариант, написанный в стихотворной форме, считается одним из самых поэтичных и объемных по художественной красоте среди всех известных версий. Впервые данный вариант был опубликован в 1992 году, также была издана в публикациях 1996 [30, с. 168–290], 1999 [29, с. 166–288] и 2006 годов [12, с. 161–307].

В варианте Нуртуган жырау имеются свои особенности в сюжетном повествовании. Когда Токтамыш хан узнает, что его сокольничий Маулим тайно передал яйцо охотничьей птицы Туктияак Сатимур хану, он приходит в ярость. В приступе гнева он приказывает повесить сокольничего вместе с его женой и ребенком. Младший брат Маулима, Кутты би, желая сохранить потомство своего брата, решает отдать своего сына – Кубыла вместо сына своего брата – Идегея, называя его Кубылом.

21. Вариант «Едиге батыр». Оригинал сказания хранится в фонде редких рукописей Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова под шифром – Ш.920/46. (Этот же вариант хранится в папке 920/37). Впервые этот вариант был опубликован в 1996 году [30, с. 290–351], а затем без изменений в 1999 году [29, с. 289–351]. В 2006 году в 39-м томе серии «Бабалар сөзі» составители К.Б. Алпысбаева и П.Т. Ауесбаева вновь представили этот текст, восстановив утраченные строки сказания и внося коррективы в те фрагменты, которые были переданы в прозе [12, с. 308–384].

Этот вариант сказания был записан исследователем Кыдырала Саттаровым и его студенткой Жамилей Абдрахмановой от жителя города Конырат, Картбай-жырау Кылышбайулы, в Каракалпакстане, в ходе фольклорной экспедиции среди казахов, проживающих в окрестностях реки Амударья. Рукопись выполнена на кириллице. Краткое содержание сказания выглядит в следующем виде: Один из поданных хана Токтамышша, Тулымби, который оказался бездетным, вместе с женой Наубахар был изгнан из родины. Ребенка, появившегося из ниоткуда, находит наложница Тулымби по имени Гульнахал. Ребенку дали имя – Рахимберди. Маленький Рахимберди, играя с детьми, встречает человека по имени Кикутаз, который предлагает ему сразиться в асыки¹². Проиграв спор, Кикутаз убегает, приговаривая: «Ед, ед». С тех пор Рахимберди прозвали «Едиге».

22. Вариант «Едиге батыр дастаны». Оригинал неопубликованной рукописи хранится в фонде рукописей Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова (Папка – 1029. 1–4 тетради. 224 стр.). На первой странице первой тетради есть краткая информация о том, что рукопись была записана

¹² Асыки или асык ату – традиционная казахская национальная игра, в которой используются асыки (мелкие суставные кости барана). Игроки бросают свой асык, называемый «сака» («сақа»), чтобы сбить асыки, расположенные на определенном расстоянии. Игра развивает меткость, ловкость и стратегическое мышление.

А. Келимбетовым в 11 октября 1989 года. Сказитель Нуртуган Кенжегулулы. Во введении содержится любопытное упоминание о том, что сказание об Идегее впервые распространил в пределах Младшего Жуза ногайец по имени Абдулла. Этот человек, совершив убийство в Москве, в начале XVIII века сбежал в Бухару, где обучился и стал духовным наставником-муллою, а затем вернулся в Младший Жуз. Далее говорится, что у Абдуллы была книга, в которой были записаны разные сказания, среди них был и дастан об Идегее. Далее, согласно записи, человеком который принес дастан Идегей в Приаралье был Нурым-акын, который в течение 7–9 лет жил и обучался у Абдуллы. Искусство исполнения устных преданий от Нурым акына перенял его ученик Еспенбет, выходец из рода Жакайым (подрод Шекти), который эти знания передал Султану. Наконец, от этого Султана и перенимает сказания Нуртуган Кенжегулулы, представитель рода Жакайым-Шекти. По содержанию этот вариант очень напоминает «Маулимнияз-Едиге», но в конце к нему добавлены события более позднего времени (среди топонимов и гидронимов упоминаются: Мәскеу (Москва), Қара теңіз (Черное море) и Дунай.

Следующие *неопубликованные варианты* сказания, которые хранятся в фонде рукописей Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова по сути являются ответвлениями варианта «Маулимнияз-Едиге», поэтому ограничимся краткими сведениями о них.

23. Вариант «Едиге» (1). Папка – 1029. 5 тетрадь. Записан Изжан Жалгасулы в 1945 году из уст сказителя Жамет жырау в городе Арал. Вариант сказания является незавершенным и прерывается в эпиходе, когда Идегей и Нурадин планируют напасть на Токтамышша.

24. Вариант «Едиге» (2). Папка – 1029. 6 тетрадь. К сожалению, в тетради не осталось никаких сведений: отсутствует информация как о сказителе, так и о самом авторе записи этого варианта. Текст сказания прерывается когда Сатимур благославляет Идегея перед его военным походом против хана Токтамышша.

25. Вариант «Едиге батыр». Папка 920/49. Текст был записан с рукописи Т. Алланазарова, уроженца совхоза «Раушан» Коньратского района, 1941 года рождения, представителя казахского рода Алим-Есенгелды. Запись была сделана в рамках фольклорной экспедиции, проходившей с 15 апреля по 25 мая 1989 года среди казахов, проживающих вдоль реки Амударья. Запись неоконченного варианта эпоса «Едиге» была сделана исследователем К. Саттаровым и Н. Есказиевым, учителем казахского языка и литературы в школе совхоза «Раушан».

Во всех перечисленных выше вариантах по сравнению с вариантом «Маулимнияз-Едиге» существует множество различий в деталях, часто встречаются пересечения с другими сюжетами, но в целом общий ход сказания остается более или менее схожим.

Рукописи «Сказания об Едиге» из фонда Центральной научной библиотеки «Ғылым ордасы» в г. Алматы:

26. Вариант «Едиге. Кубыл». Рукопись данного неопубликованного варианта хранится в фонде редких книг и рукописей ЦНБ «Ғылым ордасы», в папке под шифром – 204. 1 тетрадь. Рукопись написана кириллицей, в объеме 34 страницы. Текст рукописи представляет собой прозаическое переложение варианта «Маулимнияз-Едиге». Однако имеются и свои отличия. Например,

во вступительной части приводится историческая легенда о падении страны Крым и её разделении на три части, каждая из которых имеет своего правителя – Сатимура, Токтамыша и Темир-хана. Текст прерывается в эпизоде где Идегей сражается с великаном Кабантыином.

27. Вариант «Едигенин елмен коштасуы» («Прощание Едиге»). Фрагмент стихотворного сочинения. В тексте представлен отрывок из неизвестного сочинения, в котором начало обозначается как пролог. Фрагмент сочинения включает слова прощания Идегея с родным краем и рекой Идилъ. На титульной странице написано: «К. Шангитбаев в 1940 г». Место хранения: ЦНБ «Ғылым ордасы», папка 1307. 2 тетрадь, машинопись. Объем – 3 страницы. Указанный вариант до настоящего времени остается неопубликованным и не был ранее издан.

28. Вариант «Едиге». Текст написан от руки арабской графикой писателем и исследователем казахского фольклора Хажимом Жумалиевым в 1940 году. Полная аннотация к рукописи отсутствует. Место хранения: ЦНБ «Ғылым ордасы», папка 1307. 3 тетрадь. Объем – 14 страниц. Указанный вариант до настоящего времени остается неопубликованным и не был ранее издан.

29. Вариант «Токтамыс хан мен Едиге мырзанын хикаясы» («Сказание о Токтамыш хане и Едиге»). Сказитель – Изим Кабетов. В 1935 г. передан А.В. Васильевым, на арабской графике, место хранения: ЦНБ «Ғылым ордасы», папка 1307. 5 тетрадь. Объем – 16 страниц. На обороте титульной страницы написано «Историческое сказание о Токтамыс-хане и мудром Едига». Фрагмент сказания передан полностью в поэтической форме. Указанный вариант до настоящего времени остается неопубликованным.

30. Вариант «Ер Едиге» (четвертая). Вариант записан в 1941 году Г. Ахметовым на латинице. Данное сказание обнаруживает сюжетную близость к варианту Валиханова, однако предоставлено в кратком и незавершенном виде. Место хранения: ЦНБ «Ғылым ордасы», папка 1307. 6 тетрадь. Объем – 14 страниц. Указанный вариант до настоящего времени остается неопубликованным и не был ранее издан.

31. Вариант «Ер Едиге» (пятая). Прозаическое предание повествует о некоем Кайгылы Науайы, который был широко известен среди народа алты алаш как святой домбрист. Однажды, на берегу Каспийского моря, в местности Акшагыл, он встречает девушек-пэри, которые любили сидеть вокруг него, когда он играл на домбре. Кайгылы Науаи влюбляется в одну из девушек и женится на ней. Как и в других вариантах Кайгылы Науаи нарушает условия, которые были выдвинуты перед женитьбой девушкой-пэри. Когда девушка покидает его, она сообщает, что беременна от него, и что ребенка можно найти под горой Хира в Арабии. Кайгылы Науаи отправляется в Арабию и под горой находит ребенка, и дает ему имя «Едиге». Текст варианта опубликован в 85 томе серии «Бабалар сөзі» [14, с. 273–276].

32. Вариант «Едиге би». Вариант, записанный Ф. Габитовой на латинице, охватывает всего 2 страницы машинописи. В начале предания упоминается Джанибек-хан, который переживает смерть единственного сына и от горя не встает с постели три дня. Окружение хана не могло заставить его встать, и старшая жена хана решает найти человека, который сможет заставить хана поднять голову. Собравшийся народ приходит к единому мнению, что если

кто и сможет помочь вернуть хану прежнее состояние, то это только Идегей, который хитростью и умом заставляет хана встать с постели. Место хранения: ЦНБ «Ғылым ордасы», папка 1443. №4. Указанный вариант до настоящего времени остаётся неопубликованным.

33. Вариант «Едиге батыр туралы» («Сказание об Едиге»). Вариант был записан Матжан Тлеужановым во время его экспедиции по Западному Казахстану. Текст сказания написан в прозе, по объему довольно короткое, всего 2 страницы. Текст сказания начинается как во многих вариантах с эпизода охоты, но уже без хана Токтамышша. В целом, предание не помнит имен ни отца Идегея, ни хана Токтамышша, в тексте он упомянут как лишь хан. За укрывание птенца орла хан отправляет в ссылку отца Идегея в Сибирь. В тексте есть весьма распространенный в других вариантах эпизод, где Токтамыш и его жена пытаются отравить Идегея напитком, но тот чувствуя опасность, возвращает чашу, но перед этим разделив айран (кефир, в других вариантах катык – простокваша) на четыре части и перемешав его. Жена хана воспринимает это как угрозу своему личному авторитету и власти Токтамышша, полагая, что Идегей намекает на намерение разделить его государство на четыре части и внести раздор среди народа. Рукопись хранится в фонде рукописей Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова под шифром – Ш. 910/3. Текст варианта опубликован в 85 томе серии «Бабалар сөзі» [14, с. 254–255].

34. Вариант «Едиге туралы» («Об Едиге»). Вариант представляет собой отрывок варианта Валиханова о справедливом и мудром мальчике Идегее, который честно судит споры в пользу обездоленных людей. Повествование прерывается, когда хан Токтамыш пораженный мудростью мальчика решает принять его на службу в ханский дворец, щедро одаривая его подарками и поручая ему разные, в том числе, «Крымские дела». Текст опубликован в 85 томе серии «Бабалар сөзі» [14, с. 279–283].

35. Первый вариант «Едигенин тореси» («Суд Едиге»). Вариант содержит рассказ о том, как Идегей справедливо решает споры людей в пользу неимущего джигита. При этом эпизоды споров в этом варианте значительно отличаются от тех, что представлены в других версиях. Текст впервые опубликован в 47 номере газеты «Дала уалаяты» Отыншы Альжановым в 1900 году [19, с. 4]. Текст также опубликован в 85 томе серии «Бабалар сөзі» [14, с. 276–278].

36. Второй вариант «Едигенин торелиги» («Суд Едиге»). Фрагмент предания о справедливом решении суда Идегея. Однажды два прохожих, каждый из которых утверждал, что четырехлетний верблюд принадлежит ему, обратились к Идегею с просьбой разрешить их спор. Идегей предложил им привести верблюдиц, которые могли бы быть матерями оспариваемого верблюда. Затем, мучая верблюда, он заставил его закричать, и настоящая мать верблюда откликнулась таким же криком. Идегей признал владельцем верблюда того, кто был хозяином ответившей верблюдицы. Рукопись хранится в фонде редких книг и рукописей Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, в папке под шифром Ш.910/5. Текст опубликован в 85 томе серии «Бабалар сөзі» [14, с. 283].

37. Вариант Н. Сорокина – краткое прозаическое изложение сказания, опубликованное в 1869 году в третьем номере газеты «Тобольские губернские ведомости» [59]. В статье Н. Сорокин кратко пересказывает содержание

предания, которое он услышал от киргизского (казахского) старика по имени Бикпау из станицы Черлаковская Омского уезда Акмолинской области. Согласно рассказу Бикпау, который отражает историческую память населения Юго-Западной Сибири, могущественный хан Золотой Орды Токтамыш погиб и похоронен именно на территории Черлаковской станицы. Местное население сохранило уважительную память хану Токтамышу и «проезжая мимо могилы, останавливаются и молятся об убитом, когда-то могучем хане их предков, а от русских скрывают свое уважение к Токтамышу». Предание датирует последнее сражение Токтамыша в соответствии с историческими событиями. На вопрос исследователя Н. Сорокина, когда убит и кем похоронен Токтамыш, старик Бикпау подумав немного ответил: «должно быть 500 лет или не много менее, а похоронен нашими предками кипчаками... и насып делали они 5 лет»¹³.

По сюжетной линии фрагмент-предание Бикпау аксакала, за исключением некоторых эпизодов, очень сильно напоминает вариант Валиханова. В предании Идегей представлен как старший тюленгут хана Токтамыша. В конце предания Идегей убивает Токтамыша его же брошенным в степи копьем, но перед этим Идегей с издевкой спрашивает у Токтамыша, поднятого вверх копьем, хорошо ли ему? На что Токтамыш отвечает весьма достойно: «Хоть я сижу на копье, да на сажен копия я сижу тебя выше, как хан, а ты Эдигей – простой киргиз». В словах Токтамыша, приписанных преданием, можно увидеть, что киргизы (казахи) симпатизируют Токтамышу.

В фонде редких книг и рукописей Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова (г. Алматы) хранится ряд версий сказания об Идегее, записанных за пределами современного Казахстана, но в местах традиционного проживания казахов. В настоящем обзоре уже упоминались две из них с одинаковым названием «Едиге батыр», представленный под номером 21. Однако в этом фонде есть еще один вариант, записанный со слов представителей других народов, а именно:

38. Вариант «Токтамыс хан мен Едиге батыр». Текст варианта в основном (за исключением отдельных эпизодов) следует за сюжетной линией варианта Мурын жырау, но в конце отличается тем, что Идегей освобождает своего сына Нурадына из плена Кадырберди, а затем обманом убивает Кадырберди столкнув его с высокого обрыва. Так прервалась потомство хана Токтамыша, заключает в конце предание. Место хранения: фонд рукописей Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, папка 464, 1-ая тетрадь. В конце текста говорится, что данное предание был записано из уст каракалпакского старца по имени Ильяс, владеющей грамотой. Согласно сведениям из 85-го тома «Бабалар сөзі», рукопись была записана Салимгереем Гайниддинулы в 1930–1933 годы, когда он собирал образцы устной литературы. Текст написан в большой тетради черными синими чернилами на арабской букве от руки. Рукопись была передана в Фонд института в 1954 году Матжаном Тлеужановым. Текст варианта опубликован в 85 томе серии «Бабалар сөзі» [14, с. 255–261].

¹³ Если брать во внимание, что статья Н. Сорокина вышла в 1869 году, а хан Токтамыш согласно письменным источникам умер в 1406 году, то путем простого математического расчет можно убедиться, что ответ Бикпау аксала не так уж далек от истины.

В рамках нашего исследования было рассмотрено 38 вариантов сказания об Идеге, из которых 12 остаются неопубликованными. Эти варианты включают как полные версии, так и отрывки и фрагменты, относящиеся к казахским интерпретациям данного эпоса. Однако, к сожалению, многие из них не содержат паспортных данных, позволяющих установить, когда, кем и от кого были записаны эти варианты. Проверка других вариантов из фонда ЦНБ «Ғылым ордасы» выявило что, несколько вариантов оказались посвященными другому Идегею – Едиге из рода Айдабол-Аргын, который жил на рубеже XVII–XVIII веков:

- 1) «Едиге би» из рукописей М.Ж. Копеева, папка 1143, №2;
- 2) «Едиге бидің алғы сози» (вступительная речь Едиге би), папка 1143, 3–я рукопись;
- 3) сказание «Едигенин ангимеси» (Рассказ об Едиге), папка 140.

Различные варианты сказание об Идегее, в особенности поэтические фрагменты, оказали значительное влияние на творчество казахских акынов, жырышы и жырау. Особенно стоит отметить Махамбета Утемисулы, выдающегося казахского акына XIX века, который изучал поэтическое мастерство через народную поэзию, в творчестве которого можно легко увидеть отзвуки сказания об Идегее.

На основе вышеприведенного обзора вариантов сказания, можно выделить три региона, где сформировались определенные литературные традиции, которые влияли на творчество казахских сказителей-жырау. Собственно, это Юго-Западная Сибирь, откуда возможно проникла версия Валиханова (и похожие с ней по содержанию варианты сказания) в казахские степи с племенами кыпчаков и аргынов на рубеже XVI–XVII веков. Вариант Мурын-жырау, который не был широко распространен среди казахов (Вариант Мурын жырау встречается только в Младшем жузе, у адайцев), можно отнести к литературной традиции Северного Кавказа. По мнению Ж. Сабитова, вариант Мурын жырау, вместе с эпосом «Сорок батыров Крыма» попадает к казахам через кубанских ногайцев-салтанальцев, которые в 1745 году бежали к ним [52, с. 56]¹⁴. Прозаические версии, в основном схожи с каракалпакскими вариантами, то есть с версиями Маулимнияза-Едиге и его различными ответвлениями, которые относятся к региону Приаралья.

Таким образом, исследование вариантов сказания об Идегее еще не раскрыло все свои возможности и потенциал. Научное изучение этих преданий и других героев из цикла эпических произведений «Сорок батыров Крыма» –

¹⁴ В совместной статье, которая выходит в этом номере журнала «Золотоордынское обозрение» Ж.М. Сабитов и А.А. Каратаев акцентируют внимание на различиях между эпосом «Идегей» и циклом «Сорок батыров Крыма». Авторы подчёркивают, что цикл возник значительно позже эпоса и основан на его мотивах, но представляет собой отдельное произведение. Эпос «Идегей», как предполагается, был создан Сыпыра-жырау, современником Идегея, и уже тогда распространялся среди тюркоязычных народов. В то же время авторство цикла «Сорок батыров Крыма» приписывается Казытуган-жырау, потому что Идегея, а его создание относят ко второй половине XVII века. Также отмечено, что проникновение цикла «Сорок батыров Крыма» к казахам не связано с распространением эпоса «Идегей». Эпос «Идегей» уже был известен многим тюркоязычным постордынским народам задолго до появления цикла «Сорок батыров Крыма» во второй половине XVII века (*прим. гл. ред.*).

эпос Кобыланды Батыр, предания о Орак-Мамае, Карасае и Кази, Шура батыре и др. на сегодняшний день имеют ключевое значение для исторической памяти, в том числе для понимания исторических процессов в постордынский период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абткаримов У.М., Айтбаев А.Б. Историография ногайлинского героического эпоса от казахских сказителей-жырау и акынов XIX в. – первой половины XX в. // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия – Исторические науки. Философия. Религиоведение. Нұр-Сұлтан, 2019, №2 (127). С. 47–55.
2. Агатай У.М., Сабитов Ж.М. Корпусное защитное вооружение кочевников в ногайлинскоказахских героических эпосах. Былые годы 17 (4), 2022. С. 1500–1512.
3. Агатай У.М., Сабитов Ж.М., Досымбетов Н.А.. Стрелы-джебе в ногайлинско-казахском героическом эпосе. / МАИАСП. №15. 2023. С. 665–686.
4. Алаш көсемсөзі. 10 томдық. Сана. Алматы, «Өнер», 2011. 5-кітап. 320 б.
5. Алпысбаева Қ.Б., Әуесбаева П.Т. Қолжазба қорларындағы батырлық жырлардың жиналу тарихы. Монография. Алматы, «Әдебиет Әлемі» 2017. 336 б.
6. Асанов Ж.А.. «Едіге» жыры – тарихи-қаһармандық эпос: Филол. ғыл. док. дисс. автореф. Алматы, 2010. 37 б.
7. Асанұлы Ж., Әуелбаев М. Ер Едігенің тарихы: монография. Алматы: «Нұрсәт» баспасы, 2016. 190 б.
8. Ауэзов М. Заявление на имя АПО Крайкома ВКП (б) от 06.06.1928 // Неизвестное в наследии Мухтара Ауэзова (архивные документы). Алматы: Издательский дом «Библиотека Олжаса», 2013. 400 с.
9. Әуезов М. Әдебиет тарихы: Жоғарғы оқу орындарының студенттеріне арналған. Алматы: Ана тілі, 1991. 240 б.
10. Әуезов М. Шығармаларың елу томдық толық жинағы. Алматы: «Дәуір», «Жібек жолы», 2014. 4-том: Зерттеулер, оқулықтар, әдеби нұсқалар. 1924–1930. 456 б.
11. Бабалар сөзі: Жүз томдық. Астана: «Фолиант», 2007. Т. 43: батырлар жыры. 2007. 416 б.
12. Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Астана: «Фолиант», Т. 39: Батырлар жыры. 2006. 448 б.
13. Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Астана: «Фолиант», Т. 50: Батырлар жыры. 2008. 464 б.
14. Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Астана: «Фолиант», 2012. Т. 85: Тарихи аңыздар. 416 б.
15. Белослюдов А. Сказания и легенды киргизов / Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО. Вып. X. Семипалатинск, 1915. 47 с.
16. Бердібаев Р. «Едіге батыр» жыры туралы. Тарихнама, генезис, жанр мәселелері // Кітапта: Әлем: Альманах: Өлеңдер, очерктер, әңгімелер. Алматы: Жазушы, 1991. 496 б.
17. Бердібаев Р. Қазақ эпосы. Алматы: Ғылым, 1982. 275 б.
18. Березин И.Н. Идиге // Турецкая хрестоматия. СПб, 1890. Т. 3. С. 228–234.
19. Библиографический указатель устного народного творчества. Алматы: Ғылым, 1998. 252 с.
20. Валиханов Ч.Ч. Отрывки из киргизского сказания о Идыге (из записей Ч. Валиханова) // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата., 1968. Т.4. С. 490–493.
21. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии: Том 5. 1985. 528 с.

22. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. 432 с.

23. Дала фольклорының антологиясы: Он томдық / Томды құрастырып, баспаға дайындағандар: С.И. Сәкен, Н.Ә. Сәрсек. Алматы: Brand Book, Т. 2: Батырлар жыры. 2019. 572 б.

24. Дала фольклорының антологиясы: Он томдық / Томды құрастырып, баспаға дайындағандар: Қ.Б. Алпысбаева, Ж. Ж. Шалғынбай, А. Оралбек, Қ.С. Ахметжанов. Алматы: Brand Book, Т. 1: Батырлар жыры. 2019. 560 б.

25. Диваев А. Мурза Эдыге-батыр (киргизская былина) / Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Т. V. Ташкент, 1896. Ташкент, 1896. С. 12–33.

26. Диваев А. Мурза Едіге батыр // Батырлар. Жетінші жинақ. Ташкент: Түркістан республикасының баспасөз шығарушы мағамасы, 1922. 25 б.

27. Докладные записки в ЦК ВКП (б) о состоянии идеологической работы в Казахстане (1945 г.). Публикация Р.М. Жумашева // Вопросы истории. 2002, №5. С. 3–13.

28. Едіге // Батырлар жыры. V том. (Құрастырып, алғы сөзі мен түсініктемелерін жазғандар: О. Нұрмағанбетова Қ. Сыдықов). Алматы: Жазушы, 1989. 70–96 бб.

29. Едіге батыр. (Алғы сөзін жазған: Р.Бердібаев // Едіге батыр. (Алғы сөзін жазған: Р.Бердібаев, құрастырып, ғылыми түсініктемелерін жазған: О.Нұрмағанбетова). Алматы: Шега-тас баспасы, 1999. 363 б.

30. Едіге батыр. (Алғы сөзін жазған: Р.Бердібаев, жауапты шығарушы: С.Медеубеков, Ғылыми түсініктемелерін жазған: О.Нұрмағанбетова). Алматы: Ғылым, 1996. 360 б.

31. Жирмунский В.М. П.М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей» // Тюркологический сборник 1972. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. С. 141–185.

32. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. 727 с.

33. Каратаев А.А. Отец беклярбека Едыге // Золотая Орда: история, государственность, культурное наследие. «Ғылым» баспасы, Нур-Султан, 2019. С. 200–207.

34. Көпеев М.Ж. Ер Едіге // Ел аузынан жинаған әдебиет үлгілері. Алматы: Ғылым. 1992. 77–83 бб.

35. Көпеев М.Ж. Ер Едіге // Қазақтың батырлық эпосы. Алматы: Рауан, 1992. 14–20 бб.

36. Кушқумбаев А.К. «Ақ Орда» в тюркском эпическом жыре «Ер Едіге» / Золотая Орда: история и культурное наследие: сборник научных материалов / Отв. ред. А.К. Кушқумбаев. Астана: ИП «BG-PRINT», 2015. 182 с.

37. Кушқумбаев А.Қ. Уалиев Т.А. ЕР ЕДІГЕ ЖЫРЫНЫҢ ТАРИХНАМАСЫ (XIX ғ. II-жартысы – XX ғ. I-жартысы) // «edu.e-history.kz» электрондық ғылыми журналы № 3 (31) 2022. С. 15–26. URL: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/38> (дата обращения: 11.12.2024); https://doi.org/10.51943/2710-3994_2022_31_3_15-26

38. Мағауин М. Кобыз и копьё. Алматы : Жазушы, 1970. 160 с.

39. Мағауин Е.М. «Едіге: халық эпосы» / Текстологиясын қарап, баспаға әзірлеген, алғы сөзін, соңғы сөзін жазған Е. Мағауин. Алматы: Айқап, 1993. 74 б.

40. Мағауин Едіге Мұхтарұлы. «Едіге» жырының тарихилығы және көркемдік ерекшеліктері. 10.01.09 – фольклористика. Филология ғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертацияның авторефераты. Алматы, 1995. 27 б.

41. Мағауин М. Қобыз сарыны. Алматы: Жазушы, 1968. 162 б.

42. Марғұлан Ә. Шоқан Уәлихановтың әдеби мұралары. // Қазақ тілі мен әдебиеті, 1958, №6, 16–27 б.

43. Марғұлан Ә.Х. Қазақстан ғылымдарының библиографиясына материалдар. Қазақ ССР-інің «Ғылым» баспасы, Алматы. 1984. 66 б.
44. Марғұлан Ә.Х. Шығармалары. Алматы: «Алатау» баспасы, 2007. III т. 488 б.
45. Мелиоранский П.М. Сказание о Едигее и Токтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч.Ч. Валиханову. Издал проф. П.М. Мелиоранский // ЗРГО ОЭ. Прилож. к тому XXIX. СПб.: Типо-литография И. Боранского и Ко, 1905. 23+44 с.
46. Миргалеев И.М., Фазлутдинов И.И., Закирова И.Г. К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Идееге // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 792–816. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816> EDN: IKMIJA
47. Орлов А.С. Казахский героический эпос. М.: Ленинград. Издательство академии наук СССР, 1945. 147 с
48. Потанин Г. Тюркская сказка о Идыге / Живая старина. Год 7. Вып. III–IV. СПб, 1897. 60 с.
49. Потанин Г.Н. Причина происхождения казакь-киргизов // Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. Петроград, 1917. 152 с.
50. Сабитов Ж.М. Второстепенные персонажи эпоса Едиге // Золотая Орда: история, государственность, культурное наследие. Нур-Султан, «Ғылым» баспасы, 2019. С. 97–112.
51. Сабитов Ж.М. Откуда появился этноним ногай? // Уроки истории. № 2(18). Астана. 2018. С. 19–26.
52. Сабитов Ж.М. Эпос «Сорок батыров Крыма» в казахском народном фольклоре. // Global Turk. (журнал). 2015. № 3/4. С. 46–57.
53. Сабитов Ж.М., Тулеубаева С.А. Анализ достоверности «курейшитской генеалогии» Идееге из «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека и трактата «О роде князей Юсуповых» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 453–462. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.453-462> EDN: UBVRJI
54. Сәменов С. «Қырымның қырық батыры» және Ноғай ордасының тарихы туралы шежіре деректері // Абай. 2011. № 3. С. 53–59.
55. Сәтбаев Қ. Ер Едіге. Алматы: Ғылым, 1995. 152 б.
56. Сәтбаев Қ. Ер Едіге; жинаған Қ. Сәтпаев. Мәскеу : Кеңес одағындағы елдердің кіндік баспасы, 1927. 98 б.
57. Сейфуллин С. Шығармалар. 6-том. Қазақ әдебиеті. Қазақтың Мемлекеттік Көркем әдебиет баспасы. Алматы, 1964. 455 б.
58. Сейфуллин С.С. Қазақ әдебиеті. 1-кітап. Билер дәуірінің әдебиеті. Қызылорда: Қазмембас, 1932. 234 б.
59. Сорокин Н. Могила хана Тохтамыша // Тобольские губернские ведомости, № 23, 7, VI 1869. С. 103–104.
60. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / изд. под ред. д.ч. Н.И. Веселовского // Записки Русского географического общества. По отделению этнографии. Т. XXIX. Петербург: Типография Главного управления уделов, 1904. 532 с.
61. Спасский Г. Сибирский вестник. Часть десятая. Санкт-Петербург, Морская типография. 1820. 373 с.
62. Степанов Б. Об идеологических ошибках работников общественных наук Казахстана // Большевик Казахстана. 1947. № 1. С. 35–47.
63. Темиргалиев Р.Д. Тамга. История казахских племен. Алматы: «MELOMAN Publishing», 2023. 696 с.
64. Уалиев Т.А. «Едиге» / Энциклопедия «Золотая Орда». Ответственный редактор: Абдрахманов К.А. Международный научный комплекс «Астана». Научный институт изучения Улуса Джучи. Астана, 2023. С. 202–210.
65. Фалев П.А. Введение в изучение тюркских литератур и наречий Лекции, чит. проф. П.А.Фалевым в 1921 г. в Туркест. вост. ин-те / П.А.Фалев; Туркест. вост. ин-т. Ташкент: Туркест. гос. изд-во, 1922. 40 с

66. Шакиева А.С. Вклад казахского ученого Алькея Маргулана в историческую науку Казахстана // Историческая этнология. 2022. Т. 7, № 1. С. 174–183.

67. Шакиева А.С. Особенности освещения истории Улуса Джучи в «Историях Казахской ССР» в 1940–1950-х годах // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 220–241. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.220-241> EDN: UFKYJA

68. Шалғынбай Ж.Ж. Казахское фольклорное наследие в изданиях до начала XX века (книговедческий аспект) // Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университетінің Хабаршысы. 2019, №3 (79). Б. 142–148.

69. Duysen Q., Suyerkul B., Nurmanova M. Intricate Genealogies: What is Said in the Epic Poem about Nogay People? Milli Folklor (International and Quarterly Journal of Cultural Studies), Volume: 18 Issue: 143. 2024, pp. 111–122.

REFERENCES

1. Abtkarimov U.M., Aytbaev A.B. Historiography of the Nogailinsky heroic epos from the Kazakh storytellers-Zhyrau and Akyns of the 19th – the first half of the 20th centuries. *Vestnik Evraziyskogo natsional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Series – historical sciences. Philosophy. Riligious studies*. Nur-Sultan, 2019, no. 2 (127). pp. 47–55. (In Russian)

2. Agatay U.M., Sabitov Zh.M. Corps protective armament of nomads in Nogailinsk kazakh heroic epics. *Bylye gody*. 2022, no. 17 (4), pp. 1500–1512. (In Russian)

3. Agatay U.M., Sabitov Zh.M., Dosymbetov N.A. Jebe's Arrows in the Nogailin-Kazakh heroic epos. *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 2023, no. 15, pp. 665–686. (In Russian)

4. Alash kesemsezi. In 10 volumes. Sana. Vol. 5. Almaty: Ener, 2011. 320 p. (In Kazakh)

5. Alpysbaeva Қ.Б., Auesbaeva P.T. History of the collection of heroic songs in manuscript collections. Monograph. Almaty: Edebiyat Alemi, 2017. 336 p. (In Kazakh)

6. Asanov Zh.A.. The historical and heroic epos "Edigu". Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philology. Almaty, 2010. 37 p. (In Kazakh)

7. Asanyly Zh., Auelbaev M. History of "Edigu" epos. Monograph. Almaty: Nyrsat, 2016. 190 p. (In Kazakh)

8. Auezov M. Petition addressed to the All-Union Communist Party's (VKPB) Regional Committee DAP, dated 06.06.1928. *Mukhtar Auezov's unkown legacy (archival documents)*. Almaty: Publishing house "Biblioteka Olzhasa", 2013. 400 p. (In Russian)

9. Auezov M. Ədebiyat History of literature: for students of higher educational institutions. Almaty: Ana tili, 1991. 240 p. (In Kazakh)

10. Auezov M. A complete collection of works in Fifty volumes. Vol. 4 Almaty: Daur, Zhibek zholy, 2014. 456 p. (In Kazakh)

11. The word of ancestors: In one hundred volumes. Batyrs' Stories Vol. 43. Astana: Foliant, 2007. 416 p. (In Kazakh)

12. The word of ancestors: In one hundred volumes. Batyrs' Stories Vol. 39. Astana: Foliant, 2006. 448 p. (In Kazakh)

13. The word of ancestors: In one hundred volumes. Batyrs' Stories Vol. 50. Astana: Foliant, 2008. 464 p. (In Kazakh)

14. The word of ancestors: In one hundred volumes. Batyrs' Stories Vol. 85. Astana: Foliant, 2012. 416 p. (In Kazakh)

15. Beloslyudov A. Tales and legends of the Kyrgyz. *Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshestva*. Iss. 10, Semipalatinsk, 1915. 47 p. (In Russian)

16. Berdibaev R. About the "Edigu" epos. Problems of historiography, genesis, genre. Almanac: poems, essays, stories. Almaty: Zhazushy, 1991. 496 p. (In Kazakh)

17. Berdibaev R. Epics of Kazakh. Almaty: Gylym, 1982. 275 p. (In Kazakh)
18. Berezin I.N. Edigu. *Turkish Chrestomathy*. Vol. 3. St. Petersburg, 1890. pp. 228–234. (In Russian)
19. Bibliographic index of oral folk art. Almaty: Gylym, 1998. 252 p. (In Russian)
20. Valikhanov Ch.Ch. Excerpts from the Kyrgyz legend of Edigu (from the notes of Ch. Valikhanov). *Collected works of Ch. Valikhanov*. Vol. 4. Alma-Ata, 1968, pp. 490–493. (In Russian)
21. Valikhanov Ch.Ch. Collected works in five volumes. Vol. 5. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sovetskoy entsiklopedii, 1985. 528 p. (In Russian)
22. Valikhanov Ch.Ch. Collected works in five volumes. Vol. 1 Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sovetskoy entsiklopedii, 1984. 432 p. (In Russian)
23. Saken S. Anthology of Steppe folklore: in ten volumes. Vol. 2. Almaty: Brand Book, 2019. 572 p. (In Kazakh)
24. Alpsbaeva K. Anthology of Steppe folklore: in ten volumes. Vol. 1. Almaty: Brand Book, 2019. 560 p. (In Kazakh)
25. Divaev A. Murza Edigu-batyr (Kyrgyz epos). *Sbornik materialov dlya statistiki Syr-Dar'inskoy oblasti*. Vol. 5, Tashkent, 1896, pp. 12–33. (In Russian)
26. Divaev A. Murza Edigu-batyr. *Batylar. Zhetinshi zhinaq*. Tashkent: Turkistan respublikasynyn baspasoz shygarushy magkamasy, 1922. 25 p. (In Kazakh)
27. Zhumasheva R. Memos to the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union on the state of ideological work in Kazakhstan (1945). *Voprosy istorii*, no. 5, 2002, pp. 3–13. (In Russian)
28. Sydiykov K. Edigu. *Batylar zhyry*. Vol. 5. Almaty: Zhazushy, 1989, pp. 70–96. (In Kazakh)
29. Berdibaev R. Batyr Edigu. Almaty: Shega-tas baspasy, 1999. 363 p. (In Kazakh)
30. Berdibaev R. Batyr Edigu. Almaty: Gylym, 1996. 360 p. (In Kazakh)
31. Zhirmunskiy V.M. P.M. Melioranskiy and the study of the “Edigu” epos. *Tyurkologicheskiy sbornik*, 1972. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1973, pp. 141–185. (In Russian)
32. Zhirmunskiy V.M. The Turkic Heroic epos. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1974. 726 p. (In Russian)
33. Karataev A.A. Edigu beklarbek’s father. *Zolotaya Orda: istoriya, gosudarstvennost', kul'turnoe nasledie*. Nur-Sultan: Gylym baspasy, 2019, pp. 200–207. (In Russian)
34. Kopeev M.Zh. Edigu. *El auzynan zhinazan adebiet ylgileri*. Almaty: Gylym, 1992, pp. 77–83. (In Kazakh)
35. Kopeev M.Zh. Edigu. *Қазақтың batyrлық eposy*. Almaty: Rauan, 1992, pp. 14–20. (In Kazakh)
36. Kushkumbaev A.K. “Ak Horde” in the Turkic epos “Edigu”. *Zolotaya Orda: istoriya i kul'turnoe nasledie: sbornik nauchnykh materialov*. Astana: BG-PRINT, 2015. 182 p. (In Russian)
37. Kushkumbaev A.K., Ualiyev T.A. Historiography of the “Edigu” epos. (19th – second half of 20th century). *edu.e-history.kz*, 2022, no. 3 (31), pp. 15–26. URL: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/38> (date of application: 11.12.2024); https://doi.org/10.51943/2710-3994_2022_31_3_15-26 (In Kazakh)
38. Magauin M. The kobyz and the spear. Almaty: Zhazushy, 1970. 160 p. (In Russian)
39. Magauin E. Edigu: the folk epic. Almaty: Aukar, 1993. 74 p. (In Kazakh)
40. Magauin M. Historicity and artistic features of the “Edigu” epos. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Almaty, 1995. 27 p. (In Kazakh)
41. Magauin M. Kobyz saryny. Almaty: Zhazushy, 1968. 162 p. (In Kazakh)

42. Margylan A. Literary heritage of Shokan Valikhanov. *Қазақ тили мен әдебиеті*. 1958, no. 6, pp. 16–27. (In Kazakh)
43. Margylan A. Kh. Materials for the bibliography of Sciences of Kazakhstan. Almaty: Gylym, 1984. 66 p. (In Kazakh)
44. Margylan A.Kh. Works. Vol. 3. Almaty: Alatau, 2007. 488 p. (In Kazakh)
45. Melioranskiy P.M. The Legend of Edigey and Toktamyshe. *Zapiski russkogo geograficheskogo obshchestva*. Vol. 29. St. Petersburg: Tipo-litografiya I. Boranskogo i Ko, 1905, pp. 23+44. (In Russian)
46. Mirgaleev I.M., Fazlutdinov I.I., Zakirova I.G. On the question of studying Tatar variants of the epos about Idegey. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Vol. 11, no. 4, 2023, pp. 792–816. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816> (In Russian)
47. Orlov A.S. The Kazakh heroic epos. Moscow-Lenigrad. USSR Academy of Sciences, 1945. 147 p. (In Russian)
48. Potanin G. The Turkic tale of Edigu. *Zhivaya starina*. Iss. 3–4. St. Petersburg, 1897. 60 p. (In Russian)
49. Potanin G.N. Origin of the Kazakh-Kirghiz peoples // Kazak-Kirghiz and Altai legends, legends and tales. Petrograd, 1917. 152 pp. (In Russian)
50. Sabitov Zh.M. Minor characters of the Edigu epos. *Zolotaya Orda: istoriya, gosudarstvennost', kul'turnoe nasledie*. Nur-Sultan, Gylym, 2019, pp. 97–112. (In Russian)
51. Sabitov Zh.M. Where did the ethnonym Nogai come from? *Uroki istorii*. No. 2(18). Astana, 2018, pp. 19–26. (In Russian)
52. Sabitov Zh.M. The epos "Forty Batyrs of the Crimea: in Kazakh folklore. *Global Turk*. 2015, no. 3–4, pp. 46–57. (In Russian)
53. Sabitov Zh.M., Tuleubayeva S.A. Analysis of the reliability of Idegei's "Kureish genealogy" from "Jami al-tawarikh" by Kadyr Ali-bek and the treatise "On the clan of the Yusupov princes". *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 453–462. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.453-462> (In Russian)
54. Sakenov S. «Қырымның қығуқ батыры» және Ноғай ordасының тарихы туралы shezhire derekteri // Abay. 2011, no. 3. S. 53–59. (In Kazakh)
55. Satbaev K. Edigu. Almaty: Gylym, 1995. 152 p. (In Kazakh)
56. Satbaev K. Edigu. Collected by K. Satpaev. Moscow: Kenes odaryndagy elderdin kindik baspasy, 1927. 98 p. (In Kazakh)
57. Seyfullin S. Works. Vol. 6. Almaty: Kazaktyn Memlekettik Kerkem adebiet baspasy, 1964. 455 p. (In Kazakh)
58. Seyfullin S.S. Kazakh literature. Book 1. Kyzylorda: Kazmembas, 1932. 234 p. (In Kazakh)
59. Sorokin N. The grave of Khan Tokhtamysh. *Tobol'skie gubernskie ведомости*, no. 23, 7, 6, 1869, pp. 103–104. (In Russian)
60. Veselovskij N. The writings of Chokan Genghisovich Valikhanov. *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva. Po otdeleniyu etnografii*. Vol. 29. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1904. 532 p. (In Russian)
61. Spasskiy G. *Sibirskiy vestnik*. Vol. 10. St. Petersburg, Morskaya tipografiya, 1820, 373 p. (In Russian)
62. Stepanov B. About the ideological mistakes of workers of social sciences of Kazakhstan. *Bol'shevik Kazakhstana*. 1947, no. 1, pp. 35–47. (In Russian)
63. Temirgaliev R.D. Tamga. The history of Kazakh tribes. Almaty: MELOMAN Publishing, 2023. 696 p. (In Russian)
64. Ualiyev T.A. Edigu. *Entsiklopediya "Zolotaya Orda"*. Executive Editor: K. Abdrakhmanov. Astana International Scientific Complex. Scientific Institute of Jochi Ulus studies. Astana, 2023, pp. 202–210. (In Russian)
65. Falev P.A. Introduction to the study of Turkic literatures and dialects. Tashkent: Turkestanoye gosudarstvennoye izdatelstvo, 1922. 40 p. (In Russian)

66. Shakieva A.S. Contribution of Kazakh scientist Alkey Margulan to the historical science of Kazakhstan. *Istoricheskaya etnologiya*. 2022, vol. 7, no. 1, pp. 174–183. (In Russian)

67. Shakiyeva A.S. Features of Coverage of the Ulus Jochi History in the “Histories of the Kazakh SSR” in the 1940s–1950s. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 220–241. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.220-241> (In Russian)

68. Shalgynbay Zh.Zh. Kazakh folklore heritage in publications before the beginning of the twentieth century (book-study aspect). *Kazak yltyk qyrdar pedagogikalыk universitetinin Khabarshysy*. 2019, no. 3 (79), pp. 142–148. (In Russian)

69. Duysen Q., Suyerkul B., Nurmanova M. Intricate Genealogies: What is Said in the Epic Poem about Nogay People? *Milli Folklor (International and Quarterly Journal of Cultural Studies)*, 2024, vol. 18, Iss. 143. 2024, pp. 111–122.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Талапкер Аскарлович Уалиев – научный сотрудник Научного института изучения Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (010000, ул. Пушкина, 15Б, Астана, Республика Казахстан); лектор кафедры истории Казахстана, Кокшетауский университет имени Ш. Уалиханова (020000, ул. Абая, 76, Кокшетау, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0002-0738-7338. E-mail: tarikiname10@gmail.com

Айболат Кайрслямович Кушкумбаев – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Научного института изучения Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (010000, ул. Пушкина, 15Б, Астана, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0002-7276-4849. E-mail: aibolat7@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Talapker A. Ualiyev – Research Fellow, Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (15B, Pushkin Str., Astana 010000, Republic of Kazakhstan); Lecturer at the Department of the Kazakhstan History, Kokshetau University named after Sh. Ualikhanov (76, Abay Str., Kokshetau 020000, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0002-0738-7338. E-mail: tarikiname10@gmail.com

Aibolat K. Kushkumbayev – Dr. Sci. (History), Professor, Chief Researcher, Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (15B, Pushkin Str., Astana 010000, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0002-7276-4849. E-mail: aibolat7@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 26.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 29.10.2024

Принята к публикации / Accepted 28.11.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.814-831>
EDN: GMGCJT

УДК 398.223

ЭПОСЫ ПРО ИДЕГЕЯ И ЕГО РОДСТВЕННИКОВ В ЭПИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ «СОРОК БАТЫРОВ КРЫМА»

Ж.М. Сабитов ✉, **А.А. Каратаев**

*Научный институт изучения Улуса Джучи
Астана, Республика Казахстан
✉ zh.sabitov@gmail.com*

Резюме. Цель исследования: рассмотреть содержание, происхождение и цепочку передатчиков эпосов, посвященных династии золотоордынского беклярбека Идегея, входящих в цикл героических эпосов «Сорок батыров Крыма». Провести сравнительный анализ каждого эпоса с имеющимися сведениями об исторических личностях, встречающихся в эпосе, с целью идентификации личностей основных персонажей эпоса. Выявить автора всего цикла «Сорок батыров Крыма» и установить время и обстоятельства появления данных эпосов в среде казахов Младшего жуза.

Материалы исследования: основным источником данного исследования является цикл эпосов «Сорок батыров Крыма», записанный из уст Мурына Сенгирбекулы и изданный в рамках проекта «Мәдени мұра» – «Культурное наследие» в 50 и 51 томах серии книг «Бабалар сөзі» – «Слово предков».

Результаты исследования: Определен автор цикла «Сорок батыров Крыма» – Казытуган-жырау, потомок Идегея. Время составления цикла эпосов – последняя четверть XVII в. Обстоятельства создания цикла – переселение Казытугана в Кубань, к потомкам Карасая. Установлено, что цикл эпосов был привнесен беглыми кубанскими ногайцами в 1745 г. в среду казахов Младшего жуза, которыми правил Нуралы-хан, определивший их к казахам рода Бериш племени Алшин. Впоследствии эти ногайцы составили ветвь Бескаска-Бериш и из их среды началось распространение цикла эпосов «Сорок батыров Крыма» среди казахов. Первым известным казахским жырау, передававшим весь цикл являлся Абыл-жырау, затем его ученики Нурым-жырау, Мурат-акын и Кашаган-жырау, у которых перенял Мурын-жырау Сенгирбекулы. С его уст и был записан и издан весь цикл эпосов.

Ключевые слова: «Сорок батыров Крыма», героический эпос, Идегей, Нураддин, Муса, Младший жуз, Казытуган

Для цитирования: Сабитов Ж.М., Каратаев А.А. Эпосы про Идегея и его родственников в эпическом цикле «Сорок батыров Крыма» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 814–831. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.814-831>
EDN: GMGCJT

© Сабитов Ж.М., Каратаев А.А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования (проект ИРН BR24992878 «Изучение этнополитической и социально-экономической истории Улуса Джучи в XIII–XV веках»).

EPICS ABOUT IDEGEI AND HIS RELATIVES IN THE EPIC CYCLE “FORTY HEROES OF CRIMEA”

Zh.M. Sabitov ✉, A.A. Karatayev

Research Institute for Jochi Ulus Studies

Astana, Republic of Kazakhstan

✉ *zh.sabitov@gmail.com*

Abstract. Objective of the study: The aim of the research is to examine the content, origin, and chain of transmitters of the epics dedicated to the dynasty of the Golden Horde's beglerbeg, Idegei, included in the cycle of heroic epics, “Forty Heroes of Crimea”. A comparative analysis of each epic with available information about historical figures mentioned in the epics is carried out to identify the main characters. The study also seeks to determine the author of the entire cycle, “Forty Heroes of Crimea,” and establish the time and circumstances of the creation of these epics among the Kazakhs of the Junior Zhuz.

Materials of the study: The primary source of this research is the cycle of epics, “Forty Heroes of Crimea,” recorded from the oral tradition of Muryn Sengirbekuly and published as part of the “Madeni Mura” (“Cultural Heritage”) project in the 50th and 51st volumes of the “Babalar Sözi” (“Words of Ancestors”) series.

Results of the study: The author of the cycle “Forty Heroes of Crimea” has been identified as Kazytugan-zhyrau, a descendant of Idegei. The cycle of epics was composed in the last quarter of the 17th century. The circumstances of the creation of the cycle were related to Kazytugan's migration to the Kuban who were the descendants of Karasai. It has been established that the cycle of epics was introduced by fugitive Kuban Nogais into the Junior Zhuz Kazakh environment in 1745 under the rule of Nuraly Khan who settled them among the Kazakhs of the Berish clan of the Alshin tribe. These Nogais later formed the Besskaska-Berish branch from which the spread of the “Forty Heroes of Crimea” epics among the Kazakhs began. The first known Kazakh zhyrau to transmit the entire cycle was Abyl-zhyrau, followed by his students Nurym-zhyrau, Murat-akyn, and Kashagan-zhyrau. From these latter figures, Muryn-zhyrau Sengirbekuly learned the epics. The entire cycle of epics was recorded and published from his oral account.

Keywords: Forty Heroes of Crimea, heroic epic, Idegei, Nuraddin, Musa, Junior Zhuz, Kazytugan

For citation: Sabitov Zh.M., Karatayev A.A. Epics about Idegei and His Relatives in the Epic Cycle “Forty Heroes of Crimea”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 814–831. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.814-831> (In Russian)

Financial Support: The research was supported by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan as part of the program-targeted financing (project IRN BR24992878 “Study of the Ethnopolitical and Socio-Economic History of the Jochi Ulus in the 13th–15th Centuries”).

Введение. Эпический цикл «Сорок батыров Крыма», несмотря на свою значимость, до сих пор обладает значительным потенциалом для углубленного изучения, которое может привести к обнаружению новых научных фактов, связанных с историей этого цикла. Данный цикл включает в себя более 30 дастанов, про более чем 40 героев. Чуть менее половины данных героев относятся к династии Идегея. Также стоит отметить, что часто отдельные исследователи путают постордынские эпосы и данный цикл. По нашему мнению, нельзя приравнивать одно к другому. Каждый эпос имел свою историю. В то время как этот цикл сложился позже на основании постордынских эпосов во второй половине XVII века в Малой Ногайской Орде. При этом данный цикл попытался собрать в себе большую часть известных еще до этого постордынских эпосов, которые появились ранее и существовали самостоятельно. Отдельно в этом цикле можно выделить династию Идегея: его предков, потомков и родственников.

В 1942 году со слов акына Мурына Сенгирбекулы (1859–1954), в Алматы произведена запись «Қырымның қырық батыры» – «Сорок батыров Крыма». Над записями эпоса работали историки-литературоведы Е. Исмайылов, М. Хакимжанова, О. Нурмагамбетова. Одним из первых исследователей данного эпоса был В.М. Жирмунский. Свою рукопись «О сорока батырах Крыма» он закончил в апреле 1950 года. Учитывая неблагоприятный фон, появившийся в 1944 году и связанный с гонениями на исследователей эпоса Идегей, рукопись не вышла в печать при жизни. Она была издана посмертно в 1974 году в рамках общей монографии [11, с. 389–515].

Согласно классификации энциклопедии Казахстан, в данном цикле есть три группы батыров (мангытские батыры из династии Идегей, батыры из числа предков Шора-батыра (Чура-батыра) и оставшиеся батыры) [14, с. 393–394]. В нашей статье мы разберем только предков, родственников и потомков Идегея: Ала тайлы Аншибай, его сын Баба Туклес Шашты Азиз (его нет в списке батыров), его сын Парпария, его сын Кутлукия, его сын Идегей, его сын Нуреддин, его внуки Муса (сын Ваккаса, сына Нуреддина) и Жанбыршы (Ямгурчи, сын Ваккаса, сына Нуреддина), сын Жанбыршы Тел-Агыс (Дели-Агиш), «сыновья Мусы» Орак (на самом деле внук Мусы) и Мамай, сыновья Орака Карасай и Казы. Сюда же можно отнести Айсу и его сына Ахмета (Иса – старший брат (либо младший брат отца) Идегея, его сын Ахмет). Здесь стоит отметить, что Ахмет, сын Айсы является тезкой Амету, сына Исы из рода Уйсун (Амет также входит в состав «Сорока батыров Крыма»), который жил чуть ранее в эпоху золотоордынского хана Джанибека.

К данному списку мангытских батыров можно будет отнести таких батыров как «Каргабойлы, Казтуган» (потомок Идегея – Казытуган жырау Суюнишулы) и «Темир хан». Темир хана, можно отождествить либо с Темиром, сыном Мансура, сына Идегея, который был беклярибеком в Большой Орде, либо (более вероятно) с отцом Торехана. Согласно В.Т. Тепкееву Казытуган имел следующую генеалогию: сын Суюниша, сына Абдуллы, сына Теникея, сына Динбая, сына Исмаила, сына Мусы, сына Ваккаса, сына Нураддина, сына Идегея [28, с. 94].

Методы и материалы. Ниже мы перечислим биографии предков, потомков и родственников Идегея из данного цикла, согласно эпосу. После

каждого дастана мы добавим свои комментарии. Краткий пересказ дастанов про предков, родственников и потомков Идегея:

1.1. Аншыбай батыр. Аншыбай остается круглым сиротой в 4 летнем возрасте. Во время охоты на озере встречает двух девушек-пэри (джинн, сказочное существо), дочерей хана пэри, которые решили ему помочь и стали его женами. В итоге Аншыбай возвращается к своему народу Ногайлы, и при помощи волшебства пэри добивается подчинения народа, он становится ханом, получает богатства. Затем Аншыбай отправляется в одиночку в поход на калмаков во главе которых стоит Оракшы хан. Аншыбай во время поединка с Оракшы именуется свой народ «девятистаплеменными ногаями, из них сорокатымговые крымцы». Он побеждает Оракшы и заставляет калмаков принять ислам, а не принявших берет в плен. Возвратившись, он узнает, что хан ындысов Агырабат собирается напасть на ногайлы. Отправившись на поход на ындысов, он в поединке убивает Агырабата. Затем появляется ындысский батыр Акорал, с которым Аншыбай вступает в долгую битву. В итоге, они заключают перемирие, после чего Аншыбай возвращается в родные края. От двух жен у него рождается два сына – Баба Тукты и Шашты Азиз. От Баба Тукты рождается Парпария, а от Шашты Азиз потомства нет [4, с. 11–50].

1.2. Нами ранее обосновывался тезис о том, что Аншыбай (сын Махмуда Керемета, по отдельным источникам) идентичен Янджи, сыну Куремсы (происходит от Чаган-нойона из рода Мангыт). Янджи был сторонником Ногая, но после смерти своих двух братьев он стал служить хану Токте. Также стоит отметить, что, по мнению Р. Темиргалиева, под ындысами скрываются «орысы», так как в 1942 году (год записи эпоса) писать о том, что казахи воюют с «орысами» было чревато большими проблемами. Также по всем остальным источникам Баба Тукты Шашты Азиз это один человек, а не два.

2.1. Парпария, сын Баба Тукты, внук Аншыбая. Отец Парпарии – Баба Тукты был святым человеком, у которого была своя мечеть, он назван как «пир» – суфийский духовный наставник. Когда их народ откочевал на зимовки, Парпария остается с отцом у мечети. К ним вернулся пастух, который сообщил, что калмак Шамакан напал на их народ. Баба Тукты отправляет Парпарию на врагов, и говорит, что если он будет в беде, пусть воззовет к нему, тогда Баба Тукты поможет. Прибыв к калмакам он видит Шамакана и Шаштобе – отца Шамакана. Парпария сражается с Шамаканом, но калмак одолевает его. Тогда Парпария вызывает к отцу. Баба Тукты является в образе дракона и громит калмаков. В тот момент Парпария убивает Шамакана. Оставшиеся калмаки собираются вокруг Шаштобе, и тот нападает на Парпарию. Парпария побеждает его. Затем он заставляет калмаков принять ислам, и после победы возвращается на родину [4, с. 51–68].

2.2. В свое время В.М. Жирмунский считал наличие калмаков в XIV–XV веках в Улусе Джучи анахронизмом. Но после публикаций И.И. Дремова и перевода ряда тюркоязычных источников, которые датируют появление узбеков и калмаков годами правления Узбек-хана, надо полагать, что калмаки реально существовали в Улусе Джучи, но они маркировали не ойратов, а были религиозным маркером, экзоконфессиональным, обозначавшим людей, «оставшихся в вере отцов» (в том числе и буддистов) с точки зрения кочевников-мусульман Золотой Орды.

3.1. Куттыкия, сын Парпарии. Куттыкия был уже старым и оставил ханский трон. Он возвестил всех крымцев, чтобы собирались в поход на калмаков Акташы (белый тайши?) хана. Сыпыра поддержал его. Его отец – Парпария отговаривал его. Калмакский город располагался в трехмесячном пути, в местности «Уш Бокенбай» (место, где три притока Эмбы впадают в нее). По пути Куттыкия встречает калмаков, и убивает их предводителя. Затем прибывает к их крепости, разрушает ворота и врывается в орду Акташы хана, убивает его, и возвращается к своему народу [4, с. 69–75].

3.2. Здесь стоит отметить, что ранее существовал вопрос о том, кто был отцом Идегея. Большинство тюркоязычных источников и эпос в том числе говорит о том, что им был Кутлукия (Куттыкия). Версия о том, что отцом Идегея был Балтычак не подтверждается. Под Сыпыра имеется в виду Сыпыра-жырау, автор эпоса об Идегее и современник Идегея.

4.1. Идегей, сын Куттыкии. Один из сокольничих Токтамыш хана умирает, и он ищет ему замену, чтобы присматривал за его птицей Куканат. Ему советуют взять мальчика по имени Куттыкия, отец которого – Парпария погиб. Куттыкия соглашается, переключивается к дереву, где сидит ханская птица. Был в то время калмакский хан Сатемир, который был другом Парпарии. Он подсылает к Куттыкие человека с просьбой дать ему одного птенца Куканат. Тот передает ему одно яйцо. Один из шпионов Токтамыша видит в доме Сатемира птенца Куканат. Тогда Токтамыш все узнает через шпиона, зовет к себе Куттыкию и убивает его. Также он повелевает, что, когда жена Куттыкии родит, чтоб ребенка принесли к нему. Его жена рождает сына и в тайне передает его Жылкыбаю, а сама подкладывает под себя щенка (Кадыргали бек называет Идегей – Кушик – щенок). Токтамыш удивляется этому и решив, что это Божье чудо, оставляет ее. Жылкыбай называет ребенка Идегей. Токтамыш, заподозрив неладное, приказывает привести к нему Идегея. Но Жылкыбай приводит к нему своего родного сына, и Токтамыш убивает его. Затем спустя время Жылкыбай рассказывает Идегею о его настоящем происхождении и убийстве отца.

Затем Идегей отправляется к ханским нукерам и становится другом с Ангысыном. Вместе с ними Идегей заходит к хану, и тот пугается Идегея, и ханша указывает хану на его трусость. После чего Токтамыш решает убить Идегея. Токтамыш, Кенжанбай бий, сын Кенеса, и Сыпыра жырау составляют заговор против него, чтобы убить во время пира. Но Ангысын узнает об этом и предостерегает его. Во время пира Идегей чуть не попадает в засаду, но благодаря Ангысыну спасается, и они оба отправляются в бегство. Токтамыш отправляет за ними Кенжанбая и Сыпыра, но Идегей угрожает им смертью, и они отступают. Идегей отправляется к Сатемиру, который предлагает Идегею взять его войска, но он отказывается, говоря, что не хочет пугать своих ногаев. Побыв три месяца, он возвращается в родные края. Токтамыш, узнав об этом, решил созвать войска, но никто не прибыл. Испугавшись, он спасается бегством, и прячется в камышах у одного озера. Идегей прибыв, не находит хана. В итоге, он находит его у озера, и убивает его, мстя за смерть отца и сына Жылкыбая. Старшую дочь Токтамыша он отдает Жылкыбаю, а младшую берет себе. Она рождает ему двоих сыновей.

После этого Идегей отправляется в поход на калмаков Ханкожи, его сына Абыгая и хребреца Тоголая. Идегей убивает их, а Ханкожа бежит. Другой

сын Ханкожи – Иманкара нападает на владения Идегея, на аулы Тогана, и берет в плен жену Тогана – Макпал сулу. Идегей его убивает и освобождает пленницу, муж которой – Тоган отправился в поход. Идегей возвращается в родные края, но Тоган все еще не вернулся. Идегей зовет Ахмета, сына Айсы, и они отправляются в поход на Ханкожу. Там они побеждают Ханкожу и его сына Койкару, и затем возвращаются с добычей к ногаям [4, с. 76–107].

4.2. Здесь сюжет про Идегея по многим деталям сильно отличается от других списков эпоса. В других вариантах эпоса Ханкожа, Абыгай и Тогылай отсутствуют. Под Сатемиром здесь подразумевается Тамерлан (Аксак Темир), а под Кенжанбаем Жанбай (Джиханбай) из рода Кенегес.

5.1. Нурадын, сын Идегея. Когда Идегею исполнилось шестьдесят, а его сыну Нурадыну десять лет, Нурадын попросил разрешения отправиться в поход на ындысов и калмаков. Идегей по началу не разрешал, но в итоге поддался уговорам сына. Нурадын отправился в поход на ындысов (они называются параллельно и ындысами, и калмаками), во главе которых стоял их Таркас хан. Нурадын побеждает Таркаса и отрубает ему голову, заставляет его народ принять ислам, и возвращается на родину. Его встречает Идегей и весь народ, устраивают торжество и сажают на престол. После того как Нурадын объявил о походе на кызылбашов и их хана Шаббаза, никто из ногаев не поддержал его. Он в одиночку отправляется в поход разбивает кызылбашов, и заставляет Шаббаза и его народ принять ислам и те соглашаются. Когда он возвращается с победой, его встречает только мать, отец его – Идегей уже умер. Нурадын узнает, что у него родился сын, которого его мать назвала именем Муса [4, с. 108–137].

5.2. Здесь стоит отметить, что Муса был внуком, а не сыном Нураддина. Под кызылбашами имеют в виду шиитов Ирана.

6.1. Муса хан, сын Нураддина. Муса в пятнадцать лет стал ханом. С сорока воинами решил напасть на страну калмака Козана. У Козана был сын Косым, у которого был свой город. Муса решил, что возьмет улус Косыма и вернется с добычей. Косым услышав об этом, отправил пятьсот воинов на караул. Муса отправил одного своего человека, чтобы разведать город Косыма, а сам с воинами пошел следом за ним. Человек Мусы разведал город, вернулся и сообщил, что город сильно укреплен, войска в нем много, и взять его не получится. Но Муса все равно отправился дальше в поход. Ему на встречу вышел Косым с тысячью воинами. В результате битвы Муса, разгромил его, взял его город и увел пленников с собой к ногаям. Брат Косыма – Оспан построил новый город, с еще более высокими стенами и 12 рвами вокруг. Услышав об этом, Муса хан отправился на него с тысячей воинов. После долгой битвы он входит в город Оспана, и убивает его. После этого он отправляется в поход на калмакского Асаназир хана, располагавшегося у горы Ок Балкан, на берегу реки Балкан. В ходе битвы он убивает Асаназира. После чего он возвращается на Родину, и говорит, что он уже стар, ему шестьдесят лет, и что ему пришла пора отдохнуть от походов [4, с. 138–156].

6.2. Под Косымом могли иметь в виду Касима, сына Махмуда, правителя Хаджи-Тархана. Известно, что Муса долгое время воевал за территорию региона Тахт эли.

7.1. Орак, Мамай – сыновья Муса хана. Орак и Мамай родились от байбише – старшей жены Муса хана. Они любили играть в альчики. Калмак по

имени Козан отправил триста воинов с приказом «схватить кого-нибудь из потомства Аншыбая». Калмаки прошли мимо аула и направились прямо к двум мальчикам, которые спали в степи. Ногаи говорили: «Сыновья Муса хана стали беспризорниками, им не стать людьми». Муса хан был проницательным ханом и знал, что его сыновья станут хорошими людьми. Орак вдруг проснулся от кошмарного сна и заплакал. Калмак спросил у него: «Кто ты такой?». Тогда Мамай ответил ему и рассказал всю родословную. Калмаки забрали их с собой и привели к Козану. Козан повелел их запереть в зиндане.

Ранее в зиндан к калмакам попал хивинский хан Бозуглан, который пытался напасть на них. К нему и посадили двух мальчиков. Дочь калмака Козана – Карахан сулу, услышав, что в плен попали Орак и Мамай, заинтересовалась и решила их увидеть, и пришла к зиндану с сорока девушками. Мамай ей понравился, и она принесла ему еды и свечу. Один из проходящих стариков услышал речь Мамаю, которой он успокаивал Орака, и она ему понравилась. Он сообщил об этом хану. Хан решил устроить поэтическое состязание между Мамаем и калмакским поэтом Береном. Поставил условие, что если Мамай победит, то он отпустит их обоих. А если нет, то убьет. Мамай сказал, что если он победит, то заберет с собой и Бозуглана тоже. В ходе состязания Мамай воспевае своих предков: Аншыбая, пира Баба Тукты Шашты Азиза, Парпария хана, Куттыкия бека, Идегей султана, Нурадына, Муса хана, а также про то, как Муса убил двух сыновей Козана. В итоге, Козан спросил у народа, кого они сочли победителем. Те сказали, что Берен хорошо воспел калмакские земли. Но Козан сказал, что Берен не воспел его победы, а этот мальчик хорошо рассказал о победах предков. Он сказал, что это всего лишь малочисленные, слабые ногаи, которые ничего не могут. Повелел дать всем троем коней, еду и отпустить в свои края.

Орак разозлился, что Козан назвал их малочисленными и слабыми, и сказал, что позовет войска сорокатамгового Крыма, десятиплеменного Урума (Малой Азии), Шама (Сирии), Мысыра (Египта), Балха, Бадахшана, Хивы и Ургенча, а затем разгромит калмаков и их город, и отдаст его дочь Карахан в жены Мамаю. Сказав это Орак, Мамай и Бозуглан уходят. В пути Мамай хан и Бозуглан хан договариваются через три месяца собрать войска и напасть на калмакский город. После чего они расходятся. Тем временем к Муса хану прибыли сорок батыров и спросили, о том, где же находятся Орак и Мамай. Муса сказал, что они в плену у Козана, и что он не пожалеет богатств, чтобы их вернуть. Тогда Алау батыр сказал другим батырам, чтобы не брали ничего от Муса хана, а взяли все у народа и отправились на калмака Козана, и все согласились с ним. На седьмой день пути они встретили двух мальчиков. Телагыс, сын Жанбыршы, спросил у них кто они такие, а те ответили, что они Орак и Мамай, и рассказали о сильной крепости Козана. Мамай сказал, что они собираются вернуться в ногайские земли, а Орак сказал ему, что не вернется, а вместе с сорока батырами отправится на Козана, и попросил у Ахмета торе, сына Айсы доспехи, оружие и коня. А Мамай с сорока батырами ушел в родные земли. Затем Мамай хан пожалел об этом, и отправился вслед за Ораком, за ним отправился Ахмет, а за ним Алау, а за ним все сорок батыров Крыма. Орак в одиночку напал на калмакский город, убил Козана и убил всех внутри города. Калмаков за городом победил Ахмет батыр. Затем Орак, а за ним тридцать пять батыров отправились навстречу семидесятитысячному

калмакскому войску Огиз хана. Когда они встретились лицом к лицу с Огиз ханом, подросел и хан Мамай. Орак сказал ему, что если он что-то скажет, то убьет его, и что если еще раз уйдет, то пусть не появляется на глаза. Мамай уходит, а Орак взывает к Баба Тукты Шашты Азизу, и тот появляется с востока в форме дракона. Увидев дракона, Огиз хан столбенеет, и Орак убивает его. Затем он и сорок батыров нападают на калмаков и побеждают их. Затем они все возвращаются на родину победителями [4, с. 157–181].

7.2. Согласно источникам, Мамай был сыном Мусы, а Орак был внуком Мусы, сыном его сына по имени Алчагир.

8.1. Карасай, Кази – сыновья Орака. Когда были живы Орак и Мамай, все пытались женить Орака, но он отказывался, говоря: «Мне нужна хорошая жена, плохой мне не нужно». Когда он отправлялся в поход, то увидел девушку, слепую на один глаз, без одной ноги и без одной руки. Когда Орак собирал войска, увидел, как она справляла нужду. Тогда сказал себе, что если вернется живым, то женится на ней, и подумал, что «от нее родится благородный сын». Токал Мамай была Карахан сулу, дочь Козана, а байбише – Актерме сулу, дочь ногайлинца, младшая сестра Алау батыра. Актерме приснился сон, что в животе у Орака две змеи. Тогда она подумала: «он выбрал не хорошую жену, а плохую». Затем Актерме позвал Смаил Тобаяк (Беспалый Исмаил) и подговорил убить Мамай, узнав его слабое место. Тогда Актерме спросила у Мамай есть ли у него слабое место, и тот ответил, что их можно зарубить только их собственными саблями. Она рассказала об этом Смаилу. Тогда тот использовал это и убил Орака. От безрукой жены у Орака родилась двойня: Карасай и Кази. Затем родилась дочь Кибат.

Калмакский хан Кондыкер отправил ногайскому хану Адилью письмо, чтобы Карасай и Кази напали на него, если они действительно храбрецы. Тогда Адиль-хан решив, что неправильно отправлять двух детей одних, собирает крымских богатырей, и отправляется в орду Идегей хана, и прибывает к орде Муса хана. Карасай и Кази играли во дворе в альчики. Распределяя блюда с мясом Адиль-хан дает долю погибшего Орака его сыну Карасаю. Карасай затем спрашивается у матери отправиться в поход на калмаков вместе с Адиль ханом. Так как они были сиротами, Кази советует ему отдать шестилетнюю сестру Кибат в жены, и что за нее могут дать жеребенка. Мать советует отдать ее как токал восьмидесятилетнему Кокше батыру, который уже немощен, и ничего не сможет сделать ее дочери. Узнав от подруги об этом, Кибат возмущается, и Карасай, не выдержав, убегает в степь. Кибат извиняется перед братом и решает пожертвовать собой ради братьев. Она идет к Карасаю и просит выдать ее за Кокше и взять его коня. Карасай обещает ей, что не выдаст ее за старика. Но она сама идет к Кокше, и говорит, что хочет выйти за него, если он даст коня для того, чтобы отправить Карасая в поход. Кокше говорит, что не возьмет ее в жены, но, чтобы пусть она будет его приемной дочерью. Кази призывает Кокше гостить у них, и одаривает золотой шубой. Затем Карасай и Ер Кокше отправляются в поход с ханом.

Адиль хан и сорок батыров подходят к крепости, которую Орак пытался захватить семь раз и ничего не получилось. Адиль попадает в плен при попытке штурма и его сажают в зиндан. Там он пишет письмо своей сестре Ханзие и отправляет, привязав к ласточке, чтобы она позвала на помощь Кази. Она находит его, дарит коня и вооружение. Он отправляется в поход, взяв

ногайлинское войско. Он догоняет сорока батыров, которые сказали, что ничего не могут поделаться. Тогда Кази вспомнил слова отца о потайном ходе, который выводит к центру города. Он пошел искать этот ход и за ним сорок батыров. Затем у горы остались все, кроме Кази, Карасая, Амета, Ахмета и Алау. Они вошли через потайной вход и ворвались в город, разгромили калмаков и начали искать Адиля. Затем Кази спасает Адиля, и они все выбирают, и возвращают Адиля в его орду. Семь дней проходят празднества в честь возвращения хана.

Затем приходит весть от калмакского хана Батыра, чтобы они вышли на сражение. Они решили отправиться на него в поход, но у них остался лишь один конь. Тогда они обращаются к матери, чтобы она решила, кто из них отправится. Она сказала, что пусть едет младший Кази, так как если старший проиграет, то они ни во что не поставят младшего. А если младший проиграет, то будут бояться мести старшего. Кази прибывает в страну калмаков и призывает Батыр хана к исламу либо войне. Батыр просит отсрочки в три дня, чтобы посоветоваться с приближенными, посчитав, что если отправили младшего брата, то старший еще сильнее. Через три дня он соглашается принять ислам и передает через Кази три дара для Карасая: скакуна, золотую шубу и золото, размером с голову коня. В итоге, он возвращается домой, и довольная мать говорит, что Орак всегда ценил Кази больше других [4, с. 182–217].

8.2. Смаил Тобаяк здесь правитель Ногайской Орды – Исмаил. Кондыкер здесь имеется в виду османский султан. Под Адилем подразумевается крымский царевич Адиль Гирей (погиб в 1579 году в Иране), сын Девлет Гирей-хана. Адиль Гирей проживал к востоку от Перекопа, на берегах реки Кальмиус. На этом месте он воздвиг город Болы-Сарай. Ему подчинялись ногайцы Малой Ногайской Орды. Здесь стоит отметить, что по историческим источникам почти ничего не известно о Карасае, старшем брате Кази. Но в эпосе он назван первым. Ниже мы предложим свое объяснение этому факту.

9.1. Каргабойлы и Казтуган. Девяностоплеменные ногаи устроили совет на берегу реки Эмба. Асан Кайгы и Ер Тоган откочевывают после этого к реке Сырдарье, и далее в Карабайыр Нур. Каргабойлы и Казтуган решили уйти в Шам (Сирию). Адиль Жанибек хан остался один. На пути в Шам, в местности Ок у гор Балкан, его верблюдица сбегает обратно в сторону реки Эмба (Жем). Он отправляется за ней. Он долго не возвращался и его дочь отправляется к Каргабойлы батыру, чтобы он помог его найти. Он побоялся оставить ногайцев без защиты от калмаков и дал ей благословение отправиться на поиски самой. Она отправилась, в пути встретила калмаков, и назвав себя Казтуган батыром, разгромила их, затем достигла реки Эмба и нашла отца и вернула его домой. Отдохнув месяц, он решил догнать ногаев, которые ушли ранее. Ногаи во главе с Каргабойлы остановились в местности Казаншик. Каргабойлы узнал, что на них направились калмаки во главе с Сереном, и отправляет посланика к Казтугану. Затем Казтуган и Каргабойлы объединяются и побеждают калмаков [5, с. 183–217].

9.2. Здесь под Казтуганом имеется в виду известный Казытуган-жырау, потомок Идегея, живший во второй половине XVII века. По нашему мнению, он был автором цикла «Сорок батыров Крыма».

10.1. Телагыс, сын Жанбыршы. Когда Жанбыршы постарел, а Телагысу исполнилось пятнадцать, он решил отправиться в поход на калмакского хана

Бегена. Родители благословили его и он, взяв с собой тридцать сыновей Мусы, в том числе Калу, Сары и Смайыл Тобаяка. Кроме Орака и Мамаю, Карасая и Кази все были с ним. Они побеждают калмаков, а Телагыс как старший получает много добычи. Через несколько лет Жанбыршы умирает и перед смертью просит Мамаю взять Телагыса как приемного сына. Через некоторое время Телагыс захотел жениться на Акбилек – дочери Мамаю. Тридцать потомков Мусы во главе с сыновьями Орака – Карасаем и Кази были против и решили убить его. Мамай обратился к Телагысу сказав, что Карасай и Кази его не слушаются после смерти Орака, и посоветовал ему оставить берега реки Богды и переехать к Волге и стать крымским ногаем. Телагыс поселяется в крымских владениях, и отправляется к Асану Кайгы и просит его собрать сорок батыров Крыма. Через три дня Асан собрал всех сорока батыров, включая Абата сына Асана, Тогана, Косая сына Кокше, Каргабойлы, Казтугана, Алау, Торехана сына Шынтаса, Кенеса сына Акжонаса, Шору сына Нарика, а также добавив к ним старика Сыпыра, отправил с Телагысом, но предупредил, чтобы не вовлекал сорок батыров сражаться с тридцатью сыновьями Мусы. Они отправились к сыновьям Мусы, и в пути Телагыс видит человека в черном платке. Это оказалась Акбилек, их сестра. Она просит их не убивать ее братьев и соглашается быть его женой. Тогда Телагыс успокоившись, отправляется обратно, но за ними отправились тридцать сыновей Мусы, а также Карасай и Кази, и Мамай. Когда две стороны встретились, Сыпыра отправился к сыновьям Мусы и советовал примириться, но те отказались отдавать сестру в качестве токал – это было для них унижением. Сыпыра пытался примирить ногаев Крыма во главе с Телагысом и ногаев Шеркуртты во главе с Мамаем, в итоге у него получилось. Затем они устроили той [5, с. 309–330].

10.2. Под Телагысом имеется в виду Дели-Агиш, сын Ямгурчи. Дели является прозвищем. Агиш был бием Ногайском Орды в 1521–1524 годах.

11.1. Ахмет, сын Айсы. Айса, Ахмет, Алау, а также аксакалы устраивают совет, где решают отделиться от ногаев и поставить во главе них Айсу. Отправившись в далекие от Волги на шесть месяцев земли, остаются там. Асан Кайгы с Волги отправил своего сына Абата за ними, чтобы узнать хороши ли их земли. Абат взял с собой Ер Тогана, Каргабойлы, Казтугана. Настигнув их, Абат обратился к ним и сказал, что Асан Кайгы просит их вернуться обратно на Волгу, и не разделяться. Айса, Ахмет и Алау согласились с ним. Затем все выпили кумыс, и Абат разгорячившись задел честь Ахмета и Алау, принизив их батырские подвиги. Все засыпают, а Ахмет оскорбившись, отправляется ночью в одиночку на калмаков. Проснувшись, батыры все вспоминают и понимают что Ахмет ушел на калмаков, обидевшись. Алау отправляет Айсу с народом обратно на Волгу к Асану Кайгы, а сам вместе с Абатом, Тоганом, Каргабойлы и Казтуганом отправляется вслед за Ахметом. Догнав его, они вместе громят калмаков Кайыспас хана и храбреца Серке. Затем все вместе возвращаются к Волге [5, с. 331–347].

11.2. Здесь стоит отметить, что данный цикл – это единственный источник, где отмечается неизвестный ранее родственник Идегея по имени Ахмет. Судя по всему, он сын Айсы, а Айса младший брат отца Идегея.

12.1. Торехан, сын Шынтаса. Торехана обижали в детстве другие дети, и он решил отправиться на калмаков хана Кодаркула, доказать, что он храбрец. Родные не отпускали его, но в итоге благословили. Он пришел и разгромил их,

пока их хан был в походе на кызылбашов. Торехан остался в тех краях, отдыхал и охотился. Его сестра Ханбиби заметив, что его долго нет, получив разрешение отца, пошла искать его. Дошла до земель разгромленных калмаков, увидела в колодце Кодаркул хана, и не зная кто это освободила его. Затем посадила его в сундук и пришла к Торехану. Когда Торехана не было, она забавлялась с Кодаркулом, а когда он приходил, прятала его. В итоге, Ханбиби и Кодаркул решают убить Торехана. Кодаркул советует ей отправить хитростью брата на великана Казанбаса. По пути он встречает Шынбике сулу, дочь Шыман хана. Она ему все рассказывает про Кодаркула и Ханбиби, но Торехан не верит ей и отправляется на великана. Затем победив его, он возвращается к Шынбике сулу, а затем домой. Затем Кодаркул и Ханбиби решают убить его в открытую, привязав к дереву. Он скорбит из-за предательства сестры. Они проводят той при нем и откочевывают, а он остается привязанным к дереву. Его находит отец и освобождает, и они едут к Кодаркулу. Кодаркул женился на калмачке, а Ханбиби заставил собирать дрова. Они убивают его, и Шынтас делает Торехана ханом над калмаками и устраивает той. Тогда прибывает Шынбике сулу и Торехан женится на ней. А Ханбиби привязывают к сорока коням и отпускают их, и так она умирает [5, с. 373–389].

12.2. Торехан – чингизид. По данному циклу он сын Шынтаса, а по двум другим отдельным списка данного эпоса он сын Темир-хана. В одном из эпосов он сын Темир-хана и Сауле, дочери Нураддина, сына Идегея. По письменным источникам золотоордынский хан Темир (правил в 1410–1412 годах) был женат на дочери Идегея и имел от нее сына Кучук-Мухаммеда. По мнению Ж.М. Сабитова Торехана можно отождествить с золотоордынским ханом Кучук-Мухаммедом. Также вполне возможно то, что мавзолей Тура-хана в западном Приуралье был построен в честь данного эпического Торехана и там захоронен золотоордынский хан Кучук-Мухаммед.

13.1. Жанбыршы. Небольшой отрывок про то, как Жанбыршы побеждает калмакского хана Косторе [5, с. 395–396].

13.2. Под ним имеется ввиду Ямгурчи, брат Мусы.

Результаты. Здесь стоит отметить, нашу позицию по поводу происхождения данного цикла и его названия.

Казахский исследователь Кондыбай С. высказывал мнение о том, что термин Крым, который присутствует в названии данного эпоса не имеет отношения к полуострову Крым. По его мнению, Кыр – это старое название плато Устюрт, а Кырым можно перевести как «мой Кыр» [17, с. 186], в других случаях у казахских исследователей встречается перевод Кырым как «моя степь». По его мнению, цикл «Сорок батыров Крыма» возник среди племени Алшин и Ногаев в XV–XVI веках [17, с. 341].

Ногайские исследователи называют данный цикл как «Сорок ногайских богатырей», что нам кажется не совсем верным названием. Высказывается мнение о том, что существует казахская версия цикла и существует ногайская версия данного цикла. К примеру, в 1991 году в Махачкале вышел сборник «Сорок ногайских богатырей», в котором были представлены следующие героические поэмы: «Эдиге», «Мамай», «Адиль-солтан», «Шора-батыр», а также лирический дастан «Толеген и Кыз-Йибек» [27, с. 18–19]. Но название сборника отнюдь не означает, что это издание общего цикла. Это сборник разных эпосов, не связанных в один цикл. Здесь необходимо отметить, что ногайские

версии цикла «Сорок батыров Крыма» также существовали среди ногайцев. По нашему мнению, данный цикл был создан во второй половине XVII века Кызытуганом-жырау и попал к казахам от кубанских ногайцев в начале XVIII века [24, с. 55], но среди других ногайцев данный цикл не был зафиксирован письменно, как это было в случае с Мурын-жырау. Казахский вариант данного цикла был зафиксирован, когда ему было уже 83 года. Такое долголетие при удачном стечении обстоятельств (Мурын-жырау не затронули политические репрессии 1930-ых годов, К.И. Сатпаев смог найти финансирование на фиксацию данного эпоса и т.д.) помогло зафиксировать данный цикл.

Также интересен вопрос о том, кто был автором данного цикла. По мнению Р.В. Ишмухаммедова, Мурын-жырау является потомком ногайского Казакай-ахуна, основываясь на сведениях некой Сарсембиной Баян: *«Замечательно, что именно ногайского ахуна Казакай-эфенди (ног. аьпенди) из числа терских ногаев, казахская народная традиция называет и признает в качестве прямого предка Мурын-жырау Сенгирбек улы и, соответственно, как исходного носителя и передатчика ногайских эпосов в казахскую среду»* [13, с. 156].

Здесь необходимо отметить, что Мурын-жырау не является потомком Казакай-ахуна. Мурын-жырау относится к казахскому племени Алшин-Адай (подразделение Мунал-Жары [11, с. 394]). Его генеалогия выглядит следующим образом: Тлеген (он же Мурын-жырау), сын Сенгирбека, сына Айгыра, сына Кулкары, сына Кожакельды, сына Мурата (Кеще) [6, с. 239], сына Жары, сына Жаулы, сына Мунала, сына Келимберды, сына Адая.

Скорее всего, Сарсембина Баян перепутала Мурын-жырау и Нурым-жырау и просто с большими искажениями пересказала в 2010 году идею Ане-са Сарая 2009 года о том, что Нурым-жырау был внуком Казакай-ахуна, из рода Алшин-Адай, а тот был потомком Доспамбет-жырау, из рода Алшин-Адай. Данный тезис Сарсембиной Баян проистекает из тезисов Анес Сарая.

Анес Сарай писал, что известный Доспамбет-жырау Азаулы (Азовский) идентичен Доспамбету из шеджере племени Алшин-Адай [25, с. 175] (Доспамбет, сын Суюндука (Жаманадай), сына Косая, сына Кудайке, сына Адая) [8, с. 427]. При этом потомками этого Доспамбета он называет Косакая, его сына Шыршыгула и его внука Нурым-жырау. Данного Косакая он отождествляет с известным Казакай-ахуном, который, по его мнению, является представителем казахского рода Алшин-Адай. Шеджере рода Адай подтверждает тезис о том, что Нурым-жырау происходит из клана Жаманадай (Суюндык) рода Адай [9, с. 386–388]. Здесь вызывают сомнения в том, что Доспамбет из рода Адай идентичен Доспамбет-жырау. Совпадение по имени не может быть аргументом. Также есть большие сомнения по поводу того, что Казакай-ахун происходил из казахского рода Алшин-Адай, а сам Казакай-ахун был потомком Доспамбет-жырау.

Также стоит отметить, что ранее мы считали, что ногайцы, бежавшие к казахам из рода Бериш передали цикл «Сорок батыров Крыма» казахам, а потом основали сословие Ногай-казах, которое было в Букеевской орде. В 1711 году 22 тысячи кубанских ногайцев было взято в плен калмыками [29, с. 331]. Позже они малыми группами старались уйти обратно на Кубань. Малая часть из них (кубанские ногайцы-салтанаульцы) в 1745 году бежали к казахам [8, с. 81], к Нуралы и жили они среди рода Бериш [12, с. 139].

Но сейчас, мы считаем, что потомками этих ногайцев является род Бескаска (буквально 5 предводителей), который вошел в состав казахского рода Алшин-Бериш и который происходит от некоего Жусупа из рода Уйсун. По нашему мнению, цикл «Сорок батыров Крыма» попал через Жусупа из ногайского племени Уйсун сначала к жырау племени Алшин-Бериш. И уже от жырау племени Алшин-Бериш данный цикл через учителей Нурым-жырау (он происходил из Атырау). Потом Нурым-жырау попал в Мангистау, где передал данный цикл Мурын-жырау.

Согласно версии Ж.М. Сабитова, Нурым-жырау (1831–1908) был учителем таких жырау и акынов как Кашаган-жырау (1841–1929), Мурат Монкеулы (происходит из племени Алшин-Бериш-Каратокай), Нурпеис Байганин (1860–1945) [21]. Также стоит отметить, что учителем Нурым-жырау был Абыл Тлеу-улы (1777–1864) (происходил из племени Алшин-Адай-Келимберды), за которым следовал с 17 лет.

Таким образом, передача данного цикла шла через цепочку следующих жырау: ногайский жырау (либо Жусуп из рода Уйсун, либо один из его сыновей, ставшие предками рода Бериш-Беккаска), далее неизвестный жырау из рода Бериш, далее Абыл-жырау (1777–1864) (из рода Адай), далее Нурым-жырау (1831–1908) (из рода Адай) и (или) Мурат Монкеулы (1843–1906) (из рода Бериш) и (или) Кашаган-жырау (1841–1929) (из рода Адай), далее Мурын-жырау (1859–1954) (из рода Адай).

Также есть другие версии цепочки передачи цикла героических эпосов о сорока батырах Крыма. Согласно одной из них, основным учителем Мурын-жырау являлся Мурат Монкеулы [21, с. 409], которого он считал самым сильным сказителем [22, с. 93]. Мурат обучил его 14-ти из 40 эпосов, в число которых входят «Идегей», «Карадон», «Жубаныш», «Суйиниш», «Тогис», «Тама», «Тана», «Нарик», «Шора», «Кулыншак», «Акжонас», «Кенес», «Жанбыршы», «Телагыс» [22, с. 96–97]. Учителями самого Мурат-жырау являлись его соплеменник Есет Караулы (1779–1869), являвшийся бием рода Бериш-Каратокай и акыном [22, с. 34], а также вышеупомянутый Абыл Тлеу-улы [15, с. 125].

Вторым учителем Мурын-жырау являлся Кашаган-жырау, являвшийся также учителем Нурпеиса Байганина [10, с. 260]. Мурын научился у Кашагана исполнению 12 из 40 эпосов: «Кобланды Кыдырбай-улы», «Темирхан Шынтас-улы», «Амет», «Алау», «Кокше», «Косай Кокше-улы», «Абат Асан-Кайгы-улы», «Тоган», «Манашы», «Туякбай Манашы-улы», «Ахмет Айсаулы», «Каргабойлы, Казтуган» [31, с. 188]. Кашаган считается учеником Нурым-жырау. Также сообщается, что и Кашаган, и Нурым совместно учились у Абыл-жырау [31, с. 187].

Третьим учителем Мурын-жырау являлся вышеупомянутый Нурым-жырау. Мурын перенял у него эпосы о Карадон-батыре и его потомках, а также об Аншибай-батыре и его потомках [16, с. 255]. Вполне вероятно, что Нурумбай из племени Алшин от которого Ч. Валиханов в XIX веке слышал эпос «Орак батыр» [7, с. 281], является одной личностью с Нурым-жырау из рода Адай, входящего в состав алшинов. Нурым являлся учеником Абыл-жырау [31, с. 187].

С Нурымом Мурын впервые познакомился в возрасте 19–20 лет и провел с ним 4 месяца. Далее виделся с ним неоднократно. С Кашаганом Мурын-

жырау провел вместе 5 лет с 1880 по 1884 гг. В возрасте 32 лет он снова прибыл к Нурым-жырау и также 3–4 месяца обучался эпосам. В 38 лет отправился к Мурату Монке-улы, и пробыв с ним некоторое время, обучался эпосам [31, с. 261].

Таким образом, согласно данному варианту цепочки передачи цикла эпосов, Мурын-жырау являлся учеником Мурата Монке-улы, Кашагана Куржиман-улы и Нурыма Шыршыгул-улы, тогда как они все являлись учениками Абыла Тлеу-улы. Также стоит отметить, что Мурат-жырау был учеником Есета Кара-улы.

Профессор К. Сыдиыков называет адайских жырау Нурыма и Кашагана, являвшихся соплеменниками Мурын-жырау, одной из семи школ, где Мурын мог научиться эпосам о сорока батырах. Эти «школы» были средой, где из поколения в поколение передавались эпосы из цикла «Сорок батыров Крыма» [16, с. 255].

Стоит отметить, что не только Мурын-жырау являлся передатчиком и рассказчиком всего цикла эпосов. Не менее известным и видным представителем школы жырау Западного Казахстана являлся Нурпеис Байганин (1860–1945) из рода Шекты. Литературоведы С. Негимов и А. Тажибаев, видевшиеся с ним, свидетельствовали, что Нурпеис-жырау знает весь цикл «Сорок батыров Крыма» [1, с. 6] и исполнял весь цикл за 40 дней. Также он сочинил отдельное произведение, называемое «Батырлар жыры желісі» («Верьвь (цепь) эпосов о батырах»), в котором упомянул всех 40 батыров из цикла. Сохранились варианты эпосов «Кубыгул», «Торехан», «Карасай-Кази», исполненные Нурпеисом Байганиным [2, с. 334].

Е. Исмаилов причислял Нурпеиса к одной школе с Мурыном. В 1948 г. он дал поручение О. Нурмагамбетовой собрать наследие Нурпеис-жырау. Ученый собрал его произведения, в т.ч. «Сорок батыров Крыма», но был репрессирован и труд остался неопубликованным [1, с. 10–11].

Согласно различным источникам, Нурпеис являлся учеником Нурым-жырау [21], Кашаган-жырау [10, с. 260], Максут-жырау [10, с. 259] – племянника Жасклен-жырау. Ранее предполагалось, что автором цикла «Сорок батыров Крыма» был Доспамбет Азаулы (Азовский). Как уже отмечалось: «Недостаток этой версии заключается в отсутствии его имени (и имени его брата) в списке батыров, а также в сомнениях относительно хронологии жизни Доспамбета».

В настоящее время можно с высокой степенью уверенности утверждать, что автором цикла является Казытуган-жырау. Он, с одной стороны, воспевал уход ногайцев с Волги на Кубань, а с другой – был непосредственным участником этого процесса («жил на Волге и затем переселился с улусом на Кубань»). С учетом того, что на Кубани правили потомки Казы и Карасая, его эпос служил способом демонстрации лояльности своим дальним родственникам и выражением стремления создать общую повестку («борьба с калмаками»), объединяющую различные группы ногайцев. В эпосе Казытуган-жырау упомянут под именем Каргабойлы Казтуган (Казтуган, «маленький ростом, как ворона»), что выглядит как литературный прием («игра на контрастах»), совмещенный с восхвалением его дальних родственников из Малой Ногайской Орды.

Дополнительным доказательством является то, что Карасай-батыр представлен как важная историческая фигура и старший брат Казы. Однако исторические источники почти не содержат сведений о Карасае (Хорошае), известны лишь его потомки, которые стали значимыми среди малых ногайцев лишь с 1610-х годов. Это указывает на вероятное возвеличивание фигуры Карасая, что могло быть связано с тем, что в момент создания эпоса один из потомков Карасая занимал руководящие позиции среди малых ногайцев. Учитывая эти факты, можно предположить, что Казытуган-жырау переселяясь на Кубань, создал апологию малоногайской ветви династии Идегея, включив туда Карасая, неизвестного по историческим документам, и династию предков Чура-батыра.

Обсуждение и заключение. Подводя итоги, стоит отметить, что цикл «Сорок батыров Крыма», по нашему мнению, возник в последней четверти XVII века. Его автором был Казытуган-жырау, потомок Идегея. Апология Карасай-батыру там была связана с его стремлением интегрироваться в среду кубанских ногайцев (к потомкам Карасай-батыра), куда он переехал с Волги.

В 1711 году часть кубанских ногайцев была переселена в Астрахань, откуда в 1745 году они бежали к казахам рода Бериш. По нашей гипотезе Жусуп или кто-то из его потомков был исполнителем цикла «Сорок батыров Крыма», который перешел сначала в среду жырау рода Бериш, а в последствии к жырау рода Адай. Первым адайским жырау, освоившим этот цикл был Абыл-жырау (1777–1864), он передал знание этого эпоса Нурым-жырау (1831–1908) и (или) Кашаган-жырау (1841–1929), далее знание эпоса от Нурым-жырау и (или) Кашаган-жырау перешло к Мурын-жырау (1859–1954).

Стоит отметить, что попадание к казахам цикла «Сорок батыров Крыма» никак не связано с попаданием к казахам эпоса Идегей. Эпос Идегей циркулировал среди многих тюркоязычных постордынских народов еще до создания цикла «Сорок батыров Крыма». И поэтому цикл «Сорок батыров Крыма» нужно четко отличать от эпоса Идегей, показывая, что он возник на его основе, но гораздо позже, чем сам эпос Идегей. И если автором эпоса Идегей можно признать Сыпыра-жырау, современника Идегея, то автором цикла «Сорок батыров Крыма», в котором есть дастаны и эпосы про Идегея, его предков, потомков и родственников, является Казытуган-жырау, потомок Идегея.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асанов Ж. Нұрпейіс Байғанин. Т.2. Ақтөбе. «Шамшырақ-Ақтөбе». 2011. 344 с.
2. Әбдірасылқызы А. Байғанин Нұрпейіс. Үш томдық шығармалар жинағы. Т. 2. Алпамыс батыр. Қобыланды батыр. 2012. Алматы: «Қазығұрт» баспасы. 2012. 334 с.
3. Бабалар сөзі: Жүз томдық. Батырлар жыры. Т. 46. Астана: Фолиант. 2008. 512 с.
4. Бабалар сөзі: Жүз томдық. Батырлар жыры. Т. 50. Астана: Фолиант. 2008. 464 с.
5. Бабалар сөзі: Жүз томдық. Батырлар жыры. Т. 51. Астана: Фолиант. 2008. 448 с.
6. Бәлдеков О. Өмірбаяндық, тарихи-танымдық жинақ. Астана: Фолиант, 2014. 483 с.
7. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. 281 с.

8. Викторин В.М. «Нугай-Казаки» Жаныбекского района Западно-Казахстанской области: проблемы межтюрко-кыпчакского взаимодействия (субэтноисторический очерк) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск. № 1–2. 2006. С. 80–84.
9. Жарытегі Ж. Сегіз арыс Адайым. Астана. Профи Медиа. 2015. Т. 1. 528 с.
10. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. М.-Л.: Госиздат. 1962. 435 с.
11. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 727 с.
12. Ишмухаммедов Р.В. К предистории межкыпчакской субэтнической группы «ногай-казах» в составе западных казахов. Ногайцы XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Черкесск. 2014. С. 135–140.
13. Ишмухамбетов Р.В. Положение "принятых" служилых групп во Внутренней Букеевской орде: XIX – начало XX вв. Диссертация ... кандидата исторических наук. Нальчик, 2023. 195 с.
14. Казахстан. Национальная энциклопедия. Том 3. Алматы. 2005. 560 с.
15. Каренов Р.С. Мұрат Мөңкеұлы – «зар заман» ақындарының ірі өкілі. // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». 2017. № 2(86). С. 24–147.
16. Классикалық зерттеулер: көп томдық. Т. 25: Қазақтың жыраулық мұрасы. Алматы: «Әдебиет әлемі». 2014. 255 с.
17. Кондыбай С. Полное собрание сочинений. Краткий словарь. Монография. 5 том. Казахская мифология. Эстетика ландшафтов Мангистау. Алматы: Арыс, 2008. 472 с.
18. Нурдаулетова Б.И. Сакральный памятник в Мангистау: эпический цикл «сорок богатырей Крыма» // Deutsche Internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft. 2021. №. 10–2. С. 35–39.
19. Нурдаулетова Б.И. Серікбол Қондыбай зерттеулеріндегі «Қырымның қырық батыры» жырлар циклі // Вестник Евразийского гуманитарного института. 2023. №. 1. С. 102–112.
20. Нурдаулетова Б.И. Этно-когнитивная система цикла эпоса «сорок батыров Крыма» // Yessenov science journal. 2023. №. 2 (45). С. 16–26.
21. Нұрым жырау // Ана Тілі. 20 января. 2012 года. URL: <https://anatili.kazgazeta.kz/news/8236> (дата обращения: 20.08.2024)
22. Омарұлы Б. Мұрат Мөңкеұлы. Алматы: Крамдс-Пресс, 1993. 105 с.
23. Сабитов Ж.М., Тулеубаева С.А. Анализ достоверности «курейшитской генеалогии» Идегея из «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека и трактата «О роде князей Юсуповых» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 453–462. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.453-462>
24. Сабитов Ж.М. Эпос «Сорок батыров Крыма» в казахском народном фольклоре // Global Turk. 2015. № 3/4. С. 46-57.
25. Сарай Ә. Ногайлы. Алматы: Арыс. 2009. 480 с.
26. Сарсембина Баян «Ногайлынын Казакай ахуны» // Жас Алаш № 97 (15555) 7 желтоқсан, сейсенбі 2010 ж. URL: <http://www.zhasalash.kz/ruhaniyat/3369.html> (дата обращения: 20.08.2024)
27. Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. Ногайский героический эпос: Научная монография. Черкесск: Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований, 1994. 326 с.
28. Тепкеев В.Т. Некоторые исторические сведения XVII в. о о ногайском поэте Казы-Тугане. Ногайцы XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Черкесск, 2014. С. 91–95.
29. Торопицын И.В. Россия и ногайцы: поиск путей самоопределения и сосуществования (первая половина XVIII века) // Тюркологический сборник. 2009–2010. М., 2011. С. 330–359.
30. Трепавлов В.В. История Ногайской орды. Казань, 2016. 764 с.

31. Тұрғанбаев А. Қазақтың қаһармандық жыры – «Орақ-Мамай». Алматы: Ағна-б, 2009. 187 с.

REFERENCES

1. Asanov Zh. Nurpeis Baiganin. Vol. 2. Aktobe: Shamshyrak-Aktobe, 2011. 344 p. (In Kazakh)
2. Abdirasylkyzy A. Nurpeis Baiganin. Three-volume Collection of Works. Vol. 2. Alpamis Batyr. Koblandy Batyr. Almaty: Kazygurt, 2012. 334 p. (In Kazakh)
3. The word of ancestors: In one hundred volumes. Batyrs' Stories. Vol. 46. Astana: Foliant, 2008. 512 p. (In Kazakh)
4. The word of ancestors: In one hundred volumes.. Batyrs' Stories. Vol. 50. Astana: Foliant, 2008. 464 p. (In Kazakh)
5. The word of ancestors: In one hundred volumes.. Batyrs' Stories. Vol. 51. Astana: Foliant, 2008. 448 p. (In Kazakh)
6. Baldekov O. Biographical and Historical-Cognitive Collection. Astana: Foliant, 2014. 483 p. (In Kazakh)
7. Valikhanov Ch.Ch. Collected Works in Five Volumes. Vol. 1. Almaty: Main Editorial Board of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 1984. 281 p. (In Russian)
8. Viktorin V.M. Nogai-Kazakhs of the Zhanibek District of the West Kazakhstan Region: Problems of Inter-Turkic-Kipchak Interaction (Sub-Ethnohistorical Essay). Questions of History and Archaeology of Western Kazakhstan. Uralsk. 2006, no. 1–2, pp. 80–84. (In Russian)
9. Zharitegi Zh. Segiz Arys Adayym. Vol. 1 Astana: Profi Media, 2015. 528 p. (In Kazakh)
10. Zhirmunsky V.M. National Heroic Epos. Leningrad: Nauka, 1962. 260 p. (In Russian)
11. Zhirmunsky V.M. Turkic Heroic Epos. Leningrad: Nauka, 1974. 726 p. (In Russian)
12. Ishmukhammedov R.V. On the Prehistory of the 'Nogai-Kazakh' Sub-Ethnic Group Among Western Kazakhs. Nogais in the 21st Century: History, Language, Culture. From Origins to the Future. Cherkessk, 2014, pp. 135–140. (In Russian)
13. Ishmukhambetov R.V. The Status of “Accepted” Service Groups in the Inner Bukei Horde: 19th – Early 20th Centuries. PhD Dissertation in History. Nalchik, 2023. 195 p. (In Russian)
14. Kazakhstan. National Encyclopedia. Vol. 3. Almaty, 2005. 560 p. (In Kazakh)
15. Karenov R.S. Murat Monkeuly – A Major Representative of “Zar Zaman” Poets. *Bulletin of Karaganda University. Series History. Philosophy.* 2017, no. 2 (86), pp. 124–147. (In Kazakh)
16. Classical Studies: Multivolume. Vol. 25: The Legacy of Kazakh Zhyrau. Almaty: Adebier Alemi, 2014. 255 p. (In Kazakh)
17. Kondybay S. Complete Collected Works. Short Dictionary. Monograph. Vol. 5. Kazakh Mythology. Aesthetics of Mangystau Landscapes. Almaty: Arys, 2008. 472 p. (In Kazakh)
18. Nurdauletova B.I. Sacred Monument in Mangystau: The Epic Cycle “Forty Heroes of Crimea”. *Deutsche Internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft.* 2021, no. 10–2, pp. 35–39. (In Kazakh)
19. Nurdauletova B.I. The Cycle of “Forty Heroes of Crimea” in the Research of Serikbol Kondybay. *Bulletin of the Eurasian Humanitarian Institute.* 2023, no. 1, pp. 102–112. (In Kazakh)
20. Nurdauletova B.I. The Ethno-Cognitive System of the Epic Cycle “Forty Heroes of Crimea”. *Yessenov Science Journal.* 2023, no. 2 (45), pp. 16–26. (In Kazakh)
21. Nurym Zhyrau. Ana Tili. January 20, 2012. URL: <https://anatili.kazgazeta.kz/news/8236> (date of application: 20.08.2024) (In Kazakh)
22. Omaruly B. Murat Monkeuly. Almaty: Kramds-Press, 1993. 105 p. (In Kazakh)

23. Sabitov Zh.M., Tuleubaeva S. A. Analysis of the Authenticity of the “Quraysh Genealogy” of Edigu from “Jami at-Tawarikh” by Qadir Ali Bek and the Treatise “On the Yusupov Princes Lineage”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 453–462. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.453-462> (In Russian)
24. Sabitov Zh.M. The Epic “Forty Heroes of Crimea” in Kazakh Folklore. *Global Turk*. 2015, no. 3–4, pp. 46–57. (In Russian)
25. Sarai A. Nogai. Almaty: Arys, 2009. 480 p. (In Kazakh)
26. Sarsembina Bayan. The Kazakh Ahu of the Nogai. *Zhas Alash*. 2010, no. 97 (15555). URL: <http://www.zhasalash.kz/ruhaniyat/3369.html> (date of application: 20.08.2024) (In Kazakh)
27. Sikaliyev A. I-M. The Nogai Heroic Epos: Scientific Monograph. Cherkessk: Karachay-Cherkess Institute of Humanities, 1994. 326 p. (In Russian)
28. Tepkeev V. T. Some Historical Data of the 17th Century on the Nogai Poet Kazy-Tugan. *Nogais in the 21st Century: History, Language, Culture. From Origins to the Future*. Cherkessk, 2014, pp. 91–95. (In Russian)
29. Toropitsyn I. V. Russia and the Nogais: The Search for Self-Determination and Coexistence (First Half of the 18th Century). *Turkological Collection*. 2009–2010. Moscow, 2011, pp. 330–359. (In Russian)
30. Trepavlov V.V. History of the Nogai Horde. Kazan, 2016. 764 p. (In Russian)
31. Turganbayev A. Kazakh Heroic Poem “Orak-Mamay”. Almaty: Arna-b, 2009. 187 p. (In Kazakh)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жаксылык Муратович Сабитов – PhD, и.о. Директора Научного института изучения Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (010000, ул. Пушкина, 15Б, Астана, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0001-7186-156X. E-mail: zh.sabitov@gmail.com

Адилбек Альбекович Каратаев – младший научный сотрудник Научного института изучения Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (010000, ул. Пушкина, 15Б, Астана, Республика Казахстан); ORCID: 0009-0000-6264-642X. E-mail: adilbek.karatayev.93@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhaxylyk M. Sabitov – PhD, Acting Director of Research Institute for Jochi Ulus Studies, Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (15B, Pushkin Str., Astana 010000, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0001-7186-156X. Email: zh.sabitov@gmail.com

Adilbek A. Karatayev – Junior Researcher at Research Institute for Jochi Ulus Studies, Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (15B, Pushkin Str., Astana 010000, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0009-0000-6264-642X. Email: adilbek.karatayev.93@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 26.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 18.11.2024

Принята к публикации / Accepted 02.12.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.832-857>
EDN: LJASEY

УДК 82.512.1–131

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ДАСТАНЕ «ИДЕГЕЙ»

Д.М. Исхаков

*Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
Тобольск, Российская Федерация*

*Редакция журнала «Туган жир. Родной край»
Казань, Российская Федерация
monitoring_vkt@mail.ru*

Резюме. Цель исследования: раскрыть важность исследования дастана «Идегей» с точки зрения установления объема и характера содержащихся в нем исторических сведений.

Материалы исследования: тексты дастана «Идегей» с упором на татарские варианты этого эпического произведения, в том числе с особым вниманием, в первую очередь, на его общенациональную версию, созданную усилиями татарских фольклористов на основе целого ряда татарских вариантов дастана.

Результаты и научная новизна: Проведенное систематическое изучение сюжетов дастана, содержащих отражение исторических реалий, позволило выявить в нем материалы по социально-политической структуре поздней Золотой Орды, установить ее связь с конкретными кланами, в целом прояснить вопрос о татарской страте государства, разобраться с символическими «птицами» и «золотым тронem», а также тремя обозначениями Улуса Джучи (Алтын Урда, Ак Урда, Бöz Урда). На этой основе появилась возможность более глубокого понимания особенностей исторического сознания представителей государствообразующего татарского сословия Улуса Джучи на стадии его начавшегося распада.

Ключевые слова: дастан «Идегей», символические и геральдические элементы культуры, номинации Улуса Джучи, административно-территориальное деление Золотой Орды, татарское сословие, ведущие кланы, карача-беки

Для цитирования: Исхаков Д.М. Исторические реалии в дастане «Идегей» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 832–857. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.832-857> EDN: LJASEY

© Исхаков Д.М., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

HISTORICAL REALITIES IN THE "IDEGEI" DASTAN

D.M. Iskhakov

*Tobolsk Complex Research Station
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Tobolsk, Russian Federation*

*Editorial board of the Journal "Tugan Jir. Native Land"
Kazan, Russian Federation
monitoring_vkt@mail.ru*

Abstract. Purpose of the study: To reveal the importance of studying the dastan "Idegei" from the point of view of establishing the volume and nature of the historical information contained in it.

Research materials: Texts of the dastan "Idegei" with an emphasis on the Tatar versions of this epic work, including with special attention, first of all, to its national version, created through the efforts of Tatar folklorists and based on a number of oral and written versions (Siberian-Tatar, Crimean, Volga-Ural) of the dastan.

Results and scientific novelty: A systematic study of the plots of the dastan, containing a reflection of historical realities, made it possible to identify in it materials on the socio-political structure of the late Golden Horde, establish its connection with specific clans, clarify in general the issue of the Tatar stratum of the state, and deal with the symbolic "birds" and "golden throne", as well as three designations of the Ulus of Jochi (Altyn Urda, Ak Urda, Boz Urda). On this basis, it became possible to gain a deeper understanding of the characteristics of the historical consciousness of representatives of the state-forming Tatar class of the Ulus of Jochi at the stage of its beginning collapse.

Keywords: dastan "Idegei", symbolic and heraldic elements of culture, nominations of the Ulus of Jochi, administrative-territorial division of the Golden Horde, Tatar class, leading clans, Karacha-beks

For citation: Iskhakov D.M. Historical realities in the "Idegei" dastan. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 832–857. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.832-857> (In Russian)

Введение. Дастан «Идегей», посвященный беклярибеку Идегею (1356–1419), происходившему скорее всего из племени «как мангыт», имелся в прошлом практически у всех кыпчакоязычных народов. Несмотря на обозначении его при издании как эпоса «Идегей», на народно-бытовом уровне он мог носить и другие наименования – «Хан Токтамыш и Идегей», «Идукай и Морадым», что указывает на более широкое полотно повествования эпического произведения, чем освещение событий, связанных только с фигурой Идегея [39, с. 66–67].

На сегодняшний день дастан изучен достаточно полно, главным образом фольклористами [51; 2; 50; 53; 43; 60; 16; 42]. Но еще рано говорить как о завершении сбора и публикации текстов разных вариантов эпоса, так и процесса исследования этого весьма яркого и содержательного эпического произведения [40, с. 809–810]. В особенности надо отметить отставание направления, связанного с выявлением и анализом исторических реалий, имеющих в рассматриваемом дастане в значительном объеме. Пожалуй, в числе по-

добных исследований можно назвать лишь наши статьи [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23], впоследствии вошедшие в переработанном виде в монографический труд [24], один из разделов которого посвящен изучению сюжетов эпоса «Идегей», содержащих исторические основания, и статью И.М. Миргалеева [39]. На деле однако такого рода анализ дастана «Идегей» еще должен быть продолжен с тем, чтобы выявить в нем новые сведения, имеющие отношение к исторической реальности. Пока нам бы хотелось остановиться на таких сюжетах данного эпического произведения, которые содержат сведения о символических и геральдических элементах государственной культуры Золотой Орды, освещают особенности территориального обустройства Улуса Джучи, а также характеризуют связь этого деления с группировками татар «белой кости».

Символические и геральдические элементы золотоордынской культуры в дастане «Идегей». Этот весьма интересный вопрос затрагивается в сюжетах эпоса, посвященных тронному месту/«ал тэхет» и государственной птице/дәүләт кошы.

Что такое «ал тэхет»? В разбираемом дастане ханское тронное место, названное «ал тэхет», упоминается несколько раз. Уже в самом начале его про Токтамыша, являвшегося ханом Золотой Орды между 1380–1397/98 годами, сказано:

...Туктамыш хан килгэндә
Ал тэхеткә менгэндә,
Ал тэхетнең аркасы –
Алтын егач тутый кош
Сайрап телгә килгэндә [4, с. 39].

Как явствует из текста дастана, речь в нем идет о троне, стоявшем в ханском дворце (хан сарае). По ходу разворачивания событий мы видим, что этот трон в эпосе появляется при описании прихода Идегея из Болгара к Тимуру, захватившему город Сарай. Когда Идегей спрашивает, где находится этот завоеватель, один из приближенных Тимура заявляет:

Шаһ Тимерне сорасаң,
Шаһ Тимердәй олы хан
Алтын агач тутый кош
Ал тэхетне алдырып
Сәмәркандка юнәлде, [4, с. 170].

Получается, что Тимур этот трон, маркированный как «ал тэхет», забрал с собой в Самарканд. Но, несмотря на это, в третий раз указанный трон, уже объявленный увезенным в столицу владения Тимура, опять предстает находящимся в ханском дворце – в г. Сарае в том эпизоде дастана, в котором сын Идегея Норадын выразил претензии стать ханом:

Алтын сарай, хансарай,
Хан сарае ак ишек,
Ир Норадын килгэндә,
Ал тэхеткә менгэндә,
Ал тэхетнең аркасы –
Алтын егач тутый кош
Сайрап телгә килгэндә [4, с. 219].

В последний раз этот трон в эпосе фигурирует в эпизоде, где сын хана Токтамыш Кадырберди одному из знатных биев своего отца по имени Джанбай задает вопрос о том, что случилось с государством после смерти хана:

Туктамышның бие идең,
Бүген кемгә би булдың?
Алтын ташлы тәхетенә
Бүген кем углын мендердең? [4, с. 280].

Если обобщить все эти сведения о троне, перед нами возникает образ некоего трона или тронного места, стоявшего в ханском-золотом дворце. И в эпосе этот трон именуется двояко: «ал тәхет», «алтын ташлы тәхет». Если вдуматься в приведенные определения, выяснится, что в смысловом отношении их значения фактически одинаковы, ибо в татарском языке понятие «ал» (кстати, от него явно идет русское «алый») обозначало не только определенный цвет, но и использовалось для передачи смыслов «хороший, красивый, прекрасный» (см. например, выражение: «Эшләребез ал да гөл»). К тому же, у понятия «алтын»/«золото» кроме прямого значения также имелось иное содержание, означающее то же самое, что и термин «ал» (см.: «алтын бала», «алтын кеше», «алтын куллы»). Поэтому это выражение дастана «алтын ташлы тәхет» надо понимать в этом общем контексте, то есть «ал тәхет» это и есть «алтын тәхет». Такое смысловое наполнение обозначения этого тронного места вытекает и из того, что оно находилось в «ханском/золотом дворце». Выражение «ал тәхет» является всего лишь сокращенным вариантом понятия «алтын тәхет». Тут еще надо иметь в виду и существование алого/красного (на русском «червонного») золота, которым отмеченный трон мог быть покрыт.

В итоге в эпосе «Идегей», получается, изображается один из важнейших государственных символов Золотой Орды, известный из отдельных русских источников как «Саинов стул» [47, с. 46], а из арабских (Ибн Баттута) и тюркских (Утемиш-хаджи) как позолоченный/золотой трон, находившийся на особом тронном месте внутри «Золотого шатра». Напоминаем, что «алтын тәхет» в качестве некоего властного элемента фигурирует и в татарской версии дастана «Туляк и Сусылу», что было вовсе не случайно, ибо «правлящий дом» Булгарского вилайета Золотой Орды, связанный по линии легендарного хана Габдуллы с Шибанидами, имел историческое право сидеть на таком троне, так как золотой трон, стоявший в «Золотом шатре», о котором речь пойдет далее, существовал еще в Великой Монгольской империи [32; 33].

«Государственная птица» в дастане: его историческое и символическое значение. Сюжеты, имеющие отношение к птицам, точнее, к одной конкретной охотничьей птице под названием «кара лачын» или «Төкле аяк», принадлежавшей хану Токтамышу и находившейся под присмотром его сокольничего по имени Котлыкья бий (отец Идегея), в дастане занимает ключевое место в выстраивании завязки эпоса (детальнее см.: [24, с. 79–82]). Нами эти места были уже рассмотрены и прокомментированы, поэтому здесь на них останавливаться не будем, но заметим, что уже при чтении отмеченных частей эпического произведения возникает впечатление о не случайности возникновения в дастане образа птицы, носившей наименование «кара лачын». Однако, для нас особый интерес представляет поворот сюжета, когда хан Токтамыш обвинил Котлыкья бия в предательстве и отправке Тимуру

яиц своей прославленной птицы «Төкле аяк». Объясняется это тем, что вместо конкретной охотничьей птицы в эпосе внезапно появляется образ птицы совсем иного рода:

Куш канатлы алтын таж,
Күз урынында гәүһәр каш,
Чыңгыздан килгән дәүләт кош
Бу башымда түгелме? [4, с. 18].

Таким образом, в эпическом повествовании охотничья птица оказывается замещенной прикрепленной к «золотому венцу» двукрылой («куш канат») птицей, имевшей на месте бровей и глаз драгоценные камни (гәүһәр каш). Главная ее особенность заключалась в том, что она объявлялась «идушей [еще] от Чингиз-хана государственной птицей»! Причем в дискуссии хана Токтамыша со своим сокольничим Котлыкья бием, последний заявляет своему сюзерену, что перемещение птицы – передача птенцов «кара лачын»а – может быть сравнима с большим несчастьем, даже лишением хана своей государственности [4, с. 20–21]. При таком ходе событий и их трактовке возникает впечатление, что между охотничьей птицей хана и эпической «государственной птицей» имелась невидимая связь, остающаяся пока для нас не вполне ясной.

И вот тут следует напомнить, что и в дастане «Туляк и Сусылу» присутствует некая «птица», именуемая «миңизлик кош», что характерно, летавшая над мифологической горой «Балкан тау», у подножия которого стояло тронное место с «золотым тронном». Так как понятие «миңизлик кош», означает «птицу, чеканенную на монете», мы опять получаем «государственную птицу», к тому же в данном случае узнаем, что под ней понималась конкретная разновидность птиц, а именно «ак шоңкар», исходно являвшейся онгоном / сульдэ племени кыйат, из которого в свое время вышел и сам род Чингиз-хана (детальнее об этом см.: [11; 12]).

В результате мы получаем возможность обращения к содержанию другого татарского исторического источника – сочинения конца XVII в. «Дефтер-и Чингиз-наме», где имеется рассказ о наделении Чингиз-ханом своих беков племенными атрибутами (уран, дерево, птица, тамга), а также о наличии таких же атрибутов и у самого Чингиз-хана. Итак, у клана кыйат, а род Чингиз-хана был из его ответвления борджигин, мы видим там такие атрибуты: уран – аруйан, дерево – карагай, птица – шоңкар, тамга – ашамай. Но личные знаки Чингиз-хана имели иной характер: уран – йан каба, дерево – чинар, птица – ике баш кара кош [61, pp. 56, 59]. Отмеченные различия между двумя родами показателей не вполне объяснимы, но скорее всего связаны с тем, что «золотой род» Чингиз-хана, занявший особое, надклановое положение в Великой Монгольской империи, не мог удовлетвориться прежними клановыми атрибутами, поэтому для него видимо были разработаны особые знаки, если конечно они не имелись еще у борджигинов. Об этом, кстати, может свидетельствовать «двуглавость» их «птицы» – в природе ведь нет таких созданий. Но как бы то ни было, мы не можем пройти мимо того, что «птица» Чингиз-хана в «Дефтер-и Чингиз-наме» имеет близкое к названию «птицы» хана Токтамыша, наименование. Тем не менее одна проблема все-же сохраняется: орнитологически «кара кош/каракош» – птица из семейства ястребиных (но: туда же входит и разновидность птиц, именующихся как «черный орел/кара

бөркет») (см.: [44]). Тут следует иметь в виду и то, что у Махмуда Кашгари «кара кош» это тоже орел [28, с. 322]. Нами в свое время было предложено такое объяснение этому феномену: в дастане «Идегей» произошел синтез монгольской и тюркской традиций маркировки интересующих нас птиц, что привело к своеобразной трактовке принадлежности одних и тех же бывших онгонами/сульдэ, птиц [8; 24, с. 83].

Но при любых объяснениях в образе двухкрылой «государственной птицы», выступающей в дастане в виде прикрепленного к «золотому венцу» создания, мы достаточно уверенно можем видеть поднявшегося до геральдического знака, чеканенного и на золотоордынских монетах, особенно активно во время правления ханов Узбека (1312–1342) и Джанибека (1342–1357), древнего онгона/сульдэ племени кыйат, ставшего после изменения роли рода Чингизидов геральдическим знаком «золотого рода». При такой трактовке действия сокольничего хана Токтамышша, фактически передавшего потомство вот этой идущей из глубин веков «государственной птицы», врагу, тем самым предав и духа-охранителя всего «золотого рода», предстают совсем в ином обличье.

О чем идет речь в дастане, сообщаемом о трех реальностях: «Алтын Урда», «Ак Урда» и «Бёз Урда»? Как известно, по поводу самоназвания Улуса Джучи и его подразделения на части «Ак Урда» и «Кок Урда» до сих пор идут дискуссии [7, с. 83–84]. Да и закрепившийся в науке термин «Золотая Орда/Алтын Урда», применяющийся в науке для обозначения Улуса Джучи в целом, тоже объяснен не до конца. Когда исследователи пишут о том, что это наименование закрепилось в историографии через русское посредство [31, с. 356] (при этом ссылка делается на достаточно поздний источник «Казанская история/Казанский летописец») [26] они обычно упускают из виду записки баварского солдата удачи Иоганна Шильтбергера, еще в начале XV в. применявшего по отношению к этому государству понятия «Золотая Татария», «Великая/Большая Татария» [58, с. 33–34, 43, 44–46]. Отсюда ясно, что по отношению к «Татарии», а это синоним Улуса Джучи, уже в начале XV в. применялись как наименования «Золотая Татария», так и «Большая / Великая Татария». Поэтому понятие, использованное в «Казанском летописце» – «великие Орды Златыя», из того же смыслового ряда, что и у Иоганна Шильтбергера. А если мы еще учтем послание Токтамышша великому Литовскому князю, королю Польши Ягайло от 1393 г., где есть термин «Великий Улус/Олуг Улыс» [62, с. 40–41], то нам придется заключить, что в данном случае речь идет все о том же государстве, в русских летописях не случайно маркировавшегося позже как «Большая Орда». Однако, при разборе двух рядов понятий, обозначавших это государство – с маркировкой «Золотая» и «Великая/Большая», возникает проблема объяснения их смыслового наполнения. Обычно связь между ними искали через существование в Улусе Джучи особой ханской ставки/шатра, именовавшегося как «золотая» [56, с. 64–67; 7, с. 83–84]. Поддерживая в целом эту мысль, нам бы хотелось рассмотреть некоторые нюансы обозначений в тексте дастана «Идегей» понятий «Ак Урда / Белая Орда» и «Алтын Урда/Золотая Орда», к которым добавляется еще третье понятие – «Бүз Урда/Серая Орда», также фигурирующее в отдельных источниках (см.: [54]). По нашему мнению, разобраться в этих обозначениях как раз возможно через анализ содержания дастана «Идегей». Начнем с того, что в татарской версии дастана есть такие строки:

Алтын Урда, Ак Урда
Алтмыш йортка юл иде [4, с. 20].

Как видим, тут термины «Алтын Урда» и «Ак Урда» использованы как синонимы. Однако, понятие «Алтын Урда» в разбираемом эпосе применяется и самостоятельно. Вот два примера из дастана:

Вариант поволжских татар:
Кырым, Казан, Әждаркан
Башлы-башлы ил булды,
Алтын Урда таралды [4, с. 245]

Вариант крымских татар:
Алтын Орду торкъалды,
Хан сарайы къалмады.
Кърым, Казан, Аждархан
Айры-айры иль болды [35, с. 57].

В версиях дастана «Идегей», распространенных у других народов, понятие «Алтын Урда» отсутствует. Но термин «Ак Урда» у них имеется. Скажем, в ногайских версиях эпоса есть определения «алтмыш/тухсан басты Ак Урда» [60, с. 79, 84, 302]. Похожий термин присутствует и в казахских версиях дастана: «Еңесі биік Ак Орда», «Алты канат Ак Орда» [30, с. 41; 60, с. 90]. Как мы выше отмечали, у поволжских татар тоже фигурирует «алтмыш/тухсан башлы Урда», но без его обозначения как «ак». Тем не менее, в татарском варианте дастана «Идегей» термин «Ак Урда» все-равно появляется – он содержится в высказывании Идегея, обращенном своему сыну Нураддину:

Алтын тауга барганмын,
Түрә булып алганмын,
Халкын жыеп алып килеп,
Ак Урдага салганмын [4, с. 21].

Разбираясь в рассматриваемых понятиях, мы пришли к выводу, что исследователями при их анализе упускается один важный нюанс их использования – в дастане «Идегей» понятие «урда» используется не только как объединение населения, государство, но и в смысле ханской ставки или в близком значении. Вот несколько примеров такого рода, извлеченных из татарских, ногайских и казахских версий эпического произведения:

Татарская версия:
Алтыннан суккан
урдасын,
Көмештән суккан ишеген
Төсе суык чын булат
Очы белән ачмасам
[4, с. 85].

Ногайская версия:
Алтындан сокган ак
орданын
Көмештен соккан ак эсик
Туьссе сувык чын болат
[61, с. 84, 88].

Казахская версия:
Алтын сокқан Ақордаң,
Күмістен сокқан ақ есік
[31, с. 359].

Из приведенных отрывков явствует, что в них речь идет не о государстве, а о ставке, скорее всего, шатровой. Отсюда следует, что понятие «Алтын Урда/Ак Урда» имело два значения – с одной стороны это обозначение политического образования, государства, а с другой – его политического центра, ханской ставки, расположенной в шатре/юрте.

Точно такое же положение мы видим и применительно к термину «Бүз Урда». Вначале заметим, что в казахских и ногайских версиях дастана термин «Бүз Урда» используется вместо понятия «Ак Урда». Например. «Энегесе бийік Бөз Урда» [60, с. 38, 85, 163, 183, 211, 278], «Еңгесі биік Бөз Урда» [30, с. 40]. Такое выражение встречается и в татарском варианте дастана: «Иңсәсе биек Бүз Урда» [4, с. 78, 81]. С одной стороны, создается впечатление, что тут

подразумевается государство «Ак Урда/Алтын Урда». Казахский историк Айболат Кушкумбаев даже высказывал мнение о том, что термин «Бүз/Бөз Орда», имеющий смысл «белого/светлого», у кочевников мог использоваться в образно-метафорической форме вместо понятия «Ак Урда» [30, с. 41]. Но если внимательно присмотреться к приведенным выше местам дастана, видим, что понятие «Бүз Урда» на деле имело смысл «политического центра, ханской ставки», к тому же шатрового типа:

Каслы, каслы, каслы орда
Босагасы боз орда,
Босагасы болаттан,
Болатка алтын ялаткан [60, с. 214, 289].

В данном случае достаточно очевидно, что характеристика «орды» как «Алтыннан суккан», а дверей этого сооружения, как «көмештән суккан», подразумевает именно шатровую или иного типа ставку. Да и появляющееся в казахской версии дастана выражение «Алты канат Ак Орда» подразумевает именно шатровую ставку, тем более в государстве Золотая Орда/Ак Орда никаких четырех «крыльев» не было, оно делилось на две части, о чем еще скажем отдельно. Поэтому А.К. Кушкумбаев, переводящий слово «иңә» вместе со словом «биек» как «высоковерхая», «высокая, просторная», пытаясь приписать эти характеристики государству [30, с. 40–41], ошибается, этот терминологический ряд использован в дастане применительно к шатру/юрте, ибо именно у шатров их «крылья» могли быть «высокими». Когда в одной ногайской версии дастана, сохранившейся лишь в русском переводе, его герой Джамбай говорит Идегею, чтобы он пришел к хану Токтамышу и «припади к его ногам в его высоком белом шатре» [60, с. 56], это становится особенно ясно.

Теперь, установив разные нюансы использования в дастане «Идегей» понятий «Ак Урда», «Алтын Урда» и «Бүз Урда», нам надо рассмотреть исторические данные, где присутствуют эти понятия и реалии, скрывающиеся за ними. После этого окончательно выяснится смысловые их наполнения.

Понятие «Ак Урда». В исторических источниках сохранилась информация о расположении ханской ставки в Улусе Джучи уже в XIII в. в шатре/юрте белого цвета. Скажем, Абуали Шафи б. Мухаммад (ум. в 1329/1320 г. в г. Каире) в своей летописи пишет об услышанном от послов, прибывших в Египет к Бейбарс султану от хана Берке (1208–1266): «Они разъяснили ему (султану – Д.И.) все, о каждой должности отдельно, равно о том, что у него (у Берке – Д.И.) войлочный шатер, в котором помещается 500 всадников и который внутри отделан жемчужинами и драгоценными камнями» [3, с. 70]. Тут еще цвет юрты не указан. Но вот про этот же большой шатер (юрту) египетский летописец ал-Муфаддал (его информация относится к 1259–1341-м годам) упоминает в связи с вышеназванным посольством более детально. Он сообщает: «...царь Берке... находился в большом шатре, в котором помещается 100 человек, покрытом белым войлоком, внутри обитом шелковыми материалами и китайками и украшенным жемчужинами и драгоценными камнями. Он (хан) сидел (там) на престоле...» [3, с. 92–93, 97]. Этот шатер (юрту) видели Плано Карпини и Вильгельм Рубрук. Первый автор, будучи в ставке Бату, вспоминает шатры и говорит: «...Шатры у него большие и очень красивые, из льняной ткани, раньше принадлежали они королю венгерскому... Бату... сидит на более возвышенном месте, как на троне, с одной из

своих жен» [27, с. 73]. Второй автор про этот же шатер сообщает: «...нас провели до середины палатки... [Бату]... сидел на длинном троне, широком, как ложе, и целиком позолоченном; на трон поднимались по трем ступеням: рядом с Бату сидела одна госпожа...» [49, с. 117]. Из данного известия становится очевидно, что внутри шатра, как мы видели, белого цвета, стояло и позолоченное тронное место, на котором, в свою очередь, стоял полностью покрытый золотом трон. Поэтому мы сейчас можем плавно перейти от «Белой Орды/Ак Урда» к «Золотой Орде/Алтын Урда».

Понятие «Золотая Орда». Ибн Баттута, посетивший Золотую Орду в период правления хана Узбека в 1333–1334 годах, опираясь на свои личные наблюдения о ханском шатре пишет следующее: «...в пятницу, после молитвы, он садится в шатер, называемый золотым шатром, разукрашенный и диковинный. Он [состоит] из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листьями. Посредине его деревянный престол, обложенный серебряными и позолоченными листками; ножки его из серебра, а верх его усыпан драгоценными камнями. Султан садится на [этот] престол; с правой его стороны хатунь Тайтуглы и рядом с ней хатунь Кабак, а с левой стороны хатунь Баялунь и возле нее хатунь Урдуджи» [3, с. 132–133].

Таким образом, перед нами предстает описание ханской ставки Золотой Орды периода расцвета и могущества Улуса Джучи. Более чем очевидно, что этот шатер (юрта) использовался на кочевье, а зимой же сам хан и его беки жили не в степях, а после строительства г. Сарая (до этого, возможно, в г. Болгаре) внутри столичного города. Ибн Баттута, лично побывавший в столице государства г. Сарае, дает такую информацию о дворце «султана», то есть, хана Узбека: «...Тамошний дворец султана называется Алтунташ» [3, с. 143]. Ал-Омари, другой арабский путешественник (ум. в 1348/1349 г.), дополняет его: «...Место пребывания царя (в г. Сарае – Д.И.) там большой дворец, на верхушке которого [находится] золотое новолуние» [3, с. 109]. Возможно, что наименование этого большого дворца, являвшегося зимней ставкой золотоордынских ханов, тоже надо трактовать как «златоглавый / алтынбаш[лы]», ибо Ибн Баттута в ходе рассказа о дворце хана Узбека вторую часть термина «алтынташ» переводит как «голова/баш». Но в реальности все же правильнее будет понятие «Алтын таш», потому что оно имеется и в дастане «Идегей», где в связи с городом Сараем упоминается «Сары мәрмәр Алтын Таш» [52, с. 166]. В любом случае и зимняя ставка ханов Улуса Джучи тоже имела отношение к золоту.

Есть основания думать, что эта «золотая ставка» действительно существовала и мы можем благодаря Утемиш-хаджи предположить, когда она перестала существовать. Действительно, в «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи есть рассказ о приглашении после смерти хана Узбека его вдовой Тай-Дула (Тайдулла) бегим Хызыра для занятия золотоордынского престола с предложением жениться на ней. При этом как свадебный подарок она преподнесла хану Хызыру «золотую юрту, оставшуюся от Узбек-хана и Джанибек-хана». Хан, отказавшийся взять ее в жены, «решил разломать золотую юрту, [а золото] поделить между своими казаками...». Несмотря на сопротивление бегим, хан Хызыр «разломал и поделил» ее [54, с. 112]. Хотя в этом случае можно заподозрить и переносное значение данного «слова» исторического «престольно-

го места» под названием «Алтын Урда/Алтын юрта», не исключен и вариант реальной ликвидации названного тронного центра в начале 1360-х годов.

Понятие «Боз-Бүз Урда. Когда мы переходим к рассмотрению данного термина, надо обратить внимание на одно место из труда Утемиша-хаджи «Чингиз-наме», о чем писал и А.К. Кушкumbaев [31]. Там в ходе рассказа о совете (курултай, корунш), созванном Чингиз-ханом для обсуждения вопроса о разделе Улуса Джучи между наследниками Джучи – Шибаном, Токтамышем, Тимур-Кутлугом и Урусом, хивинский историк сообщает о передаче Саин хану (Бату) правого крыла (Поволжье и его вилайет), а Эджену (Орда-Ичену) – левого крыла (бассейн р. Сыра, его вилайет). Для пришедших на обсуждение этого очень важного вопроса по распоряжению Чингиз-хана были поставлены отдельные юрты: «белую юрту с золотым порогом поставил для Саин-хана; синюю орду с серебряным порогом поставил для Иджана; серую орду со стальным порогом поставил для Шайбана...» [54, с. 92–93, 121]. Для понимания этого высказывания надо иметь в виду, что изначально термин «урга» (отсюда – урда/орда) у монголов означал юрту, ставку (далее см.: [31, с. 356]). В тюркском тексте интересующее нас место дается в виде «болат босагалы боз орданы Шэйбанга салды» [54, с. 121]. Так появляется понятие «Боз Орда». Как явствует из Махмуда Кашгари [28, с. 831–832], слово «буз (бүз)» означало «беловатый, серый», то есть, нечто похожее на белый цвет. Такое понимание сохранилось и в татарском языке. Скажем, выражение «акбуз ат» это лошадь беловатой масти. Однако, если рассматривать с точки зрения цветовых соотношений трех юрт (орд), можно подумать, что народ «Бөз Орды», судя по цветовой маркировке, был вначале ближе к «Ак Орде», входя в правое крыло Золотой Орды [8; 13]. Несмотря на то, что по этому поводу дискуссии сохраняются, высказанную ранее нами позицию поддержали и другие исследователи [45].

Конечно, в приведенном выше высказывании о трех юртах-ставках (ордах) в реальности речь идет об иерархии трех владений внутри Улуса Джучи [31]: ханы «Ак Орды» – Батуиды, признавались самыми старшими, а ханы «Кок Орды» – Ордуиды, младше их. Шибаниды же оказываются в социальной иерархии еще ниже.

Если следовать историческим источникам, западная часть Улуса Джучи, его правое крыло, где правили Батуиды, вначале имело наименование «Ак Орда», идущее, как думается, из белого цвета ханской ставки (юрты, шатра). Но затем, из-за украшенной золотом ставки, именовавшейся «Алтын Урда/Алтын юрта/чатыр», закрепился термин «Алтын Урда». И этот переход нашел отражение в китайских источниках, в которых по отношению к Улусу Джучи есть понятие «Цзинь жань хань»/«Ханство Золотой юрты» [34, с. 157]. Вполне ясно, что этот термин имеет прямую связь с наименованием «Алтын юрт» или «Алтын босагалы ак өргэ (урда)» Утемиша-хаджи.

Но оба понятия – «Ак Урда» и «Алтын Урда», были взаимосвязаны поэтому в дастане «Идегей» они использованы как синонимы, причем у них отчетливо проглядывает смысловое содержание не просто ставки, а государства. И действительно, в таком аутентичном источнике, как произведение Кутба «Хосроу и Ширин», написанном для подарка Тинибеку б. Узбеку, в посвящении его жене Малике, государство, где они правили, имеет название «Ак Урда» [45, с. 56; 29, с. 39]. А вот понятие «Бөз Урда» в дастане больше обозначает «шатер,

юрту, ставку». Не исключено, что это понятие заменило в какой-то мере термин «Кок Урда», когда в ходе кризиса 1360-х годов ханы из Кок Орды и владельцы из Шибанидов (из Бöz/Бүз Орды) проникли в правое крыло Улуса Джучи, в результате чего произошло определенное смешение населения и наложение друг на друга старых территориальных делений Улуса Джучи.

Если следовать документальным материалам, термин «Золотая Орда/Алтын Урда» не является официальным наименованием Улуса Джучи. Как явствует из приведенного выше послания хана Токтамыша за 1393 г., оно звучало как «Олуг/Большой~Великий Улус». Именно этот термин в русских документах потом использовался для обозначения местонахождения «Саинова стула», фигурирующего в послании тюменского хана Ивака (Сайд-Ибрагима) за 1492 г. в Москву в выражении «Саинские есми стул взял» [47, с. 46], подразумевающим захват центра Большой Орды, «Золотой ставки», «престольного юрта» («тэхет йорты»). Когда Иоганн Шильтбергер по отношению к государству, где он служил, применял словосочетания «Золотая Татария / Большая (Великая) Татария», он на самом деле был прав – речь шла об одном и том же государстве и дастан «Идегей» в своем содержании достаточно точно эти моменты отразил. Более того, выражение «алтыннан суккан урда» [4, с. 85; 60, с. 84], «босагасы алтын сарай», «босагасы болаттан, болатка алтын ялаткан» [60, с. 246, 264, 289], встречающиеся в дастане, отчетливо демонстрируют, что на рубеже XIV–XV вв. в тюрко-татарском мире старые знания и духовные традиции еще были живы. Особенно хорошо это видно из версии дастана крымских татар, где описывается обращение Нураддина к хану Тохтамышу:

Алтын Сарайны кърдургъан
Алтын босагъа аьойдырган –
Чыңгызмын, – ди бер Чыңгызый [34, с. 46].

В заключении заметим, что «Золотая Орда», находившаяся в Улусе Джучи, имела своего исторического предшественника, являясь фактически его «клоном», так как «Урду-и-заррин-и-бузург»/«Большая Золотая ставка» в 1224 г. являлась ставкой Чингиз-хана в Монгольской империи. По-видимому, китайские послы Пен Да-я и Сюй-Тин в своем труде «Хэй-да ши-лю» («Краткие известия о черных татарах») подразумевают именно ее, отмечая, что в «Золотом шатре (юрте) помещались несколько сот человек...» [41, с. 31]. Такая же ставка во время правления Хубилая отмечена и в Юаньской империи Марко Поло [46, с. 251, 261–263]. Но сама традиция установления «золотой юрты/ставки» была еще более древней – она существовала уже в период тюркских каганатов [32; 33].

Административно-территориальные деления Золотой Орды и представители «белой кости» (аксөяк) в их структуре

Административно-территориальные деления Улуса Джучи. В дастане «Идегей» невидимым образом присутствует государствообразующий народ Золотой Орды, разделенный, во-первых, на две части, во вторых, на кланы, чей статус внутри государства различался. Однако информация о территориальных делениях Улуса Джучи и его связи с кланами в дастане не лежит на поверхности, ее можно обнаружить только при специальном проведенном анализе содержания эпоса.

Эпические деления Золотой Орды. В дастане есть несколько делений Золотой Орды. Вот одно из них:

Татардан туган Нугай илендә
Туктамыш дигән хан булды,
Сарай дигән каласы,
Сиксән күчә арасы, сары мәрмәр Алтын Таш
Сигез йортка дан булды [4, с. 11–12].

Что означает в данном случае выражение «сигез йорт/восемь юртов»? Для того, чтобы разобраться с этим, нужно обратиться к еще одному месту дастана, где говорится об ответном послании хана Токтамыша Тимуру:

Тугыз йортка дан булган
Кара лачын ау кошым
Сиңа булмас, Шаһ Тимер [4, с. 13].
После этих слов, Токтамыш обращается к Тимуру со словами:
Сигез йортка сыймадың,
Тугыз йортны куймадың... [4, с. 14].

Если внимательно вчитаться в приведенные тексты, то окажется «восемь юртов/сигез йорт» это какое-то территориальное объединение или владение, которое находилось близко к собственному владению Тимура или даже входило в его состав, возможно, скорее, находилось под его влиянием. А вот «девять юртов/тугыз йорт» относились к непосредственным владениям хана Токтамыша. То, что в последнем случае это именно так, вытекает из высказывания в дастане Субра-жырау в адрес Идегея:

Яу түбәгә баш егет,
Яшең утызга житмәгән,
Тугыз йортка дан булдың [4, с. 59].

В данном случае безусловно отмечается проживание Идегея под именем Кобогыл в основных владениях хана Токтамыша, обозначенных как «тугыз йорт». В итоге мы оказываемся перед вопросом о том, что обозначают в реальности деления на «восемь юртов» и «девять юртов». Но данное подразделение Золотой Орды не единственное. Скажем, в дастане время от времени упоминается «Туксан башлы Урда / Девяностоглавая Орда» хана Токтамыша. В то же время в эпосе есть и строки о том, что «Алтын Урда, Ак Урда алтымыш йортка юл идее» («Золотая Орда, Ак Орда являлась дорогой к шестидесяти юртам») [4, с. 20]. Тем не менее, в эпосе чаще говорится о «девяностоглавой Орде». Например, когда Идегей добивался верховенства среди молодежи, об этом в дастане сообщается так:

Туксан башлы Урданың
Тукан угылы бер булып [4, с. 28].

Еще в одном месте дастана в эпизоде, где речь идет о словах, сказанных Идегеем Джанбаю, действовавшему по распоряжению хана Токтамыша, опять появляется сообщение о «девяностоглавой Орде»

Туксан башлы Урдага
Тунамый ия булмасам [4, с. 85].

Тут ясно видно, что «девяностоглавая Орда» находилась в подчинении хана Токтамыша. В последний раз в дастане она предстает в следующих строках произведения:

Азамат ир Туктамыш
Унике ире алдында,
Тугыз ире артында
Туксан башлы урдасын
Тәңре хөкеменә тапшырып
Шәһәрәнә кереп камалды [4, с. 154].

Отсюда мы еще можем извлечь вывод о том, что «девьяностоглавая Орда» скорее всего в дастане обозначает кочевое население, не проживавшее в городе.

Теперь мы можем перейти к конкретизации изложенных выше данных и объяснению их. Прежде всего, надо пристальнее всмотреться в отмечаемых в дастане «девять мужей/тугыз ир». Первый раз они появляются в обращении супруги («хан ханәше») хана Токтамыша по имени Йэникэ к хану в связи с предложением созвать «той» (возможно, курултай) для того, чтобы разоблачить Кобогыла, то есть, Идегея. Она говорит: «Тугыз ирең чакыргыл / Призови девятерых своих мужей» [54, с. 47]. После того, как не удалось установить подлинную личность Кобогыла, на помощь хан призвал Тугач б. Туктар бия. Тот загадку Кобыгыла сам не смог решить, но сказал:

Тугыз батыр атасы
Кыпчак биен бар булып,
Белсә белер Кыпчак би [4, с. 48–49].

В эпосе этот «Кыпчак би» изображается как воин (у него имеются боевые ножи, железный панцирь, пика), про которого еще есть определение, что он «Мөйтәннән туган Кыпчак би/Рожденный от Муйтена Кыпчак би [4, с. 49]. Стало быть, стоявший во главе «девятки» этот би происходил из клана (эля) Муйтен. Далее в эпизоде, где Субра советует нагнать бежавшего Идегея, для чего и были подняты «девять мужей», выясняется, что все они являлись биями [4, с. 73]. Хан настойчиво предлагает Джанбаю поймать Идегея и говорит:

Әй тугыз ир, тугыз ир!
Жанбай белән бара күр!
Алдап-йолдап Идегәйне
Үз кашыңа ала күр [4, с. 75].

Согласно дастану, Джанбай являлся «советником» хана, «улу бием», «старшим аталыком» [4, с. 22, 49–50, 52, 115], но похоже, он не входил в состав «девяти мужей». Получается, что «девять мужей» – все бии – во главе с Кыпчак бием, подчинялись еще «улу бию» Джанбаю. Как можно думать, тут скрывается некое значимое для Золотой Орды, деление, но какое?

Решение этой загадки требует рассмотрения двух вопросов: 1) Вначале, что скрывается за эпическим понятием «сигез йорт»?; 2) И кого возглавляли появляющиеся в дастане «девять мужей/батыры»? Далее, надо установить, какова связь между «девятью юртами» и «девятью мужами» хана Токтамыша. Из реплики, прозвучавшей в ответ Тимуру, потребовавшему от Токтамыша его охотничьей птицы, мы узнаем близость «восьми юртов» к владениям «бырласа Шах Тимера»:

Сигез йортка сыймадың,
Тугыз йортны куймадың... [4, с. 14].

Так как выше было выражено сомнение по поводу того, а не входили ли эти «восемь юртов» в личные владения Тимура, приведем доказательство из дастана насчет того, что нет, они туда не входили:

Асылсыздан туган Тимер би
Сэмэрандка шаһ булса,
Унике йортка баш булса [4, с. 115].

Как видим, собственное владение Тимура со столицей в г. Самарканде состояло не из 8, а из 12 «юртов». Тем не менее, из приведенных выше строк о том, что Тимур «не уместился» в «восемь юртах» и «не оставил [в покое] девять юртов», проистекает некая причастность названных «восемь юртов» к Тимуру. В чем же дело, почему в дастане возникает подобная мысль?

Мы полагаем, что под понятием «сигез йорт» дастана скрывается левое крыло, точнее, племена, входившие в левое крыло Улуса Джучи, то есть в историческую Кок Орду. Но об этом нельзя узнать опираясь только на анализ содержания одного только эпоса «Идегей», для установления сказанного следует привлечь данные Ибн Баттуты.

Когда он описывает свое посещение Хорезмского вилайета Золотой Орды и рассказывает о посещении там судебного процесса, где в резиденции великого эмира Кутлу-Тимура он наблюдал ежедневно проходившее судебное разбирательство с участием «старшего эмира и при нем 8 [других] старших эмиров и тюркских шейхов (яргучи)» [3, с. 146]. Похоже, что эти 8 «старших эмиров» являлись беками 8 основных племен, имевшихся в этом вилайете. Скорее всего, еще один «старший эмир» в эту «восьмерку» не входил, будучи вероятно представителем самого Кутлу-Тимура (последний по племенной принадлежности был кыйатом и являлся беклярибеком) [7, с. 150–151; 9, с. 39–40]. Если мы примем данную гипотезу, то отмеченные в эпосе «Идегей» объединения под названием «тугыз йорт» и «сигез йорт» могут оказаться, первое – правым крылом (Ак Ордой) и второе – левым крылом (Кок Ордой) Золотой Орды. Дополнительный аргумент в пользу гипотезы скрывается в числе основных «юртов» из ведущих кланов, которых всего оказывается 17.

В этой связи нам опять надо обратиться к Ибн Баттуте, 2 июня 1334 г. посетившего в районе Биштау/Пятигорска большой праздник, очевидно, курултай (детальнее об этом см.: [10]). Так вот, в ходе данного праздника проходили разные церемонии и обряды, в числе которых было и принятие ханом Узбеком парада войск подразделений, каждое из 10 000 воинов, то есть тьмов, возглавлявшихся 17 эмирами-темниками! [3, с. 138]. Есть основания полагать, что вот эти 17 десятитысячных подразделений, в целом составлявшие 170 тысячное конное войско, были основной кадровой армией Золотой Орды, комплектовавшейся на клановой основе. Запомним число 17 темников и столько же тьмов, ибо это число повторяется еще в одном источнике – в «Дефтер-и Чигизнаме». Там есть пассаж об «именах беков при хане Джанибеке» [57, с. 111], в котором перечислены имена группы знатных татар (о них еще далее скажем отдельно), число которых тоже 17. Несмотря на то, что не все они жили в годы правления хана Джанибека [10, с. 23], в данном случае важно само число 17 беков, явно отражающее какое-то весьма старое представление золотоордынского общества о значимых беках, главах ведущих кланов.

Поэтому, есть основания думать, что существовавшее при ханах Узбеке и Джанибеке подразделение Золотой Орды на Ак Орду (правое крыло) из 9

ведущих кланов и Кок Орду (левое крыло) из 8 ведущих кланов, скорее всего восходившее к более раннему периоду истории Улуса Джучи, в виде памяти об этом дошло до конца XIV – начала XV вв., что ясно видно из содержания дастана «Идегей».

На самом деле, конечно, клановых образований в Золотой Орде было не 17, а значительно больше. Это явствует из сведений о делении «кочевых узбеков», то есть, населения государства Шибанидов, на так называемые племена «илатийа», коих к XVI в. насчитывалось 92 [51]. Об этом же сообщается и в «Маджмуат ат-таварих» Ахсикенди – автора XVI в. [50]. Так как кочевые узбеки вышли из Золотой Орды, эти 92 родоплеменные группы и могли быть той самой «девятиноголовой Ордой» хана Токтамыша. Правда, в дастане «Идегей», в его ногайской версии, как говорилось, есть и места, где в Ак Орде фиксируется «шестидесятиголовая» группа [4, с. 79]. Похоже, что и в данном случае тоже подразумеваются племенные эли (=юрты), но более раннего времени – середины XIV в. или даже XIII в. Об этом могут свидетельствовать данные Ибн ‘Абд аз-Захира (1221–1293), при рассказе о прибытии в 1264 г. к хану Берке египетских послов, увидевших после входа в «большой шатер» сидевших на престоле хана и его старшую жену, находившихся там же «50 или 60 эмиров» [3, с. 44], а также ан-Нувеири (1279–1333), сообщающего, что в 1316 г. у хана Узбека имелись 70 эмиров-темников [3, с. 84]. А это означает, что в дастане «Идегей» были сохранены достаточно старые представления о клановой структуре золотоордынского общества.

Теперь нам необходимо конкретизировать приведенные выше сведения о клановых группах и знатных татарах Золотой Орды. И такие сведения в дастане имеются.

Знатные татары (аксояк) в дастане и их отношение к сообществу «мужей»/«батыров». Золотая Орда являлась, как известно, в своем государствообразующем ядре клановым сообществом, а общая численность золотоордынских татар к середине XIV в. достигла 2–2,8 млн. чел. [7, с. 166]. Как уже отмечалось, число кланов в Улусе Джучи постепенно увеличивалось. Но значимость их в социальной структуре общества была различной. Вот такие статусные различия нам и предстоит обнаружить при анализе текста дастана «Идегей». Заодно при этом будет выяснено, кем же являлись выделенные в эпосе отдельные «мужи/батыры», игравшие, как это явствует из дастана, важную роль при хане Токтамыше.

Следует начать с эпизода смерти Идегея, которая последовала после того, как беклярибек Идегей собственноручно в ходе сражения убил сына хана Токтамыша султана Кадыберди, после этого попытавшись скрыться. В этой ситуации некто «Барын мырза» обратился к «биям Токтамыша» со следующими словами:

Идегэйне кем жиңсэ,
Житеп башын кем алса –
Хан тагына ул менэр! [4, с. 240].

После этого, как гласит эпос, «унике түрэ, алты би» отправились за Идегеем, нагнав его около какого-то озера, где тот в камышах скрывался, будучи сильно раненным, и он там был обнаружен, затем убит названным «Барын мырзой»:

Барын мырза бер житеп, Башы тәннән аерылып,
Идегэйне бер чапты. Тэгэри биреп аны эйтте... [4, с. 243].

Констатировав высказывания покотившейся головы, дастан сообщает:
Идегэйнең башын кискән Барын булды,
Башын китергән Шырын булды [4, с. 243].

Таким образом, тут появляется новое действующее лицо, названное как «Шырын». Для понимания всего этого сюжета, надо обратиться к версии дастана, бытовавшей у крымских татар, так как там есть дополнительные сведения об описанном выше событии: в этой версии эпоса указывается, что «Шырын мырза» обратился к «Барын мырзе» с тем, чтобы тот отдал ему голову убитого и тем самым обещая принять на себя тяжесть убийства, освободив его от кровной мести («каннан арындырыга»). Но получив голову убитого Идегея, «Шырын мырза» тут же помчался к султану Кадырбирде, получив от него особый статус «правителя=судьи» («хөкемдар»). А подлинный убийца Идегея остался лишь «мырзой», не получив никакой выгоды за свои действия [35, с. 56]. В результате «Барын мырза» произнес слова о распаде Золотой Орды (см. выше).

Чтобы разобраться с зашифрованными в эпосе как «Барын мырза» и «Шырын мырза» фигурами, следует обратиться к нескольким татарским источникам, содержащим некоторые детали, связанные с убийством в 1419 г. Идегея. Прежде всего, это «Джамигут-таварих» Кадыр Али-бека (1602), где есть сообщение: «Идеге бий погиб в возрасте 63 лет. Он был ранен в битве с Кадыр-Бирде ханом и [его] прикончил Барын Сарай» [36, с. 16]. Итак, Идегей был убит Сараем из клана Барын. В другом сочинении – «Кара-таварих» Утемиша-хаджи (конец XVI – нач. XVII вв.), содержится информация о том, что скрывавшийся около озера раненный Идегей был обнаружен Сарай бекком, вытасчен из воды и затем после того, как ответил на два вопроса беклярибека, был убит этим бекком [55, с. 146–147]. Пока зафиксируем внимание на том, что Сарай был не мурзой, а бекком.

Дополнительные сведения об этом же событии содержатся у крымского историка XVIII в. Абдулгаффара Кырыми в его труде «Умдет ал-ахбар». В этом труде прямо признается, что Сарай был бекком – главой племени Барын. А личностью, принесшим голову убитого Идегея хану, указывается бек племени Шырын Ректимур (Үрәң-Тимур). Как отмечает источник, «за это он был вознагражден ханом Джанибеком» (надо видимо читать – Джалалетдином – Д.И.). Сарай бек, согласно источнику, тоже получил свое – ему была дарована должность даруги Хаджи-Тархана [36, с. 103]. Несмотря на приведенные сведения, сам Абдулгаффар Кырыми сомневался в том, что ширинским бекком тогда являлся Ректимур (Үрәң-Тимур), отметив, что тот умер сразу после хана Токтамышша и должность «главного карачи» (баш карачи) перешла после него к Тегине б. Ректимуру [36, с. 103–104].

Пока для нас важно появление в дастане двух знатных татар – глав кланов Барын и Шырын. И они там возникают неслучайно, а из-за их особого места в социальной структуре Золотой Орды рубежа XIV–XV вв. В первую очередь заметим, что в «Кара таварих» Утемиша-хаджи около сыновей хана Токтамышша Кадырбирде и Джелалетдина отмечаются сыновья бека племени Шырын Уренг-Тимура Йахшы-ходжа и Тигине. Более того, там описывается эпизод поднятия после смерти Кадырбирде в условиях военного похода молодого султана Улуг-Мухаммада на ханский трон бекком племени Конграт Айдаром и Тигиной, бекком племени Шырын. Так мы узнаем, что эти 2 пле-

мени были не простыми кланами. В том же источнике упоминается еще один знатный татарин – бек племени кыпчак Айас, вознагражденный ханом Улуг-Мухаммадом за воинские подвиги должностью даруги Сарайчика [55, с. 69–71, 77–78]. Наконец, и в «Дефтер-и Чингиз-наме» в эпизоде гибели Идегея вместе с беком племени Шырын Урунг-Тимуром Сарай упоминается как бек племени Барын [8, с. 34].

В итоге выясняется, что указанные лица, находившиеся вокруг хана Тохтамыша и его наследников, являлись карача-беками, сохранив этот статус позже и в Крымском ханстве, а также в Казанском и Касимовском ханствах [5]. Из труда Утемиша-хаджи выясняется, что такой статус у них был неслучаен, ибо 4 племени (эль) считались «элями, оставшимися от предков хана Тохтамыша» [54, с. 114]. А это на самом деле племена-эли, именовавшиеся «каучинами» и считавшиеся переданными предкам хана Тохтамыша самим Чингиз-ханом. То есть, фигурирующие в дастане эпонимы, отражающие наименования отдельных знатных кланов, бывших личными элями хана Тохтамыша, даже на рубеже XIV–XV вв. воспринимались как некие знатные кланы, игравшие особую политическую роль в Золотой Орде, что отражало статус их беков как карачи, поднимавших на трон ханов.

В разных версиях дастана несколько раз предпринимается попытка перечислить конкретно имена этой «девятки», иногда с указанием их клановой принадлежности, о чем мы писали ранее [24]. Согласно нашему анализу, в разных версиях дастана хотя и фигурируют имена «девяти мужей/батыров», реально их насчитывалось от 8 до 11, правда в наиболее полном списке из 11 имен двое названы, один – как «йорт бие», а другой – как «ил бие», возможно подразумевая не клановых вождей, а административные их должности. Изучение списков кланов и клановых вождей, содержащихся в разных национальных версиях дастана «Идегей», показало, что в ногайских вариантах эпоса наименования кланов немного другие, чем в татарских вариантах и они кажется более детализированные и полные. Несмотря на разные нюансы в списках кланов и клановых вождей (о них подробнее см.: [24, с. 91]), перечисление их стремится к «девяти». И тут напомним, что в сохранившемся в одном из вариантов «Дафтар-и Чингиз-наме» перечне названы 10 биев, в 6 случаях названных эпонимами, отражающими наименования племен: 1) [Уйшын] Майкы би; 2) Калдар би [а это одна из групп клана Кыпчак]; 3) Урдуж (Ордач) би; 4) Кибчак (Кыпчак) би, 5) Тамйан (Тәмән/Тәмән) би, 6) Кирайет би, 7) Буркыт (Буртак) би, 8) Тимер Котлы би, 9) Муйтен би, 10) Теленгут (Тангут?) би [61, р. 49; 38, с. 75]. В другом варианте этого же источника тоже приводятся имена 10 биев, пять из которых – это эпонимы. Но сам список несколько отличается от предыдущего: 1) Майкы би, 2) Калдар би, 3) Уркеш би, 4) Кыпчак би, 5) Тамиан би, 6) Керейт би, 7) Кунрад би, 8) Темир-кутлу би, 9) Тулак би, 10) Теленгут би [25, с. 131]. Согласно легендарным данным, попавшим в «Дафтар-и Чингиз-наме», в обоих случаях названные бии в давние времена занимались поисками удалившихся под давлением своих старших братьев Чингиз-хана. Их возглавлял Уйшын Майкы би. Но следует отметить, что числящийся во втором списке «Кунрад би» там никак не мог находиться, ибо, как видно из первого текста, 4 биев – Кунград би, Кытай би, Салчут би и Кыйат би, отказались пойти на поиски Чингиз-хана [38, с. 48; 61, р. 49]. На деле, если эти списки очистить от случайных или

непонятных элементов, может получиться следующий перечень кланов: 1) Уйшын, 2) Кима́к (конкретно – Албыр), 3) Мең, 4) Кыпчак, 5) Төмән, 6) Кирайет, 7) Буркыт, 8) Тангаур, 9) Муйтен, 10) Теленгут. Конечно, в дастане «Идегей» есть и другие кланы, например, в ногайских версиях еще известны группы Йөз, Найман, Алчын, Керей, Тамалы, Барын, Келеш, Канлы, Шырын, Мангыт, Кенегес, Кыргыз, Аргын, Кара-кыпчак, Увак [24, с. 94–95], поэтому точно установить клановую принадлежность «девяти батыров / мужей» оказывается затруднительным. Тем не менее, проанализированный материал, показывает [24, с. 94], что названные мужи/батыры» могли представлять кланы Кенегес, Шырын, Барын, Аргын, Кыпчак (в том числе идущие от групп Муйтен и Гереит), Найман, Уйшын (не исключено, что клан Төмән – это его ответвление), Канлы, Дурман. Показательно, что кроме кланов Дурман, Кенегес и Барын – это тюркские кланы. Из других списков к монгольским можно отнести клан Мангыт, но там тоже есть дискуссионные моменты. Если сказать обобщенно, то попавшие в списки кланы (юрты) оказываются старыми, надежными племенами, идущими еще со времен Чингиз-хана, будучи (или признаваемые таковыми) его союзниками. Именно главы этих кланов и были в дальнейшем близки к Чингизидам.

Если осмыслить приведенное число племен, можно из общего их состава вывести, точнее, поставить над ними, некоторые кланы, в частности, племена Кенегес и Уйшын, ибо для этого есть определенные основания. Тогда мы получим своеобразный вариант исчисления этих старых кланов, список которых будет выглядеть как 8+1. Почему так?

Названные 2 клана занимали особое положение. В случае с племенами Кенегес это видно из дастана «Идегей», где Джанбай б. Кемал, бывший из данного клана [60, с. 31–32, 41, 56, 61 и др.], именуется не только «визирем, великим визирем», но и «первым советником (беренче киңәшче)», «самым умным бием (иң акыллы би)», «главой корылтая (корылтай башы)» и самое главное – «улу бием (олы би)» хана Токтамышы [60, с. 61, 137]. В некоторых местах дастана он определяется как «лишний би Кенегеса» (Кенегеснең артык бие) или как «ушедший» из этого клана («кенегестән киткән») [60, с. 31–32, 90, 160]. По-видимому, тут смоделирована ситуация особого положения клана Кенегес, его «верховенство» над другими кланами, что скорее всего отражает статус его бека как «улу бия» – главы некогда западной половины Золотой Орды (Ак Орды). Для этого имелись исторические основания, которые вытекают из труда монгольского историка Лубсан Данзана [37]. Согласно ему, глава племени Кингит (Кенегес) Хукин нойон был назначен в Монгольской империи ответственным за западную половину Улуса Джучи с приданием ему 8000 войск [16, с. 232], которое тоже можно рассматривать как 8 подразделений из 1000 воинов каждое (тысячные подразделения в империи были важными боевыми единицами). Да и Рашид ад-дин отмечает 1000 воинов из клана Кингит (Кенегес) в составе 4000 воинов Улуса Джучи [48, с. 172]. Клан Уйшын занимал в Улусе Джучи, похоже, аналогичное положение, ибо согласно Рашид ад-Дину, Уйшын Майкы би командовал правым крылом (баруңгар) войск Улуса Джучи [48, с. 172]. Этот же особый статус нашел своеобразное отражение в «Дефтери-и Чигиз-наме» – Уйшын Майкы би там отмечен как сидевший по правую сторону от Чингиз-хана [38, с. 50]. Получается, что статусы беков кланов Уйшын и Кенегес были равны. Отсюда понят-

но, почему в дастане «Идегей» Джанбай б. Кемал выступает в некотором роде как глава «девяти мужей/батыров» несмотря на то, что вроде бы непосредственным их командиром являлся Кыпчак би. Не исключено, что Джанбай б. Кемал был вообще беклярибеком всей Золотой Орды, в определенный период истории, но источники об этом молчат.

Теперь нам следует заново вернуться к 9 «мужам/батырам/биям (бекам)». Несмотря на то, что в дастане «Идегей» их имена иногда заменены на эпонимы, за которыми проглядывают конкретные золотоордынские племена, есть все основания полагать, что они являлись историческими личностями. Скажем, считавшийся в эпосе «главой Аргынов» («аргыннарның башы») Кара-Ходжа (Кара 'ужа) бек фигурирует в труде Али Йезди «Зафер-наме» (1424/1425) как прибывший к Тимуру от имени хана Токтамышша посланник (событие происходило в г. Отраре в 1405 г. перед смертью Тимура). Кара-Ходжа бек там совершенно точно определен как человек, бывший из «старинных нукеров» хана Токтамышша [3, с. 366]. Уже установлено, что этот бек затем с ханом Улуг-Мухаммадом осел в Казанском ханстве [6]. Про «Барын мырзу» уже было сказано, но сейчас укажем на то, что в Казанском ханстве в 1455 г. есть упоминание явно знатного лица, которому было адресовано письмо московского митрополита Ионы – его звали Шаптак Сараевич [1, с. 497–498]. Не исключено, что он являлся близким родственником (сыном?) Сарай бека из клана Барын. А представители этого клана точно в Казанском ханстве имелись. «Шырын мырза» из эпоса это, надо полагать, Тигине бек, глава клана Шырын, потомки которого остались как в Крымском ханстве, так и в Казанском ханстве. Были они и в Касимовском ханстве [5]. Несмотря на то, что в отдельных версиях дастана «Идегей» главой клана Шырын, точнее, «батыром» из него, указывается «Сылув-Мамбет» [24, с. 94], в конечном счете подразумевается все тот же знатный клан, просто, в зависимости от места записывания разных версий эпоса имена героев там могли варьировать, но базовые кланы и их примерное число всегда имеют в текстах дастана некоторую общность, связанную с единством прошлой истории кланов, оказавшихся на рубеже XIV–XV вв. в составе Ногайской Орды.

Как было установлено из рассмотренных данных, у ногайских татар сохранялись объемные сведения о клановом составе прежде всего Ак Орды, а также сведения о клановых вождях ведущих племен из этого политического объединения. В ряде случаев эта информация дополняет исторические данные, иногда ставя и новые вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. 1334–1598. СПб., 1841. Т. I. 622 с.
2. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: «Наука», Ленингр. отд., 1974. 727 с.
3. Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г. Тизенгаузена. Ч. I. Извлечения из сочинений арабских. Ч. II. Извлечения из сочинений персидских. Сост., введ. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. М., 2003. 448 с.
4. Идегэй. Татар халык дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. 254 б.

5. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Научное издание. Казань: «Мастер Лайн», 1998. 276 с.

6. Исхаков Д.М. Родословные и эпические произведения как источник изучения истории сословий Улуса Джучи и татарских ханств // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002. С. 329–366.

7. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III–середина XVI вв.). Научное издание. Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.

8. Исхаков Д.М. «Дом Чингиз-хана» (Алтын Урук): Клановая принадлежность и ее атрибуты // Этнополитические исследования в Татарстане. Вып. I. Материалы итоговой конференции Института истории АН РТ, Казань, 2007. С. 18–27.

9. Исхаков Д.М. Исторические очерки. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 164 с.

10. Исхаков Д.М. Одно из важнейших наблюдений Ибн Баттуты по внутреннему устройству Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы Второй международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды, посв. памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 21–27.

11. Исхаков Д.М. Об отражении некоторых золотоордынских реалий в татарско-башкирском дастане «Тулак и Сусулу» // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 4. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории АН РТ, 2011. С. 119–127.

12. Исхаков Д.М. В поисках истоков и смысла изображения двуглавых птиц (орлов) на золотоордынских монетах // Нумизматика Золотой Орды. 2013. № 3. С. 120–127.

13. Исхаков Д.М. Между Булгаром и Казанью: Этнополитические процессы в Булгарском (Казанском) вилайете в 60–70-х годах XIV – 40-х годах XV веков. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. 68 с.

14. Исхаков Д.М. Золотоордынская этнология татар: Эпический и исторический «золотой трон» («алтын тәхет») // Золотоордынское обозрение. Golden Horde Review. 2014. № 3(5). С. 175–190.

15. Исхаков Д.М. Милли дастаннарыбызда, тарихи риваятьләребездә төбәк тарихы // Туган жир: Төбәк тарихы буенча басма [Родной край: Краеведческое издание]. Вып. 1. Казань: ТРФА Ш. Маржани исем. Тарих институты, 2017. 34–38 бб.

16. Исхаков Д.М. Халкыбызның эпик эсәрләрендә яшеренгән милли тарихыбыз. Икенче язма: «Идегэй» дастанының серләре // Туган жир. Родной край. 2018-а. № 4. Б. 19–26; 2019. № 1. Б. 49–65; № 2. Б. 58–68.

17. Исхаков Д.М. Незнученные аспекты дастана «Идегей»: отражение в эпосе социально-политического устройства Золотой Орды // Алтайское языкознание: проблемы и исследования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Алтайское языкознание: проблемы и исследования», посвященной 150-летию первой «Грамматики алтайского языка» (г. Горно-Алтайск, 18–22 июня 2019 г.). Горно-Алтайск, 2019. С. 323–331.

18. Исхаков Д.М. Дастан «Идегей»: к вопросу о выявлении исторических реалий в эпическом произведении (часть 1) // Сибирский сборник: сборник научных статей / под ред. З.А. Тычинских. Вып. 4. Тобольск: ООО «Ком. «Содействие», 2019. С. 328–340.

19. Исхаков Д.М. «Идегей» дастанында Алтын Урда, Ак Урда һәм Бүз Урда төшенчәләре // Золотая Орда: история, государственность, культурное наследие. Нур-Султан: «Гылым» басмасы, 2019. Б. 44–55.

20. Исхаков Д.М. О терминах «ак урда», «алтын урда» и «бүз урда» в эпосе «Идегей»: содержательный аспект понятий // Героический эпос и сказительское искусство народов Евразии: сохранение, изучение и популяризация. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня рождения сказательницы Натальей Черняевой (г. Горно-

Алтайск, 10–13 сентября 2019 г.). Г.-Алтайск: БНУ РА НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2019. С. 249–258.

21. Исхаков Д.М. Отражение историко-этнологических реалий в эпосе «Идегей» о 9 «батырах» // XIII Конгресс антропологов и этнологов России. Сборник материалов. 2–6 июля. Казань, 2019 г. / Отв. ред.: М.Ю. Мартынова. М-Казань: ИЭЛА РАН, АН РТ, 2019. С. 109–110.

22. Исхаков Д.М. Золотоордынские татары «белой кости» в дастане «Идегей» (Часть II) // Сибирский сборник. Вып. 5. / Редколлегия: З.А. Тычинских (гл. ред.), Н.П. Турова, Е.П. Загвоздин. Тобольск: ИП Жмуров С.В., 2020. С. 87–115.

23. Исхаков Д.М. Понятия «Ак Урда», «Бүз (Боз) Урда» и «Алтын Урда» в дастане «Идегей»: на пути к осмыслению их содержания (Часть III) // Сибирский сборник: сборник научных статей / под ред. З.А. Тычинских. Вып. 6. Тобольск: Тобольская типография, 2021. С. 101–113.

24. Исхаков Д.М. Халкыбызның эпик эсэрләрәндә милли тарих («Түләк һәм Сусылу», «Ак Күбәк», «Идегай», «Чура батыр» дастаннарына һәм тарихи риваятьләргә анализ): монография. Казан: «Грумант», 2022. // Туган жир. Родной край. Специальный номер II. 2022. 12–170 бб.

25. История Чингис хана и Тамерлана // Труды Оренбургской УАК. 1907. Вып. 19. С. 115–117.

26. Казанская история. Под-ка текста, вступ. ст. и прим. Г.Н. Моисеевой. Под ред. чл.корр. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 191 с.

27. Карпини Джованни дель Плано. История монгалов // История монгалов / Дж. дель Плано Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. 3-е изд. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: «Мысль», 1988. С. 30–85.

28. Кәшгарй Махмуд. «Дивән Лугат ат-Турк» / Перев., предис. и коммент. З.-А.М. Ауэзовой. Индексы сост. Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-пресс, 2005. 1288 с.

29. Котб. Хөсрәү вә Ширин. Казан: «Мәгариф» нәшр., 2003. 367 б.

30. Кушкумбаев А.К. «Ак Орда» в тюркском эпическом жыре «Ер Едіге» // Золотая Орда: история и культурное наследие. Сб. научных материалов / отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: ИП «BY-PRINT» 2015. С. 36–42.

31. Кушкумбаев А.К. «Алтын Орда»: об одном символе власти в империи Джучидов // Байырғы түрік құндылығтары – 2017. Халықаралық ғылыми-теориялық және практикалық конференциясының моіалалар жинағы. Астана: ЕҮУ баспасы, 2017. С. 356–361.

32. Кушкумбаев А.К. «Болат босағалы боз орданы Шәйбанғә салды»: «Йүз Орда» или «Боз Орда» в восточных источниках // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственных и культурных традициях народов Евразии. Материалы Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г.). К 750-летию образования Золотой Орды. М.: Изд. дом «Медина», 2017. С. 84–91.

33. Кушкумбаев А.К. Термин «Орда» в кочевых империях Центральной Азии (домонгольское время) // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2017. № 10. С. 84–91.

34. Кычанов Е.И. «История династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. Вып. 19. С. 146–157.

35. Кърымтатар халкъ агъыз яратыджылыгы. Хрестоматия. Тертип этиджи Дж. Бекиров. Ташкент: «Ўқитувчи», 1991. 248 б.

36. Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Кн. 1: Транскр., факсимиле. Серия «Язма мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 1 / Транскр. Дерья Дерин Пашаоглу; отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 420 с.

37. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотое сказание). Пер. с монг., введение, коммен. и прилож. Н.П. Шастиной / Памятники письменности Востока. М., 1973. 439 с.
38. Миранстан биш сэхифэ. XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре / [транскр. эшләүче, хәзерге татар әдәби теленә күчәрүче, иск. һәм сүзл. төз., кереш мәкаләләр авт. С. Гыйлажетдинов]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 331 б.
39. Миргалеев И.М. Дастан «Идегей» с исторической точки зрения // Южный и Средний Урал от хана Бату до Николая I: материалы науч. конф. / под ред. Г.Х. Самигулова. Челябинск, 2023. С. 60–70.
40. Миргалеев И.М., Фазлутдинов И.И., Закирова И.Г. К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Идегее // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 792–816. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816> EDN: ИКМИА
41. Мункуев Н.Ц. Источники по истории Монгольской империи («Хэй-да шилюе», главы 98 и 99 «Юань ши»): перевод и исследования/отв.ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: АО «Республиканская типография», 2023. 360 с.
42. Мөхәммәтжанова Л.Х. Иделдәнме, Себердәнме син, Идегэй? // Туган жир. Родной край: 2019. № 1. Б. 35–48.
43. Надиров И. «Идегей» дастаны // «Идегей». Татар халык дастаны. Казан: Тат. кит. нәшр., 1988. Б. 5–10.
44. Орлы. Ястребы. Соколы. Мини энциклопедия. Вильнюс: ИАВ «Bestiary», 2012. 63 с.
45. Парунин А.В. Сведения об Ак-Орде и Кок-Орде в свете устной исторической традиции // Золотая Орда: История и культурное наследие. Сборник научных материалов. Астана: ИП «BG-PRINT», 2015. С. 51–61.
46. Поло Марко. Книга Марко Поло // История монгалов / Дж. дель Пано Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны. / Г. де Рубрук. 3-е изд. Книга Марка Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: «Мысль», 1998. С. 192–380.
47. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 годов. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1995. 360 с.
48. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том I. Книга первая. М.: «Ладомир», 2001. 315 с.
49. Рубрук де Гильом. Путешествие в Восточные страны // История монгалов / Дж. дель Пано Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. 3-е изд. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: «Мысль», 1998. С. 88–189.
50. Сайф ад-дин ибн дамулло Шах Аббас Ахсикенти, аның уулу Нурмухаммад. Тарыхтардын жыйнагы («Маджмуат ут-таварих») / котор. М. Досболов, Д. Сооронов. Бишкек: «Акыл» мамконцерни, 1996. 128 б.
51. Султанов Т.И. Опыт анализа традиционных списков «племен илатийа» // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: «Наука», гл. ред. вост. лит.-ры, 1977. С. 165–176.
52. Татар халык дастаны «Идегей». Н. Исәнбәт жыйнамасы // Совет әдәбияты. 1940. № 11. Б. 39–76; №12. Б. 34–82.
53. Урманче Ф. Народный эпос «Идегей». Казань: Изд-во «Фэн», 1999. 200 с.
54. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перев., транскр., текст, прим., исследование В.Т. Юдина. Комментар. и указ. М.Х. Абусайтовой. Алма-Ата: «Гылым», 1992. 296 с.
55. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскр. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; пер. на рус. яз. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научн. редакция И.М. Миргалеева / Серия «Язма мирас. Письменное наследие. Textual Heritage» Вып. 4. Отв. ред. выпуска И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

56. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. 180 с.
57. «Чыңгызнамә». Тарихи дастаннар / Татар археографиясе серясе, 23нче китап. Казан: «Милли китап» нәшр., 2019. 288 б.
58. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Пер. с немецкого Ф.К. Бруна. Изд., ред. и прим. академика АН Азерб. ССР З.М. Буниятова. Баку: Изд-во «Элм», 1984. 162 с.
59. Эдиге // Батырлар жыры. Т. V. Қырымның қырық батыры (Мұрен жыраудан жазылған мұралар). Алматы: «Жазушы», 1989. Б. 70–95.
60. Эдигэ: Ногайская эпическая поэма / Под ред. Н.Х. Суюновой; Карачаево-Черкесский ин-т гум. исслед. при Правительстве КЧР. М.: «Наука», 2016. 512 с.
61. Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis – Legende (Däftär-i Čingiz-nāmä). I (Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles). *Studia Uralo-Altaiica* 44. Szeged, 2002. 324 pp.
62. Özytegin A. Melek, Kemaloğlu I. Altın Orda Hanlığına ait Resmi yazışmalar. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2017. 170 s.

REFERENCES

1. Acts of history, collected and published by the Archaeographic Commission. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya Gosudarstvennykh bumag, 1841. 622 p. (In Russian)
2. Zhirmunsky V.M. The Turkic heroic epos. Leningrad: Nauka. Leningradskij otdel, 1974. 727 p. (In Russian)
3. Khrapachevsky R. The Golden Horde in the sources. Volume one. Arabic and Persian writings. Moscow, 2003. 448 p. (In Russian)
4. Edigu: Tatar folk epos. Kazan: Tatar Book Publ., 1990. 256 p. (In Tatar)
5. Iskhakov D.M. From Medieval Tatars to Tatars of the New Time (Ethnological View of the History of the Volga-Ural Tatars of the 15–17th centuries). Scientific Edition. Kazan: Master-Layn, 1998. 276 p. (In Russian)
6. Iskhakov D.M. Genealogies and epic works as a source for studying the history of the estates of the Ulus of Jochi and the Tatar khanates. Source studies of the history of the Ulus of Jochi (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan. 1223–1556. Kazan, pp. 329–366. (In Russian)
7. Iskhakov D.M., Izmaylov I.L. Ethnopolitical History of the Tatars (3rd – Mid-16th Century). Kazan: Shkola, 2007. 356 p. (In Russian)
8. Iskhakov D.M. House of Genghis Khan (Altyn Uruk): Clan Affiliation and Its Attributes. Ethnopolitical studies in Tatarstan. Iss. 1. Proceedings of the final conference of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, 2007, pp. 18–27. (In Russian)
9. Iskhakov D.M. Historical Essays. Kazan: Fan, 2009. 164 p (In Russian)
10. Iskhakov D.M. One of Ibn Battuta's most important observations on the internal structure of the Golden Horde . Golden Horde Heritage. Iss. 2. Proceedings of the Second International Scientific Conference Political and Socio-Economic History of the Golden Horde, dedicated to the memory of M.A. Usmanov. Kazan, March 29–30, 2011. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 21–27. (In Russian)
11. Iskhakov D.M. On the Reflection of Some Golden Horde Realities in the Tatar-Bashkir Dastan “Tulyak and Susylu”. Golden Horde Civilization. Iss. 4. Kazan, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 119–127. (In Russian)
12. Iskhakov D.M. In Search of the Origins and Meaning of the Image of Double-Headed Birds (Eagles) on Golden Horde Coins. *Numizmatika Zolotoy Ordy =Golden Horde Numismatics*. 2013, no. 3, pp. 120–127. (In Russian)

13. Iskhakov D.M. Mezhdū Between Bolgar and Kazan: Ethnopolitical Processes in Bolgar / Kazan Wilayat in the 1360–70s – 1440s. Kazan: Fan, 2013. 68 p. (In Russian)

14. Iskhakov D.M. Golden Horde ethnology of the Tatars: Epic and historical “golden throne” (altyn takhet). *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2014, no. 3 (5), pp. 175–190. (In Russian)

15. Iskhakov D.M. Regional history in our national epics, historical tales. Native land: *Rodnoy kraj*. Vol. 1. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 34–38. (In Tatar)

16. Iskhakov D.M. National history hidden in the epic works of our people. Second entry: secrets of the epos “Edigu”. *Tugan jir = Native Land*. Kazan, 2018, no. 4, pp. 19–29; 2019, no. 1, pp. 49–65; 2019, no. 2, pp. 58–68. (In Tatar)

17. Iskhakov D.M. Unexplored aspects of the dastan “Edigu”: reflection in the epic of the socio-political structure of the Golden Horde. *Altai linguistics: problems and research. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation “Altai linguistics: problems and research”, dedicated to the 150th anniversary of the first “Grammar of the Altai language” (Gorno-Altaysk, June 18–22, 2019). Gorno-Altaysk, 2019, pp. 323–331. (In Russian)*

18. Iskhakov D.M. Dastan “Edigu”: on the issue of identifying historical realities in an epic work. Part 1. Siberian collection: collection of scientific articles Iss. 4. Tobolsk: Sodeystvie, 2019, pp. 328–340. (In Russian)

19. Iskhakov D.M. Description of the Golden Horde, the White Horde, and the Dark Horde in the right “Edigu”. *Golden Horde: history, statehood, cultural heritage*. Nur-Sultan: Gylym, 2019, pp. 44–55. (In Tatar)

20. Iskhakov D.M. On the terms “Ak urda”, “Altyn urda” and “Buz urda” in the epos “Edigu”: the substantive aspect of the concepts. *Heroic epic and storytelling art of the peoples of Eurasia: preservation, study and popularization*. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 100th anniversary of the birth of the storyteller Natalia Chernyaeva (Gorno-Altaysk, September 10–13, 2019). Gorno-Altaysk: Budgetary Research Institution of the Altay Republic “S.S.Suzarakov Scientific-Research Institute of Altaistics”, 2019, pp. 249–258. (In Russian)

21. Iskhakov D.M. Reflection of Historical and Ethnological Realities in the epos “Edigu” about 9 Batyrs. XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia. Collection of Materials. July 2–6. Moscow, Kazan, 2019, pp. 109–110. (In Russian)

22. Iskhakov D.M. Golden Horde Tatars of the “White Bone” in the Dastan “Edigu”. Part 2. *Siberian Collection*. Iss. 5. 2020, pp. 87–115. (In Russian)

23. Iskhakov D.M. The concepts of “Ak Urda”, “Buz (Boz) Urda” and “Altyn Urda” in the dastan “Edigu”: on the way to understanding their content. Part 3. *Siberian collection*. Vol. 6. Tobolsk: Tobolsk Printing House, 2021, pp. 101–113. (In Russian)

24. Iskhakov D.M. Our People’s Epic Works (“Tulak and Susylu,” “Ak Kubeck,” “Edigu,” “Chura Batyr” Epics and Analyzing Historical Narratives). A monograph. Kazan: Grumant, *Tugan jir = Native Land*. Special Iss. 2, 2022, pp. 10–170. (In Tatar)

25. History of Genghis Khan and Tamerlane. *Works of the Orenburg Scientific Archival Commission*. 1907, Iss. 19, pp. 115–117. (In Russian)

26. History of Kazan (historical tale of the sixteenth century). Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1954. 195 p. (In Russian)

27. Gorsky A. Plano Carpini, John de. History of the Mongols: Text, translation, comments. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 2022. 383 p. (In Latin and Russian)

28. Mahmud al-Kashgari. *Divan lugat at-turk (Collection of Turkic words)*. Almaty: Dayk-Press, 2005. 1288 p. (In Russian)

29. Qutb. Khosrov and Shirin. Kazan: Magarif, 2003. 367 p. (In Tatar)

30. Kushkumbayev A.K. The “Ak Orda” in the Turkic epic “Er Edyge”. *Zolotaya Orda: istoriya i kul’turnoe nasledie*. Astana: BG-PRINT, 2015, pp. 36–42. (In Russian)

31. Kushkumbayev A.K. “Altyn Orda”: about one symbol of power in the Jochid empire. Bayyırly turik kundulyitary – 2017. Khalyiaralyi gylymi–theories and practical conferences of the sons of my family. Astana: E-U Publ., 2017, pp. 356–361. (In Russian)
32. Kushkumbayev A.K. "The Golden Horde's Legacy": “Yuz Orda” or “Boz Orda” in Eastern Sources. 13th Faizkhanov Readings. The Legacy of the Golden Horde in the State and Cultural Traditions of the Peoples of Eurasia. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, May 4–6, 2016). On the 750th Anniversary of the Formation of the Golden Horde. Moscow: Medina Publishing House, 2017, pp. 84–91. (In Russian)
33. Kushkumbayev A.K. The Term “Orda” in the Nomadic Empires of Central Asia (Pre-Mongolian Time) . *Golden Horde civilization*. 2011, vol. 4, pp. 84–91. (In Russian).
34. Kychanov E.I. “The History of the Yuan Dynasty” (Yuan Shi) about the Golden Horde. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki*. Vol. 19. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2000, pp. 146–157. (In Russian)
35. The Crimean Tatar people were born. Chrestomatia. Arranged by Dj. Bekirov. Tashkent: Teacher, 1991. 248 p. (In Crimean Tatar)
36. Kyrymi Abdulgaffar. Umdet al-ahbar. Vol. 1. Transcription, Facsimile. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014, 420 p. (In Türki)
37. Lubsan Danzan. Altan tobchi. Golden Legend. Trans. by N.P. Shastina. Moscow: Nauka, 1973. 440 p. (In Russian)
38. Five pages from Miras. Literary and historical monuments of the 17th–19th centuries. Author of transcription, translator into modern Tatar literary language, compiler of notes and dictionaries, author of prefaces S. Gilyazetdinov. Kazan: Tatar Book Publ., 2011, 331 p. (In Tatar)
39. Mirgaleev I.M. Dastan “Idegei” from a historical point of view. Southern and Middle Urals from Batu Khan to Nicholas I: scientific materials. conf. Ed. by G.Kh. Samigulov. Chelyabinsk, 2023, pp. 60–70. (In Russian)
40. Mirgaleev I.M., Fazlutdinov I.I., Zakirova I.G. On the question of studying Tatar variants of the epos about Idegey. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 792–816. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816> (In Russian)
41. Munkuev N.Ts. Sources on the history of the Mongol Empire (Hei-da shi-lyue, Yuan shi). Trans. by B.V. Bazarov. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2023. 360 p.
42. Mukhammetzhanova L.Kh. Are you from Volga or Siberia, Edigu? *Tugan jir =Native Land*. 2019, no. 1, pp. 35–48. (In Russian)
43. Nadirov I. “Edigu” saga. Tatar folk tale. Kazan: Tatar Book Publ., 1988, pp. 5–10. (In Tatar)
44. Eagles. Hawks. Falcons. Mini encyclopedia. Vilnius: Bestiary, 2012. 63 p. (In Russian)
45. Parunin A.V. Information about the Ak-Orda and Kok-Orda in the light of oral historical tradition. *Zolotaya Orda: Istoriya i kul'turnoe nasledie*. Astana: BG-Print, 2015, pp. 51–61. (In Russian)
46. Polo, Marco. The Book of Marco Polo. History of the Mongols / G. del Plano Carpini. 3rd ed. Journey to the Eastern Countries. / G. de Rubruck. 3rd ed. The Book of Marco Polo. 4th ed. / Introduction, commentary by M.B. Gornung. Moscow: Mysl, 1998, pp. 192–380. (In Russian)
47. Ambassadorial Book on Relations of Russia with the Nogai Horde. Moscow: The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2003, 92 p. (In Russian)
48. Rashid ad-Din. Collection of chronicles. Vol. I. The first book. Moscow: Ladimir, 2001. 315 p. (In Russian)
49. Rubruck de Guillaume. Journey to the Eastern Countries. History of the Mongols. G. del Plano Carpini. 3rd ed. Journey to the Eastern Countries / G. de Rubruck. 3rd ed. The

Book of Marco Polo. 4th ed. Introduction, commentary by M.B. Gornung. Moscow: Mysl, 1998, pp. 88–189. (In Russian)

50. Saif al-din ibn damullo-Aksikent Shah Abbas, his son Nurmukhammad. Collection of Tari (Majmu-at ut-tavarih). Editorial board M. Dobsolov, O. Sooronov. Bishkek: Akyl, 1996. 128 p. (In Kyrgyz)

51. Sultanov T.I. An attempt to analyze traditional lists of “Ilatiya tribes”. *Central Asia in ancient times and the Middle Ages (history and culture)*. Moscow: Nauka, 1977, pp. 165–176. (In Russian)

52. Tatar folk Dastan “Edigu”. Summary text and comments by Naki Isanbet. *Sovet edebiyaty=Soviet literature*. 1940, no. 11, pp. 39–76, no. 12, pp. 34–82. (In Tatar)

53. Uрманче F.I. Turkic Heroic Epic. Kazan: Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, 2015. 448 p. (In Russian)

54. Ötemish Hajji. Chingiz-name. Yudin V.P. (tr.). Alma-Ata, 1992. 296 p. (In Russian)

55. Utemish-Hadji. Qara Tawarikh. Trans. by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova; general and scientific editing by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian)

56. Fedorov-Davydov G.A. The social system of the Golden Horde. Moscow: Moscow State University, 1973. 180 p. (In Russian)

57. Chingiznama. Historical sagas. Tatar archeography series, book 23. Kazan: National Book, 2019. 288 p. (In Tatar)

58. Shiltberger I. Journey through Europe, Asia and Africa. Translated from old German. F.K. Bruna. Baku: Elm, 1984. 86 p. (In Russian)

59. To Edigu. Heroes’ song. T. V. Forty heroes of Crimea (heritage written from Muren Ravine). Almaty: Zhazushi, 1989, pp. 70–95. (In Kazakh)

60. Edigu. The Nogai Epic Poem. Moscow, 2016. 512 p. (In Russian)

61. Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis – Legende (Däftär-i Čingiz-nāmā). (Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles). *Studia Uralo-Altaica* 44, Szeged, 2002. 324 p. (In German)

62. Özytegin A. Melek, Kemaloğlu I. Altın Orda Hanlığına ait Resmi yazışmalar. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2017. 170 p. (In Turkish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дамир Мавляевевич Исхаков – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН (626152, ул. Академика Осипова, 15, Тобольск, Российская Федерация); главный редактор журнала «Туган жир. Родной край» (420060, ул. Пушкина, 52, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7556-8667. E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Damir M. Iskhakov – Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (15, Academician Osipov Str., Tobolsk 626152, Russian Federation); Chief Editor of the Journal “Tugan Jir. Native Land” (52, Pushkin Str., Kazan 420060, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7556-8667. E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 29.04.2024

Поступила после рецензирования / Revised 31.07.2024

Принята к публикации / Accepted 09.12.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.858-872>
EDN: NZPYBD

УДК 94(477.75).031

**ИДЕГЕЙ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЕЕ ОЦЕНКА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ****И.Л. Измайлов**

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
ismail@inbox.ru*

Резюме. Цель исследования: показать динамику оценки личности беклярибека Идегея в отечественной науке имперского и советского периода.

Материалы исследования: исторические труды отечественных историков, затрагивавших оценку личности Идегея 1840-х – 1960-х гг.

Результаты и новизна исследования: показано, что процесс изучения истории Золотой Орды и ее политической истории был сложным и извилистым. Особенно это касалось личности Идегея, а также посвященному ему народному эпосу. С момента начала изучения этого эпоса у историков возник интерес к самой исторической личности, соотношению его судьбы с героем эпоса. В российской науке его личность, не вызывала особого внимания. Формирующаяся татарская историческая наука обвиняла Идегея в чрезвычайных амбициях, считая его виновником походов Аксак-Тимура и распада Золотой Орды. В первой половине XX в. историки и фольклористы оказались под влиянием идей классовой борьбы и пытались представить его в качестве народного героя, сражающегося против феодального гнета, что было, несомненно, искажением фактов. В 1944 г. Постановлением ЦК ВКП(б) Золотая Орда была признана паразитическим государством, а Идегей – самым «коварным и хищным ордынским правителем». Подобная точка зрения с этого времени практически на полвека стала определяющей и безальтернативной, что заморозило отечественную науку в осмыслении этого периода истории.

Ключевые слова: Золотая Орда (Улус Джучи), Идегей, Токтамыш, историческая личность, героический эпос, историография, татарский фольклор, идеологический диктат

Для цитирования: Измайлов И.Л. Идегей: историческая личность и ее оценка в отечественной историографии // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 858–872. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.858-872> EDN: NZPYBD

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», проект «Комплексное исследование этнокультурного и цивилизационного взаимодействия народов Поволжья и Арало-Каспийского региона в период средневековья и раннего Нового времени».

© Измайлов И.Л., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

IDIGEY: A HISTORICAL PERSONALITY AND ITS ASSESSMENT IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

I.L. Izmailov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ismail@inbox.ru*

Abstract. The purpose of the study is to show the dynamics of the assessment of the personality of the ruler of the Golden Horde Idigey in Russian science of the imperial and Soviet periods.

Research materials: historical works of Russian historians who touched upon the assessment of the personality of Idigey in the 1840s – 1960s.

Results and novelty of the study: it is shown that the process of studying the history of the Golden Horde and its political history was complex and tortuous. This was especially true of the personality of Idigey, as well as the folk epic dedicated to him. Since the beginning of the study of this epic, historians have become interested in the historical personality himself, the relationship of his fate with the hero of the epic. In Russian science, his personality did not attract much attention. The emerging Tatar historical science accused Idigey of extreme ambitions, considering him the culprit of the campaigns of Aksak-Timur and the collapse of the Golden Horde. In the first half of the 20th century, historians and folklorists were influenced by the ideas of class struggle and tried to present him as a folk hero fighting against feudal oppression, which was undoubtedly a distortion of the facts. In 1944, by a decree of the Central Committee of the CPSU(b), the Golden Horde was recognized as a parasitic state, and Idigey was recognized as the most "insidious and predatory Horde ruler." Since that time, such a point of view has become decisive and uncontested for almost half a century, which froze Russian science in understanding this period of history.

Keywords: Golden Horde (Ulus of Jochi), Idigey, Toktamys, historical personality, heroic epic, historiography, Tatar folklore, ideological dictate

For citation: Izmailov I.L. Idigey: a Historical Personality and its Assessment in Russian Historiography. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 858–872. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.858-872> (In Russian)

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov”, project “Comprehensive study of the ethnocultural and civilizational interaction of the peoples of the Volga region and the Aral-Caspian region in the Middle Ages and early Modern times”.

Прошлое познается через исторические личности, которые действовали в свое время, реализуя свои планы и амбиции, совершали подвиги и злодеяния. Объективно они могли выражать интересы того или иного государства, сословия или рода, но субъективно многие из их деяний не могут быть объяснены иначе, как личными мотивами и различными чувствами. Понять и выявить диалектику сочетания этих факторов спустя века очень сложно.

Не менее характерно использование тех или иных сюжетов истории для обоснования правоты той или иной исторической концепции. Крайним случаем является использование в идейно-политической борьбе материала, взятого из древней и средневековой истории, а также влияние этих установок на

формирование исторических взглядов. Характерным примером подобного манипулирования истиной является практически вся история Улуса Джучи, когда исторические факты вольно или невольно переосмысливались во имя определенных концептуальных установок (См.: [27; 18, с. 733–748]).

Осмысление биографии и исторической роли золотоордынского полководца и государственного деятеля Идегея в разные эпохи и разными историографическими школами и направлениями является интересным примером подобной интерпретации этой исторической личности. Достаточно сказать, что он единственный исторический персонаж, который был специально отмечен в особом постановлении ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. [24; 14, с. 96–101; 19, с. 98–109; 4, с. 784–797]. Осложняет понимание роли и места Идегея в истории существование героического эпоса [11], который, несомненно, имел источником судьбу реальной исторической личности, но причудливо объединил ее с традиционными эпическими мотивами [9, с. 351–286; 35, с. 247–254; 34].

Прежде всего приведем основные факты биографии Идегея, как они излагаются в основных источниках и исторических трудах [20, с. 167; 2, с. 797–804; 39, с. 30–45; 8; 29, с. 145–195; 23, с. 474; 9, с. 351–386; 12; 16, с. 529; 17, с. 712–723; 28].

Идегей (Эдиге, Идику, Едигей) (1352–1419/20), происходил из клана Мангыт (по данным Абульгази – Ак-Мангыт), а по данным арабского историка Ибн Арабшаха – из клана Кунград, что менее достоверно (см.: [2, с. 797–799; 9, с. 264–366]). Он был сыном эмира Балтычака (по легендарной версии – Кутлукья), который возвысился при хане Кок Орды Уресе, став у него карачибекком. В 1376 г. Идегей изменяет Урус-хану и бежит в Мавераннахр к эмиру Тимуру, активно включившись в войну против своих родичей. В 1377/78 помог Токтамышу прийти к власти в Кок Орде, а потом и стать ханом Улуса Джучи. Но в этот момент Идегей, видимо, посчитал, что за его заслуги он не получил достойной награды и включился в заговор против хана Токтамыша.

Заговор был раскрыт в 1389 г. и Идегей вместе с рядом Джучидов, включая султана (оглана) Тимур-Кутлуга, вновь бежал к Тимуру. Находясь при дворе Тимура, он всячески призывал его начать войну с Улусом Джучи, обещая поддержку своих сторонников. Вместе с войском Тимура Идегей с друзьями Джучидами участвовал в походе против Токтамыша, который закончился битвой на р. Кондурче в 1391 г. Потерпевший поражение Токтамыш отступил за Волгу, а Идегей вместе с Тимур-Кутлугом вернулся в свои родовые земли в Северо-Восточном Прикаспии и Заволжье, где создал свой полунезависимый улус во главе с Тимур-Кутлугом. После нового поражения Токтамыша в битве на р. Терек (1395 г.) и глубокого рейда Тимура по территории Улуса Джучи [29, с. 151–171; 22, с. 128–135]. Это был страшный удар по основным торгово-ремесленным центрам в Нижнем Поволжье, Подонье и Крыму. Страна лежала в развалинах и фактически распалась на части, где за власть начали бороться разные претенденты на власть.

В 1397 г. Идегей снова вступил в борьбу с Токтамышем за объединение страны под властью хана Кутлуг-Тимура [29, с. 172–182; 17, с. 712–723; 22, с. 136–155]. Он изгнал Токтамыша в Великое княжество Литовское, а когда великий князь Литовский Витовт в 1399 г. собрал войско для поддержки Ток-

тамыша и попытался вернуть ему власть, нанес ему поражение в битва на Ворскле [13, с. 80–83, 89; 22, с. 146]. Восстановив единство Улуса Джучи, Идегей стал фактическим правителем при номинальных ханах. В 1408 г. он совершил набег на Москву и попытался подчинить московских великих князей своей власти и заставить выплатить дань за прошлые годы [6, с. 119–136; 30, с. 71–78]. Против Идегея в 1410 г. был организован заговор, и он был отстранен от власти и вынужден бежать в Хорезм. В последующие годы он продолжал борьбу против сыновей Токтамыша, периодически захватывая Сарай и возводя на трон лояльных к нему ханов. В 1414 г. Идегей был вытеснен из Хорезма Тимуридами. Тогда он собрал под своей властью Мангытов в междуречье Волги и Урала, где основал свое владение. В 1416 г. он совершил поход на Литовское княжество и даже сжег Киев. Погиб в битве против сына Токтамыша Кадырберди [29, с. 192–195].

Сложная и противоречивая судьба Идегея, его жизнь полная дерзких интриг и резких политических поворотов, успешная борьба против ханов, а потом за укрепление своей личной власти была неординарной даже на фоне бурного позднего средневековья. Очевидно, что именно поэтому его судьба – борьба с Токтамышем, соперничество с эмиром Тимуром и сложные взаимоотношения с сыном Нурадыном легли в основу татарского эпоса «Идегей» [26; 9; 11].

Бурные события конца XIV – начал XV вв. на протяжении многих лет, фактически с начала изучения истории Улуса Джучи привлекали внимание историков и тюркологов различных направлений. В разные годы и под пером разных исследователей одни и те же события и факты биографии Идегея получали совершенно разные оценки. Популярность образа Идегея, подкрепляемая изучением эпического дастана неуклонно возрастала от поколения к поколению, хотя часто был противоречивым и поляризованным. Если в народной памяти, через эпос его образ был нерушимо связан с защитой страны и борьбой с несправедливостью власти, то в трудах историков он представлял бунтовщиком и разрушителем страны, народным героем и выразителем «ханско-феодальных» интересов. Поэтому рассмотрим, как изображался Идегей в разные периоды и в разных концепциях, концентрируясь на основных тенденциях его изображения в трудах историков.

Историография середины XIX – первой трети XX в.: «хитрый и трусливый враг» или «человек смелый и деятельный, разрушивший единство Золотой Орды». В российской историографии общее отношение к историческим личностям Золотой Орды было практически единообразно – одинаково отрицательным и несколько презрительным. Можно сказать, что они были в значительной степени обезличены. В этом смысле никакого особого отношения к личности Идегея по сравнению с другими правителями не наблюдается. В целом, его имя попало на страницы исторических трудов только благодаря походу на Москву в 1408 г. Именно при описании этого события российскими историками давались скупые характеристики Идегея как личности и полководца. Упоминаний его чрезвычайно мало, и обычно они не выходят за рамки летописных сведений, но были исключения. Показателен в этом смысле труд «История России с древнейших времён» (1851–1879 гг.) профессора Московского университета и академика Санкт-Петербургской Академии наук, основателя так называемой «государственной шко-

ль», С.М. Соловьева. Описывая побудительные мотивы Идегея для нападения на Москву, он писал: «В то время, как во время Мамаево, всеми делами в Орде заведовал князь Эдигей; долго терпел он презрительное обращение московского князя с бывшими повелителями; наконец решился напомнить о себе. Но, подобно Тохтамышу, и Эдигей не осмелился явно напасть на Москву, встретиться в чистом поле с ее полками; не только от хитрости и тайны ждал он успеха; дал знать великому князю, что хан со всею Ордою идет на Витовта, а сам с необыкновенною скоростью устремился к Москве» [31, с. 361]. Великий князь бежал в Кострому, Москва была осаждена – «татар Эдигеевы со всех сторон облегли город», а вся округа была захвачена и сожжена. «Нашествие Эдигеево закончилось так: «когда Эдигей прислал к ним с мирными предложениями, то они с радостью заплатили ему три тысячи рублей за отступление; Эдигей поспешно поднялся и вышел из русских пределов, взявши по дороге Рязань» [31, с. 362].

Образ Идегея, как хитрого и достаточно трусливого врага, очевидно, был общим мнением всей российской историографии, но только в труде С.М. Соловьева ему была дана определенная личная характеристика. При этом нельзя не отметить, что подобная характеристика различных татарских исторических личностей была характерна для российской историографии (см.: [27; 18, с. 19–33]).

В татарской исторической науке, которая развивалась достаточно самостоятельно, было свое отношение к историческому Идегею. Этот образ впервые сформулировал основоположник татарской исторической науки Ш. Марджани в своем труде «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» (Полезные вести о состоянии Казани и Булгара) (1885 г.). Прекрасное знание восточной исторической традиции позволило ему создать объемное полотно истории татарского народа. В нем много места он уделит правителям различных тюркских государств. В связи с их деяниями он описал и военно-политическую деятельность Идегея. Ш. Марджани не выделял ему специального внимания и описывал его биографию только в связи с различными ханами. Но и этих эпизодов достаточно, чтобы понять его отношение к этой исторической личности. В связи с началом взаимоотношений Токтамышша с Тамерланом он писал: «один из удачливых эмиров Токтамыш-хана из племен кангратов Идегей-мурза по какой-то причине, обидевшись, затаил злобу на Токтамыш-хана и пожелал его проучить» [21, с. 110]. Далее он описывал конфликт с ханом, который заподозрив его в измене, угрожал ему. В ответ Идегей якобы ответил: «Я прошу прибежища для нашего господина хакана, от зависти в отношении своего раба, который до сих пор не предал его. Чтобы не потоптать возвращенные им плоды и не разрушил построенное им здание». После этого он бежал к эмиру Тимуру, «которого начал подстрекать выступить в военный поход против Токтамыш-хана» [21, с. 110].

После победы «Идегей, обманув Тамерлана тоже бежал... Тамерлан в свою очередь начал грабить, убивать и пленить жителей этих земель, жечь и разрушать их города и таким образом сильно ослабил татарское государство, в котором начался раскол» [21, с. 110]. Далее он описывает длительную войну Идегея и его ставленников-ханов с Токтамышем и его сыновьями, считая, что «когда началась смута между Идегей-мирзой и Тамерланом, то они, пользуясь моментом, восстали и заявили о своих претензиях на престол». Завер-

шается это повествование битвой между Идегеем с сыном Токтамышша Кадырберди, которому приписывает высказывание: «Если Итиль замерзнет, разве кто-нибудь [по ней] не пройдет, а если Идегей умрет, разве кто-нибудь не сможет [от него] уйти?» [21, с. 111].

По Ш. Марджани Идегей предстает человеком, удачливым, но склонным к предательству и манипулированию людьми. При этом итогом его деятельности стало по образному выражению самого Ш. Марджани, он смог «потоптать возвращенные плоды и разрушил построенное здание», а фактически «сильно ослабил татарское государство, в котором начался раскол». Хотя он прямо не обвиняет его, но из контекста это явно вытекает.

Более четко и определенно сформулировал эту позицию его последователь, богослов и историк Ризаэтдин Фахретдинов (Риза Фахретдин) в статье «Идегей-мурза» в №8 (апрель) журнале «Шура» в 1908 г. [36, с. 110–114]. В ней автор дает четкие и вполне определенные характеристики личности Идегея и оценку его исторической роли. Он писал: «Идегей мурза происходил из племени мангытов и был человеком смелым, хитрым и деятельным. В правительственных кругах Золотой Орды он стал известен и влиятелен еще со времен Мамаю» [36, с. 110]. Далее Р. Фахретдин, описывая историческую деятельность Идегея, отмечает, что своей карьере он обязан хану Токтамышу, у которого был «нукером», а «потом возвысился и стал его эмиром». Далее «по какой-то причине их отношения испортились и Идегей, опасаясь за свою жизнь, бежал в Самарканд», где стал служить Аксак-Тимуру и уговорил его организовать поход на Золотую Орду [36, с. 110]. Далее он подробно описывает, как Идегей укреплял свою власть, воспользовавшись новым поражением Токтамышша от Тимура. Причем, при описании похода Идегея на Москву в 1408 г., автор явно использовал текст С.М. Соловьева. Резюмируя, описание биографии этой исторической личности, Р. Фахретдин подчеркнул: «Да простит его всемогущий Аллах, Идегей мурза всю жизнь общественные интересы приносил в жертву личным, уговорами толкнул Аксак Тимура на войну против Золотой Орды, рассеяв крепкую мусульманскую общность, совершил непоправимую ошибку, которая привела к трагическим последствиям. Если одной из причин нынешнего угнетенного и задавленного состояния мусульман России является Аксак Тимур, его опустошительные походы, второй ее причиной можно считать деятельность Идегея мурзы, который довел эту трагедию до логического завершения» [36, с. 114].

Основанием для подобной негативной оценки исторического Идегея послужило, если отбросить мелкие детали, обвинение в том, что он «уговорил» Аксак Тимура вторгнуться в Улус Джучи, что привело к разорению страны и вводу в рабство «молодых парней и девушек». Нет никаких оснований считать, что эмир Тимур организовал военную кампанию 1391 г., поддавшись на уговоры Идегея, хотя об этом писал арабский историк Ибн Арабшах [33, с. 459]. Вполне очевидно, что это домысливание ситуации еще современниками, возможно, передававших какие-то слухи. Походы 1391 г. и 1395 г. были вполне осознанными и целенаправленными действиями эмира Тимура, стремившегося обезопасить северные границы своих владений от сильного и опасного противника, столкновение с которым было неизбежно в силу целого ряда военно-политических обстоятельств. Понятно, что «уговоры» Идегея, если они и имели место быть, были совсем не решающим фактором. Тем не

менее, именно на этой субъективной оценке построил образ Идегея татарский историк. Не исключено, что главным, хотя и не артикулированным обвинением были те самые «деятельность и хитрость», которые он направил против Токтамышя, и позволил себе выступить против хана и сам стал своеобразным «делателем ханов», что нарушало, видимо, привычную картину миропорядка мусульманского просветителя и богослова.

Трудно сказать, обсуждал ли Р. Фахретдин идею этой статьи с Ш. Марджани, но нельзя не отметить сходство в основных чертах характеристики Идегея у этих историков, что заставляет считать, что это было довольно распространенное у татар мнение, своего рода «типизация образа».

Интересно отметить, что у Р. Фахретдина нет никаких указаний на эпический образ Идегея, который явно присутствовал у Ш. Марджани. Наличие легендарного образа, очевидно, играло негативную роль в понимании значимости и месте исторической личности, в определенной степени, видимо, заслоняя ее. Так, фольклорист и краевед Г.Н. Потанин, увлекшись различными героическими сказаниями народов Сибири, вообще считал, что такой исторической личности не существовало [26, с. 320].

Историография 20-х – 40-х гг. XX в.: от «мятежного вельможи» до «борца против ханской власти». Распространение различных версий эпоса «Идегей» и появление различных точек зрения на соотношение эпического героя и исторической личности, вплоть до отрицания самого ее существования заставили включиться в эту дискуссию академика В.В. Бартольда, который в 1927 г. написал большую статью – первую и во многом непревзойденную научную биографию исторического Идегея с использованием многочисленных источников [2, с. 797–804]. В ней было подчеркнуто, что судьба исторической личности лишь в отдаленной степени напоминает эпический персонаж, который действует в легендарном пространстве и окружении. Значительное внимание он уделил именно отцу Идегея, чье имя в эпосе и в реальности было различным, о жизни которого, судя по всему, современники уже слагали сказания, считая его образцом батыра – «непоколебимо преданного своему хану». Основной вывод, который сделал автор касался и самого Идегея, которого он назвал «вельможей, полновластно распоряжавшегося государством, возводившего на престол царевичей ханского рода только для того, чтобы прикрывать свою власть» [2, с. 703].

В советской исторической науке Золотая Орда только начала изучаться в качестве самостоятельного явления прошлого. В одной из первых книг, посвященной этой теме Идегей упоминается только в связи с походом 1408 г. на Москву и характеристика его действий мало чем отличается от суждений С.М. Соловьева: «Золотая Орда шла навстречу своему распаду. После удара, нанесенного ей Тимуром, она уже оправиться не могла. Темник Эдигей, хозяйничавший в конце XIV в. в Орде, решил напомнить Москве об ее обязанностях» [7, с. 191]. Далее авторы подробно описывают попытки Идегея склонить московского князя Василия I к подчинению, а когда они провалились он стал готовиться к войне: «но, подобно Тохтамышу, и Эдигей не осмеливался напасть на Москву открыто: от хитрости и тайны ждал он успеха. ... но Москвы взять не смог. Она сумела защитить себя и от внезапного нападения» [7, с. 192]. «Темник» Идегей по российской традиции здесь также характеризу-

ется весьма уничижительно – хитрым и коварным человеком, «хозяйничавшим», что надо понимать, как «незаконно распоряжался делами ханства».

Между тем, статья В.В. Бартольда, опубликованная в Симферополе, стала источником вдохновения для татарских фольклористов и историков, которые стали активно собирать и анализировать различные версии эпоса «Идегей» (см.: [37, с. 181–201]). Изучение эпоса, а также создание Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в 1939 г., поставило задачу создания в том числе сборника татарского фольклора и академической «Истории Татарской АССР», работа над которой началась 1 февраля 1941 г. (подробнее см.: [3, с. 202–219]) Эта работа не могла не привести к всплеску интереса к исторической личности самого Идегея.

В первую очередь переосмысливать образ Идегея стали фольклористы, которые обратились к эпическому наследию народов. Сам жанр изучения и пропаганды произведений древней литературы и фольклора именно в Советском Союзе пробрал необычайный размах и стал поводом для помпезных празднований. Каждая республика стремилась обрести свой эпос, чтобы показать народность и древность своей культуры. В Советском Татарстане самым ярким выразителем этой тенденции являлся Н. Исанбет, собравший большое количество разных версий эпоса «Идегей» и подготовивший текст к печати [37, с. 188–191]. В конце 1940 г. он опубликовал сводный текст эпоса, снабдив ее большой статьей «500 лет татарского народному дастану «Идегей»» [10; 11].

В ней Н. Исанбет представил научную биографию этого исторического деятеля и сравнил ее с эпическим героем. Основой для этого описания стали восточные источники и труды историков, прежде всего В.В. Бартольда. Он оценивал роль Идегея в истории совсем не так, как предшественники. Он полагал, что Идегей был борцом за права и достоинство простых людей, «борцом против ханско-феодалного гнета», а его борьба против Токтамышша переосмысливалась, едва ли не как «народное восстание» [10, с. 39–76]. Очевидно, что на такую трактовку влияла сама советская идеология, которая требовала превозносить народных вождей – борцов за народное счастье. В лице Идегея Н. Исанбет видел именно такую идеально подходящую фигуру. Для обоснования своей трактовки его образа он обильно цитировал строки эпоса и трактовал все его действия, направленные против Токтамышша и Аксак Тимура, как желание сбросить власть ханов, избавиться от феодального гнета. Не совсем понятно, действительно ли Н. Исанбет верил в этот образ, либо наивный социализм был прикрытием для его занятий татарским фольклором и историей, попыткой избежать обвинения в национализме и репрессий.

Как бы то ни было, явно, что такая трактовка образа Идегея была не совсем изобретением Н. Исанбета, а общей тенденцией, порождением советской идеологии – желанием видеть во всех проявлениях прошлого борьбу классов. Предваряя публикацию большого тысячестраничного труда с публикацией вариантов татарского эпоса, критического текста и научных статей, писатель Ф. Хусни выступил в центральной газете Татарской АССР со статьей, в которой прямо писал: «“Идегей”, покинувший своего хана, свой покой, свою возлюбленную во имя свободы для народа» [38]. Разумеется, он не просто пересказывал мысль Н. Исанбета, а разделял ее, судя по патриотическому пафосу всей статьи.

В этом же ключе, хотя и не так прямолинейно, трактовали образ Идегея другие фольклористы. Например, академик А.С. Орлов, находясь в эвакуации в Алма-Ате, изучая казахский героический эпос и «былину о Едиге»¹, также считал, что «несмотря на то, что главные персонажи в былинах не рядового происхождения, стоят на вершине власти или стремятся к ней, местами былина проявляет интерес к обездоленным и заботливое отношение к народу» [25, с. 144].

Другой академик В.М. Жирмунский, известный фольклорист и германист, также оказавшийся в эвакуации в Средней Азии, тоже обратился к изучению героических эпосов тюркских народов, в том числе и «Сказания об Идегее». В статье, которая была подготовлена в 1940-е гг., но издана много позднее, что позволило автору снять все идеологические штампы и писать свободнее и объективнее, чем он вынужден был бы написать ранее. Он обстоятельно проанализировал общую структуру эпического образа Идегея и его соотношение к исторической личности. При этом в его статье остались элементы более раннего отношения к этой исторической персоне. Так он сомневается принадлежал ли Идегей к родовой знати, но при этом взошел к вершинам власти: «захватив с помощью Тимура власть в Орде и сделавшись ее фактическим правителем, Идиге удалось, несмотря на постоянное противодействие феодальных князей и на борьбу с самими ханами, осуществить то, чего не сумел добиться до него Мамай – восстановить политическое единство Золотой Орды ... ее военное и международное положение» [9, с. 376]. Но при этом, отметив, что «политическая роль Идиге ... напоминает в этом отношении в малых масштабах роль и значение Тимура», он подчеркивает, что «личные качества предводителя не могли остановить исторически закономерный процесс распада золотоордынских владений» [9, с. 376–377].

Подобная вполне взвешенная и обусловленная уровнем тогдашних знаний об Улусе Джучи, была продолжением традиции В.В. Бартольда и смягчала общее стремление тюркских историков и фольклористов представить Идегея как народного вождя и борца против феодального гнета. Но эта статья не была опубликована в свое время. Ее взвешенная характеристика оказалась несвоевременной, поскольку шла вразрез с приговором большевистской идеологии.

Историография 1944–1964 гг.: «реакционный деятель» и «коварный и хищный ордынский правитель». Началась эта политическая кампания с секретного Постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г., которое было опубликовано много позже, где Татарскому обкому ВКП(б) были предъявлены обвинения в «приукрашивании Золотой Орды» и «популяризации ханско-феодального эпоса об Идегее» [24, с. 528]. Эти скупые фразы политического обвинения превратились в целый каскад обвинений и идеологических проработок татарской науки [14, с. 96–202; 15, с. 116–118; 4, с. 784–797]. Главное острие этих идеологических проработок было направлено против целой эпо-

¹ Интересно подчеркнуть, что книга о казахском героическом эпосе вышла в 1945 г., хотя в Татарстане уже почти год бушевали страсти вокруг эпоса об Идегее и книга с публикацией вариантов дастана и статьями о нем были запрещены к публикации. Очевидно, это свидетельство того, что все постановления и решения ВКП(б) вокруг этого вопроса носили секретный и ситуативный характер и могли не распространяться на союзные республики.

хи татарской истории. Обком ВКП(б), следуя указаниям руководства прямо формулировал эти обвинения: «Бюро Обкома считает, что ошибки института, выразившиеся в приукрашивании Золотой Орды, в полном игнорировании ее агрессивной сущности, в антинаучной характеристике Золотой Орды, как родины татарского народа, в неправильной оценке ханско-феодалного эпоса об Идегее» [14, с. 102]. Судя по организации всей этой идеологической кампании, она была хорошо организована и касалась многих аспектов истории Золотой Орды. Одной из мишеней была выбрана фигура Идегея и созданный в его честь эпос.

Четкую позицию политического руководства ВКП(б) и правительства представил в передовой статье в главном партийном журнале страны «Большевик» в октябре 1944 г. партийный работник и театральный деятель А.В. Солодовников, который отметил, что «нельзя, однако, любой эпос принять безоговорочно и пропагандировать как высокий в этическом и эстетическом отношении образец. ... В некоторых драматических и оперных произведениях, созданных татарскими писателями и композиторами, прославлялась и превозносилась деятельность Идегея – одного из предводителей Золотой Орды. Идегей – фигура, по-существу, реакционная; он неоднократно руководил набегами на русские земли... деятели искусства Татарии ... допустили идеализацию ханско-феодалного эпоса и подняли Идегея на пьедестал, которого он совершенно не достоин» [32, с. 57].

К «свержению Идегея с пьедестала» в следующем номере журнала «Большевик» включился начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), академик Г.Ф. Александров [1, с. 12–29]. Он также сосредоточился на историческом Идегее и эпосе. Выступая против «популяризации Идегея как героя татарского народа», он дает краткий экскурс о его деятельности, подчеркивая, что «он стремился восстановить былое могущество Золотой Орды набегами на русскую землю, хотя своими феодальными войнами и вносил дальнейшее разложение в Золотоордынское государство» [1, с. 18]. Доказав «реакционность» «феодала-кочевника», автор перешел к эпосу, отмечая, что «в эпосе «Идегей» выражены чуждые татарскому народу националистические идеи», поскольку «крупнейший феодал ... враг русского народа изображается как национальный герой... Некритическое возвеличивание этого эпоса – явная ошибка» [1, с. 18].

После партийного указания историческая наука включилась в разоблачение этой исторической личности. Поворот, который совершила советская наука после Постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. наиболее выразительно показывают работы члена-корреспондента АН СССР А.Ю. Якубовского. Еще в 1937 г. он вместе с Б.Д. Грековым ругал «великорусскую историографию» за ее традицию рассматривать сложную средневековую историю Восточной Европы «сквозь дым пожаров татаро-монгольского нашествия», а Золотую Орду видеть исключительно как разрушительную силу [7, с. 7–8], а в новом издании их книги уже превозносит Тамерлана, как борца с Золотой Ордой, которая не могла существовать иначе «как только путем насилия, путем ограбления покоренных народов», замедляя «прогрессивное развитие трудолюбивого и свободолюбивого русского народа» [8, с. 13–14].

В оценке роли Идегея, как исторической личности, разумеется, А.Ю. Якубовский также совсем иначе расставил основные акценты. Подроб-

но рассмотрев в своей статье жизненный путь Идегея, историк сделал вывод, что он «обладал большой волей, энергией, личной храбростью, в еще большей мере хитростью и коварством, но в политической обстановке своего времени и наперекор объективному ходу истории стремился вернуть великодержавие паразитической Золотой Орде средствами политического обмана и застраивания» [39, с. 45], а также подчеркнул, что в историографии давно считали Идегея «одним из наиболее коварных и хищных ордынских правителей» [39, с. 36]. При этом он особо подчеркнул, что «едва ли в исторической науке мог сложиться иной образ Едигея, если бы не было его идеализации по другой линии. ... параллельно с историческим существовавшим Едигеем, есть еще Едигей – герой ногайского эпоса, причем эпоса явно феодального, составленного в угоду кочевой знати. Переносить характеристику личности Едигея из этого бегско-феодального эпоса в историю, из легенды в историческую действительность – значит совершить большую ошибку, исказить историю, что иногда и делается в националистически-шовинистической историографии, служащей только интересам пантюркистов» [39, с. 36].

Этот пассаж больше похож не на заключение научной статьи, а на политический донос. Об этом говорят фактически дословное повторение фраз из Постановления ЦК ВКП(б). Это заставляет полагать, что эта характеристика стала не результатом научного анализа, а гибкое следование руководящим указаниям коммунистической партии. Позднее автор практически дословно включил эту статью в новое издание их совместной книги с академиком Б.Д. Грековым, которая даже получила в 1952 г. Сталинскую премию. Это лучше других фактов показывает, что поворот в рассмотрении Улуса Джучи диктовался совсем не новыми источниками или концепциями, а политическими указаниями ЦК ВКП(б).

Татарская историческая наука также буквально в один день изменила свои подходы к истории. Н. Исанбет больше никогда ничего не писал об Идегее, а его работы по эпосу на полвека были преданы забвению [35, с. 247–254]. Историк Х.Г. Гимади в своей диссертации и в очерке в «Истории Татарской АССР», писал, что в Золотой Орде «создаются ханско-феодальные оды, воспевающие разбойничьи походы ханов и отдельных эмиров. Памятником такого типа, например, является дастан «Идегей» [5, с. 117]. Впоследствии некоторые историки пытались освободиться от этой точки зрения и делали осторожные попытки вернуться к научной картине прошлого [23, с. 474], но они не меняли общей ситуации в отечественной науке.

Таким образом можно сказать, что с начала изучения эпоса «Идегей» у историков возник интерес к самой исторической личности, соотношении его судьбы с героем эпоса. В российской науке его личность, не вызвала особого внимания, за исключением эпизода похода на Москву в 1408 г., который описывался весьма пристрастно. Формирующаяся татарская историческая наука обвиняла Идегея в чрезвычайных амбициях, считая его виновником походов Аксак Тимура и распада Золотой Орды. После начала публикаций эпоса интерес к личности этого полководца и государственного деятеля Улуса Джучи получил новый импульс. В определенной степени историки и фольклористы оказались под влиянием идей классовой борьбы и пытались представить его в качестве народного героя, сражающегося против феодального гнета, что было, несомненно, искажением фактов. Но в 1944 г. это на-

правление в науке было грубо прервано. Золотая Орда была признана паразитическим государством, а Идегей – самым «коварным и хищным ордынским правителем». Подобная точка зрения с этого времени практически на полвека стала определяющей и безальтернативной, что заморозило отечественную науку в осмыслении этого периода истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Г.Ф. О некоторых задачах общественных наук в современных условиях // Большевик. 1044. №14. С. 12–29.
2. Бартольд В.В. Отец Едигея // Бартольд В.В. Сочинения. Е.П. Ч.1. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 797–804.
3. Галимзянова А.Т., Галлямова А.Г. Путь длиною в два десятилетия: как создавалась первая коллективная монография ИЯЛИ по «Истории Татарской АССР» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 202–219. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.202-219> EDN: TCGTHF
4. Галлямова А.Г. «Расправа» над Золотой Ордой» в середине XX в.: Идеологический дискурс в татарской медиевистике в свете августовского Постановления 1944 г. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 784–797. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797>
5. Гимади Х.Г. Народы Булгарского государства под игом Золотой Орды // История Татарской АССР. Т. 1. Казань: Таткнигоиздат, 1955. С. 76–99.
6. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
7. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда. Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв. Л.: Госсозэкиздат, 1937. 203 с.
8. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
9. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: «Наука» 1974. 727 с.
10. Идегей: татар халык дастаны / Н. Исәнбәт жыйнамаһы // Совет әдәбияты. 1940. № 11. 39–76 б.; № 12. 34–82 б.
11. Идегей. Татарский народный эпос. Пер. С. Липкина. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 256 с.
12. Измайлов И.Л. Идегей: Жизнь, ставшая легендой // Татарстан. 1992. № 1. С. 51–59; Татарстан. 1992. № 2. С. 63–71.
13. Измайлов И.Л. Битва на Ворскле. 1399. Звездный час эмира Идегея // Цейхгауз. 1994. (№ 3). № 1. С. 80–83, 89.
14. Измайлов И.Л. «Не дано марксистской оценки Золотой Орде...» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. №3/4. С. 96–101.
15. Измайлов И.Л. «Идегеево побоище» ЦК ВКП(б) // Родина. 1997. № 3/4. С. 116–118.
16. Измайлов И.Л. Идегей // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2005. Т. 2: Г-Й. С. 529.
17. Измайлов И.Л. Идегей и его время // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 712–723.
18. Измайлов И.Л. История изучения Улуса Джучи в отечественной и зарубежной науке // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009а. С. 19–33.
19. Кабирова А.Ш. Татарский национальный фактор как элемент идеологической либерализации в годы Великой Отечественной войны // Tatarica. 2015. №4. С. 98–109.
20. Кареев Н.И. Эдигей // «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона». Т. 79. СПб.: Изд-во Брокгауза и Ефрона, 1904. С. 167.

21. Марджани Ш. Полезные вести о состоянии Казани и Булгара (Мустафад алахбар фи ахвали Казан ва Булгар): Часть первая, пер. на русс. яз., пред. И перевод с араб., старотатарского Р.К. Адыгамова. Казань: Магарифат-Вақыт, 2022. 216 с.
22. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
23. [Мухамедьяров Ш.Ф.] Едигей // Советская историческая энциклопедия: [В 16 т.]. Т. 5. Двинск – Индонезия. М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 474.
24. О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации // О партийной и советской печати. М.: Правда, 1954. С. 526–529.
25. Орлов А.С. Казахский героический эпос. М.А.: Изд-во АН СССР, 1945. 147 с.
26. Потанин Г. Тюркская сказка о Идыге // Живая старина. Год 7. Вып. III–IV. СПб, 1897. С. 294–350.
27. Почекаев Р.Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010. 288 с.
28. Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.
29. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Изд-во МордГУ, 1960. 278 с.
30. Селезнев Ю.В. «А переменить Богъ Орду» (Русско-ордынские отношения в конце XIV – первой половине XV вв.). Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2006. 160 с.
31. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3–4. М.: Мысль, 1988. 765 с.
32. Солодовников А. За высокую идейность советского искусства // Большевик. 1994. №19/20. С. 52–64.
33. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1881. 588 с.
34. Урманче Ф. Народный эпос «Идегей». Казань: Фэн, 1999. 200 с.
35. Усманов М.А. О трагедии эпоса и трагедиях людских // Идегей. Татарский народный эпос. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. С. 247–254.
36. Фахретдин Р. Алтын Урда ханнары – Ханы Золотой Орды. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. 127 с.
37. Хабутдинова М.М. Вклад Наки Исанбета в изучение Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, №1. С. 181–201. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.181-201> EDN: NZKGGK
38. Хусни Ф. Идегей // Красная Татария. 1944. 13 июля.
39. Якубовский А.Ю. Из истории падения Золотой Орды // Вопросы истории. 1947. №2. С. 30–45.

REFERENCES

1. Alexandrov G.F. On some tasks of social sciences in modern conditions. *Bolshevik*. 1044, no. 14, pp. 12–29. (In Russian)
2. Bartold V.V. Father of Edigey. Bartold V.V. Works. Vol. 2. Part 1. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1963, pp. 797–804. (In Russian)
3. Galimzyanova A.T., Gallyamova A.G. A Path two Decades long: how the First Collective Monograph of the Institute of Language, Literature and History on the “History of the Tatar ASSR” was created. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 202–219. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.202-219> (In Russian)
4. Gallyamova A.G. “Reprisal” for the Golden Horde in the mid-twentieth century: The Ideological Discourse in Tatar Medieval Studies in the Light of the Decree of August 1944. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 784–797. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797>

5. Gimadi H.G. The peoples of the Bulgarian state under the yoke of the Golden Horde. *The history of the Tatar ASSR*. Vol. 1. Kazan: Tatknigoizdat, 1955, pp.76–99. (In Russian)
6. Gorsky A.A. Moscow and the Horde. Moscow: Nauka, 2000, 214 p. (In Russian)
7. Grekov B.D., Yakubovsky A.Y. The Golden Horde. An essay on the history of the Jochi Ulus during the period of its formation and heyday in the 13th – 14th centuries. Leningrad: Gossotsekizdat, 1937. 203 p. (In Russian)
8. Grekov B.D., Yakubovsky A.Yu. The Golden Horde and its fall. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1950. (In Russian)
9. Zhirmunsky V.M. The Turkic heroic epic. Leninrad: Nauka, 1974. 726 p. (In Russian)
10. Edigu: Tatar folk epic. Ed. by N. Isanbat. *Soviet literature*. 1940, no. 11, pp. 39–76; no. 12, 1940, pp. 34–82. (In Tatar)
11. Edigu. Tatar folk epic. Trans. by S. Lipkin. Kazan: Tatar Book Publ., 1990. 256 p. (In Russian)
12. Izmailov I.L. Edigu: A life that has become a legend. *Tatarstan*. 1992, no. 1, pp. 51–59; 1992, no. 2, pp. 63–71. (In Russian)
13. Izmailov I.L. The Battle of Vorskla. 1399. The finest hour of Emir Edigu. *Tseykhauz=Arsenal*. 1994, no. 1–3, pp. 80–83, 89. (In Russian)
14. Izmailov I.L. “There is no Marxist assessment of the Golden Horde...”. *Gasyrlar avazy = Echo of the centuries*. 1996, no.3/4, pp. 96–101. (In Russian)
15. Izmailov I.L. “Idegeevo massacre” of the Central Committee of the VKPB. *Rodina=Motherland*. 1997, no. 3/4, pp. 116–118. (In Russian)
16. Izmailov I.L. Edigu. The Tatar encyclopedia: In 5 volumes. Vol. 2, Chapters. Ed. by M.Kh. Khasanov. Kazan: ITE, 2005, 529 p. (In Russian)
17. Izmailov I.L. Edigu and his time. The history of the Tatars since ancient times. In seven volumes. Vol. 3. Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th – the middle of the 15th century. Kazan, 2009, pp. 712–723. (In Russian)
18. Izmailov I.L. The history of studying the Ulus of Jochi in domestic and foreign science. History of the Tatars since ancient times. In seven volumes. Vol. 3. Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th – the middle of the 15th century . Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 19–33. (In Russian)
19. Kabirova A.Sh. Tatar national factor as an element of ideological liberalization during the Great Patriotic War. *Tatarica*. 2015, no.4, pp. 98–109. (In Russian)
20. Kareev N.I. Edigu. Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron. Vol. 79. St. Petersburg: Izdatelstvo Brokgauza i Yefrona, 1904, p. 167. (In Russian)
21. Marjani Sh. Useful news about the state of Kazan and Bulgar (Mustafad al-akhbar fi ahvali Kazan va Bulgar): Part On. Trans. into Russian, prev. Trans. from Arabic, Old Tatar by R.K. Adygamov. Kazan: Magarifat-Vakyt, 2022. 216 p. (In Russian)
22. Mirgaleev I.M. The political history of the Golden Horde during the reign of Toktamyskh Khan. Kazan: Alma-Lit, 2003. 164 p. (In Russian)
23. Mukhamedyarov Sh.F. Edigu. The Soviet Historical Encyclopedia. In 16 volumes. Vol. 5. Dvinsk – Indonesia. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1964, p.474. (In Russian)
24. On the state and measures to improve mass political and ideological work in the Tatar party organization. About the party and Soviet press. Moscow: Pravda, 1954, pp. 526–529. (In Russian)
25. Orlov A.S. Kazakh heroic epic. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1945, 147 p. (In Russian)
26. Potanin G. The Turkic tale of Idyga. *Zhivaya starina = Living antiquity*. Iss. 3–4. St. Petersburg, 1897, pp. 294–350. (In Russian)
27. Pochekaev R.Y. Mamai. The history of the “antihero” in history. St. Petersburg: Eurasia, 2010. 288 p. (In Russian)
28. Pochekaev R.Y. The Kings of the Horde. Biographies of khans and rulers of the Golden Horde. 2nd ed. St. Petersburg: Eurasia, 2012, 464 p. (In Russian)

29. Safargaliev M.G. The collapse of the Golden Horde. Saransk: Mordovian State University Publ., 1960. 278 p. (In Russian)
30. Seleznev Yu.V. “And God will change the Horde” (Russian-Horde relations at the end of the 14th – first half of the 15th centuries). Voronezh: Voronezh State University, 2006. 160 p. (In Russian)
31. Solovyov S.M. Essays. In 18 books. The history of Russia since ancient times. Book 2. Vol. 3–4. Moscow: Mysl, 1988. 765 p. (In Russian)
32. Solodovnikov A. For the high ideological value of Soviet art. *Bolshevik*, 1994, no. 19/20, pp. 52–64. (In Russian)
33. Tiesenhausen V.G. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Vol. 1. Extracts from the writings of the Arabs. St. Petersburg, 1881. 588 p. (In Russian)
34. Uрманче F. The folk epos “Edigu”. Kazan: Fan, 1999, 200 p. (In Russian)
35. Usmanov M.A. On the tragedy of the epic and human tragedies. Edigu. Tatar folk epos. Kazan: Tatar Book Publ., 1990, pp. 247–254. (In Russian)
36. Fahretdin R. Altyn Urda khannars – Khans of the Golden Horde. Kazan: Tatar Book Publ., 1995. 127 p. (In Tatar and Russian)
37. Khabutdinova M.M. The Contribution of Naki Isanbet to the Study of the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 181–201. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.181-201> (In Russian)
38. Husni F. Idegey. Red Tartary. 1944. (In Russian)
39. Yakubovsky A.Yu. From the history of the fall of the Golden Horde. *Questions of history*. 1947, no. 2, pp. 30–45. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Искандер Лерунович Измайлов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усмано-ва Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2165-2916. E-mail: ismail@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Iskander L. Izmailov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2165-2916. E-mail: ismail@inbox.ru

Поступила в редакцию / Received 07.09.2024

Поступила после рецензирования / Revised 25.11.2024

Принята к публикации / Accepted 02.12.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.873-887>
EDN: OUTWMT

УДК 398.223

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В ДАСТАНЕ «ИДЕГЕЙ»

Ф.М. Валиуллина

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
farida1@bk.ru*

Резюме. Цель исследования: анализ и систематизация религиозных мотивов в татарских вариантах эпоса «Идегей». Она нацелена на комплексное исследование религиозных мотивов в сравнительно-типологическом аспекте.

Материалы исследования: опубликованные и архивные татарские варианты эпоса «Идегей», исследования известных фольклористов, сведения из литературных и научных источников.

Научная новизна обусловлена тем, что на основе изучения существующих исследований и сравнительного анализа разных вариантов из архивных источников сделана попытка систематизации религиозных мотивов в дастане «Идегей».

Результаты исследования: в работе доказано, что по сравнению с мифологическим слоем, религиозный пласт в эпосе не так богат, но в целом даже та использованная и сохранившаяся часть имеет огромную смысловую нагрузку и художественно-эстетическую ценность.

В работе исследованы мотивы, показывающие отношение Токтамыш-хана, Идегея, Нурадына к религии и образы, связанные с культом ислама как Аллах, Газазил, ангелы, гурии и др. которые нашли отражение в эпосе. По мнению автора, в отличие от религиозных жанров, в особенности мунаджатов и баитов, в эпических произведениях религиозная идеология и религиозные мотивы не занимают такое большое место. Но тем не менее, во всех вариантах они встречаются в определенном объеме и выполняют значимую функциональную нагрузку. Религиозные мотивы не ограничиваются повествованием отношения людей той эпохи к религии, но и способствуют пониманию религиозно-философских и нравственных взглядов, показывают какое место занимала религия среди народных масс.

Ключевые слова: фольклор, народный эпос, ислам, религиозные мотивы, дастан, Идегей

Для цитирования: Валиуллина Ф.М. Религиозные мотивы в дастане «Идегей» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 873–887. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.873-887> EDN: OUTWMT

© Валиуллина Ф.М., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

RELIGIOUS MOTIVES IN THE DASTAN “IDEGEY”

F.M. Valiullina

Kazan (Volga region) Federal University

Kazan, Russian Federation

farida1@bk.ru

Abstract. The purpose of the study: An analysis and systematization of religious motives in the Tatar versions of the epos “Idegey”.

Research materials: The main sources are published and archival Tatar versions of the epos “Idegey”, research by famous folklorists, and information from literary and scientific sources.

The scientific novelty of the study arises from the fact that an attempt to systematize religious motives in the dastan “Idegey” was based on the study of existing research and a comparative analysis of different options from archival sources.

Research results: This work proves that, compared to the mythological layer, the religious layer of the epos is not so rich. In general, even the used and preserved part has an enormous semantic load and artistic and aesthetic value. The work explores motives showing the attitude of Toktamyskh Khan, Idegey, and Nuradyn to religion, and images associated with the cult of Islam such as Allah (Alla, Tengri), Ghazazil, angels, gurias, etc. According to the author, unlike religious genres, especially munajats and baits, religious ideology and motives do not occupy a large place in epic works. But they have a certain functional load. Religious motives are not limited to the narration of the people’s attitude of that era to religion; they also contribute to the understanding of religious, philosophical, and moral views while revealing what place religion occupied among the masses of that times.

Keywords: folklore, folk epic, Islam, religious motives, dastan, Idegey

For citation: Valiullina F.M. Religious motives in the dastan “Idegey”. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 873–887. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.873-887> (In Russian)

Дастан «Идегей» занимает важное место в эпическом наследии татарского народа. Такие исследователи, как В.М. Жирмунский [3; 4], П.М. Мелиоранский [13], А.Н. Самойлович [19] и другие исследователи посвятили свои труды собиранию и изучению национальных вариантов разных народов. Особый интерес вызывают более 25 татарских версий, дошедших до наших дней. Неоценимый вклад в сохранение и комплексное изучение татарских вариантов внесли Н. Исанбет [8], Н. Хаким¹, Х. Ярми [27], Ф.И. Урманчеев [22; 23; 24; 25]. Несмотря на непростую судьбу, переменчивые отношения в разные эпохи, поэтичность, содержательность и многозначность произведения всегда привлекали внимание тех или иных исследователей.

В последние десятилетия, в условиях изменений в обществе наблюдается возрождение научного интереса к религиозной составляющей. Вместе с этим активизировалась деятельность фольклористов в области сбора и изучения произведений, связанных с религиозной тематикой. В связи с этим в современной фольклористике стала актуальной проблемой исследование литературного наследия с новой точки зрения, назрела необходимость переоценки

¹ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 240.

использования и переосмысления значимости религиозных мотивов. Безусловно эти изменения проникли так же в литературу и научную сферу.

Как художественное отражение действительности, религиозное восприятие народа проявляется и в произведениях устного народного творчества. Следует отметить, что место религиозных мотивов в произведениях разных жанров сильно отличается. Это связано с особенностями того или иного жанра. А.Х. Садекова оценивает разделение определенной группы произведений в группу религиозного фольклора как «возможность правильного анализа и оценивания отдельных жанров» [16, с. 6].

В отличие от религиозных жанров, в особенности мунаджатов и баитов, в эпических произведениях религиозная идеология и религиозные мотивы не занимают такое большое место. Как исключение можно рассматривать только дастаны «Кисекбаш» (XIII–XIV вв.) и «Джумджума султан» (XIV в). В то же время, примечателен тот факт, что ни в одном произведении полностью не отсутствуют религиозные мотивы. В историческом эпосе «Идегей» несмотря на запреты и «вевания» эпох они в определенной мере тоже сохранились.

Актуальность данного исследования определяется недостаточной изученностью религиозных мотивов в эпосе «Идегей», что требует систематизации и детализации материалов в данном аспекте. Основу работы составляют различные варианты, хранящиеся в архиве Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, такие как версии Н.Хакима², Н. Исанбета³, «Идеге дастаны»⁴, «Идеге батыр»⁵, «Иделби и Бодайби»⁶. Некоторые из них дошли до нас в виде фрагментов или отдельных эпизодов из текста. В данной статье применяются сравнительно-сопоставительные и историко-типологические методы исследования.

В процессе изучения разных татарских образцов было выявлено, что религиозные мотивы использованы в них в разном объеме и имеют определенную функциональную нагрузку. Вслед за М.Б Каменовой под религиозными мотивами мы рассматриваем «все то, что относится к истории ислама, его вере, включая и коранические мотивы и образы» [10, с. 27]. В статье была сделана попытка анализа и систематизации данных мотивов по нескольким аспектам.

В татарских версиях эпоса «Идегей» отсутствуют эпизоды, где дается полное описание религиозных обычаев, процесс чтения намаза, пост, действия, связанные с рождением или смертью человека или восхваление Аллаха, присущее поэтам золотоордынского периода. Религиозные мотивы в дастане мы, в основном, рассматриваем только исходя из отдельных реплик героев и их отношения к религии.

В первый блок исследования были объединены мотивы, показывающие отношение главных героев к религии. По сюжету эпоса Токтамыш-хан, Идегей, Нурадын и др. являются приверженцами ислама. «Ислам сыграл важную роль в становлении и развитии государственности Золотой Орды. Средневековые арабские летописи и записки путешественников, самостоятельно посе-

² ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 240.

³ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 219, 219 а.

⁴ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 176, 177.

⁵ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 198.

⁶ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 189.

тивших Золотую Орду, содержат достаточное количество сведений о проникновении ислама в золотоордынское общество и утверждении в нем его позиций» [17, с. 689-702]. Несмотря на то, что в произведении нет информации о том, насколько сильно герои придерживаются постулатов религии, соблюдают каноны Корана, в их речи часто встречаются слова Тенгри, Ходай, Аллах. Эти реплики и некоторые другие религиозные мотивы дают почву для изучения данного вопроса.

В первую очередь, рассмотрим образ главного героя, Идегея. В исторических источниках сохранилась информация, что он был религиозным человеком, четко выполняющим каноны ислама. Ибн Арабшах дал следующее описание: «Постился, и по ночам, вставал (на молитву), держался за полы шариата, сделав Коран и Сунну да изречение мудрецов посредником между собой и Аллахом Всевышним» [21, с. 474].

«Главный постулат ислама – поклонение единому Богу, творцу всего сущего и равенство всех людей перед Творцом» [16, с. 59]. Главные герои эпоса Идегей, Токтамыш-хан и др. в сложные периоды обращаются к Аллаху. В их речи часто повторяются фразы «Алла бирсә», «Ходай кушса», «Тәнре бирсә»:

«Падишаһлык сөрә алмам,
Алла үземә бирмәсә»
[7, с. 76].

Я не смогу править страной,
Если Аллах самому не даст
(перевод – Ф.В.).

Идегей верит, что любые события происходят или не происходят только по воле Аллаха. Основной мотив, пронизывающий Коран – всемогущество Аллаха подчеркивается фразами главных героев:

«Бу киткәннән китмәсәм,
Киң чүлләрне үтмәсәм,
Ходай миңа юл биреп,
Шаһ Тимергә житмәсәм
.....
Баба Төкләс бабам биргән,
Идегәй атым корысын»
[7, с.80–81].

«Если свой не закончу путь
Не проеду в просторных степях
Если меня покинет Аллах
Тимир не станет мне помогать
.....
Пусть тогда заглохнет навек
Имя данное мне: Идегей»
[6, с. 78–79].

Интересен тот факт, если Идегей совершает свои деяния обращаясь к Аллаху, то же самое значение на языке его сына Нурадына в татарском варианте Н. Исанбета дается в форме «Тәнре кушса», «Тәнре бирсә» [8, с. 74].

Как мы видим, в дастане слова «Тәнре», «Алла», «Ходай Тәгалә» используются параллельно и имеют одинаковое значение «Аллах». В то же время, следует отметить, что в разных версиях отличается частота использования этих слов. Для сравнения: в варианте Н. Ханзафарова «Идеге батыр» «Тәнре» и «Алла» использованы по одному разу, «Ходай» – встречается 6 раз; в варианте Н. Хакима «Тәнре, Алла» по 3 раза, Ходай – 5 раз, а у Н. Исанбета «Тәнре» – 8, «Алла» –12, «Ходай» – использовано 4 раза. Возможно это связано со временем и местностью записи этих вариантов.

«В Коране нет имен «Тәнре» и «Ходай». Первое из этих слов из древнетюркского, второе из персидского языка. Алла, Аллах, Аллаһы Тәгалә – в арабском языке означает «божество, божественное существо». В словарях

дается такое определение: «Алла, Аллах – имя всевышнего истинного Бога, оно произошло от внесения артикля «аль» к слову «илиях», которое означает «бог, божество. «Хода, Ходай (перс. – высшая сила, хозяин), Бог – употребляются в тюркских языках в том же смысле, что и слово Аллах. После принятия ислама для выражения понятия «Бог» на тюркском языке использовались как слово «Ода» (Ходай), означающее «Бог неба», так и слово «Алла», означающее «правитель всего мира» [9, с. 151–152].

Образ «Тенгри» упоминается в древних Орхоно-Енисейских письменных источниках. Это божество, которое создает все. Древние тюрки привыше всего ценят огонь, и поклонялись Тенгри, создателю неба и земли.

Фраза «Тэнре язган» встречающаяся в древних эпитафиях в эпосе использовано в форме «Тэнре хөкеме». Токтамыш-хан приказывает уничтожить все потомство Кутлукья бия, но по воле Всевышнего это не осуществляется:

«Хан боерыгы үткэндэ
Тэнредэн узып китмэде.

.....
Ханның айткән сүзе үлде.
Берәве үлде, берәү калды,
Тэнре хөкеме бу иде» [7, б. 20].

«Ханский приказ по земле пошел
... Дальше Бога приказ не дошел.

.....
Вместо него умер другой.
Умер ханский приказ
Бог невинного спас» [6, с. 18].

Все равны перед Творцом. Никто, ничто не сможет свершиться без его покровительства. Идегей-Кобогыл остается живым только по воле Всевышнего.

Рождением, жизнью и смертью человека управляет верхнее божество. Судьба каждого предначертана свыше. Так как «Аллах» хозяин человеческих судеб, то все исходит от него. Поэтому Идегей, Токтамыш хан, Нурадын часто произносят фразу «Алла үземә биргэндэ» («Когда Аллах даст самому»). Эти фразы показывают, что все действия герои совершают под покровительством Всевышнего, но так же будучи уверенными в своих силах. В отличие от дастанов о любви, где герои часто обращаются к «Аллаху» с какими-либо просьбами, в героических дастанах отсутствует такое обращение. И фраза «Алла биргэндэ» употребляется как устойчивая формула религиозного фольклора. В устах Нурадына она звучит как «Тэнре үзе биргэне». Все блага и все материальные богатства даны «Тэнре». Понятие Тенгри под влиянием ислама трансформировались. И слово «Тенгри» стало синонимом слова «Творец», являлось отражением обращения к Аллаху и своеобразным эквивалентом.

На основании этих примеров можно утверждать, что упоминание в разных вариантах имен и частые обращения к верхнему Божеству используется как традиционная лексика. В своем исследовании «Идеология ислама и татарское народное творчество» об этой особенности литературных произведений отмечает А.Х. Садекова [16, с. 67]. В эпосе данная лексика использована для обозначения таких параметров ислама, как образ жизни, политико-экономические отношения и т.д.

В жизни народа, в литературных произведениях понятия гөнаһ (грех), язык, язмыш (судьба), тәкъдир (предопределение) всегда находятся рядом. Такие татарские пословицы и поговорки «Язмыштан узмыш юк» (Перевод: «От судьбы не уйдешь»), «Язмышың маңгаңа язылган» (Перевод: «Судьба

написана на лбу») являются подтверждением этому. Эпические герои так же раскрываются во взаимосвязи с данными понятиями.

В центре золотоордынской литературы находится человек и его ответственность за свои поступки. Это восходит своими корнями в Коранические основы. Весь Коран пронизан гуманистическими идеями. Несоблюдение постулатов Корана является большим грехом. Грех – как религиозное понятие означает несоблюдение религиозно-нравственных канонов, Божьего слова, условий Корана. За эти деяния человека ожидают муки ада. В суре ал-Бакара (2:35) в Коране описывается как Адам и Ева проживают в раю. Но поддавшись влиянию змеи (Иблиса) съедают запретное яблоко и становятся грешными и подвергаются изгнанию из рая [12, с. 7]. Совершение греха – неотъемлемое качество человеческих существ. Человеческая психология устроена таким образом, что люди часто совершают плохие поступки, зная что этого нельзя делать. Несмотря на мифологические корни, герои эпоса «Идегей» тоже являются человеческими существами и им не чужда грешность. Хотя относительно исторического Идегея существуют вполне противоречивое мнение, примечательно, что эпический образ довольно-таки идеализирован, поэтому относительно его деяний не используются слова «грех» или «язык». Это бы противоречило эпическим традициям. Глубокий смысл, главная идея эпоса не высказана открыто, а красной нитью в подтекстовой форме проходит через все произведение.

По религиозным понятиям, убийство человека, особенно людей такого же вероисповедания считается одним из больших грехов. В эпосе по эпическим традициям, под знаменем героизма дана свобода многим деяниям. В произведении на первый план выходит не религиозность героя, а его эпичность. Но тем не менее, каждое преступление должно быть наказано. Главная причина распада Золотой Орды в том, что такие личности, как Токтамышхан, Идегей, Аксак Тимур забыли про священные понятия как материнские молоко и дошли до кровопролития и уничтожения друг-друга. Ислам – религия мира. Несмотря на то, что Идегей представлен в образе эпического героя и его поступки оцениваются с точки зрения героизма, в реальности они далеки от общегуманистических нравственных идей. Но эпическим героям необходимы именно такие героические поступки и фольклорное произведение не является религиозным трактатом.

Понятия грех/»гөнаһ», судьба/» язмыш» в эпосе ярко используются относительно сына Идегея Нурадына, который в силу своей вспыльчивости совершает несколько грешных поступков. Во-первых, он поднимает руку на своего отца, выбивает глаз. Во-вторых, вынуждает отца уйти в изгнание, не прислушивается к наставлениям матери. Большой грех – обидеть родителей. Ребенок всю свою жизнь в долгу перед ними. В ответ на бессмысленные деяния Нурадына Идегей реагирует следующим образом:

«Күзем орып чыгардын,
Кайда барып уңарсын?
Кайда бер барсаң, тыңарсың?
Языгы белән гөнаһысын,
Кайда ла барып йоларсың?»
[7, с. 196].

«....Выбил мой глаз!
Где же счастье найдешь сейчас?
Где ты покой найдешь для души?
От позора и от греха
Как ты душу очистишь, скажи?»
[6, с. 192].

Разгневанный Нурадын не боится быть грешным. Он думает, что легко можно замолить все свои грехи:

«Тэңре өе Кэгъбэне
Бер эйлэнсэм, уңармын,
Өч эйлэнсэм, тынармын.
Языгы белэн гөнаһысын
Жиде эйлэнсэм, йолармын!»
[7, с. 197].

«...То Каабу, обитель Творца
Троекратно я обойду,
Божьему подвластный суду,
Семикратно я обойду
И душевный покой найду,
Тяжкий грех я смою с себя» [6, с. 194].

Хотя на первый взгляд, все кажется легко и просто, ему не удастся очиститься от своего греха. Нурадын долгое время блуждает в степях и возвращается с тем же тяжелым душевным грузом.

В данном отрывке так же следует обратить еще на один религиозный мотив – дом Тенгри. Кааба – священное место для мусульман, первое сооружение, возведенное для поклонения Творцу⁷. Данный мотив широко распространен и в других жанрах устного народного творчества, особенно в мунаджатах.

«Сэхэр вакыты, таң алдында,
Жирнең йөзе нурга тулды.
Һәр мәхлүкләр хэйран булды.
Кэгъбэдәге биек потлар,
Жиргә төште, һәлак булды»
[16, с. 111].

Перед рассветом,
Лицо Земли наполнилось светом.
Каждое создание было потрясено.
Высокие идолы Каабы
Спустились на Землю, погибли.

В эпосе слово «гөнаһ» (грех) еще раз встречается в эпизоде, связанном с младенцем:

«Гөнаһсыз сабый баланың
Бишектә каны акканда
Пирем, анда кайда иден?»
[7, с. 134].

«Кровь младенца из люльки текла, –
Где во время этого зла,
Где, мой наставник, тогда ты был?»
[6, с. 134].

Так отвечает Идегей вопросом на просьбу пира. В этих строках кроется мысль, что человек появляется на свет безгрешным, и на протяжении жизни своими поступками собирает грехи. «Непогрешим один Аллах» [6, с. 68]. Всем человеческим созданиям присуща греховность. Пир Галяттин, уговаривая Идегея вернуться, призывает его простить свои грехи.

Изучение образа пира Галяттина дает возможность выделить следующий блок – религиозные мотивы, связанные с суфизмом. Ислам, как и любая другая религия, прежде всего имеет воспитательный потенциал. Духовно-интеллектуальная элита во все времена считалась одной из почитаемых среди татарского народа. Пир Галяттин – наставник и учитель. В эпосе он «илчеләрнең мулласы» – главный среди всех послов. Есть основание, что будучи верующим человеком, именно он дал Идегею религиозное образование и внес огромный вклад в воспитание его как личности. Пир Галяттин пропо-

⁷ В Коране написано, что основоположниками Каабы были Исмаил и его отец Ибрагим (2:125) [12, с. 18].

ведник ислама, нравственности. Выделяя самым худшим деянием для человечества непризнание Творца, он призывает к единобожию, соблюдению правил Корана, чтению намаза и ставит ситуацию, когда государство без правителя на одну ступень с безбожьем:

«Бер дигэч тэ, ни яман?
Ходаны белмэс – ул яман» [7, с. 207].

«Хуже худшего что на земле?
Отрицанье, что Бог един» [6, с. 204].

В варианте Н. Хакима в качестве посла направляют муллу. Его имя в эпосе не указано. Он высказывает такие же слова Нурадыну, делая ударение на том, что самое худшее это непризнание единого Бога и не соблюдение всех религиозных постулатов. Как бы убедительно не звучали эти слова из уст уважаемых людей, главный герой не сворачивает со своего пути.

Описание учителя Идегея, муллу Галяттина как «пир» привлекает внимание, с точки зрения оценки религиозных мотивов. Пиризм – понятие, связанное с суфизмом. В Средней Азии широко распространилась тенденция, когда давали имя «пир» представителям мусульманского духовенства. Он считался самой высокой степенью религиозности.

Суфизм, как чрезвычайно многогранное и неоднородное движение, представляет сложную по своей форме и содержанию структуру. «Сложность во многом заключается в том, что в каждом исламском регионе суфийская идеология и ее институты имели свои особенности, обусловленные уровнем социально-политического развития данного региона в период появления там ислама, этноконфессиональными характеристиками, спецификой культурного субстрата и др.» [16, с. 7]. В Золотой Орде суфизм постепенно приобрел легитимность, правители проявляли интерес к суфиям, благосклонно относились к ним. «В тарханном ярлыке хана Тимур-Кутлука суфии упоминаются в одном ряду с другими духовными наставниками (кадиями, муфтиями, шейхами)» [18, с. 52].

В татарских вариантах эпоса так же встречаются строки, когда Идегея называют «елкылар пире» (пир лошадей). Судя по легендам, он понимал язык лошадей. У кочевников он до сих пор числится как «елкылар пире» и чтобы вылечить лошадь, совершали некий обряд: в отдельном месте размещали кол назвав его «Идегэй зираты» (кладбище Идегея) и обходили по кругу данное место [8, с. 5]. Примечательно, что в произведениях устного народного творчества, доисламские и исламские религиозные мотивы плавно переплетаются.

Н. Исанбет дает описание пиру как «старец, руководитель, шейх». Прадед Идегея Баба Тукляс был «Әүлияләр пире» (пиром святых) [7, с. 18]. В эпосе «пир» относительно Баба Тукляса и Галяттина использовано во взаимосвязи с религиозностью, а Джантимеру и Идегею больше подходит значение «главный», «руководитель». В любом случае, пиризм – это знак почета, признания, дань уважения. Использование этого определения относительно Идегея это еще один фактор, доказывающий уважение народа.

Несмотря на то, что Пир Галяттин был преверженцем суфизма и воспитывал Идегея в этом духе, Идегей не совершает действия только подчиняясь воле Аллаха, наоборот, часто его поступки далеки от религиозных правил. В данном случае эпический герой выходит за рамки дервиша-суфи и привлека-

ет больше внимания как политический деятель. Отчуждение от идеалов и нравственных ценностей приводит к трагическим результатам в конце эпоса.

Символы, связанные с религией и суфизмом больше места занимают в варианте Н. Ханзафарова. Данная версия отличается обилием религиозных и национально-мифологических мотивов. С первых строк начинается повествование суфи: «Борын заманнарда гаять тэква бер суфи адэм бар иде». (Перевод: «В давние времена был очень религиозный человек»). Далее, каждый шаг этого образа связано с Ходай. Он был очень богатым, Бог принимал все его пожелания, давал все, что просил. ... Однажды перед сном он совершил омовение и прочитал намаз. Попросил Бога, чтобы он подал какой-нибудь знак, молился. Ночью он видит сон. Слышит голос издалека, который гласит: «Эй, человеческое создание, вставай и направляйся в сторону Каабы. Суфий встает и оставив все свое богатство на волю Творца, направляется в сторону Каабы⁸.

В данном отрывке много религиозных мотивов: омовение, чтение намаза, обращения к Богу, вера в единого Всевышнего, обращения с просьбой. По воле Всевышнего, что бы не пожелал суфий, все получает. «Взаимосвязь Аллах – человек непрерывна и неразрывна, все от него и к нему» [16, с. 62].

Суть понимания отношения к религии того или иного персонажа определяется в первую очередь степенью его веры. Главный атрибут ислама – иман, вера. «Вера – это убежденность в том, что сверхъестественные существа действительно существуют и что жизнь и события в мире происходят по воле этих обстоятельств. Такая вера является основным признаком религиозного сознания» [9, с. 54].

Основная черта средневековой литературы это религиозность, признание Аллаха абсолютным образом мудрости, справедливости, красоты, власти. Некоторые качества Аллаха нашли отражение и в эпосе:

«Синең улың Норадын,
Алла гаделдер,
Һич бирмәде морадын»
[8, с. 73].

Твой сын Нурадын
Аллах справедлив,
Не дал ему совершить желаемое
(перевод – Ф.В.).

Так же в эпосе повествуется и о щедрости Аллаха: «Алла юмарттыр, Аңар бирде морадын» («Аллах щедр, Ему дал желаемое») [7, с. 179].

По верованиям мусульман Аллах не только обладает абсолютными качествами, но и имеет право вынести приговор. Перед началом чего-то нового в речи народа часто звучат фразы «Аллага тапшырдым» (Передаю Аллаху), «Ходайга (Тәңре хөкеменә) тапшырдым» (передаю воле Тенгри (Ходай). Во время засады, оказавшись в сложной ситуации, Токтамыш-хан тоже полагается на волю Всевышнего:

«Азамат ир Туктамыш,
Унике ире алдында,
Тугыз ире артында
Туксан башлы Урдасын,
Тәңре хөкеменә тапшырып,
Дәрвазасын яптырып,
Шәһәрәнә кереп камалды»
[7, с. 150].

«Токтамыш и вся его знать
Бегством кончили этот бой,
Уповая на Божий суд,
В стольном граде нашли приют,
Заперли врата за собой» [6, с. 149].

⁸ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 198.

В каких только чрезвычайных ситуациях не оказался бы человек, вера в Аллаха дает ему силы идти вперед, преодолевать все сложности:

«Аллам иям иш булса, Унөч ел үтте дигендэ Янэ кайтып килермен» [7, с. 170].	«Если поможет мне Аллах, Когда минут тринадцать лет, Снова обратно я вернусь» [6, с. 170].
--	--

В данных примерах слова «Алла-иям» заслуживают отдельного внимания. Под влиянием Ислама многие творцы называют себя «Алла колы» (Раб Аллаха) и берут соответствующие псевдонимы (Кул Гали, Мауля Колий и др), и в свои произведения добавляют строки для подтверждения этой мысли. Данные строки в эпосе подтверждают веру и подчинение Нурадына воле Аллаха.

В следующую группу можно выделить религиозные мотивы, связанные с обрядами и обычаями: при наречении имени после рождения, повзрослев создание семьи (никах), обычаи погребения и т.д. В эпосе тоже есть упоминания про некоторые из них.

Обычаи и обряды, относящиеся к рождению ребенка, описываются в эпизодах, связанных с Нурадыном. При описании того, как Идегей отмечает рождение сына, были использованы такие фразы, как «шесть дней пировал, угощал ученых», «кормил детей-сирот»:

«Гарэби китап укыган Галиминэн мэгнэ сораттым, Кочаклап Корьэн укыган Мулладан мэгнэ сораттым» [7, с. 197].	Он спросил значение у ученых, Читавших книги на арабском Он спросил значение у мулл, Читавших, с упоением, Коран.
---	--

В переведенном варианте С. Липкина говорится, что Идегей сам дает имя ребенку и отдает его «в учење мулле, ... Что в обнимку с Кораном спит» [6, с. 193]. По религиозным убеждениям, очень важно дать ребенку имя со смысловым значением. Имя определяет судьбу человека, поэтому родители должны серьезно относиться к его выбору. По сюжету эпоса, Идегей подходит к этому вопросу со всей ответственностью, уточняя значение у ученых, мудрых людей, знающих Коран.

В отличие от других вариантов, в версии Н. Хакима есть эпизод, привлекающий внимание исследователей. Там есть строки о самоубийстве Идегея:

«Тапшырылдым, Ходай, үзеңә,

ни кылсаң да, иркең үземә!» – дип әйтеп бетәр-бетмәстән, муйны өстендә кылыч ялтырады»⁹ (Перевод: Не успел он произнести слова «Отдаю себя Боже тебе, на все твоя воля!» – блеснул меч на шее). Самоубийство в исламе считается одним из страшных грехов. Данный шаг Идегея пробуждает недопонимание в душе. Последние минуты эпического героя, совершавшего героические поступки всю жизнь не должны быть такими.

Особое внимание привлекает использование художественно-выразительных средств с исламскими религиозными образами. Несмотря на то, что религиозные обряды не занимают много места в эпосе, в речи героев часто по-

⁹ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 240.

вторяются имена религиозных образов, эпитеты, сравнения. После скверного поступка сына, Идегей обращается с резкими словами:

«Газазил булмый ни булгай?
Колыным, ялгыз калыр икәнсең.
Күземнең яше коргамас,
Кысыр мэдэт теләдем.
Хатәмтайдай юмартсың,
Арысландай адусың,
Хамзэдәен пәлвансың,
Галинең Гали углысың...»
[7, б. 214].

«То, поверь, был сам Газазил! ...
Жеребеночек, мой, сынок,
Будешь ты без меня одинок.
Хатам-Тая, мой сын, ты щедрей,
Льва стремительней и быстрее,
Ты – Хамзы отважней и добрей,
Ты и сына Али храбреей...»
[6, б. 212].

Упомянутые в отрывке Хамза, Гали – сахаба пророка Мухаммада. Как литературный образ, Али более полно раскрыт в дастане «Кисекбаш китабы». В эпосе «Идегей» имеется только краткое упоминание его имени.

Следующий религиозный образ из отрывка – Газазил. Н. Исанбет дает следующее определение: «райское имя черта (иблиса)». Следует обратить внимание на тот факт, что в исламском мире укоренился культ святых. Это нашло отражение и в произведениях устного народного творчества, в том числе и в дастанах. В дастане «Идегей» есть упоминание и ангела смерти в исламской религии Азраила:

«Әжәл туры килмәсә,
Азраел корык салмаса,
Әле дә булса, Туктамыш
Синнән калыр картыңмын» [7, с. 61].

«Если ж мой смертный час не пробил,
Если забыл обо мне Азраил,
... Некогда жил хан Токтамыш
Я – переживший его старик» [6, с. 57].

Несколько раз в эпосе встречаются сравнения главных героев Идегея и Нурадына с ангелами:

«Пәйгамбәрнең кияве
Галидәен нурлы углым.
Фирештәдәй битле улым,
Биек рәүгә төсле улым»
[7, с. 208].

«Ты – безгрешный Али среди людей,
Ты – как зять пророка, мой сын!
Ты – опора живая моя,
Ликом с ангелом схож, мой сын»
[6, б. 206.].

«Фәрештәдәен атам,
Һәр эштә даим атам»
[7, с. 210].

«Вижу я твой ангельский лик,
Что б не делал, – всегда ты велик»
[6, б. 208.].

Другие персонажи тоже часто сравниваются с ангелами и гуриями. Например, Акбеляк – сидит как гурий [6, с. 73]. Это является доказательством, что религиозные образы широко использовались в речи народа этого периода. Как средства художественной выразительности они придают особый колорит и звучание эпосу.

«Дога» (молитва) является неотъемлемой частью религии. В эпосе нет молитвенных текстов, но тем не менее несколько раз встречается призыв совершить молитву. В варианте «Идеге батыр» особое место занимает «дога кылу» мольба. В данной версии молитва предшествует каждому действию: суфий обращается к Всевышнему с просьбой иметь сына – рождается ребен-

нок, но из-за того, что ребенок мешает совершать молитву, он оставляет ребенка старушке и уходит дервишем; Токтамыш-хан, прочитав письмо родителей с того света тоже совершает молитву со словами: «Йэ Ходам, мин хэзер үлсэм, ата-анама булган мондый яхшы тормыш миңа да, гаиләмә дә булыр бит»¹⁰ (Перевод: Господи, если я умру, у меня и у моей семьи будет ли такая хорошая жизнь, которая была у родителей). Перед дорогой Нурадын просит свою мать прочитать молитву. «Юл догасы» – молитва в дорогу. Герои придают большое значение данной молитве. Благодаря ей они получают благословение новым начинаниям, своим деяниям.

Следует так же обратить внимание на Хызра – традиционного образа во многих сказках и легендах тюркских народов. Хызр правит на земле и в воде. В некоторых случаях встречается имя Хозыр Ильяс. Ильяс – главенствует в пустыне. В литературных произведениях Хызр (Ильяс) используется во взаимосвязи с дорогой. В казахском фольклоре сохранилось поверье, что каждый встречает его в своей жизни три раза. Но из-за того, что он появляется в разных обликах, он неузнаваем. Если узнав, попросив у него счастья, он способен осчастливить на всю жизнь. К сожалению, никто не может достичь этого.

Узбекский народ связывает образ Хызра с культом успеха. В татарском фольклоре он изображается помощником путников и карателем (Сказки «Көтүче», «Аучы углы», дастаны «Ак кубек», «Тахир-Зухра», «Туляк» и др.). Упоминание о Хызре в дастане «Идегей» в связи с дорожной молитвой еще раз подтверждает, что это традиционный мотив, занявший свое место в устном народном творчестве. Ф.И. Урманчеев обращает внимание на тот момент, что в тюркской литературе Хызр появляется неожиданно и всегда помогает эпическим героям избежать несчастных случаев» [23, с. 77].

Образ Хызра упоминается и в дастане. Недаром Идегею желают, чтобы его сопровождал Хызр. Пройдя непростой жизненный путь, полный различных препятствий герою нужно много сил, чтобы преодолеть все трудности. Руководствуясь религиозно-символической концепцией, можно сделать вывод, что верность религиозным догматам, неотклонение от выбранного пути, распространенное среди тюркских народов поклонение единому Божеству может служить косвенным подтверждением гипотезы о Хызре.

В версии деревни Минзелябаш «Иделби и Бодайби»¹¹ упоминается сахаба по имени Талха Зубаир. Следует отметить, что больше ни в одном из татарских вариантов мы не встречаем этого образа. «В данном отрывке под именем Иделби выступает Идегей» [14, с. 808]. Данные имена упоминаются в воспоминаниях Ал-Гарнати, где сообщается о том, что Аллах направляет трех сахаба к Айдар хану. Их имена: Абдрахман ибн Зубаир, Зубаир ибн Джагъда и Тальха ибн Гусман [5, с. 25–27]. Они представляются врачами и лечат многих людей. В это время заболевает дочь хана Гуйбикя. Они подсказывают, как можно ее вылечить. С помощью молитв и определенных ритуалов, девушка поправляется. Став очевидцем этого чуда, народ начинает принимать ислам. Сахабы проживают в Булгаре 3 года, учат исламским канонам, постулатам Корана, открывают медресе, строят мечети. Через три года, двое уезжают в Медину. Зубаир ибн Джагъда остается и женится на дочери хана,

¹⁰ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 198.

¹¹ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 189.

умирает через 25 лет [5, с. 37]. Есть предположение, что в дастане речь идет именно об этой личности.

Примечательно, что в устном народном творчестве встречается много персонажей, связанных с исламской религией. А.Х. Садекова отмечает, что пророки, сахаба, халифы, праведники и сподвижники ислама становятся популярными персонажами фольклора и литературы и неотъемлемой частью обрядового фольклора [16, с. 94]. Уникальные образцы народного творчества, в том числе и дастан «Идегей», являются подтверждением этому.

В заключении можно отметить, что по сравнению с мифологическим слоем, религиозный пласт в эпосе не так богат, в целом даже та использованная часть имеет значимую смысловую нагрузку. Эти мотивы не повествуют об отношении людей той эпохи к религии, но способствуют пониманию религиозно-философских и нравственных взглядов, показывают какое место занимает религия среди простых людей. В эпосе исторические судьбы людей, духовные и нравственные ценности, пропущены через призму исламского мировоззрения и соединены эпическими традициями создавая культурную и духовную целостность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В.В. Отец Едигея. Сочинения. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. 804 с.
2. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. 649 с.
3. Жирмунский В.М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей» // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. 174-176 с.
4. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. М.-Л: Гослитиздат. 1962. 435 с.
5. Закирова И.Г. Болгар чоры халык ижаты. Казан: Фикер, 2003. 144 б.
6. Идегей. Татарский народный эпос. Пер. С. Липкина. Казань: 1990. 256 б.
7. Идегэй: Татар халык дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр. 1994. 255 б.
8. Исәнбәт Н. Татар халык эпосы «Идегэй» дастанының 500 еллыгы // Совет әдәбияты. 1940. №11–12
9. Ислам. Белешмә-сүзлек. Казан: ТКН, 1993. 192 б.
10. Каменева М.Б. Исламские мотивы и образы в русской литературе 20–30-х годов XIX века. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. 155 с.
11. Климович Л.И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии. М.: Политиздат, 1988. 286 с.
12. Коръән Кәрим китабы (тәфсире һәм укылышы белән). Казан: Иман. 2024. 576 б.
13. Мелиоранский П.М. Сказание о Едигее и Токтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч.Ч. Валиханову. Издал проф. П.М. Мелиоранский // ЗРГО ОЭ. Прилож. к тому XXIX. СПб.: Типо-литография И. Боранского и Ко, 1905. 23+44 с.
14. Миргалеев И.М., Фазлутдинов И.И., Закирова И.Г. К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Едигее // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 792–816. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816> EDN: IKMIIA
15. Кыйссасел-әнбия. Пәйгамбәрләр тарихы. Казан: Дом печати. 2003. 340 с.
16. Садекова А.Х. Идеология ислама и татарское народное творчество. Казань: Фикер, 2001. 208 с.

17. Сайфетдинова Э.Г. Мусульманская культура Золотой Орды по сведениям средневековых арабских источников. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(3). С. 689–702. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-3-689-702>

18. Сайфетдинова Э.Г. Религиозные традиции Улуса Джучи (на материале произведений золотоордынской эпохи «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара и «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари) // Исламский фактор в интеграционных процессах Великого Шелкового пути. Материалы II Международной научно-богословской конференции «Духовный Шелковый путь. Созидание. Интеграция» (Болгар-Казань, 3–5 сентября 2017 г.) / Сост. и отв. ред. И.М. Миргалеев. М.-Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; 2018. С. 51–57.

19. Самойлович А.Н. Вариант сказания о Едигее и Токтамыше, записанный Н. Хакимовым / Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 186–211.

20. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: ТКН, т 2,3. 1979, 1981. 726 б.

21. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. 566 с.

22. Урманче Ф.И. Народный эпос «Идегей». Казань: Фэн, 1999. 200 с.

23. Урманчиев Ф.И. Героический эпос татарского народа. Казан: ТКН, 1984. 310 с.

24. Урманчиев Ф.И. Татар халык ижаты. Казан: Мәгариф, 2002. 336 б.

25. Урманчиев Ф.И. Дастаннарга лаек замана. Казан: 1990. 220.

26. Ханзафаров Н. «Идегей» фажигасе хакында // Мирас, 1996 №12. б. 48–50.

27. Ярми Х. «Идегей» дастаны // Совет әдәбияты. 1940. № 5/6. Б. 163–178.

REFERENCES

1. Bartold V.V. Father of Edigu. Essays. Vol. 2, Part 1. Moscow: 1963. 804 p. (In Russian)

2. Gumilev L.N. Ancient Russia and the Great Steppe. Moscow: Mysl, 1989. 649 p. (In Russian)

3. Zhirmunsky V.M. Melioransky and the study of the epos “Edigu”. *Turkological collection*. Moscow: 1973, pp. 174–176 p. (In Russian)

4. Zhirmunsky V.M. Folk heroic epic. Moscow: Goslitizdat, 1962. 282 p. (In Russian)

5. Zakirova I.G. Bolgar era folk epos. Kazan: Fiker, 2003. 144 p. (In Tatar)

6. Idegey. Tatar folk epos. Translated by S. Lipkin. Kazan: 1990. 256 p. (In Russian)

7. Idegay: Tatar folk dastan. Kazan: Tatar Book Publ., 1994. 255 p. (In Tatar)

8. Isanbat N. To the 500th anniversary of the Tatar folk epos “Edigu”. *Soviet literature*. 1940, no. 11–12, (In Tatar)

9. Islam. Dictionary-reference book. Kazan: Tatar Book Publ., 1993. 192 p. (In Tatar)

10. Kameneva M.B. Islamic motives and images in Russian literature of 20–30s of the 19th century. Bishkek: Kyrgyz Russian Slavic University, 2014, 155. 27 p. (In Russian)

11. Klimovich L.I. A book about the Koran, its origin and mythology. Moscow: Politizdat, 1988. 286 p. (In Russian)

12. Koran (with explanations and reading rules). Kazan: Iman, 2024. 576 p. (In Tatar)

13. Melioransky P.M. The Legend of Edigu and Toktamys. Kyrgyz text based on a manuscript that belonged to Ch.Ch. Valikhanov. *Zapiski russkogo geograficheskogo obshchestva*. St. Petersburg: Tipo-litografiya I. Boranskogo i Ko., 1905, pp 23–44. (In Russian)

14. Mirgaleev I.M., Fazlutdinov I.I., Zakirova I.G. On the question of studying Tatar variants of the epos about Idegey. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 792–816. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816> EDN: IKMIJA (In Russian)

15. Kyssasel-enbiya. *History of the prophets=Paygambarlar tarihiy*. Kazan: Dom pechati, 2003. 340 p. (In Tatar)
16. Sadekova A.Kh. Ideology of Islam and Tatar folk art. Kazan: Fiker, 2001. 208 p. (In Russian)
17. Sayfetdinova E.G. Muslim culture of the Golden Horde according to medieval Arab sources. *Minbar. Islamic Studies*. 2019, no. 12 (3), pp. 689–702. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-3-689-702> (In Russian)
18. Sayfetdinova E.G. Religious traditions of Ulus Jochi (on the materials of the works of the Golden Horde era “Qalandar-name” by Abu Bakr Kalandara and “Nahj al-Faradis” by Mahmud al-Bulgari). Islamic factor in integration processes of the Great Silk Road. Materials of II International scientific and theological conference “Spiritual Silk Road. Creation. Integration”(Bulgar-Kazan, September 3–5, 2017) Moscow-Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018, pp. 51–57. (In Russian)
19. Samoilovich A. N. Variant of the legend about Edigu and Toktamys, recorded by N. Khakimov. *Turkic collection*. 1973, pp. 186–211 (In Russian)
20. Tatar explanatory dictionary. Vol. 2, 3. Kazan: Tatar Book Publ., 1979, 1981. 726 p. (In Tatar)
21. Tizengauzen V.G. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Vol. 1. St. Petersburg, 1884. 566 p. (In Russian)
22. Urmanchev F.I. Folk epos “Edigu”. Kazan: Fan, 1999. 200 p. (In Russian)
23. Urmancheev F.I. Heroic epic of the Tatar people. Kazan: Tatar Book Publ., 1984. 310 p. (In Russian)
24. Urmancheev F.I. Tatar folk art. Kazan: Magarif, 2002. 336 b. (In Tatar)
25. Urmancheev F.I. An era worthy of dastans. Kazan: 1990. 220p. (In Tatar)
26. Khanzafarov N. About the tragedy of “Edigu”. *Miras*. 1996, no. 12, pp. 48–50. (In Tatar)
27. Yarmi X. “Edigu” dastan. *Soviet literature*. 1940, no. 5/6, pp. 163–178. (In Tatar)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фарида Мансуровна Валиуллина – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики преподавания иностранных языков Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета (420021, ул. Татарстан, 2, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0893-6853. E-mail: farida1@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Farida M. Valiullina – Cand. Sci. (Philology), Assistant Professor of the Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga region) Federal University (2, Tatarstan Str., Kazan, 420021, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0893-6853. E-mail: farida1@bk.ru

Поступила в редакцию / Received 04.04.2024

Поступила после рецензирования / Revised 17.07.2024

Принята к публикации / Accepted 28.10.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.888-896>
EDN: PXYEW

УДК 398.22

RESEARCH ON THE EPIC OF EDIGEY IN TÜRKIYE

*Ilyas Kemalöglu**Marmara University**Istanbul, Türkiye**ilyaskamal78@mail.ru*

Abstract. Objective: The aim of the research is to reveal the history of studies in Turkey on the EdigeY Epic, one of the most important epics in the Turkish world, to introduce the published copies of the EdigeY Epic, and to determine from which perspectives the epic was researched and what kind of conclusions were reached. Research materials: The source of the study consists of copies of the epic published in Turkey, master's and doctoral theses on the epic, and articles published in various scientific journals in Turkey on the subject.

Results and novelty of the research: As a result of the research, it was determined that the Tatar, Bashkir, Nogay, and Kazakh versions of the epic were published in Turkey, two master's and two doctoral theses were written on the EdigeY Epic, and dozens of articles were written. Although the different versions of the EdigeY Epic published in Turkey are attributed to different nations, in fact the subjects and heroes of all these publications are the same, and we see the differences only in the motives and cultural characteristics specific to these respective nations. As in many other fields, Tatar intellectuals were the first to research the epic in Turkey. On the other hand, articles written about the epic examine it in terms of history, literature, and language. These studies mostly attempt to reveal how the epic deals with the image of EdigeY and Timur, the theme of homeland, weapons, steppe and steppe culture, birth-wedding-death, etc. In addition, some articles examine topics such as supernatural powers, mythological motives, and the functions of animals in the epic.

Keywords: Türkiye, epics, Epic of EdigeY, Golden Horde, Tatars

For citation: Kemalöglu İ. Research on the Epic of EdigeY in Türkiye. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 888–896. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.888-896>

Historically, Turks have migrated from their homeland (today's Mongolia) to different geographies, made new homelands for themselves, and established new states there. As a result, different Turkish peoples continue to exist in Central Asia, the Middle East, Africa, Anatolia, Volga-Ural, Siberia, and the Balkans. Epics about their ancestors' glorious victories and difficult times play an essential role in the history and culture of all these peoples. It is possible to read the political history, migrations, and socio-cultural structures of different Turkish tribes in epics. While *the Epic of Oghuz Kagan* deals with the life of Oghuz Kagan, the legendary

© Kemalöglu İ., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ancestor of the Turks, *the Epics of Ergenekon and Türeyiş (Turkic Creation Myth)* describe the re-establishment of the Turkish states. *The Migration Epic* talks about the dispersion of the Uyghurs after the collapse of the Uyghur State, and *the Epic of Manas* talks about the struggle for the existence of the Kyrgyz. The exciting thing is that, in addition to their epics, Turks have also been the subject of the epics of foreign peoples. For example, while *the Epic of Igor Company*, one of the first epics of the Russians, is about the struggle of the Russian princes (knezs) with the Kipchaks, one of the main characters of the German Nibelungen Epic is the European Hun ruler Attila. One of the most famous epics of the Turks is *the Epic of Edigey*. The reason for Edigey's fame is that first, the state to which the protagonist belongs, the Golden Horde, was one of the largest Turkish states of the Middle Ages and united many of today's Turkish peoples under one roof. The ancestors of the Volga-Ural Turks, Siberian Turks, Central Asian Turks, and even some Balkan Turks, especially the Tatars, were in the Golden Horde. Especially after the collapse of the USSR, when all these peoples were rewriting their history, more space began to be devoted to the legacy of the Golden Horde. Another reason why *the Epic of Edigey* is famous is that it was banned for a period. In the last years of the Second World War, the history of the Golden Horde was forbidden by the Soviet Union administration as it was considered objectionable. *The Edigey Epic* also became a symbol of this ban. It is understood that *the Edigey Epic* was one of the rare epics banned in history.

With the collapse of the USSR, this ban was lifted, and Golden Horde research accelerated worldwide, especially in Tatarstan. *The Edigey Epic* became popular again among the Turkish people. Türkiye is no exception in this context. The fact that the epic has been published many times in Türkiye and has been the subject of many articles can be explained by a few issues. Especially after the collapse of the USSR and until the end of the 20th century, interest in Turkish history other than Seljuk and Ottoman history began to increase in Türkiye. At the beginning of the 20th century, with the contributions of many Tatar scientists (Yusuf Akçura, Sadri Maksudi Arsal, Ahmet Temir, Ayaz İshakî, Zübeyir Koşay, Akdes Nimet Kurat, etc.), research on Turkish history outside Anatolia, especially the history of Volga-Ural, gained momentum in Türkiye, while at the start of the Cold War, research in this field was interrupted. After 1991, it started to attract attention again. The second reason is that Türkiye has made significant progress in publishing and researching epics in recent years. While all the epics were published separately, the Turkish Language Society published the Tatar, Bashkir, Kazakh, Kyrgyz, Uzbek, Khakas, etc. epics as a corpus. Within the framework of this research, a separate place was allocated to *the Epic of Edigey*. The third reason is the content of the Edigey Epic. Tokhtamysh Khan, one of the protagonists of the epic -although this subject is not discussed in the epic- was also one of the allies of the Ottoman Sultan Bayezid during his fight against Temur. Therefore, the Temur-Tokhtamysh struggle and all sources related to the subject are closely followed in Türkiye.

What distinguishes the Edigey Epic from other epics in epic publications and research in Türkiye is that it is attributed to different peoples. For example, while the Migration Epic is accepted as the epic of the Uyghurs and the Manas Epic is the epic of the Kyrgyz, the Edigey Epic has variants of Tatar, Bashkir, Nogay, etc. This is because, as mentioned above, all these people are within the Golden Horde.

The first publication of the Edigey Epic in Türkiye is the Tatar variant of the epic written by Dr. Rüstem Sulti [8]. The text published by Rüstem Sulti is based on the copy prepared in Tatar Turkish by Tatar scholar Naki İsenbet. This work by Sulti is his doctoral thesis, which he defended at Ege University in 1998 [17].

In the introduction of this study, Sulti discusses topics such as epic types, Tatar narrative tradition, the place of the Edigey epic in this tradition, and studies on the Edigey epic. [8, p. 11–34]. The text consists of a Tatar part with Cyrillic letters, a Turkish transcription, and a Turkish translation. While explaining the studies on *the Epic of Edigey*, Sulti states that the Crimean Tatar Hacı Osman Ataoğlu, who lived in the Harmana village near Ankara in Türkiye in the 1950s, found a written variant and that it was later published in German [5] by Saadet Çağatay [8, p. 31].

Bashkir variants of the epic were published several times in Türkiye. In 2017, Mustafa Arslan published the Bashkir variant under the name *Historical Epic of Bashkir Turks, İdigey and Moradım (İzeükey Minen Moradım)* [4]. This publication is based on Burangulov's publication. It would have been more accurate for Mustafa Arslan to have said "Bashkir variant of the epic" instead of "The epic of the Bashkirs" in the title.

Like Rüstem Sulti, Mustafa Arslan deals with topics such as Bashkir Turks and the epic tradition, studies on the epic, content features of the epic, and types in the epic in the introduction before giving the text of the epic. The book's epic text is given in Latin letters, in Bashkir, and Turkish.

Göksel Öztürk also published this copy of Burangulov in 2023 [14]. This study is Göksel Öztürk's doctoral thesis, published as a book (2001) [15]. In his thesis study, Öztürk, in addition to the publication of the text, also discussed the development of Bashkir Turkish as a written language, sound, and sound events through the epic text. In his book study, he deals with the Bashkir copies of the epic and the studies on the epic in Bashkortostan. Öztürk also gives the text of the epic in Bashkir and Turkish in Latin letters.

A few variants of *the Epic of Edigey* were published in the third volume of the 4-volume work titled *Bashkir Epics*, also published by the Turkish Language Association: *İdige and Muradım* [9]; *İdege (The Fairy Tale Version)* [10].

The Nogay Turks variant of *the Epic of Edigey* has also been published. The variant that is the subject of the study titled *Edige, the Heroic Epic of the Nogay Turks (Introduction-Text-Quotation-Grammatical Index)*, published by Mustafa Yıldız in 2016, is the text included in Haşim Sikaliev's book titled *Nogay's Forty Batyrs*, published in 1991 [22]. In the introduction part of his work, Mustafa Yıldız gives information about Nogay folklore and epics, Tokhtamysh Khan-Edigey relations, and the variants of the Epic of Edigey. Then, he provides the epic text in Nogay and Turkish in Latin letters. In 2020, the Kazakh (Cokan Velihanov) copy of the epic was published [7]. Kazakh and Turkish texts are given together in this publication.

In addition to the text publication, another study that deals with the variants and content of the Edigey epic is the book titled *The Epic of Edige: Effects of a Heroic Tradition, Content, and Formation*, written by Andrea Scmitz and translated into Turkish by Can Bulut [16]. By comparing five Nogay, three West Siberian, seven Kazakh, one Karakalpak, and one Crimean Tatar variant of the epic, the author tries

to reveal the structure and content of the Edigey Epic and to identify the image of Edigey among the Turkish people.

As Andrea Scmitz puts it, although there are different variants of *the Epic of Edigey* and this epic is attributed to different nations, the subject and heroes of all these publications are the same. On the other hand, we find the differences in the epic only in the motives and cultural characteristics specific to all these peoples.

In addition to book studies, the Edigey Epic has also been the subject of master's and doctoral theses. Moreover, in the doctoral theses of Rüstem Sulti and Göksel Öztürk mentioned above, Nezih Tatlıcan wrote *Mythology and Historicity in Edigey-Centered Epic Narratives (Bashkir-Kazakh-Tatar)* [19] focusing on the Edigey Epic and Shyryn Kozhabekova *Edige Epics Edition Critique (Integrated New Text)* [12] that they wrote master's theses titled "detection". In addition to book studies, *the Edigey Epic* has also been the subject of master's and doctoral theses. In his thesis, Tatlıcan focuses on *the Edigey Epic* and examines the elements of mythology and historicity in the Tatar, Bashkir, and Kazakh epics. In his thesis, Kozhabekova introduces 61 variants of the epic belonging to the Tatars, Bashkirs, Kazakhs, Karakalpaks, Nogays, Uzbeks, and Turkmens, and then includes the Turkish translation of the Erpolat Rayymberdioglu variant of the Karakalpak Turks.

The Epic of Edigey has been the subject of many studies. In our research on the subject, it was determined that 11 articles were published in Türkiye. Alper Alp focuses on the image of Temur in the epic in his article titled "The Image of Temur in the İdegey Epic" [1]. The author, who discusses it more according to Sulti's publication, states that Temur is generally portrayed negatively in the epic. According to Alper Alp, in the epic, it is emphasized that Tokhtamysh looks down on Temur and that he is superior in terms of status, and it is stated in the epic that although Temur is a powerful ruler, his rule is not legitimate. Although it is written that Tokhtamysh and Edigey were also wrong, the most important reason for the collapse of the Golden Horde is Temur, according to Epic [1, p. 80–81].

Zekiye Tunç, in her article titled "Homeland Theme in the Edigey Epic (According to Tatar and Bashkir Variants)" discussed the theme of homeland in the epic. After summarizing the epic in her article, Tunç compares the Tatar and Bashkir variants, gives information about Edigey Mirza, and finally deals with the subject of love and longing for the homeland in the epic and gives examples on the subject [20]. For example, when Edigey took shelter with Temur, Edigey explained to him that he had left his homeland as follows:

*I left my own father. From the safe homeland within the Volga
I left my Volga,
I left my own state.
From my son, Norad,
I left the light in my eyes* [20, p. 700].

There are many examples of longing for the homeland in the epic. In general, Edigey fought a great struggle to protect his native lands, Volga and Ural, from enemies. Edigey described his homeland as a "luminous homeland" and a "holy homeland" It is understood from this that Edigey placed his homeland at sacred level [20, p. 713]. İklil Kurban in his article titled "The Epic of İdegey and the Identity of the Epic Hero İdegey", provides general information about both the epic and its hero Edigey [13].

The weapons used to defend the homeland are as important as the theme of the homeland. In her article titled “Weapons in the Epic of Edigeý” Gülhan Atnur discusses the weapons mentioned in the epic, based on the Tatar version of the epic. However, the rule in epics is clear, and Edigeý mentions this rule twice:

“To beat the unarmed, to kill the sleeping ones

It is the work of the weak person, it is the work of the vile person.” [3, p. 219–220].

The epic describes battle scenes in detail: war flags are raised (Turkish-tug-), horsemen or foot soldiers are prepared, cannons are fired, and Temur’s elephants are lined up [3, p. 220]. The author states that mace, whip, lasso, spear, axe, knife, arrow, armor, and, of course, the sword is frequently mentioned in the epic during the Civil War and the fight against Temur. It is written that Edigeý, like many other heroes, used a Damascus sword [3, p. 220–225]. It is emphasized in the epic that the weapons were made of real steel. This once again points to the sanctity of blacksmithing among the Turks. Some weapons are decorated with gold, indicating the nobility of the owner [3, p. 229].

Gülhan Atnur, in another article about the Edigeý Epic “The Book of Dede Korkut and the First Representatives of the Tradition of Bard and Yıravlık in the Edigeý Epic” [2], compares *the Epic of Edigeý* with *the Book of Dede Korkut*, another famous work of the Turks, and explains the poetic and yırav characteristics in these two works. Examines the traditions.

One of the topics discussed within the framework of the Edigeý Epic studies in Türkiye is steppe and nomadic life. Çolpan Zaripova Çetin examines steppe life and traditions in her article “Steppe and Nomadic Life in the Tatar Epic İdegeý” [23]. According to the author, the steppe they call *Dala* is, on the one hand, a vast place where Khans and people live, where many Turkish tribes migrate from one end to the other, and where commercial caravans pass, and on the other hand, it is a frightening and brutal battlefield [23, p. 320–321]. The horse and the hunting bird, which are indispensable parts of the steppe, also constitute important elements of *the Edigeý Epic*. While the events in the epic revolve around a bird of prey, depictions of horses also give important clues about their owners [23, p. 321–322]. All areas of steppe life are discussed in the epic: tents, food culture, horses, steppe animals, clothing, musical instruments (Turkish music instruments: kopuz, saz, zurna, drum, dombra), traditions regarding birth and death [23, p. 322–328].

Çolpan Zaripova Çetin has another article about the Edigeý Epic: “Transitional Periods in the Tatar Folk Epic İdegeý” [24]. In this article, the author discusses the customs and traditions related to birth, wedding, and death in the epic. Birth-related customs include having the child’s shoulder blade examined; scattering gold coins; making mares mature by slaughtering mares that have not given birth; giving a name; and expelling the fleeing enemy; It includes preparing a crib. [24, p. 129–138]. Wedding customs are described as follows: the bride coming to the groom’s house and bowing to her father-in-law and mother-in-law to show her respect; the bride taking the bowl full of honey and drinking it; Veil knitting and draping [24, p. 138–142]. Funeral traditions include practices such as washing the dead and making kurgans (building graves). [24, p. 142–144].

Epics, in addition to covering the main events in the political history of states and providing important information on socio-cultural issues, also have mythologi-

cal elements. Some of the studies on *the Edigey Epic* in Türkiye examine the epic from this perspective. In this context, mentioning Gumru Shahriar's article [18] is necessary. In her article titled "Religious-Mythological Motifs in the Edigey Epic" Shahriar, on the one hand, gives examples of mythological motifs in the epic (for example, the event of being born from a fairy girl or the Kara Tiyin Alp (symbol), on the other hand, she emphasizes that Edigey is a Muslim, and in this context, he emphasizes Beytullah, the Hereafter, it examines religious elements such as Heaven, Hell, and Azrael.

In his article, Yaşar Kalafat examines the extraordinary characters based on Rustem Sulti's publication of the epic. Chief among these are the fairy girl, Edigey's mother, and Kara Tiyin Alp, from whom Edigey saved Temur's daughter. [11]. Ramilya Yarullina Yıldırım and Çetin Yıldız, in their article titled "Functions of Animals in the Edigey Epic" [21], write that animals are used as elements of simile and allusion in the epic. They state that animals represent strength and bravery, beauty and grace, cowardice and helplessness, experience, and old age in the epic.

Like other epics, the Edigey Epic also contains proverbs. Fahri Dağı mentions 48 proverbs in his article titled "Some Proverbs Identified in the Edigey Epic" [6]. The author examined the proverbs he identified in the epic within the framework of the headings: forgiveness, the mortality of the world, life experience, bravery, unity and solidarity, cowardice and evil, wisdom and virtue, raising children, love of the country, time and the importance of time, state administration, bad words and gossip, and proverbs about lineage and social status. According to the author, the proverbs in the epic contain ethical values that statesmen should have, such as forgiving, not inclining towards worldly possessions, bravery, wisdom, love of nation and homeland, making good use of time, and raising children, which suit the Alpine type [6, p. 318].

Conclusion. The process of publishing and researching the epics of the Turkish world has accelerated in Türkiye in recent years. In Türkiye, all the epics of the Turkish world have been published many times separately, and the epics have been the subject of different studies. Unlike in the past, it is seen that historians are increasingly referring to epics and using epics as sources. In recent years, one of the most researched epics in Türkiye is *the Epic of Edigey*. The Edigey Epic has attracted the attention of Turkish researchers in many aspects. The Edigey Epic, which has been a symbol of prohibition for many years, is also the common historical and literary heritage of many Turkish people. The epic has variants of Tatar, Bashkir, Kazakh, Karakalpak, Nogay.

Tatar researcher Rustem Sulti started *the Edigey Epic* research in Türkiye. The Naki İsenbet variant of the epic, which he published in Tatar and Turkish in Türkiye in 1998, initiated interest in *the Edigey Epic*, and its publication became the subject of many researchers. In general, it should be said that scholars of Tatar origin in Türkiye played an essential role in the research of the Golden Horde, Tatar history, and the Turkish states and tribes in the north of the Black Sea and brought many primary sources into Turkish.

After the Tatar variant of the epic was published in Türkiye, Bashkir, Nogay, and Kazakh variants were also published. Also, two master's and two doctoral theses were written about *the Edigey Epic*. Although there are different variants of *the Edigey Epic*, and this epic is attributed to various nations, the subject and he-

roes of all of these publications are the same, and we see the differences only in the motifs and cultural characteristics specific to all these people.

Although it seems that the *Epic of Edigey* attracts the attention of linguists mostly when looking at master's and doctoral theses, historians, art historians, and cultural history researchers have also started to conduct studies on the epic in recent years. As a matter of fact, according to our research, 10 articles about *the Epic of Edigey* were written in Türkiye. These studies have mostly tried to reveal how subjects such as the image of Temur, the theme of homeland, weapons, steppe, steppe culture, birth, wedding, and death are handled in the epic. In addition, subjects such as extraordinary powers, mythological motifs, and the functions of animals in the epic were also examined in the articles. It is understood that interest in the Edigey Epic will gradually increase in Türkiye. In this context, publishing all variants as a corpus and writing a monograph covering all epic aspects is essential.

REFERENCES

1. Alp A. İdegey Destanında Temur İmajı. *1402 Ankara Savaşı Uluslararası Kongresi Bildiri Kitabı*. Turkish Historical Society. Ankara, 2014, pp. 77–81.
2. Atnur G. Dede Korkut Kitabı ve Edigey Destanı'nda Ozanlık ve Yırvalık Geleneğinin İlk Temsilcileri. *Halk ve Bilim Arasında Bir Ömür Prof. Dr. İsmail Görkem Armağanı*. Kömen Publications. Konya, 2020, pp. 205–212.
3. Atnur G. Edigey Destanı'nda Silahlar, *Ataturk University Journal of Social Sciences (Current Perspectives in Social Sciences)*. 2017, Vol. 58, pp. 217–230.
4. *Başkurt Türklerinin Tarihi Destanı İdigeyle Moradım*. Prepared by M. Arslan. Ötüken Neşriyat. İstanbul, 2017.
5. Çağatay S. Die Adige-Sage. Text. Übersetzung und Kommentar. *Ural Altaische Jahrbücher*, 1953. Vol. 25, pp. 243–282.
6. Dağı F. Edigey Destanı'nda Tespit Edilen Bazı Atasözleri. *Turkish Studies*, No. 12, s. 22, 2017. Pp. 301–318.
7. *Edige Batur Destanı*. Ed. Bekezhhan Akhan, Durmuş Ali Arslan, Galib Sayılov, Paradigma Academy Publications. İstanbul, 2020.
8. *Edige Destanı*. Prepared by R. Sulti, Türksoy Publications, 1998.
9. İdige ile Muradım, *Başkurt Destanları 3*, prepared by A. Süleymanov, G. İbrahimov, M. Ergun, Turkish Language Society Publications. Ankara, 2014, pp. 145–293.
10. İdege (Masallaşmış Versiyonu), *Başkurt Destanları 3*, prepared by A. Süleymanov, G. İbrahimov, M. Ergun, Turkish Language Society Publications, Ankara 2014, pp. 295–306.
11. Kalafat Y. “Edige Destanında Olağanüstü Tipler”, *Journal of Selçuk University Turkish Studies*, 2003. Vol. 13, pp. 345–352.
12. Kozhabekova, S. *Edige Destanları Edisyon Kritiği (Bütünleştirilmiş Yeni Metin Tespiti)*. Muğla Sıtkı Koçman University. Institute of Social Sciences, Master's Thesis, 2021.
13. Kurban İ. İdegey Destanı ve Destan Kahramanı İdegey'in Kimliği. *Türk Yurdu*. 1996, Vol. 104, pp. 39–41.
14. Öztürk G. *Edige Batır Destanı*. Vakıfbank Kültür Publications, 2023.
15. Öztürk G. *Edige Batır Destanı'nın Başkurt Versiyonu (İnceleme-Metin-Transkripsiyonlu Metin-Çeviri-Dizin)*. Marmara University. *Turkic Studies Institute, Published Doctoral Thesis*, 2001.
16. Schmitz A. *Edige Destanı: Bir Kahramanlık Geleneğinin İçeriği. Oluşumu ve Etkileri*. İzmir, 2004.

17. Sulti R. *Edigey Destanının Tatar Anlatmaları Üzerine Bir İnceleme*. Ege University Institute of Social Sciences. Doctoral Thesis. İzmir, 1998.
18. Şehriyar G. Edigey Destanı'nda Dini-Mitolojik Motifler. *Gaziantep University Journal of Social Sciences*. 2020. Vol. 19, pp. 158–169.
19. Tatlıcan N. *Edigey Merkezli Epik Anlatılarda (Başkurt-Kazak-Tatar) Mitoloji ve Tarihsellik*, Pamukkale University Institute of Social Sciences. Master's Thesis, 2013
20. Tunç Z. Edigey Destanında Vatan Teması (Tatar ve Başkurt Varyantlarına Göre). *Journal of Black Sea Studies*. Vol. 18, pp. 689–715.
21. Yarullina Yıldırım R. Yıldız Ç. Edigey Destanı'nda Hayvanların Fonksiyonları. *International Journal of Euroasian Studies*, no. 1. Vol. 1, pp. 67–77.
22. Yıldız M. *Nogay Türklerinin Kahramanlık Destanı Edige: Giriş-Metin-Aktarma-Gramatikal Dizin*. Kömen Publications, 2016.
23. Zariyova Çetin Ç. Tatar Destanı İdegey'de Bozkır ve Göçebe Hayat, *Journal of Black Sea Studies*, 2016. Vol. 31, pp. 319–330.
24. Zariyova Çetin Ç. Tatar Halk Destanı İdegey'de Geçiş Dönemleri, *Journal of Black Sea Studies*, 2007. Vol. 15, pp. 125–147.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭПОСА «ИДЕГЕЙ» В ТУРЦИИ

Ильяс Кемалоглу

Университет Мармара

Стамбул, Турция

ilyaskamal78@mail.ru

Резюме. Цель исследования – раскрыть историю исследования эпоса «Идегей», одного из важнейших эпосов тюркского мира, в Турции, познакомить читателя с опубликованными рукописями эпоса, а также выявить какие темы в эпосе больше всего привлекает внимание турецких исследователей.

Материалы исследования: экземпляры эпоса, изданные в Турции, магистерские и докторские диссертации, связанные с эпосом, а также статьи, опубликованные по данной теме в различных научных журналах Турции.

Результаты и научная новизна: В результате исследования установлено, что в Турции изданы татарский, башкирский, ногайский и казахский варианты эпоса, написаны две кандидатские и две докторские диссертации, а также десятки статей. Хотя разные варианты эпоса, изданных в Турции, приписываются разным народам, сюжет и герои всех этих изданий одни и те же, а различия мы видим лишь в мотивах и культурных особенностях, свойственных всем этим народам. Как и во многих других областях, первыми, кто исследовал эпос в Турции, были татарские интеллектуалы. С другой стороны, статьи, написанные об эпосе, рассматривают эпос с исторической, литературной и лингвистической точки зрения. В этих исследованиях в основном пытались выявить, как раскрываются в эпосе такие сюжеты, как образ Идегея и Тимура, тема родины, оружия, степи и степной культуры, рождения-свадьбы-смерти. Кроме того, в написанных статьях также рассматривались такие темы, как чрезвычайные силы, мифологические мотивы и функции животных в эпосе.

Ключевые слова: Турция, эпос, эпос «Идегей», Золотая Орда, татары

Для цитирования: Kemaloğlu İ. Research on the Epic of Edigey in Türkiye // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 888–896. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.888-896> EDN: PXYEW

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильяс Кемалоглу – Dr., профессор кафедры истории факультета литературы Университета Мармара (34722, ул. Фахреттин Керим Гекай, Кампус Гозтепе, Стамбул, Турция); ORCID: 0000-0002-8350-5834. E-mail: ilyaskamal78@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

İlyas Kemaloğlu – Dr., Professor, Department of History, Faculty of Letters, Marmara University (Fahrettin Kerim Gökay Str., Göztepe Campus, Istanbul 34722, Türkiye); ORCID: 0000-0002-8350-5834. E-mail: ilyaskamal78@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 24.06.2024

Поступила после рецензирования / Revised 26.08.2024

Принята к публикации / Accepted 19.11.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.897-914>
EDN: QQPXTU

УДК 398.322

НОГАЙСКАЯ ВЕРСИЯ ЭПОСА «ИДЕГЕЙ»: ОБЗОР ВАРИАНТОВ И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

И.Г. Закирова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
izakirova@mail.ru*

Резюме. Цель исследования: работа нацелена на обзор и систематизацию вариантов ногайской версии эпоса «Идегей», ввод в научный оборот неисследованных вариантов, составление полного списка существующих текстов.

Материалы исследования: ногайские варианты эпоса «Идегей». Наряду с известными текстами, введены в научный оборот варианты, опубликованные в дореволюционной периодической печати.

Результаты исследования и его научная новизна: в работе выявлено, что ногайские варианты дастана об Идегее до сих пор не становились объектом специализированного монографического исследования. До революции варианты были зафиксированы и изданы в переводе на русский язык отечественными учеными. Единственный дореволюционный вариант на ногайском языке издан М. Османовым.

Научная новизна исследования состоит в том, что произведен обзор всех известных вариантов, сравнительный анализ отдельных эпизодов и мотивов. Проанализированы не исследованные ногайскими учеными варианты. Введен в научный оборот до сих пор не изученный вариант А.П. Кулебякина, который по праву можно назвать первым сводным текстом эпоса. Помимо прочего оспаривается отношение некоторых текстов к ногайской версии.

Ногайские варианты отличаются именами персонажей, имеют оригинальные мотивы, однако своеобразность мотивов имеет не национальный, а, в основном, локальный характер. Ногайские, крымскотатарские варианты, и варианты астраханских татар по сюжету близки друг с другом.

Ключевые слова: дастан «Идегей», ногайские варианты, дореволюционные издания, ногайский язык, сюжетная линия, Кулебякин

Для цитирования: Закирова И.Г. Ногайская версия эпоса «Идегея»: обзор вариантов и история изучения // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 897–914. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.897-914> EDN: QQPXTU

© Закирова И.Г., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

NOGAI VERSION OF THE EPIC “EDIGE”: REVIEW OF VERSIONS AND HISTORY OF STUDY

I.G. Zakirova

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ilzakirova@mail.ru*

Abstract. Purpose of the study: This work is aimed at reviewing and systematizing variants of the Nogai version of the epic “Edige”, introducing unexplored variants into scientific circulation, and compiling a complete list of existing texts.

Research materials: Nogai versions of the epic “Edige”. Along with well-known texts, variants published in pre-revolutionary periodicals have been introduced into scientific circulation.

The results of the study and its scientific novelty: The present work proves that the Nogai versions of the dastan about Edigei are numerous, but have not yet become the object of a specialized monographic study. Before the revolution, the variants were recorded and published in Russian translation by domestic researchers. The only pre-revolutionary version in the Nogai language was published by M. Osmanov. The scientific novelty of the study lies in the fact that a review of all known options and a comparative analysis of individual episodes and motives was carried out. Variants that have not been studied by Nogai scientists have been identified. The hitherto unexplored version of A.P. Kulebyakin has been introduced into scientific circulation; it can rightfully be called the first consolidated text of the epic. Among other things, the relationship of some texts to the Nogai version is disputed.

The Nogai variants differ in the names of the characters and have original motives, yet the originality of the motives is not stemming from a national standpoint but mainly local in nature. The Nogai, Crimean Tatar variants, and the Astrakhan Tatar variants are close to each other in plot.

Keywords: dastan “Edige”, Nogai variants, pre-revolutionary publications, Nogai language, storyline, Kulebyakin

For citation: Zakirova I.G. Nogai version of the epic “Edige”: review of versions and history of study. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 897–914. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.897-914> (In Russian)

Введение. Ногайские версии дастана «Идегей» неоднократно записывались и публиковались, начиная с XIX века. В настоящее время проводится большая работа по популяризации ногайской версии эпоса «Идегей». Изданный под редакцией Н.Х. Суюновой в 2016 году в Москве сборник «ногайских» вариантов эпоса является ярким примером этого. В сборнике представлено 14 текстов, текст Ч.Ч. Валиханова представлен как в оригинале, так и в переводе на русский язык, вторая часть «Научные приложения» состоит из работ об эпосе «Идегей» [39].

Исследование возникновения и формирования эпических произведений относится к наиболее спорным моментам в эпосоведении. Проблема определения периода возникновения, вопрос о первичности национальных версий требуют тщательного исследования, тем не менее зачастую остаются открытыми.

Ногайские ученые, исследовавшие национальную версию эпоса «Идегей», придерживаются мнения, что эпос создан ногайским народом и остальные тюркские народы только переняли оригинальный сюжет. Н.Х. Суюнова во вступительной статье сборника «Эдиге: Ногайская эпическая поэма» пишет, что «В современной тюркологии все менее дискуссионным становится вопрос этнической принадлежности эпоса о ногайских богатырях» [39, с. 8]. Для подтверждения этого мнения ногайские ученые обращаются к трудам В.М. Жирмунского, П.А. Фалева и других. В своей монографии «Тюркский героический эпос» В.М. Жирмунский пишет: «Ногайский материал заслуживает особого внимания, так как эпические сказания об Идиге и ногайских богатырях, о потомках Идиге сложились исторически в Ногайской Орде» [12, с. 352]. П.А. Фалев отмечает, что ногайцы «разнесли свой эпос по всей Средней Азии до самого Алтая...» [35, с. 34].

Прежде всего предстоит определить, какие территории имеются в виду под терминами Ногай иле (Ногайская страна), Ногайская Орда и ногайские степи и какие народы жили на указанных территориях. Так как речь идет именно об эпосе «Идегей», ответ на этот вопрос кроется прежде всего в самом эпосе. В национальных вариантах эпоса как центр событий показано междуречье Волги и Урала – «Идел Жаек арасы».

Например:

Ногайский вариант А.-Х.Ш. Джанибекова:

– *Мен кайтпам да, кайтпам да,*

Кайтып, Эдил оьттем де!

Я не вернусь, не вернусь,

Не переправлюсь через Волгу! (перевод – И.З.)

Румынско-татарский вариант Энвера и Недрет Махмутовых:

Эдилде болды сегиз хан,

Яйыкта болды тогыз хан

В стране Идиль было восемь ханов,

В стране Яик было девять ханов (перевод – И.З.)

Сводный татарский вариант Н. Исанбета:

Борын-борын заманда,

Идел-Йаек буенда

Туктамыш дигән хан үткән

Давным-давно,

Вдоль Волги и Яика

проходил хан Туктамыш (перевод – И.З.)

Казахский вариант Ч. Валиханова:

Со кеткенден Эдиге кетди, Эдил минен Жайык арасындан үтди.

Так Эдиге ушел безвозвратно, прошёл между Эдиль и Джайыком (перевод – И.З.).

Волга и Яик, Сарай упоминаются в прощальной песне Токтамыш хана. В вариантах эпоса, сохранивших эпизоды о сражениях, указаны территории, где произошла битва Идегея и Токтамыша. Таким образом, все события, описанные в эпосе, принадлежат Золотой Орде и хронологически, и территориально.

В письменных источниках сохранились и различные названия Золотой Орды. В национальных вариантах эпоса эта территория называется «Нугай йорты», «Нугай иле» (Ногайская страна).

Например, в сводном татарском варианте Н. Исанбета термин «Нугай йорт» обозначает Золотую Орду и является синонимом этому хорониму:

<i>Борын үткән заманда</i>	В давние времена,
<i>Болгар белән Сарайда,</i>	В Булгаре и Сарае,
<i>Җаек белән Иделдә,</i>	На Яике и по Волге,
<i>Алтын Урда, Ак Урда –</i>	Золотая Орда, Белая Орда –
<i>Данлы Кыпчак җирендә,</i>	На Кипчакской земле,
<i>Татардан туган Нугай илендә</i>	На земле нугайцев, урожденных от та-
<i>Туктамыш дигән хан булды;</i>	тар,
	Жил хан Токтамыш (перевод – И.З.)

Или:

<i>Нугай иле тапмастай</i>	Не разгадать Ногайской стране
<i>Бу бер авыр төш икән.</i>	такой сложный был сон (перевод – И.З.)

Казахский вариант Ч. Валиханова:

Ногайлынынъ авыр журт абдырады, айланды...

Страна нугайцев растерялась, смутилась (перевод – И.З.).

Веселовский Н.И. происхождение этнонима ногай объясняет следующим образом: «Один из влиятельнейших темников Золотой Орды, Ногай (с монгольского нохай – «собака»), именем которого назвался, называется и теперь, некогда многочисленный степной народ – Ногайцы» [7, с. 132]. Н. Исанбет о происхождении этнонима также пишет, что этноним ногай распространился от имени мирзы Ногай [18, с. 85]. Ученый там же отмечает, что узбеков, казахов, каракалпаков и казанских татар называют «нугай» [18, с. 85]. Таким образом, после распада Золотой Орды термин «ногай» использовался в качестве политонима для обозначения золотоордынских татар, отсюда и термин «ногайские татары». Нигмат Хаким при исследовании татарской версии эпоса, тоже изучает этот вопрос, и, подтверждая свое мнение, цитирует турецко-узбекского ученого Сулеймана Бухари [44]: «Ногайцы – племя, отделившееся от моголов, которые в настоящее время являются мусульманами, говорящие на тюркском языке и живут в основном в Казанской губернии» («Нугай – магуллардан аерылган бер кабилә исмидер ки, хәзерендә мөселман вә төрки телендә сөйләшүче булыб күбесенчә Казан мәмлэкәтендә торадырлар») ¹.

Известный этнограф Аристов также придерживается мнения, что «Во времени распада Улуса Джучи тюркские кочевники от Урала и Кубани до Дуная начали уже носить общее имя ногайцев от имени племянника Берке-хана Ногай, который в конце XIII века соединил под своею властью несколько сильных родов и при помощи их ставил и низвергал ханов Золотой Орды по своему произволу» [4, с. 128]. Это же мнение сохранилось и в арабских источниках. Они указывают, что Ногайская страна того времени – это не Ногайское государство с этнической точки зрения, а подразумевалась как «Ногаева стра-

¹ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52, единица хранения 240.

на», то есть в значении находившейся под руководством хана по имени Ису Ногай в XIII веке [31, с. 422 (434)].

Поэтому утверждение о том, что эпос об Идегее зародился у ногайцев, верно лишь частично, так как оно не относится к современному ногайскому народу, а подразумевает всех золотоордынцев. Именно поэтому эпос и сохранился у тех народов, чьи предки жили в Золотой Орде. Мы придерживаемся мнения, что эпос начал формироваться в Золотоордынском государстве в годы существования Идегея и создавался на тех территориях, где происходили описанные события. Термин «ногай» в то время еще не использовался и тем более не являлся этнонимом. Неверно связывать время создания эпоса «Идегей» с периодом Ногайской Орды. В этом случае эпос не мог бы распространиться на территории от Алтая до Крыма.

Ногайская версия дастана «Идегей». Рассмотрим ногайские варианты эпоса. В ходе исследования было установлено, что большинство этих текстов относится к ногайским вариантам достаточно условно. Например, в сборник «Едиге: Ногайская эпическая поэма» наряду с ногайскими текстами вошли также казахский, астраханско-татарский и крымско-татарский варианты. При этом тексты, опубликованные в дореволюционной прессе, не включены в сборник ногайского эпоса «Эдиге» и до сих пор ногайскими учеными не исследованы.

Рассмотрим варианты эпоса в хронологическом порядке, то есть в связи со временем записи или публикации. Ногайские фольклористы первым ногайским вариантом эпоса считают текст, записанный в 1830 году в Астраханской области и изданный А. Ходзько в переводе на английский язык в Лондоне [41, с. 348–362; 29, с. 6]. Текст, записанный А. Ходзько «Песни об Эдигее», в переводе Николая Гулака был напечатан в газете «Кавказ» в 1885 году [26], откуда был заимствован Н. Семеновым в его книге «Туземцы Северо-Восточного Кавказа» в 1895 году [28, с. 467–481]. Этот же перевод с незначительными изменениями был включен в сборник ногайского варианта [39, с. 55–64].

Николай Гулак пишет, что публикация Н. Семеновым варианта «Яммай» в газете «Кавказ» служила поводом опубликовать этот перевод: «Въ № № 269 и следующих газеты «Кавказъ» появился перевод прозой ногайской героической поэмы времен хана Золотой Орды Тохтамыша» [26]. Как указывает Н. Гулак, Н. Семенов записал эти песни в 1880 и 1881 годах, живя среди прикаспийских ногайцев. Варианты этих же песен были записаны Александром Ходзько в г. Астрахани ровно столетия перед этим, а именно в 1830 году [26].

Надо отметить, что Николай Гулак является не только переводчиком, но и автором небольшого предисловия к опубликованному им варианту. Утверждение Н.Х. Суюновой, что «Гулак – автор публикации, посвященной переводам ногайских текстов эпоса «Эдиге», опубликованным А. Ходзько в 1842 г. на английском языке в Лондоне и Н. Семеновым в 1885 г. на русском языке в газете “Кавказ”», не соответствует истине [39, с. 18]. Александр Ходзько во введении к эпосу пишет, что «толгау были сообщены мне одним из моих татарских друзей Али Бегом Шараповым зимой 1830 года, во время пребывания в Астрахани [41, с. 348–362]. Название текста также указывает на то, что данное произведение является фольклором астраханских татар. Ходзько еще раз повторяет об отношении варианта к татарскому народу: «Они очень популярны

среди татар, от Урала до Кумы» [41, с. 55]. Он же пишет о своем информанте, что тот является «человеком ученым».

Первая часть текста состоит из традиционных мотивов. Во второй части много мотивов, относящихся к исламской мифологии. Несмотря на то, что А.И. Капланова пишет, что «Ногайский народный эпос отличается реалистическим изображением действительности, историчностью, отсутствием религиозного фанатизма» [20, с. 297], следует отметить, что религиозные мотивы встречаются почти во всех национальных версиях эпоса «Идегей»².

Включение этого варианта в сборник ногайской национальной версии эпоса «Идегей» [39, с. 55–64] подтверждает, что не только А.И.-М. Сикалиев, но и другие ногайские фольклористы придерживаются этого мнения. То, что вариант является татарским и принадлежит астраханским татарам, подчеркивает сам А.Л. Ходзько, не оставляя места для дискуссий.

А.И.-М. Сикалиев текст эпоса «Идегей», записанный казахским просветителем Ч. Валихановым, также считает ногайским: «В 50-х годах XIX в. другой вариант “Эдиге” записал у ногайцев казахский просветитель Ч. Валиханов» [29, с. 7]. Упомянутый вариант был составлен Чоканом и его отцом Чингизом Валихановыми из трех списков: «В первый раз Ч. Валиханов услышал эту былинку или, как он ее называет, рапсодию в Аман-Карагайском округе, в кочевьях небольшого аула керлеут-кыпчаков от акына Джумагула в 1841 г.; первый список был сделан султаном Чингисом Валихановым со слов... кыпчака Джумагула, второй сделан им же с добавлениями из устных преданий разных лиц, третий список был сделан со слов Арсланбая» [30, с. 224–225]. Рассматривая казахский вариант эпоса в сравнении с ногайским вариантом М. Османова, П.М. Мелиоранский пишет: «Ввиду большого сходства всего отрывка с параллельным местом ногайской редакции «Предания о Тохтамыш-хане» [см. 25, с. 35] можно думать, что по крайней мере эта часть былины возникла именно у ногайцев и от них уже перешла к киргизам. Найдутся и еще некоторые признаки ногайского влияния, так что весьма вероятно, что и вообще родиной этой былины были Ногайские, а не Киргизские степи, что с исторической точки зрения представляется весьма правдоподобным» [22, с. 5]. П.М. Мелиоранский пишет о сюжетном сходстве, однако этот вариант он считает казахским, отмечает и влияние татарского литературного языка: «Как и все киргизские рукописи, наша рукопись в то же время не вполне свободна от влияния татарского литературного правописания» [22, с. 4]. В Валихановском варианте также есть фрагменты, написанные на татарском языке, однако несмотря ни на что, вариант является казахским. Казахский вариант также включен в ногайский сборник, однако составители публикуют текст с оговоркой, что «классический арабографический вариант Ч.Ч. Валиханова – П.М. Мелиоранского также включен в издание в транслитерации кириллицей, потому как избыточные в нем “признаки ногайского влияния” [см. 22] могут быть полезны для будущих историко-филологических исследований» [39, с. 18].

Существует немало вариантов эпоса, не получивших должного внимания и не упоминавшихся до сих пор исследователями. Учёные исследуют ногайскую версию эпоса работая над многократно изученными и опубликованными вер-

² По данному вопросу см. статью в этом номере журнала: Валиуллина Ф.М. Религиозные мотивы в дастане «Идегей» (*прим. гл. ред.*).

сиями. В сборнике, посвящённом ногайскому эпосу, эти варианты не упомянуты составителями. Включение и анализ этих вариантов сделали бы сборник более полным с научной точки зрения.

В 1893 г. М. Алейниковым была опубликована статья «Поверья ногайцев Мансуровского селения, Баталпашинского отдела, Кубанской области», в которой описываются обычаи, поверья ногайского народа. Автор, рассказывая о мифологическом персонаже Албасты, в качестве иллюстрации приводит отрывок из эпоса «Идегей». В этом отрывке говорится о женитьбе Кутлукья на Албасты и о рождении от этого брака Идегея [1, с. 7–8]. Этот вариант эпоса упоминается и А.И.-М. Сикалиевым [29, с. 10], однако отрывок, который является завершённым по содержанию мифологическим рассказом, в сборник «Эдиге.....» не включен. Не включены в сборник и следующие три текста. В 1900 г. Г. Ананьевым были опубликованы фольклорные тексты «Караногайские народные предания», среди которых есть вариант эпоса под названием «Тохтамыш-хан» в переводе на русский язык [3, с. 1–16]. Ногайские варианты в поэтической обработке также были опубликованы К. Гребенским [10, с. 233–250] и А.П. Кулебякиным [21].

В 1885 году в газете «Кавказ» Н.С. Семеновым был опубликован вариант эпоса «Идегей» под названием «Яммай» [40]. Н.С. Семенов указывает, что текст является «прозаическим переводом отрывков ногайской героической поэмы времен хана Золотой Орды Тохтамыша» [40; № 269]. Тот же текст был опубликован под названием «Мурза Идыге» в изданном Н. Семеновым в 1895 году в Санкт-Петербурге сборнике «Туземцы Северовосточного Кавказа: Рассказы, очерки, исслед., заметки о чеченцах, кумыках и нагайцах и образцы поэзии этих народов» [28, с. 413–466].

Н. Семенов, записавший этот текст в 1880 и 1881 годах у ногайцев, проживающих около Каспия, указывает, что исполнялись они на татарском языке: «Пелись эти отрывки, разумеется, по-татарски и потом переводились для меня на русский язык опытным толмачом. При этом в этих песнях встречалось довольно много темных выражений, которые разъяснялись или самими певцами, или же более сведущими и сообразительными стариками из народа». «Достаточно ознакомившись с песнями-отрывками, я записал их по-русски, отчасти со слов певцов, преимущественно же пользуясь имеющимися у ногайцев рукописными сборниками на татарском языке» [28, с. 414]. Он отмечает, что текст состоит из чередующихся прозаических и удивительно совершенных поэтических частей.

Н.С. Семенов это произведение считает отрывками из существовавших когда-то больших эпических поэм, представлявших собою широкие картины жизни и судеб монгольского царства и его властителей [28, с. 413]. Следует отметить, что вариант является полным и логически завершённым, в его содержании в логической последовательности сохраняются все традиционные мотивы несмотря на то, что Н. Семенов считает их фрагментами.

Изложим краткое содержание варианта:

Сокольниковый Кутлу-кая продает шаху Темиру яйца охотничьего сокола. Узнавший об этом Токтамыш хан казнил Кутлу-кая. Мурза Есебий, молочный брат Кутлу-кая, подменив Едыге своим сыном Кубугулом, спас его от гибели. Повзрослевший Кубугул появился во дворце хана Токтамыша и очаровал его своим умом и доблестью. Однако то, что Токтамыш, приветствуя Эдыге, невольно привстает, вызвало зависть и злость у других. Хан, понимая, что Кубу-

гул вселяет в него почтение к себе и страх задумался над тем, «кто же такой Кубугул, какого он племени и рода и в чем заключается его тайна». С этим вопросом Токтамыш хан обращается к певцу Парздаку. Парздак отвечает, что он за 180 лет жизни видел и знал всех ханов, начиная от Чингиз хана, но Кубугулу нет равных. «Он – хан Эдыге, другое имя которого Шаабуд-дин-шейх! Он князь народа!» – поет Парздак. После того, как личность Кубугула была раскрыта, он бежит к шаху Темиру. Встречает на пути сына своего аталыка Эсебия. Они продолжают путь вместе, и Эдыге встречает в степи калмыцкого хана Кабардына, похитившего дочь Шах-Темира, красавицу Фердауз. Сразив Кабардына, Эдыге прибыл к шаху Темиру, женился на его дочери, склонил шаха завоевать земли Токтамыш хана. После победы Токтамыша, сын Эдыге Нурадиль убивает Токтамыш хана. Из-за коварного Джаммая между Нурадилем и Эдыге начинается конфликт. Нурадиль изгоняет отца, только заболев он понимает свою ошибку и просит прощения у отца. На ханский трон приходит сын Токтамыш хана Кадырбирде. Нурадиль погибает от ран.

Вариант сохранился до наших дней только на русском языке. Однако, если мы сравним переводы этого текста, особенно в поэтической части, с другими вариантами, то увидим, насколько он точен. Для примера приведем песню Джаммая/Джамбая:

Вариант

Н. Семенова:

Возвратись, мурза, возвратись!
Хан ждёт тебя в своей кунацкой:
войди в нее и поклонись ему!
Войди в кунацкую хана и
выпей из рук хана
фарфоровую чашу меду!

Хан жалует тебя шубой,
вышитой золотом:
войди к нему и надень ее!

Хан жалует тебя конём
с золотолуким седлом
и серебряною уздечкою:
возвратись и садись на него!

Сводный татарский вариант

Н. Исанбета:

Кайтсана, Идегэй, кайтсана!
Иңсәсе биек Бүз Урдага
Иңкәеп сәлам бирсәнә!
Ирене юка чынаяк,
Хан-ияң бал бирәдер,
Эчсәнә, Идегэй, эчсәнә!

Якасы алтын, жине алтын,
Бер күрүе мең алтын,
Кара кештән тун бирә,
Кисәнә, Идегэй, кисәнә!

Ияренең кашы алтын,
Йөгәнненең башы алтын,
Ат бирәдер ханияң,
Менсәнә, Идегэй, менсәнә!

Необходимо отметить, что поэтические части национальных версий, песня Парздак/Субра карт, прощальная песня Токтамыш-хана, песня-диалог Эдыге/Идегей и Нурадиль/Норадын и других совпадают. Вариант Н.С. Семенова сохраняет все сюжетные линии эпоса. Этот текст по содержанию можно считать одним из базовых вариантов.

В 1907 году в «Ежемесячных литературных и популярно-научных приложениях к журналу “Нива”» был опубликован вариант эпоса в литературной обработке и в переводе на русский язык К. Гребенского [10, с. 233–250]. Вариант, опубликованный К. Гребенским, содержит несколько оригинальных мотивов и отличается именами персонажей. Например, мотив сна Токтамыш хана о звездах у Н. Семенова отсутствует. Герои варианта К. Гребенского: хан Токта-

мыш, сын Токтамышы Султан, Кутлукай, Идегей, Кубугул, Асыбай, Кабардин, Фердауз и т.д.

В 1913 году в газете «Терские ведомости» А.П. Кулебякиным был опубликован текст под названием «Эдигей и Мурадилъ: (ногайская поэма)» [21]. Научную ценность представляет именно данный вариант, так как именно он является первым сводным и сверенным вариантом эпоса «Идегей», однако и этот материал до сих пор не исследован. А.П. Кулебякин при подготовке и издании варианта «Эдигей и Мурадилъ» подошел к работе прежде всего как научный исследователь.

Сведения об А.П. Кулебякине в первую очередь относятся к его деятельности в качестве полковника. Кулебякин Александр Парфентьевич (Парфенович) является генерал-лейтенантом (1917). Сын полковника П.Т. Кулебякина. Поэт и поэт-переводчик армянской, грузинской, персидской поэзии, сотрудник газеты «Терские ведомости» [6, с. 432; 13, с. 99–129]. Исследователи биографии А.П. Кулебякина пишут, что он был терским казаком, родился 29 мая 1870 года в станице Червлённая Терской области, образование получил во 2-м Кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. Терские казаки по национальности относятся к разным народам. Поэтому А.П. Кулебякин, являясь русским полковником по национальности мог быть не русским. Учитывая информацию, представленную во вступлении и заключении к упомянутому варианту эпоса, мы не исключаем, что по своей национальности он мог быть ногайцем. А.П. Кулебякин вспоминает, как его отец исполнял отрывки из эпоса на ногайском языке: «Я сам слышал некоторые отрывки этой поэмы на ногайском языке от моего отца, передавшего эпизод с Кубугулом в стане Тохтамышы» [21; № 156]. А.П. Кулебякин пишет, что слушал эпос «Идегей» на ногайском языке, при этом сам хорошо им владеет: «и от одного почтенного караногайца Кайдармоллы на зимней ночевке у Терека около станицы Дубовской в ноябре 1904 года певшего о Нурадили» [21; № 156].

Перевод текста выполнен полупоэтическим языком, что свидетельствует о большом поэтическом таланте переводчика. Вариант примечателен как сохранением мотивов, отсутствующих в других вариантах, так и логической завершенностью. Совершенство сюжета объясняется следующим: «не претендуя на оригинальность первоначального замысла, я старался быть верным, главным образом, общему духу и смыслу подлинной поэмы, отдельные же подробности различных неодинаковых записей и слышанных отрывков согласовал, по мере возможности путем, сравнительной и исторической проверки, жертвуя иными мелочами для очищения главной мысли повествования в его глубоком и могучем течении» [21; № 150].

Приведем отрывок текста, который полностью в прозе, для того, чтобы сформировать представление о поэтическом стиле А.П. Кулебякина:

Я видал чуда,
я душой был в раю,
И в видениях со мною Пророк говорил.
Я проклятем моим уничтожить могу,
Я молитвой моей осчастливить могу [21; № 154].

Следует отметить, что этот вариант по содержанию близок к версии Гребенского.

Самым известным ногайским вариантом считается изданный в 1883 году профессором Санкт-Петербургского университета М. Османовым в хрестоматии «Ногайские и кумыкские тексты» вариант «Токтамыс кандынъ хикаьети». Вариант напечатан на ногайском языке, перевод отсутствует [25, с. 32–49]. В ногайской фольклористике этот вариант считается «одной из базовых версий поэмы» [39, с. 158]. В сборнике «Эдиге» составители пишут об этом варианте, что «многие тюркоязычные версии стали копией именно этого варианта» [39, с. 158]. Более детально остановимся на упомянутом высказывании.

Несмотря на то, что конкретно не указано, какие тюркоязычные народы имеются в виду, из контекста ясно, что речь идет о труде, изданном в Казани. В 1914 году вариант М. Османова издается в Казани отдельной книгой [9; 32 б.]. Однако о заимствовании, тем более о плагиате, утверждать неуместно, так как произведение издается с указанием М. Госмана.

Следующий комментарий составителей: «Эригиме – от скуки, на досуге. В оригинальном тексте в этом слове имеется опечатка: вместо буквы ʃ напечатана похожая по начертанию буква ʒ. Наличие этой опечатки подтверждает факт заимствования фольклорных произведений из книги «Ногайские и кумыкские тексты» сказителями некоторых тюркских народов. Сказители, заучившие текст «Предания о Тохтамыш-хане» по книге М.-Э. Османова, не распознав опечатки, прочитали слово «эригиме» по-своему. Так в татарском тексте эпоса «Идегей» читаем: «Өгемә шоңкар чөярмен» [16, с. 199], где «өгә» – филин. Филин, как известно, никогда не служил объектом охотничьего промысла, Нурадин охотился с кречетом «от скуки» [39, с. 178].

Ко времени выхода в свет этой монографии, к 1883 году, все национальные варианты не только не сформировались, а напротив эпос у многих народов перестает существовать в живом бытовании. К концу XIX века сказительство у татарского народа как явление было практически утрачено, заменено традицией «китап уку» – чтение вслух.

Книга М. Госмана, изданная в Казани, популярности не обрела, на что указывает тираж первого и единственного издания. Для сравнения можем поставить в пример: Поэма Кул Гали «История Юсуфа» впервые была опубликована в Казани в 1838 году, выходила около семидесяти раз, а последнее издание было выпущено в 1915 году. Например, в 1902 году она тиражом в 5000 экземпляров издана в типографии наследников Чиркова, таким же количеством – в частной типографии «Каримия», шестью тысячами – в типографии Казанского университета. По популярности лишь немного отстает дастан «Сайфельмулек», который переиздавался отдельной книги в Казани 18 раз. Поэтому преувеличение влияния этого варианта на национальные версии других народов, в том числе на татарский эпос, обосновательно.

Во-вторых, не можем согласиться с высказыванием о том, что татарский учёный неправильно прочитал приведенное выше слово. Книга «Идегей», изданная в Казани в 1988 году, представляет собой сводный вариант татарской версии эпоса «Идегей». Составитель Наки Исанбет уникальный учёный с энциклопедическим образованием, прекрасно знающий не только арабскую графику, но и язык. Во время создания сводного текста эпоса «Идегей» он использовал около 20 вариантов татарских версий, хорошо знал национальные версии других народов. Указанное в комментариях слово встречается и в татарских вариантах эпоса, более того в татарских текстах существует несколько вариан-

тов написания. Например, в версии Нигмата Хакима: Инеп шоцкар чөймәсен (не буду, возвращаясь, охотиться соколом (перевод наш – И.З.)). Мы считаем этот вариант наиболее точным.

Однако мы убеждены, что различия ногайского и татарского текстов связаны не с ошибками авторов и издателей данного произведения. Вариативность как явление характерно для фольклорных произведений. Фольклорные произведения каждого народа формируются в зависимости от его истории, этнической самобытности, ментальных особенностей, каждый исполнитель описывает знакомый ему мир в собственном видении. Герои эпоса не выходят на охоту «от скуки». Охота как масштабная военная тренировка проводилась еще со времен Чингиз-хана. Следовательно, гипотеза о «скуке» глубоко дискуссионна и сомнительна. К большому сожалению такие манипуляции некоторых ногайских авторов не редки и к науке не имеют отношения.

П.М. Мелиоранский указывает, что М. Османов при подготовке данного варианта к публикации работал с несколькими текстами, и оценивает эту версию как «одну из наиболее полных и интересных» [22, с. 17]. Хрестоматия быстро распространилась и стала популярной у ногайцев. Однако публикация ногайского фольклора, в том числе «Предания о Тохтамыш-хане» Мухаммад-эфенди Османовым-Аксайским (кумыкский – Мугьаммат Эфенди Осман Яхсайлы, 1840–1904), в хрестоматии «Ногайские и кумыкские тексты» оценивается ногайскими фольклористами не только положительно. Показано негативное влияние книжной традиции на сказительство. Эту идею впервые высказал П.А. Фалев: «народному творчеству ногайцев нанесен жестокий удар проникновением к ногайцам известного сборника ногайско-кумыкских текстов Мухаммеда Османова. Этот сборник пользуется среди них популярностью. Напечатанные там сказания и песни выучиваются наизусть, и закрепленный таким образом текст народного произведения не развивается дальше» [35, с. 5]. Сикалиев также соглашается с этим мнением [29, с. 15].

После революции началась работа по изучению и сбору ногайского фольклора. В этой связи особого внимания заслуживает деятельность этнографа Абдул-Хамида Джанибекова, который первым начал собирать народные предания. В 1905–1930 годах А.-Х. Джанибековым был составлен 4-томный фольклорный сборник «Сокровищница слов или ногайский фольклор». Включен в сборник и вариант эпоса «Эдиге йыры» [38, с. 203]. Джанибеков записал этот вариант у двух информантов: «Начало этой песни зафиксировано 12 мая 1922 года от Хаджи-Давита сына Кудайнета села Шабаз на Кубане. Продолжение песни было записано 18 июля 1926 года из уст Хаджи-Моллы сына Нугмана в Караногай» [38, с. 203]. Вариант состоит из чередующихся прозаических и стихотворных частей. Прозаическая часть в основном сводится к изложению краткого содержания эпоса. Стихотворные части – песня Сыбыры, диалог Идегея и Кенжебая, прощальная песня Токтамыш-хана, диалог Идегея и Нурадына, диалог Кадырберди и Нурадына – дают представление о поэтическом совершенстве эпоса. Несмотря на то, что вариант сокращен, он полностью раскрывает историю событий.

Еще два варианта эпоса были записаны во второй половине XX века. Первый вариант был записан Ашим Имам-Мазем улы Сикалиевым (Шейхалиев) в деревне Икон-Халк Адыге-Хабльского района Карачаево-Черкесии в августе 1958 года от знаменитого певца (йырау) кубанских ногайцев Кумукова Хаджи-

Исхака Джума-Али улы (1888–1966) [29, с. 242]. Сикалиев об исполнителе пишет, что Хаджи-Исхак Кумуков перенял этот эпос в 1905 году от известного ногайского певца Арслана Шабан улы (1858–1912) в ауле Канглы близ Минеральных Вод [29, с. 242].

Вариант начинается известным из народных сказок сюжетом о черепахе, который стал причиной смерти 40 человек [27, с. 384]. В этом варианте значительное место отведено эпической биографии героя: его дед Баба Тукляс шашлы Азиз, его сын Кутлы-Кая, рожденный от брака с девушкой-Лебедем, Идегей, рожденный от брака Кутлы-Кая с дочерью Албаслы. Версия основана на традиционном сюжете. Персонажи также ничем не отличаются от других ногайских вариантов: Идегей (Эдиге), Кубугул, Кутлу-Кая, Токтамыш хан, Сыбыра, Шайтимер, Кабарты Алып, Кадырберди и т.д.

Следующий вариант ногайской версии был записан в 1975 году Т.А. Акманбетовым в деревне Термен Ногайского района Республики Дагестан от исполнителя Янпоя Доржиева. Впервые текст был опубликован в сборнике «Эдиге» [39, с. 267–291]. Он состоит из чередующихся прозаических и поэтических строк и близок по своему содержанию варианту, записанному Сикалиевым.

В сборник «Эдиге» включен сводный текст в литературной обработке народного писателя И.С. Капаева, который использовал варианты А.-Х. Джанибекова и фрагменты записей, которые были сделаны им у ногайского йырау Курая Лукманова и Народного писателя Карачаево-Черкесии Суюна Капаева [38]. Как пишут составители сборника «Эдиге», «настоящий текст (сводный) – первая после запрета публикация ногайского варианта поэмы, приурочена к 600-летию эпоса «Эдиге» [39, с. 292]. В сборнике этот же текст представлен в художественном переводе на русский язык Ф.М. Сидихметовой (подстрочный перевод И. Капаева) [37].

Ногайские варианты в фрагментарном виде или в жанровой трансформации отдельными песнями продолжают записываться и до наших дней [39]. Хотя после всеобщего образования и широкого распространения многочисленных версий это уже по меньшей мере является вторичным фольклором и может только служить подтверждением интереса со стороны национальной ногайской интеллигенции к этому жанру. В этом же ключе нужно рассматривать и текст, записанные Сикалиевым [29].

Не можем оставить без внимания еще несколько вариантов «Эдиге», вошедших в сборник «Эдиге: Ногайская эпическая поэма».

Три текста, вошедшие в сборник «Эдиге: Ногайская эпическая поэма», являются вариантами крымских татар. Это «Идеге бий», который был записан академиком В.В. Радловым в местности «Бююк ходжалар» и по видимым языковым особенностям относится к крымским татарам [27, с. 99–121].

Два представленных далее варианта являются вариантами добруджинских татар, переселенцев из Крыма. Вариант «Эдиге эфсанеси», записанный Сагадат Чагатай, дочерью известного татарского писателя и политика Гаяза Исхаки, относится к крымскотатарскому народному творчеству. С. Чагатай пишет, что записала этот вариант «легенды о Идеге бий» в Хаймане, вблизи Анкары, от 76-летнего Хаджи Османа Атаоглы, который слышал его еще до переезда в Румынию/Добруджа, в своей родной стране – в Крыму, где он жил до 19–20 лет [42, с. 243–282].

Третий текст «Эдеге батыр» – вариант Энвера и Недрет Махмутовых – записан ими у добруджинских татар, проживающих в румынском городе Констанца и близлежащих татарских селах [43, с. 15–67].

«Токтамыш хан хикаyeti» (Рассказ о Токтамыш-хане) издан И. Березиным в г. Казани в 1862 году в составе его «Хрестоматии тюркских языков [32, с. 59–76]. Прозаическая часть написана на доступном читателю татарском языке. На основе анализа языковых особенностей и содержания текста Н. Исанбетом доказано, что данный текст является одним из татарских вариантов. Упоминание географических реалий, в частности Рязанской области, дает возможность предположить, что рукопись варианта принадлежит касимовским татарам [23].

Эпос «Идегей» в казахском фольклоре рассматривается как часть эпического цикла о ногайских батырах. Учитывая это, считаем уместным упомянуть и названный вариант. Эпический цикл о ногайских батырах был записан в 1942–1943 годах от сказителя Мурын-жырау (Тлеген Сенгирбаев). Мурын-жырау, как пишет о нем В.М. Жирмунский, был единственным исполнителем цикла о ногайских батырах [12, с. 394]. Мурын Сенгирбаев родился в 1860 году. Его учителями по сказительству были известные акыны: цикл о ногайских богатырях он учил в восемнадцатилетнем возрасте у Нурум акына, совершенствовал свое мастерство с Мурат акыном, как профессиональный акын вместе с Катаган акыном ездил по разным регионам Средней Азии. В статусе профессионального сказителя выступал до 40 лет, после чего посвятил себя кузнечному ремеслу. Репертуар Мурат жырау был записан в преклонном возрасте сказителя.

Цикл «Сорок батыров Крыма», состоит из 10 групп сюжетов, которые в свою очередь объединяют 27 различных сюжетов. Первый цикл посвящен легендарным предкам и потомкам Идегея: Аншыбай батыру, Перпария, Кутты Кыя, Едиге, Нурадыну, Муса хану, Ораку и Мамаю, Карасаю и Кази. Текст об Идегее – сыне Кутты Кыя – занимает среди них центральное место³. Однако в этом варианте многие мотивы утеряны. В.М. Жирмунский пишет, что «тексты его, записанные в Алма-Ате в 1942–1943 годах, когда сказителю было уже 82 года, носят явные следы ослабления памяти и пониженного уровня профессионального мастерства [12, с. 394].

Мы рассмотрели все известные варианты ногайского эпоса «Эдиге». Часть текстов была опубликована в переводе на русский язык отечественными исследователями, которые остались без внимания ногайских ученых. Особого внимания заслуживает вариант А.П. Кулебякина. Вариант, изданный М. Османовым, является первым текстом на ногайском языке. В советское время ногайскими учеными продолжалась работа по сбору вариантов эпоса. Следует отметить проделанную работу по нотной фиксации отрывков эпоса «Идегей», которые сохранились у ногайцев и которые в будущем могут быть использованы при популяризации эпоса.

³ Как доказали казахстанские исследователи Ж.М. Сабитов и А.А. Каратаев, цикл «Сорок батыров Крыма» не связан с эпосом «Идегей» и был создан гораздо позже. Более подробно см. статью в этом номере журнала: Сабитов Ж.М., Каратаев А.А. Эпосы про Идегея и его родственников в эпическом цикле «Сорок батыров Крыма» (*прим. гл. ред.*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алейников М. Поверья ногайцев Мансуровского селения, Баталпашинского отдела, Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 17. Тифлис, 1893. Отд. II. С. 1–14.
2. Ананьев Г. Каранагайцы и их предания // Сборник сведений о Северном Кавказе / ред. Г.Н. Подозрителев. Ставрополь, 1909. Т. 2. С. 1–29.
3. Ананьев Г. Каранагайские исторические предания // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 27. Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе К. Казовскаго и М. Мартиросианца, 1900. С. 1–38.
4. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб.: Тип. С.Н. Худекова, 1897. 176 с. 27x18 см. Отдельный оттиск из «Живой старины». 1896. Вып. 3–4.
5. Беляев И.А. Сказание об Идегее и Тохтамыше // Протоколы заседаний и сообщений Закаспийского кружка любителей археологии, истории Востока. Ашхабад, 1917. Вып. 3–4.
6. Венгеров С. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Второе, совершенно переработанное, иллюстрированное издание. Т. 1 (вып. 1–3). Петроград, 1915.
7. Веселовский Н.И. Труды по истории Золотой Орды. Под ред. И.М. Миргалеева. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2010. 192 с.
8. Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. Петроград: Российская Государственная Академическая Типография, 1922. 64 с.
9. Госман М. Идегэй белән Нуретдин (тарихи хикәя). Казан, 1914. 32 б.
10. Гребенский К. Эдигей и Нурадилъ. Ногайская поэма К. Гребенского // Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива» на 1907 г. за июнь. Спб., № 6. С. 233–250.
11. Дмитриева Л.В. Рукопись работы П.А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР // Тюркологический сборник 1972. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. С. 213–217.
12. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. С. 349–386.
13. Закарян А. Поэт-генерал Александр Кулебякин и Армения // Историко-филологический журнал. 2001. № 2. С. 99–129.
14. Закирова И.Г. Народное творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.09. Казань, 2011. 356 с.
15. Закирова И.Г. Фольклорная биография Идегея: соотношение исторического и эпического // Урал – Алтай: через века в будущее. Материалы Всероссийской научной конференции / БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова; редколлегия: Н.В. Екеев (отв. ред.), Э.В. Енчинов, А.Э. Чумакаев, Т.К. Шутина. Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2014. С. 238–243.
16. Идегэй: Татар халык дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. 254 б.
17. Идиге. Киргизская сказка // Сибирский Вестник. СПб., 1820. Ч. X. С. 189–204.
18. Исәнбәт Н. Татар халык эпосы «Идегэй» дастанының 500 еллыгы // Совет әдәбияты. 1940. № 11. Б. 72–92.
19. Исхаков Д.М. Халкыбызның эпик әсәрләрендә яшеренгән милли тарихыбыз. Икенче язма: «Идегэй» дастанының серләре // Туган жир: Төбәк тарихы буенча журнал [Родной край: Краеведческий журнал]. Казан, 2018. № 4. Б. 19–29; 2019. № 1. Б. 49–65; 2019. № 2. Б. 58–68.
20. Капланова А.И. Ногайский фольклор XX столетия // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Сборник научных статей по

итогах международного научного форума. Краснодар, 2018. Издательство: ООО «Экоинвест» (Краснодар). С. 294–302.

21. Кулебякин А.П. Эдигей и Мурадиль: (ногайская поэма) // Терские ведомости. 1913. № 150, 14 июля; № 153, 18 июля; № 154, 19 июля; № 156, 21 июля.

22. Мелиоранский П.М. Сказание о Едигее и Токтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч.Ч. Валиханову. Издал проф. П.М. Мелиоранский. // ЗРГО ОЭ. Прилож. к тому XXIX. СПб.: Типо-литография И. Боранского и Ко, 1905. 23+44 с.

23. Миргалеев И.М., Фазлутдинов И.И., Закирова И.Г. К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Идигее // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 792–816. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816> EDN: IKMIIJA

24. Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос «Идегей»: эхо сквозь столетия // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 537–550. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550>

25. Османов М.Е. Ногайские и кумыкские тексты. Хрестоматия. СПб.: Изд-во Академии наук, 1883. С. 32–49.

26. Песня об Эдигее [Текст] / Н. Гулак // Кавказ (ежедневное издание), 1885, № 287.

27. Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. VII: Наречия Крымского полуострова. СПб, 1896. 528 с.

28. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа (рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народов). СПб., 1895. 506 с.

29. Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск: КЧИГИ, 1994. 328 с.

30. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / изд. под ред. д. ч. Н.И. Веселовского // Записки Русского географического общества. По отделению этнографии. Т. XXIX. Петербург: Тип. Главного управления уделов, 1904. 532 с.

31. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечение из арабских сочинений. СПб., 1884. 563 с.

32. Токтамыш хан хикаьети // Турецкая хрестоматия / Сост.: И.Н. Березин. Казань. Т. 2. 1892. С. 59–76.

33. Турецкая хрестоматия, составленная И. Березиным, профессором турецкого языка в Императорском Санкт-Петербургском университете. Казань, 1862, т. 2, вып. 1, стр. 60–76.

34. Урманче Ф. Народный эпос «Идегей». Казань: Фэн, 1999. 200 с.

35. Фалев П.А. Введение в изучение тюркских литератур и наречий. Ташкент, 1922.

36. Фалев П.А. Записи произведений народной словесности у ногайцев Ставропольской губ. в связи с ранее опубликованным материалом [Реферат доклада на заседании 26 февраля 1915 г.] // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XXIII. Вып. 3–4. Петроград, 1916. С. 5–6.

37. Эдиге / Вариант И. Капаева; худож. перевод на рус. яз. Ф. Сидихметовой // Половецкая луна. 1991. № 1. С. 38–64.

38. Эдиге йыры / Вариант И.С. Капаева // Ленин йолы / Орган Карачаево-Черкесского обкома партии и облисполкома. 1991. №№ 44–45 от 27 апреля.

39. Эдиге: Ногайская эпическая поэма / под ред. Н.Х. Суюновой; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР. М.: Наука, 2016. 512 с.

40. Яммай (Прозаический перевод отрывков ногайской героической поэмы времен хана Золотой Орды Тохтамышша) / Н. Семенов // Кавказ (ежедневное издание), 1885, №№ 269, 270, 271, 273, 274, 276.

41. Chodzko A. Astrakan tatar songs. Adiga // Specimens of the popular poetry of Persia. London, 1842. Pp. 348–362.

42. Codatay S. Die Adigä-sage / Text, Übersetzung und Kommentar // Ural-Altäische Jahrbücher – Bd. XXV. 1953 (Wiesbaden). Hf. 3/4. S. 243–282. (Исследование и комментарии по эпосу «Идеге»). Текст в переводе на немецкий язык и на языке оригинала. История изучения эпоса в России русскими востоковедами и зарубежными ориенталистами).

43. Edege Batir / Mahmut, Nedret ve Enver Mahmut. Bozcigit. // Dobruca Tatar Masallan. Birinci Kitap. Kriterion Kitap Uyi. Bucuresti. 1988. Pp. 15–67.

44. Şeyh Süleymân, Buharalı. Lugat-ı Çagatâyî ve Türkî-i Osmânî'dir. Mihran Matbaasi, 1880, 1882. 320 s.

REFERENCES

1. Aleinikov M. Beliefs of the Nogais of the Mansurov village, Batalpashinsky department, Kuban region. Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus. 1893, Vol. 17, Tiflis, pp. 1–14. (In Russian)

2. Anan'ev G. Karanogai people and their traditions. Collection of information about the North Caucasus. Vol. 2. Stavropol, 1909, pp. 1–29. (In Russian)

3. Anan'ev G. Karanogai historical tradition. Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus. Iss. 27. Tiflis, 1900, pp. 1–38. (In Russian)

4. Aristov N.A. Notes on the ethnic composition of Turkic tribes and nationalities and information about their numbers. Iss. 3–4. St. Petersburg: Tipografiya S.N. Hudekova, 1897, 176 p. (In Russian)

5. Belyaev I.A. The legend of Edigei and Tokhtamysh. Minutes of meetings and reports of the Transcaspien circle of lovers of Archeology, history of the East. Ashgabat, 1917. Iss. 3–4. (In Russian)

6. Vengerov S. Critical-biographical dictionary of Russian writers and scientists (from the beginning of Russian education to the present day). Second, completely revised, illustrated edition. Vol. 1. Iss. 1–3. Petrograd, 1915. (In Russian)

7. Veselovskii N.I. Works on the history of the Golden Horde. Kazan: Fan, 2010, 192 p. (In Russian)

8. Veselovskii N.I. Khan of the Golden Horde of Nogai and his time. Petrograd: Rossiyskaya Gosudarstvennaya Akademicheskaya tipografiya, 1922, 64 p. (In Russian)

9. Gusman M. Edigu and Nurutdin (historical story). Kazan, 1914, 32 p. (In Tatar)

10. Grebenskii K. Edigei and Nuradil. Nogai poem by K. Grebensky. Monthly literary and popular scientific appendices to the magazine “Niva” for 1907 for June. No. 6, St. Petersburg, pp. 233–250. (In Russian)

11. Dmitrieva L.V. The manuscript of P.A. Falev's work on the epos “Edigu” in the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. Turkological Collection. Moscow: Nauka, The main editorial office of Oriental literature, 1973, pp. 213–217. (In Russian)

12. Zhirmunsky V.M. The Turkic heroic epos. Leningrad: Nauka, 1974, pp. 349–386. (In Russian)

13. Zakaryan A. Poet-General Alexander Kulebyakin and Armenia. *Historical and Philological journal*. 2001, no. 2, pp. 99–129. (In Russian)

14. Zakirova I.G. Folk art of the Golden Horde period: mythological and historical foundations: dissertation for the degree of Doctor of Philology: 10.01.09. Kazan, 2011. 356 p. (In Russian)

15. Zakirova I.G. Folklore biography of Idegei: correlation of historical and epic. Ural – Altai: through the centuries into the future. Materials of the All-Russian Scientific Conference. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya tipografiya, 2014, pp. 238–243. (In Russian)

16. Edigu: Tatar folk Dastan. Kazan: Tatar Book Publ., 1988, 254 p. (In Tatar)

17. Edigu. Kyrgyz fairy tale. *Sibirskiy Vestnik*. Vol. 10. St. Petersburg, 1820, pp. 189–204. (In Russian and Kyrgyz)

18. Isanbet N. The 500th anniversary of the Tatar folk epos "Edigu". *Sovet edebiyaty=Soviet literature*. No. 11, 1940, pp. 72–92. (In Tatar)
19. Iskhakov D.M. National history hidden in the epic works of our people. Second entry: secrets of the epos "Edigu". *Tugan jir=Native land*. Kazan, 2018, no. 4, pp. 19–29; 2019, no. 1, pp. 49–65; 2019, no. 2, pp. 58–68. (In Tatar)
20. Kaplanova A.I. Nogai folklore of the 20th century. Cultural heritage of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony. Collection of scientific articles based on the results of the international scientific forum. Krasnodar: Ekoinvest, 2018, pp. 294–302. (In Russian)
21. Kulebyakin A.P. Edigej and Muradil: (Nogai poem). *Terskiye vedomosti*. 1913, no. 150, 153, 154, 156. (In Russian)
22. Melioransky P.M. The Saga of Edigu and Toktamys. Kyrgyz text based on a manuscript belonging to Ch.Ch. Valikhanov. Notes of the Russian Geographical Society on the Department of Ethnography. St. Petersburg: Tipo-litografiya I. Baranskogo i Ko, 1905, 23+44 p. (In Russian and in Kyrgyz)
23. Mirgaleev I.M., Fazludinov I.I., Zakirova I.G. On the question of studying Tatar variants of the epos about Idegey. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 792–816. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816> (In Russian)
24. Mukhametzianova L.Kh. The Tatar Epic "Edigü": An Echo through the centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 537–550. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550> (In Russian)
25. Osmanov M.E. Nogai and Kumyk texts. A textbook. St. Petersburg: Publishing House of the Academy of Sciences, 1883, pp. 32–49. (In Russian, Nogai and Kumyk)
26. Gulak N. Song about Edegey *Kavkaz*. 1885, no. 287. (In Russian)
27. Radlov V.V. Samples of folk literature of the northern Turkic tribes. Part 7: Dialects of the Crimean Peninsula. St. Petersburg, 1896. 528 p. (In Russian)
28. Semenov N. Natives of the North-Eastern Caucasus (short stories, essays, studies, notes on Chechens, Kumyks and Nogais and samples of poetry of these peoples). St. Petersburg, 1895. 506 p. (In Russian)
29. Sikaliev (Sheikhaliev) A.I.-M. Nogai heroic epic. Cherkessk: KChIGI, 1994, 328 p. (In Russian)
30. Veselovsky N. The Writings of Chokan Genghisovich Valikhanov Notes of the Russian Geographical Society. According to the Department of Ethnography. Vol. 29. St. Petersburg: Tipografiya glavnoho upravleniya udelov. 1904. 532 p. (In Russian)
31. Tizengauzen V.G. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Vol. 1. Extract from Arabic writings. St. Petersburg, 1884. 563 p. (In Russian and Arabic)
32. Berezin I. Toktamys khan hikayeti. Turkish anthology. Vol. 2, Kazan, 1892, pp. 59–76. (In Russian)
33. Berezin I. Turkish anthology. Vol. 2. Iss. 1, Kazan., 1862, pp. 60–76. (In Russian)
34. Urmanche F. The folk epos "Edigu". Kazan: Fan, 1999. 200 p. (In Russian)
35. Falev P.A. An introduction to the study of Turkic literatures and dialects. Tashkent, 1922. (In Russian)
36. Falev P.A. Recordings of works of folk literature by the Nogais of Stavropol province in connection with previously published material. Abstract of the report at the meeting on February 26, 1915. *Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society*. Vol. 23. Iss. 3–4, St. Petersburg, 1916, pp. 5–6. (In Russian)
37. Edigu. Variant of I. Kapaev. *Polovtsian Moon*. 1991, no. 1, pp. 38–64. (In Russian)
38. Edigu. The variant of I.S. Kapaev. Lenin yola. The organ of the Karachay-Cherkess regional party committee and the regional executive committee. 1991, no. 44–45, (In Russian)

39. Edigu: Nogai epic poem. Ed. by N.H. Suyunova; Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Studies under the Government of the KCR. Moscow: Nauka, 2016. 512 p. (In Russian)
40. Semenov N. Yammai (Prose translation of fragments of the Nogai heroic poem of the time of Khan of the Golden Horde Tokhtamysh). *Kavkaz*. No. 269, 270, 271, 273, 274, 276, 1885. (In Russian)
41. Chodzko A. Astrakan tatar songs. Adiga. *Specimens of the popular poetry of Persia*. London, 1842, pp. 348–362.
42. Codatay S. The Adigä saga. *Ural-Altai Yearbooks*. Vol. 25, Wiesbaden. Hf. 3/4, 1953, pp. 243–282. (In German)
43. Edege Batir. Mahmut, Nedret ve Enver Mahmut. Bozcigit. Dobruca Tatar Masallan. Birinci Kitap. Kriterion Kitap Uyi. Bucuresti. 1988, pp. 15–67. (In Turkish)
44. Şeyh Süleymân, Buharalı. Lugat-ı Çagatâyî ve Türkî-i Osmânî'dir. Mihran Matbaasi, 1880, 1882. 320 p. (In Turkish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильсеяр Гамиловна Закирова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (420111, ул. К. Маркса, 12/4, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-2527-0571, ResearcherID: AAZ-2818-2020. E-mail: ilzakirova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilseyar G. Zakirova – Dr. Sci. (Philology), Chief Researcher of the Department of folk art, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12/4, Karl Marx Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-2527-0571, ResearcherID: AAZ-2818-2020. E-mail: ilzakirova@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 01.07.2024

Поступила после рецензирования / Revised 14.10.2024

Принята к публикации / Accepted 28.11.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.915-925>
EDN: SUETBQ

УДК 930(2)+ 398.87

П.А. ФАЛЕВ И ЕГО «НОГАЙСКОЕ СКАЗАНИЕ ОБ ЕДИГЕЕ» (К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭПОСА)

Т.А. Аникеева

*Институт востоковедения РАН
Москва, Российская Федерация
tatiana.anikeeva@gmail.com*

Резюме. Цель исследования: статья представляет собой публикацию фрагмента неопубликованного исследования Павла Александровича Фалева (1888–1922) «Ногайское сказание об Едигее», посвященного эпосу об Идигее, а также краткий обзор изучения и собирания различных версий эпоса (прежде всего татарских).

Материалы исследования: неизданный труд П.А. Фалева хранится в виде рукописи в Архиве востоковедов ИВР РАН и состоит из 16 тетрадей, представляющих собой значительный интерес для исследователя-тюрколога и фольклориста. Он представляет собой определенный этап в области изучения тюркского эпоса в целом и эпоса об Идигее в частности и, безусловно, нуждается в комментированной публикации. Основная особенность этой работы – прежде всего в том, что П.А. Фалевым рассматриваются все на тот момент известные ему версии сказания об Идигее.

Результаты и научная новизна: архив П.А. Фалева уже привлекал внимание исследователей, однако не сам по себе, а лишь в связи с исследованиями других тюркологов. В тексте П.А. Фалева присутствует и обзор известных автору вариантов сказания (на момент написания текста) и довольно четко высказана необходимость изучения и собирания различных версий сказания об Идигее – только это, по мнению П.А. Фалева, позволит воссоздать полную картину его распространения.

Ключевые слова: тюркский эпос, сказание об Идигее, Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН, П.А. Фалев, история российской тюркологии

Для цитирования: Аникеева Т.А. П.А. Фалев и его «Ногайское сказание об Едигее» (к истории изучения эпоса) // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 915–925. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.915-925> EDN: SUETBQ

© Аникеева Т.А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

PAVEL FALEV AND HIS “NOGAI LEGEND OF IDEGEY”
(ON THE HISTORY OF THE EPOS STUDY)

T.A. Anikeeva

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
tatiana.anikeeva@gmail.com*

Abstract. Research objectives: This article is the publication of a fragment of an unpublished study by Pavel Alexandrovich Falev (1888–1922), “The Nogai Legend of Idegey”, dedicated to the epic of Idegey, as well as a brief overview of the study and collection of various Turkic versions of the epic (primarily in the Tatar language).

Research materials: Pavel Falev's unpublished work is kept as a manuscript in the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg and consists of 16 copybooks which are of considerable interest to researchers, both turkologists and folklorists. It represents a certain stage in the field of study regarding Turkic epic in general and the epic of Idegey in particular, and, of course, needs a annotated publication. The main feature of this work is, first of all, that Pavel Falev considers all versions of the Turkic legend of Idegey known to him at that time.

Results and novelty of the research: The archive of Pavel A. Falev has already attracted the attention of researchers, but not by itself and only in connection with the research works of other Turkologists. In Falev's text there is furthermore an overview of the versions of the epics known to the author, and the need to study and collect various versions of the legend of Idegey is quite clearly stated – only this, according to Pavel Falev, would allow for recreating the full picture of its distribution.

Keywords: Turkic epic, Epic tale of Idegey, Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS, Pavel Falev, history of Russian Turkology

For citation: Anikeeva T.A. Pavel Falev and his “Nogai Legend of Idegey” (on the history of the epos study). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 915–925. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.915-925> (In Russian)

Сказание об Идигее существует в большом количестве версий у многих тюркских народов, однако первые тексты сказания и отдельных его частей зафиксированы в поволжско-татарских письменных источниках. Существует предположение, согласно которому дастан об Идигее – неотъемлемая часть исторической памяти татар – в Поволжье появился сравнительно рано, в XVI–XVII вв. [15, с. 188]. Многочисленные варианты дастана об Идигее, бытовавшие в устной форме среди поволжских татар, начали активно изучаться в первой половине XX в., начиная с 1920-х гг.: известно о записи эпоса, сделанной филологом Наки Исанбетом (1899–1992) в 1929 г. (хранится в Архиве Башкирской АН). В 1941 г. Наки Исанбет опубликовал и сводный комментированный текст дастана об Идигее в двух номерах журнала «Совет эдэбияты» («Советская литература») [8], приняв во внимание различные расхождения и бытующие среди татар версии дастана. Ранее сводный татарский текст эпического сказания («Идэгэ») был составлен Нигматуллой Ганиятулловичем

Хакимовым¹, и, хотя судьба этой рукописи была довольно сложной, она, обретя место в архиве ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ [10, с. 544; 7], была опубликована в 2003 г. Наиболее подробно история собирания и публикации татарских вариантов, которые характеризуются объемом и разнообразием сюжетов сравнительно с другими версиями, представлена в статье И.М. Миргалеева, И.И. Фазлутдинова и И.Г. Закировой [9, с. 792–816].

Надо отметить, что интерес к татарским версиям дастана об Идегее не угасает – причем не только как к объекту научного изучения, но и как к памятнику литературного творчества: в конце 2023 г. Фондом Марджани был выпущен пересказ этого эпоса, сделанный поэтом и переводчиком Равилем Бухараевым на русском языке, сопровождающийся яркими иллюстрациями Азата Миннекаева [6].

В целом же начало истории собирания и исследования версий сказания об Идегее у других тюркских народов положили публикации Г. Спасского в 1820 г. в «Сибирском вестнике» (одна из казахских версий) [6] и А. Ходзько [18, р. 347–371]. Первооткрывателем в области исследования эпического сказания об Идегее называют П.М. Мелиоранского – профессора Санкт-Петербургского университета – он опубликовал в 1905 г. «Сказание об Едигее и Токтамышше» («киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч. Валиханову»)². Именно П.М. Мелиоранский выделил историческую основу сказаний об Идегее и отождествил главных персонажей эпоса. Ногайские варианты были изданы в хрестоматиях М. Османова (1883) и И. Березина³, а также в различных переводах или пересказах. Несколько записей присутствует в собранных В.В. Радловым «Образцах народной литературы северных тюркских племен» (“*Proben der Volkslitteratur der nördlichen turkischen Stämme*”, СПб., 1866–1872): это тексты, полученные от барабинских и омских татар, от телеутов, несколько вариантов – из Крыма (подробнее см.: [2]).

Также существуют варианты, которые были зафиксированы А. Диваевым, Н. Хакимовым в 1919 г., И.А. Беляевым в 1903 г. у казахов, омских татар и каракалпаков соответственно⁴. Впоследствии изучение и запись различных версий сказаний эпоса «Идигей» осуществлялась многими российскими тюркологами – В.В. Бартольд, Г.Н. Потаниным, А.Н. Самойловичем, В.М. Жирмунским и др. Относительно недавно вышедшая в издательстве «Наука» публикация «Эдиге. Ногайская эпическая поэма» объединяет раз-

¹ Нигмат Хахим, 1899–1937. По словам Л.Х. Мухаметзяновой, «первоначально произведение было записано в 1919 г. в Сибири в селе Еланлы Тобольской губернии Тарского уезда из уст татарского чичана-сказителя Ситдика Зайнетдинова... Впоследствии Нигмат Хахим отослал обработанный им текст А.Н. Самойловичу с просьбой написать вступительное слово и издать его. Отметим высокую оценку текста дастана со стороны А.Н. Самойловича: “Запись сказания о Едигее и Токтамышше, произведенная Н. Хакимовым со слов Сыдык-карта ... является обширной и наиболее в литературном отношении ценной”». Подробнее см.: [10, с. 544–545].

² Это издание «киргизского» (т.е. казахского) эпического сказания об Идегее, записанного Ч. Валихановым и его отцом Султаном Чингисом в 1841–1842 гг. в Аманкарачайском округе от акына из рода кыпчаков Жаманкула и двух других казахов [2].

³ Приведены в: [14, с. 158–191].

⁴ Довольно подробный очерк истории записывания вариантов эпоса об Идегее и их публикаций содержится в: [5].

личные версий сказаний об Идигее⁵. В течение XX века ногайский материал продолжал пополняться новыми записями от исполнителей, сделанными, в частности, А.И.-М. Сикалиевым в 1958 г., Т.А. Акманбетовым в 1975 г., И.С. Капаевым в 1991 г.⁶

Остающийся и по сей день неопубликованным труд востоковеда, тюрколога Павла Александровича Фалева (1888–1922)⁷ «Ногайское сказание об Едигее», посвященная эпосу «Идегей», хранится в виде рукописи в Архиве востоковедов ИВР РАН (АВ. Разряд 2, опись 4, № 34). Мы уже публиковали некоторые отрывки из этой работы, касающиеся книжного эпоса и связи сказания об Идигее с турецким фольклором [1]. В целом рукопись работы состоит из 16 тетрадей (их подробный обзор опубликовала Л.В. Дмитриева⁸), и наибольший интерес для исследователя-тюрколога и фольклориста представляют те из них, что содержат рукописные неопубликованные заметки, непосредственно касающиеся эпоса «Идегей»: «Стихи и проза», «Заметки по языку тюрко-татарских народов», «Группировка версий», «Сюжеты в сказании об Едигее», «Сибирские и крымские версии [сказания об Едигее]». Надо отметить, что эта рукопись не являет собой целиком связный текст: тетради содержат значительное количество разрозненных листов с неупорядоченными заметками о лингвистических особенностях сказаний, а также по азербайджанскому языку (и, несомненно, эти листы и заметки также представляют собой отдельный интерес для исследователя). Здесь мы также публикуем фрагмент исследования П.А. Фалева, связанный с попыткой собирания и группировки версий сказания, известных ученому на момент написания работы.

⁵ Это издание, под редакцией Н.Х. Суяновой, включает в себя и варианты М.-Н. Османова, И.Н. Березина (арабографичные), А.-Х.Ш. Джанибекова, С. Чагатай, Ч.Ч. Валиханова в кириллической транслитерации (см.: [14]).

⁶ См. прим. 2.

⁷ Закончив факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета по разряду арабско-персидской-турецко-татарской словесности в 1912 г., П.А. Фалев был оставлен на факультете для подготовки к профессорскому званию [3, с. 234]. Преподавание (на факультете восточных языков, в Практической восточной академии, Центральном институте живых восточных языков) совмещал с деятельностью в Восточном отделе РГО и ВОРАО, научными поездками к ногайцам и крымским татарам в Ставропольскую губернию (1914, 1916 гг.), участвовал в экспедиции Академии наук на Кавказ, организованной для охраны памятников (1916 г.). Позднее, с 1921 г., он преподавал в Туркестанском восточном институте, работал одновременно в Туркестанской публичной библиотеке и Туркестанском отделе РГО. П.А. Фалев скончался, заразившись сыпным тифом на пути из Ташкента в Петроград, в 1922 г. Подробнее см.: [1].

⁸ См.: [3]. Не вполне ясно, почему Л.В. Дмитриева в своей статье отмечает, что «теперь, после публикации в данном сборнике статей А.Н. Самойловича “Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым” и В.М. Жирмунского “П.М. Мелиоранский и изучение эпоса „Едигей“», где приводятся наиболее полные и хронологически самые ранние (записи Г.И. Спасского, А. Ходзько и др.) и самые новые данные о всех записях и вариантах эпоса, его сюжетах, истории создания и т.п., отпадает необходимость в публикации являвшейся очень интересной и ценной до этих статей работы П.А. Фалева» [3]. Л.В. Дмитриева упоминает, что тетрадей в архиве – 15, однако по нашим подсчетам их количество в этом фонде составляет 16 единиц.

Как мы уже отмечали [1], рукопись работы П.А. Фалева представляет собой всестороннее исследование ногайских сказаний, главная особенность которой прежде всего в том, что Фалевым рассматриваются все на тот момент известные ему версии сказания об Идегее, включая, например, и версию, содержащуюся в одной из рукописей «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи. Архив П.А. Фалева уже привлекал внимание исследователей, однако не сам по себе, а лишь в связи с исследованиями других тюркологов – прежде всего, П.М. Мелиоранского. Несмотря на то, что труд П.А. Фалева не был завершен в силу трагических обстоятельств, и зачастую его текст больше напоминает черновик и наброски текста, все же его исследование представляет собой определенный этап в области изучения тюркского эпоса в целом и эпоса об Идегее в частности и, безусловно, нуждается в комментированной публикации. Известно, что П.А. Фалеву А.Н. Самойловичем была передана и рукопись татарской версии сказания об Идегее Нигматуллы Хакима (о ней см. выше), однако пока в его архиве сведения об этом не выявлены⁹.

В тексте П.А. Фалева присутствует и обзор известных автору вариантов сказания (на момент написания текста)¹⁰ и довольно четко высказана необходимость изучения и собирания различных версий сказания об Идегее – только это, по мнению П.А. Фалева, позволит воссоздать полную картину его распространения¹¹.

Сибирские и крымские версии [сказания об Едигее] (тетрадь 15)

Кроме версий, записанных арабским алфавитом, в распоряжении исследователя сказания об Идегее имеются тексты в русской академической транскрипции, каковые помещены в известных сборниках В.В. Радлова. Так в I томе «Образцов народной литературы северных тюркских племен» есть отрывок из сказания об Идегее под заглавием «Мырат ні»¹². В переводе В.В. Радлова слова текста Аділ и Уајык, обозначающие, обыкновенно, Волгу и Урал, переданы словами “Meer” и “Wasserfläche”. Это указывает на то, что названные реки алтайцам (рассматриваемый отрывок записан на Алтае) неизвестны, и упоминание И[диля в] алтайской песне является заимствованием этой песни у западных сородичей. Очевидно, из того же источника Идиль и Яик проникли в шаманские заклинания¹³.

⁹ В статье Л.Х. Мухаметзяновой отмечено, что П.А. Фалев, «занимавшийся сбором и изданием различных версий эпоса “Идегей”, почему-то нигде не называет эпос “татарским”, что звучало бы вполне справедливо, и не упоминает ни вариант В. Радлова, ни вариант Н. Хакима, а в своих лекциях называет “Идэгэ” вовсе “ногайским сказанием”» [10, с. 544].

¹⁰ Можно допустить, что на момент публикации лекций (а также написания работы, оставшейся в Архиве востоковедов) П.А. Фалев не располагал рукописью Н. Хакима и в достаточной мере не владел татарским материалом.

¹¹ Библиографические описания в сносках принадлежат самому П.А. Фалеву (если не относятся к нашим примечаниям), являются неотъемлемой частью его текста, и мы не стали применять к ним принятую систему оформления.

¹² Страница 200 и сл.

¹³ В.В. Радлов *Aus Sibirien* В II, 32.

В VII т. «Образцов» В.В. Радлова помещено несколько версий. Одна из них, довольно подробная, записана у барабинцев¹⁴. По поводу перевода замечу, что, на мой взгляд, передача слова текста «Токтамыш-кан äйтти кижилäринä: Уд(?)гä-ni килзä üлтүрүң үз! Ол килзä äжакы кылың, пу ilгä араң ан кораң ан силап туруң! аны изиртип üлтүрбөк кәрäk¹⁵ – не совсем точна. Надо перевести: «Токтамыш-хан сказал своим людям: «Если придет Идиге-Ни, убейте его! Когда он придет, сделайте его чашником, угостите народ вином! Его нужно убить, напоив допьяна!». Но каким образом можно напоить допьяна человека, сделав его разносителем вина? В одной киргизской версии¹⁶ хотят женить Едигея и на свадьбе заставляют его подносить гостям кумыс, они будут его подчевать и он опьянеет (*Среди крестьян Ярославской губ. я наблюдал такой обычай: на празднике хозяин обносит гостей водкой; каждый из угощаемых, прежде чем взять в руки рюмку, предлагает выпить самому хозяину: пей сам-то! Учтивый хозяин в то время, как 10 гостей выпьют по рюмке, выпьет 10 рюмок. См. еще в ст. Н. Семенова: «Обитатели кумыкской плоскости»¹⁷: гуэнцы¹⁸ каким-то образом убили тюменских¹⁹ князей; но сделали это так секретно, что тюменцы никак не могли открыть убийц. В одно время гуэнцы и тюменцы находились вместе на пиру, и гуэнский певец, в порыве вдохновения, вставил в свою импровизацию несколько стихов, которыми выдал секрет своего народа. Между обоими племенами возгорелась вражда, и чтоб прекратить ее гуэнцы пригласили к себе представителей обиженной стороны для устройства примирения. Тюменцы явились и приняли предложенное угощение, но когда гуэнцы подносили им вина, то они неизменно говорили: «яхши юл!», что буквально значит «добрый путь», а в переносном смысле: пей на здоровье. Гуэнцы, принимая это, согласно обычаю за особенную любезность со стороны гостей, выпивали вино сами и таким образом, пили до тех пор, пока не свалились с ног. Тюменцам этого и нужно было. В отмщение за своих князей они истребили пьяных гуэнцев.

Версии, имеющиеся только в переводе

Относительно всех версий этого рода можно сказать, что отсутствие оригинала лишает их значительной доли ценности. Из них следует, пожалуй, выделить версию, помещенную в сочинении Ч. Валиханова²⁰: Ч. Валиханов прекрасно знал киргизский язык, и на его перевод, в общем, можно положиться. Но, как мы видели выше, в тексте эпических произведений попада-

¹⁴ Стр. 27 и дал.

¹⁵ Стр. 36.

¹⁶ Сибирский вестник Г. Спасского за 1820 г., ч. X, стр. 112.

¹⁷ Терский сборн. Прилож. к Терск. календ. на 1891 г., отд. II, стр. 163–4. (См. [12] – Т.А.).

¹⁸ Гуэнцы (гуенцы, гуены) – население Гуен-аула (Эндирей). По данным исследователей, гуены являются коренным населением Гельбахской долины и, вероятно, были тюркизированы, а затем вошли в состав кумыкского этноса. Само селение Эндирей делилось в XIX в. на четыре больших квартала, два из которых носят названия Тюмен-аул и Гуэн-аул [17, с. 262]. – Т.А.

¹⁹ Ногайское владение Тюмен находилось в устье Терека, вошло в 1515 г. в состав Астраханского ханства; через несколько десятков лет после этого тюменцы переселились на р. Сулак [17, с. 263]. – Т.А.

²⁰ Стр. 265–273.

ются места, для правильного перевода которых одного знания языка недостаточно, а необходимо еще знакомство со стилем и содержанием всех эпических преданий, былин и песен. И таким образом, известная осторожность будет не лишней и в отношении к переводу Ч. Валиханова.

Следует поставить особо и версии Г.Н. Потанина²¹. Опубликованные им варианты «Сказки об Идиге» собраны им при помощи лиц, знавших киргизский язык. Сам Г.Н. Потанин был в общих чертах знаком с тюркскими наречиями, так как часто свой перевод он снабжает параллелями на языке оригинала. Такого приема и придерживается не только при издании вариантов «Сказки об Идиге»²². В некоторых случаях этот прием положительно необходим, и перевод становится непонятным без пояснительных добавлений из текста. Это видно в переводе сказки об Ир-Госае. Ир-Госай нашел среди убитых в сражении своего отца. «Отец лежал, приподнявши одну ляшку». Из этого Ир-Госай заключил, что отец его убил только один сан (десять тысяч) людей». Это непонятно, но дело в том, что по-киргизски сан – не только «десять тысяч», но также и «ляшка».

Остальные переводные версии не обладают такими же достоинствами, как только что упомянутые, и при исследовании сказания более или менее самостоятельное значение могут иметь только в вопросах о сюжетах сказания и их композиции. Некоторые из них уже в своей форме имеют черты, вызывающие крайнюю осторожность в отношении к ним. Так в версии, напечатанной в «Сибирском Вестнике» Г. Спасского заметно стремление песенные части сказания передать мерной речью.

П.М. Мелиоранский в предисловии к изданному им тексту сказания (**Стр. 17–18) приложил список известных ему версий. Я в статье «Арабская новелла в ногайском эпосе» привел некоторые дополнения²³. С того времени мне стали известны еще следующие варианты: 1) ногайский в соч. Н. Семёнова: «Гуземцы северо-западного Кавказа»²⁴ 2). [отсутствует текст. – Т.А.]

Во время своей поездки к ставропольским ногайцам в 1914 году в одном ауле слышал я предание об Едигее, которое не имел возможности записать. О нем сохранились у меня лишь краткие заметки. Так по этому преданию, во время поездки Едигея и его товарищей к Тимуру, у них истощились съестные припасы. Пришлось резать лошадей. Когда дошел черед до Едигеева коня, конь заплакал. Едигей решил не резать его, а поискать лучше дичи. Тогда-то он и напал на оленя, которого преследовал другой джигит. Оба охотника выстрелили сразу. Стрелы сошлись в убитом животном крестом. Встретившийся охотник сказал, что по словам его отца, такой случай со стрелами должен обозначать для него встречу с Едигеем.

Дополнения к обзору версий. В 1916 году, благодаря любезности А.З. Валидова я имел возможность ознакомиться с принадлежащей ему рукописью исторического сочинения «Чингиз-наме». По изысканиям А.З. Валидова рукопись написана в XVII в., а сказание составлено в середине XVI в. В виду того, что рукопись была мне дана на один вечер, я не мог изучить ее

²¹ Живая старина за 1898 г., вып. III и IV (См. [11] – Т.А.).

²² См. вышеупомянувшиеся «Кара(?) киргизские и алтайские предания».

²³ Речь идет видимо о работе [17] – Т.А.

²⁴ См.: [13]. – Т.А.

более или менее подробно, но насколько мог заметить, она богата эпическими элементами. Приведу вкратце сведения об Едигее.

Едигей, сын Кутлу-кая, и брат последнего Асатай были на службе у Токтамыш-хана. Едигей часто отъезжал от хана и разбойничал. Из-за этого расстроились его отношения с ханом, и он принужден был бежать к Тимуру. Раз в отсутствие последнего Токтамыш напал на Маверанахр. Тимур в отместку послал на Токтамыш войско под начальством Едигея. Токтамыш был разбит и погиб в месте [нрзб.].

На этом заканчиваются мои выписки из рукописи А.В. Валидова. Этим не исчерпывается весь эпический материал рукописи. Я помню, что там есть рассказ о Хаджи-Гирае, которого можно узнать из целого войска так как он на голую землю не садится. То же самое рассказывается в одной из крымских версий про Едигея.

Группировка версий²⁵. Сказание об Эдигее распространено на обширном пространстве от Крыма до Алтая. Само собой разумеется, что теми редакциями, которые мы рассматривали и упоминали в предшествующем изложении, не ограничиваются все версии и варианты сказания. А.Н. Самойлович во время своей поездки к ногайцам Ставропольской губернии встречал много певцов, знавших сказание об Эдигее. Но к сожалению он, занятый другого рода наблюдениями, не имел возможности их записать. А там могли быть важные варианты. А. З. Валидов говорил мне, что он встречался со сказаниями об Эдигее у башкир и сделал несколько записей. *Но это все случайные встречи и записи, планомерного собирания различных вариантов сказания не производилось, почему и нельзя дать полной картины его распространения* [курсив мой. – Т.А.].

П.М. Мелиоранский, опираясь на совпадения различных версий во многих частностях предполагал существование записей сказания (или частей его) «в довольно древнее время». На письменную традицию указывают и слова М. Османова, располагавшего несколькими списками, из которых он выбирал лучшее, по его мнению. Неисправности березинской версии дают повод думать, что эта рукопись – не оригинал, а копия. За раннее записывание сказания говорит и следующее соображение. Всякую народную эпическую поэму нельзя представлять как созданную одним певцом и в одно время. В отношении сказания об Эдигее надо отметить, что оно создавалось не только разными певцами и в разное время, но и в различных местах, или, лучше сказать, в различных средах. Песни Токтамыша, проникнутые симпатией к несчастному хану, которого преследует его бий, не могли иметь своим авторами (нрзб) восхваляющих Эдигея.

Песни Токтамыша соединились с песнями об Эдигее и Нурэтдине впоследствии, когда чувства и мысли, волновавшие их творцов, забылись, и сказание составлялось уже под воздействием новых идей. А такое в известной степени искусственное соединение разнородных по происхождению песен и

²⁵ Это отдельная тетрадь, состоящая из нескольких листов (разрозненных, нешитых, пронумерованных с 1 по 13). – Т.А. Данный фрагмент частично был опубликован нами в [2].

рассказов не могло опереться только на память, но должно было быть под-
держано записью²⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникеева Т.А. Неопубликованные материалы об огузском книжном эпосе в архиве П.А. Фалева // Тюркологический сборник 2018. М.: Вост. лит., 2018. С. 179–190.
2. Аникеева Т.А. Эпический цикл об Идиге у тюркских народов Крыма (к истории изучения) // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. М.: ИВ РАН, 2021. С. 28–30.
3. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Под ред. А.Н. Кононова. М., 1989. 298 с.
4. Дмитриева Л.В. Рукопись работы П.А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР // Тюркологический сборник 1972. М.: ГРВЛ, 1973. С. 213–217.
5. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 727 с.
6. Идиге. Киргизская сказка // Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским. 1820, ч. 10. С. 358–373.
7. Идигей: Татарский народный эпос в пересказе Равиля Бухараева. М.: Фонд Марджани, 2023. 191 с.
8. Исәнбәт Н. Татар халык эпосы «Идегәй» дастанының 500 еллыгы // Совет әдәбияты. 1940. № 11. Б. 72–92.
9. Миргалеев И.М., Фазлутдинов И.И., Закирова И.Г. К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Идегее // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 792–816. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816> EDN: ИКМІЈА
10. Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос «Идегей»: эхо сквозь столетия // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 537–550. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550>
11. Потанин Г.Н. Тюркская сказка об Идыге // Живая старина. 1898. Вып. III–IV. С. 294–350.
12. Семенов Н. Обитатели Кумыкской плоскости // Терский сборник. Приложение к Терскому календарю на 1891 г., отд. II. С. 155–170.
13. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа (Рассказы, очерки, исслед., заметки о чеченцах, кумыках и ногойцах и образцы поэзии этих народцев). СПб.: тип. А. Хомского и К°, 1895.
14. Суюнова Н.Х. (ред.). Эдиге. Ногайская эпическая поэма. М.: Наука, 2016. 507 с.
15. Урманче Ф.И. Народный эпос «Идиге». Казань: Фэн, 1999. 200 с.
16. Фалев П.А. Арабская новелла в ногойском эпосе. Симферополь: Тип. Тавр. губ. земства, 1915. 17 с.
17. Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. Гельбахская долина и её роль в истории Сарира (исторические очерки). Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2023. 384 с.
18. Chodzko A. Astrakan tatar songs. Adiga. *Specimens of the popular poetry of Persia*. London, 1842, pp. 348–362.

²⁶ Записывание былины самими сказителями – не редкость. См. Изв. ИР Геогр. Общ. XLVII в. VIII-X. стр. 353.

REFERENCES

1. Anikeeva T.A. Unpublished Materials about the Oguz Book Epic in the Archive of P.A. Falev. *Tyurkologicheskiy sbornik 2018 = Turkological Collection*. Moscow: 2018. pp. 179–190. (In Russian)
2. Anikeeva T.A. An Epic Cycle about Idyge among the Turkic Peoples of Crimea (on the History of Study). Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Ties of Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2021, pp. 28–30 (In Russian)
3. Biobibliographical Dictionary of Russian Turkologists. The Pre-October Period. Ed. by A.N. Kononov. Moscow: Nauka, 1989, 298 p. (In Russian)
4. Dmitrieva L.V. The Manuscript of P.A. Falev's Work on the Epic “Edigu in the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences”. *Tyurkologicheskiy sbornik 1972 = Turkological Collection*. Moscow: Nauka, 1973, pp. 213–217. (In Russian)
5. Zhirmunsky V.M. *Turkic Heroic Epic*. Leningrad: Nauka, 1974, 727 p. (In Russian)
6. Edigu. The Kirgiz Tale. *Sibirskiy Vestnik. Published.*, Part. 10, 1820, pp. 358–373. (In Russian)
7. Edigu: Tatar Epic (Retold by Ravil Bukharaev). Moscow: Marjani Foundation, 2023. 191 p. (In Russian)
8. Isanbet N. The 500th anniversary of the Tatar Epics “Edigu”. *Soviet edebiyaty = Soviet Literature*. 1940, no. 11–12, 1940, pp. 72–92. (In Tatar)
9. Mirgaleev I.M., Fazlutdinov I.I., Zakirova I.G. On the question of studying Tatar variants of the epos about Idegey. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 792–816. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816> (In Russian)
10. Mukhametianova L.Kh. The Tatar Epic “Edigü”: An Echo through the centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 537–550. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550>
11. Potanin G.N. The Turkic Tale of Edigu. *Zhivaya starina = Living Antiquity*. Iss. 3–4, 1898, pp. 294–350. (In Russian)
12. Semenov N. The Inhabitants of the Kumyk Plane. *The Terskiy Collection*. Appendix to the Terskiy Calendar for 1891. Vol. 2, pp. 155–170. (In Russian)
13. Semenov N. Natives of the North-Eastern Caucasus (Stories, Essays, Research, Notes on the Chechens, Kumyks and Nogai and Samples of Poetry of These Peoples). St. Petersburg: A. Chomskiy and Ko. typography, 1895. (In Russian)
14. Suyunova N.H. (ed.). Edigu. The Nogai Epic Poem. Moscow: Nauka, 2016, 507 p. (In Russian and Nogai)
15. Urmanche F.I. The Folk Epic “Edigu”. Kazan: Fan, 1999. 200 p. (In Russian)
16. Falev P.A. An Arabic Short Story in the Nogai Epic. Simferopol: Tipografiya Tavricheskogo gubernskogo zemstva, 1915. 17 p. (In Russian)
17. Khapizov Sh.M., Shekhmagomedov M.G. The Gelbakh Valley and Its Role in the History of Sarir (Historical Essays). Makhachkala: IHAЕ, 2023. 384 p. (In Russian)
18. Chodzko A. Astrakan tatar songs. Adiga. *Specimens of the popular poetry of Persia*. London, 1842, pp. 348–362.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьяна Александровна Аникеева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, заведующая Центром исламских рукописей Института востоковедения Российской академии наук (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация); ORCID ID: 0000-0002-0653-3970. E-mail: tatiana.anikeeva@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Anikeeva – Cand. Sci. (Philology), Senior Research Fellow, Head of the Center of Islamic manuscripts, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation); ORCID ID: 0000-0002-0653-3970. E-mail: tatiana.anikeeva@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 16.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 31.10.2024

Принята к публикации / Accepted 28.11.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.926-933>
EDN: VPTKNG

УДК 7.031.2

**ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ КАРАКАЛПАКСКОГО НАРОДА:
«ИДЕГЕЙ»****Ж. Айтмуратов**

*Каракалпакский государственный университет им. Бердаха
Нукус, Республика Каракалпакстан, Республика Узбекистан
aytmuratova88.88@mail.ru*

Резюме. Цель: изучение роли исследователей в процессе широкой популяризации дастана «Идегей» среди каракалпакского народа, а также анализ его значения как важного элемента духовного наследия.

Материалы исследования: основу исследования составляют разнообразные каракалпакские варианты дастана «Идегей» (Едиге), а также научные работы исследователей, посвященные этому произведению. Особое внимание уделяется варианту дастана, записанному со слов Ерполата жырау, который выделяется своей глубиной и яркостью идейных образов героев.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексной оценке взаимосвязи образов героев каракалпакской версии дастана «Идегея» с историческими событиями, что позволяет выявить глубокие культурные и исторические корни этого произведения. В отличие от существующих исследований, акцент в данной работе делается на преобладающем влиянии мировоззрения каракалпакского народа на изображение героев, что осуществляется через призму творчества жырау. Кроме того, исследование фокусируется на уникальном варианте дастана «Идегей», представленном в каракалпакской традиции, который отражает воспоминания населения Южного Приаралья и их тоску по берегам рек Волги и Яика.

Результаты исследования. В ходе анализа были достигнуты следующие ключевые выводы: Образы героев дастана «Идегей» тесно связаны с историческими событиями, что позволяет глубже понять культурные и социальные контексты, в которых формировался этот фольклорный эпос. Исследование показало, что мировоззрение каракалпакского народа существенно влияет на изображение героев, что выражается в их моральных и этических качествах, а также в их действиях, отражающих ценности и идеалы общества.

Ключевые слова: каракалпакский фольклор, Золотая Орда, Ногайская Орда, Идегей/Едиге, Сатемир (Шах Тимур), Токтамыш, Нуратдин, жырау

Для цитирования: Айтмуратов Ж. Духовное наследие каракалпакского народа: «Идегей» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 926–933. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.926-933> EDN: VPTKNG

Благодарность: Автор выражает благодарность главному редактору журнала «Золотоордынское обозрение» И.М. Миргалееву за предложение написать данную статью и за помощь в работе над текстом этой статьи.

© Айтмуратов Ж., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

“EDIGE” IS THE UNDYING SPIRITUAL HERITAGE OF THE KARAKALPAK PEOPLE

J. Aytmuratov

*Karakalpak State University named after Berdakh
Nukus, Republic of Karakalpakstan, Republic of Uzbekistan
aytmuratova88.88@mail.ru*

Abstract. The aim of the research is to study the role of researchers in the process of studying and widely popularizing the dastan of “Edige” among the Karakalpak people, as well as to analyze its significance as an important element of spiritual heritage.

Research materials: The basis of the research is a variety of Karakalpak variants of the dastan of “Edige”, as well as scientific works by both Russian and Karakalpak researchers devoted to this work. Special attention is paid to the variant of the dastan recorded from the words of Erpolat zhyrau, one which stands out for its depth and brightness in the ideological images of the heroes.

The scientific novelty of this research lies in a comprehensive analysis of the relationship between the images of the heroes of the Karakalpak dastan of “Edige” with historical events, something which allows us to identify the deep cultural and historical roots of this work. Unlike existing studies, the emphasis in this work is on the predominant influence of the worldview of the Karakalpak people on the image of heroes, expressed through the prism of zhyrau's creativity. In addition, the research focuses on a unique version of the dastan of “Edige”, presented in the Karakalpak tradition, which reflects the memories of the population of the Southern Aral Sea region and their longing for the banks of the Volga and Yaik rivers.

Results of the research: this study confirms the importance of the dastan of “Edige” as a piece of the inextinguishable cultural heritage of the Karakalpak people. During the analysis, the following key conclusions were reached: The images of the heroes of the dastan of “Edige” are closely related to historical events, which allows a deeper understanding of the cultural and social contexts in which this folklore epic was formed. The research showed that the worldview of the Karakalpak people significantly affects the image of heroes, expressed in their moral and ethical qualities, as well as in their actions which reflected the values and ideals of their society.

Keywords: Karakalpak folklore, Golden Horde, Nogai Horde, Idegey/Edige, Satemir (Shah Timur), Tokhtamysh, Nuratdin, zhyrau

For citation: Aytmuratov J. “Edige” is the undying spiritual heritage of the Karakalpak people. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 926–933. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.926-933> (In Russian)

Acknowledgements: The author expresses gratitude to I.M. Mirgaleev, Chief Editor of the journal “Golden Horde Review”, for the proposal to write this article and for his assistance in working on the text of this article.

Несмотря на то, что каракалпаки являются малочисленным народом, они создали значительное культурное наследие, представленное галереей замечательных дастанов (более 50 дастанов, которые имеют около 100 вариантов). Данное устное народное творчество стало основой для издания многотомного собрания каракалпакского фольклора, насчитывающего 100 томов [8, с. 544]. Богатое наследие удалось сохранить благодаря творческому репертуару око-

ло 300 жырау, которые передавали и развивали устные традиции, среди них особое место занимает дастан «Идегей».

История каракалпакского народа неразрывно связана с этнополитической историей Золотой Орды и мангытского юрта. В имеющихся исторических сведениях отражена важная роль периода Золотой Орды и мангытского юрта в формировании каракалпакского этноса и его государственности. Исторические события, пережитые народом, находят отражение в его культуре, устном творчестве и фольклорном наследии. Исследователь Н. Давкараев связывает период становления каракалпакского этноса с ногайским периодом (XV–XVI века) [4]. Согласно мнению К. Максетова, многие эпические произведения каракалпаков, такие как «Алпамыс», «Коблан» и «Кырык кыз» были сформированы до XVIII века [9, с. 20].

Большинство героических эпических произведений каракалпаков, вошедших в 100-томное издание, обращаются к историческим событиям и героям Ногайской Орды. Примерами могут служить дастаны «Идегей» (Едиге), «Ер Шора», «Ер Косай», «Ер Кокше», отражающие ключевые моменты истории ногайского периода.

В каракалпакских вариантах дастана «Идегей» отражены важные события, связанные с борьбой за власть в поздней Золотой Орде в конце XIV–начале XV веков. Центральными фигурами эпоса являются золотоордынский хан Токтамыш, основатель могущественного государства в Центральной Азии Тимур (именуемый в дастане как Сатемирхан, т.е. Шах Тимур) и его соратник Идегей. Основной конфликт эпоса разворачивается вокруг противостояния между Токтамышем и Идегеем.

Известный татарский учёный И.М. Миргалеев в своем труде «Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана» раскрывает внутривнутриполитические процессы в Золотой Орде в период правления хана Токтамыша в 80–90 годы XIV века и показывает, что в начальный период своей карьеры Токтамыш-хан действовал совместно с эмиром Тимуром, но в дальнейшем их интересы столкнулись из-за Хорезма и Южного Кавказа, что привело к военному противостоянию между двумя великими державами. В этой ситуации часть золотоордынских эмиров организовали заговор против хана Токтамыша, после которого Идегей стал политическим врагом Токтамыша [10, с. 85–109].

Как отмечает известный исследователь В.М. Жирмунский, конфликт, при котором несправедливо обвиненный герой изгнан, а затем его возвращение становится ключевым сюжетным событием, является типичным для эпического творчества того исторического периода [4, с. 55].

Впервые каракалпакская версия дастана была записана в 1903 году И.А. Беляевым в Чимбайском районе у каракалпакского жырау (сказителя) Бекимбета. В 1917 году он издает его в Ашхабаде на каракалпакском и русском языках [11, с. 4]. Второй вариант дастана записан профессором К. Айымбетовым в 1934 году у Ерполат жырау, она увидела свет в 1937 году, в издательстве художественной литературы в Москве [13].

В предисловии к каракалпакскому дастану «Идегей» содержится важная информация, предоставленная сказителем Ерполатом. В его версии отмечается, что «наша страна является страной Сатемира» [5]. Переселившийся с берегов Волги и Яика сын Нуратдина Муса имел сыновей Орак и Мамай.

Мамай не имел сыновей, у Орака было два сына, их звали Карасай и Казый. Ряд исследователей, в частности И. Сагитов находят связь между родом Идегея и героями казахских дастанов «Карасай и Казый» [11, с. 56].

Дастан «Идегей» не только отражает исторические события, но и привлекает читателей яркими образами своих героев. Именно поэтому Ерполат жырау исполнял этот дастан на протяжении 50 лет, внося изменения и дополняя его событиями последующих периодов, а также изображая героев в духе персонажей других дастанов.

Следует отметить, что хотя имена некоторых героев дастана «Идегей», например Токтамыш, Тимур (Сатемир), Нуратдин, Кадырберди и являются действительно историческими личностями, тем не менее, мысли и мировоззрение участников данного героического эпоса не представляют собой простое перенесение характеров исторических личностей; они являются результатом творческого осмысления и художественного преобразования действительности [1, с. 112].

Третий вариант дастана «Идегей» был записан в 1957 году у известного жырау Отенияза его сыном Нийетбаем Отениязовым и передан в фонд рукописей Каракалпакского филиала АН Узбекистана. Этот вариант является одним из самых объемных и полных по содержанию среди всех вариантов дастана «Идегей» у тюркских народов. Его объем составляет 14 000 строк, не считая прозаических фрагментов. Четвертый вариант была записана К. Мамбетназаровым, Н. Камаловым и А. Жамаловыми в 1959 году в Кегейлийском районе у Жанназар жырау.

В 1961 году Жумабай жырау Сейдуллаев из Кунградского района передал рукопись дастана в фонд рукописей Каракалпакского филиала АН Узбекистана. Вариант дастана «Идегей», записанный Акбай Отеновым, представляет собой часть дастана «Идегей». Этот вариант был зафиксирован в 60-е годы прошлого века О. Ерполатовым и Т. Нийетуллаевым. В 1961 году К. Кыясовым был записан вариант Кыяс жырау¹.

Среди каракалпакских вариантов дастана «Идегей» наиболее известным является именуемый «Хорезмским вариантом». Он был подготовлен к печати в 1941 году в Турткуле сотрудником Научно-исследовательского института языка и литературы при Совете Министров Каракалпакской АССР Н. Давкараевым, под редакцией Артыка Шамуратова. Объем данного варианта составляет около 2500 строк². Раздел дастана, называемый «Нуратдин», хранится в виде рукописи на арабской и латинской графике³. В 1988 году Кайыпназар Реймов передал в фонд рукописей вариант, записанный у Абдирасули жырау, объемом около 5000 строк [2, с. 191]. Согласно сведениям К. Реймова, эта рукопись была записана самим Абдирасули жырау 40 лет назад в латинской графике. В 70-е годы прошлого века она была переведена с латиницы на кириллицу, при этом оригинал остался у самого жырау. Еще один вариант, записанный Карам жырау, был получен в 90-е годы XX века доктором филологических наук С. Бахадыровой у сыновей Карам жырау. Он также способствовал изучению вариантов дастана «Идегей».

¹ Фонд рукописей Каракалпакского филиала АН Узбекистана. № 41773.

² Фонд рукописей Каракалпакского филиала АН Узбекистана. № 37421.

³ Фонд рукописей Каракалпакского филиала АН Узбекистана. № 1088.

В 20-е годы XX века из города Чимбая записывается от неизвестного информатора еще один вариант эпоса под названием «Нураддин». В нем имеются оригинальные сведения об Идегее и его друге, царе Хорезма Шах Малике [6, с. 198].

Таким образом, каракалпакский народный дастан «Едиге» имеет 12 известных вариантов. Среди них варианты Бекимбет жырау, Кыяс жырау, Ерполат жырау и Акбай были изданы как в виде отдельных книг, так и в журналах и сборниках.

Основное отличие дастана «Идегей» от других эпических произведений каракалпаков заключается в том, что его главными персонажами являются исторические личности. Это приводит к смешению реальных и вымышленных персонажей. П.М. Мелиоранский подчеркивает, что «певцы и рукописные сказания о Едиге опираются не только на устную традицию, но и на письменные памятники» [12, с. 9–10].

Как известно, Идегей имел несколько жен и сыновей, однако из них только Нураддин отмечен в дастане как главный герой. Потомки Идегея в дальнейшем возглавили мангытский юрт, известной в историографии как Ногайская Орда. Каждое историческое событие, описанное летописцами, передавалось в различных интерпретациях, в зависимости от интересов их народа и эпохи. Сказители перерабатывали эти события, создавая образы героев, сохраняя при этом традиции древних периодов. Дастан «Идегей» основан на устных народных легендах, в которых Идегей представлен как основной персонаж, борющийся за власть в Золотой Орде.

Главной особенностью каракалпакской версии дастана является обширное повествование о дворцовых интригах в период ослабления Золотой Орды, борьбе за ханство, взяточничестве и лицемерии во дворце, а также о сосредоточении людей низкого сословия в его стенах. Дворцовая жизнь в Золотой Орде раскрывается через находящиеся рядом с главными персонажами второстепенных героев, такими как супруга хана Токтамышша, дворцовая прислуга Кенжембай, дочери Токтамышша – Каникей и Тыныкей, а также дворцовые шпионы, такие как Агай и Тагай, Ангысын и Тынгысын и др. Эти второстепенные герои играют ключевую роль в развитии событий, запутывая сюжет вокруг главных персонажей. Разного рода сплетни, соперничество с Идегеем и попытки устранить его сына Нураддина со стороны второстепенных персонажей приводят к бегству Идегея из дворца. Кенжембай советует Токтамышшу устранить Нураддина, предлагая отправить его к Соппаслы Сыпыражырау, находящемуся на расстоянии шестимесячного пути. Однако Нураддин возвращается с этого опасного путешествия невредимым. Третья попытка рассорить Идегея с сыном заключается в том, что Идегей женится на старшей дочери Токтамышша по имени Каникей, а Нураддин – на младшей дочери по имени Тыныкей. В отсутствие Нураддина пастухи распространяют грязные сплетни относительно Идегея и жены Нураддина. Между Нураддином и его отцом складываются напряженные отношения, что вызывает радость среди дворцовых интриганов, стремящихся к падению Идегея. Таким образом, борьба главных героев дастана и подлые интриги дворцовых людей, основанные на хитрости и коварстве, становятся одной из тем произведения.

В исторических документах о происхождении Идегея указывается, что он принадлежал к роду ак мангыт. Среди каракалпакских племен мангыт является

одним из крупнейших и делится на три подгруппы: ак мангыт, кара мангыт и ток (тай) мангыт. Историческая территория проживания ак мангытов охватывает современный Нукусский район Каракалпакстана. «Хайван кала», находящаяся в этом районе, упоминается и в дастане. На территории Каракалпакстана, у подножья Кыран тау, расположена могила дочери Идегея, а также городище, связанное с его именем [2, с. 204]. В Кегейлийском районе имеются топонимы, которые отражают встречи Идегея с Токтамышем. Эти факты подчеркивают их значимость в культурной и исторической памяти региона.

В каракалпакских версиях эпоса упоминается ряд географических названий, таких как «Төктің тауы» (Гора Ток), «Бес төбе» (Пять холмов), «Шылпықтың тауы» (Гора Шылпык) и «Хожа көл» (Озеро Хожа) [7, с. 12–13]. В варианте Ерполат жырау содержатся строки, в которых Идегей обращается к Тимуру:

<i>«Едил мен жайықтан, Бөктергили адырдан, Бөгенекли шүнгилден, Нураның қара қумынан, Ногайдың толы журтынан, Киятырман мен шығып»</i>	<i>С берегов Волги и Яика, Через степи, Через впадины, Через пески чёрные, С многолюдной страны ногайской, Пришёл я к тебе.</i>
--	---

[7, с. 12].

Также в дастане описываются вынужденные скитания героя вдали от родины. Мысли о родине пробуждают в нем самые теплые воспоминания о ней. Это проявляется в строках, где Идегей, встретившись с сыном, отправившимся на поиски своего отца, обращается к нему с проникновенными словами, отражающими глубокую ностальгию и связь с родной землей,

<i>Едил деген аўзыңнан, Жайықты айтқан тилиңнен, Ногайды көрген көзіңнен, Мендей атаң айлансын</i>	<i>Уста твои, произнесише слово Волга, Язык твой произнесиши слово Яик, Глаза твои видевише ногаев, Благословляю как отец.</i>
--	--

[7, с. 32].

В этих строках читается тоска и любовь Идегея к родине, которая не оставляет равнодушными сердца:

<i>Хана хана медресесинде Сол устазым аманба? Едил жайық аманба? Толы Ногай аманба? Заманласым қадирданым Тең құрбылар аманба?</i>	<i>В медресе со множеством комнат, Здоров ли мой учитель? В здравии ли Волга и Яик? Народ ногайский здоров ли? Мои дорогие современники Сверстники мои, здоровы ли?</i>
--	---

[7, с. 33]

Известный исследователь И.А. Беляев в начале XX века выразил мнение, что «история жизни Едиге разворачивалась на берегах Аральского моря и в близлежащих пустынях. Каракалпаки, обладая культурой, которая коренным образом отличается от европейской, продолжают с любовью сохранять и воспевать древнее наследие своих предков» [3, с. 39].

Подводя итоги можно утверждать, что каракалпакские варианты дастана отражают воспоминания населения Южного Приаралья о своих корнях, связанных с территориями их проживания до переселения в Приаралье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байниязов Қ. «Едиге» халкымызга қадирли дэстан // Едиге Қарақалпақхалық дэстаны. Нөкіс: «Қарақалпақстан», 1990.
2. Бахадырова С. «Едиге» дэстаны карақалпақ халқының миллий байлығы // Едиге Қарақалпақ халық дэстаны. Нөкіс: «Қарақалпақстан», 2001.
3. Беляев И.А. Сказание об Едигее и Тохтамыше: Каракалпакская народная поэма // Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Вып. 3. Ашхабад, 1917. 39 с.
4. Давкараев Н. Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы. Ташкент: Издательство «ФАН» Узбекской ССР, 1959. 220 с.
5. Едиге карақалпақ халық дэстаны. Нөкіс: «Қарақалпақстан» 1990. 400 с.
6. Едиге Қарақалпақ халық дэстаны. Нөкіс: «Қарақалпақстан» 2001. 198 с.
7. Қарақалпақ фольклоры. Т. 57–66. Нөкіс: «Илим», 2013. 462 с.
8. Қарақалпақ фольклоры. Т. 88–100. Нөкіс: «Илим», 2013. 544 с.
9. Максетова М. «Едиге» дэстанының тарийхый тийкарлары. Нөкіс: «Қарақалпақстан», 2014. 132 с.
10. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
11. Сагитов И.Т. Каракалпақ халқының кахарманлык эпосы. Нөкіс: «Қарақалпақстан», 1986. 348 с.
12. Сказание об Едигее и Токтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч.Ч. Валиханову, издал проф. П.М.Мелиоранский. СПб.: Типолитография И. Барагонского и К., 1905. 624 с.
13. Ayimbetov Q. Xaliq danalig’I (tekst). No’kis: BILIM, 2022. 400 с.

REFERENCES

1. Bayniyazov K. “Edigu” is a very valuable dastan of the people. *Edigu Karakalpak people’s dastan*. Nukus: Karakalpakstan, 1990. (In Karakalpak)
2. Bakhadyrova S. Dastan “Edigu” the national wealth of the Karakalpak people. *Edige Karakalpak people’s dastan*. Nukus: Karakalpakstan, 2001. (In Karakalpak)
3. Belyaev I.A. The legend of Edige and Tokhtamysh. Karakalpak folk poem. Minutes of meetings and reports of members of the Transcaspian Circle of Lovers of Archaeology and History of the East. Iss. 3. Ashkhabad, 1917. 39 p. (In Russian)
4. Davkaraev N. Essays on the history of pre-revolutionary Karakalpak literature. Tashkent: Fan, 1959. 220 s.
5. Edigu is Karakalpak folk dastan. Nukus: Karakalpakstan, 1990. 400 p. (In Karakalpak)
6. Edigu is Karakalpak folk dastan. Nukus: Karakalpakstan, 2001. 198 p. (In Karakalpak)
7. Karakalpak folklore. Vol. 57–66. Nukus: Ilim, 2013. 462 p. (In Karakalpak)
8. Karakalpak folklore. Vol. 88–100. Nukus: Ilim, 2013. 544 p. (In Karakalpak)
9. Maksetova M. Histotic foundations of dastan “Edigu”. Nukus: Karakalpakstan, 2014. 132 p. (In Karakalpak)
10. Mirgaleev I.M. Political history of the Golden Horde during the reign of Toktamyskh Khan. Kazan: Alma-Lit, 2003. 164 p. (In Russian)

11. Sagitov I.T. Karakalpak national heroic epic. Nukus: Karakalpakstan, 1986. 348 p. (In Karakalpak)

12. The Legend of Edigu and Tokhtamysh, a Kyrgyz text based on a manuscript belonging to Ch.Valikhanov, published by Professor Melioransky. St. Peterburg: Typolitography of I. Baragonsky and K., 1905. 624 p. (In Russian)

13. Ayimbetov Q. The wisdom of the people. Nukus: BILIM, 2022. 400 p. (In Karakalpak)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жалгас Айтмуратов – кандидат исторических наук, профессор кафедры археологии Каракалпакского государственного университета имени Бердаха (230112, ул. Ч. Абдилова, 1, Нукус, Республика Каракалпакстан, Республика Узбекистан); ORCID: 0000-0002-8973-6852, ResearcherID: LWZ-9479-2024. E-mail: aytmuratova88.88@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Jalgas Aytmuratov – Cand. Sci. (History), Professor of the Department of Archeology, Karakalpak State University named after Berdakh (1, Ch. Abdirov Str., Nukus 230112, Republic of Karakalpakstan, Republic of Uzbekistan); ORCID: 0000-0002-8973-6852, ResearcherID: LWZ-9479-2024. E-mail: aytmuratova88.88@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 26.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 25.10.2024

Принята к публикации / Accepted 22.11.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.934-942>
EDN: VYOYXP

УДК 398.223

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ УЗБЕКСКОЙ ВЕРСИИ ДАСТАНА «ИДЕГЕЙ»

Г.А. Эшчанова

*Ургенчский государственный педагогический институт
Ургенч, Республика Узбекистан
eshchanovagavhar@gmail.com*

Резюме. Цель исследования: представить изучение узбекской версии дастана «Идегей». Материалы исследования: узбекская версия эпоса «Идегей», архивные материалы. Научная новизна исследования: изучена архивная фиксация узбекской версии эпоса «Идегей». Впервые проанализированы и сравнительно изучены архивные записи эпоса с живыми исполнениями в эпической традиции. В отношении изучения эпоса были сделаны важные теоретические выводы.

Результаты исследования и его научная новизна: В статье рассматривается эпос «Идегей», который занимает важное место в культурном наследии тюркских народов. Автор подчеркивает, что, несмотря на сходство в сюжетах и персонажах, каждая версия имеет свои особенности и интерпретации мотивов. В статье анализируются архивные материалы и рукописи эпоса, записанные от жырау. Особое внимание уделено вариантам, опубликованным в книге «Ошикнома» и другим рукописям, распространенным в Хорезмском регионе. Выводы исследования подчеркивают богатство языка, художественную выразительность и историческую значимость эпоса. Работа вносит вклад в изучение фольклора тюркских народов, освещая взаимосвязь между устной традицией и письменными источниками.

Научно обосновано, что узбекские варианты распространены в хорезмийской области Узбекистана и являются отражением связи населения Хорезма с Золотой Ордой и с постордынским миром, с переселившимися шейбанидами-узбеками или же астраханскими татарами и мангытами.

Ключевые слова: «Идегей», узбекский фольклор, Хорезм, эпическая традиция, жырауы

Для цитирования: Эшчанова Г.А. Об исследовании узбекской версии дастана «Идегей» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 934–942. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.934-942> EDN: VYOYXP

Благодарность: Автор выражает благодарность И.М. Миргалееву за идею написания этой статьи и за всестороннюю помощь в работе над текстом. Благодаря этой публикации исследователи больше смогут узнать об узбекских вариантах дастана «Идегей».

© Эшчанова Г.А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ON THE STUDY OF THE UZBEK VERSION OF THE DASTAN "IDEGEY"

G.A. Eshchanova

Urgench State Pedagogical Institute
Urgench, Republic of Uzbekistan
eshchanovagavhar@gmail.com

Abstract. To present the study of the Uzbek version of the dastan "Idegey".

Research materials: Uzbek versions of the epic "Idegey" and archival materials. The scientific novelty of the study: The Uzbek version of the epic "Idegey" were studied in a comparative approach. For the first time, archival records of the epic with live performances in the epic tradition were analyzed and comparatively studied. Important theoretical conclusions were made regarding the study of the epic.

Results of the study and its scientific novelty: The article proved that variants and versions of the epic about Idegey are widespread in Central Asia among Uzbeks, Karakalpaks, Kazakhs, especially in Khiva City, Khiva District and Khanka District, Nukus City, and the Chimboy District of the Khorezm oasis.

The work compares the versions recorded by researchers A. Belyaev, Erpolat zhyrau, and Kiyos zhyrau, demonstrating how the differences in their interpretation reflect the peculiarities of the epic tradition of each respective people. The conclusions of the study emphasize the richness of the language, artistic expressiveness, and historical significance of the epic. The work contributes to the study of the folklore of the Turkic peoples, highlighting the relationship between oral tradition and written sources. It is scientifically substantiated that the Kiyos zhyrau version is the richest in linguistic composition, the most beautiful in artistic coloring, and in the excellent description of traditions associated with ancient life, even acquiring historicity. In this version, an individual strong improvisational quality is manifested in the performance of the epic "Idegey", thus manifesting all the talent and ability of Kiyos zhyrau.

Keywords: "Idegey", Uzbek folklore, Khorezm, epic tradition, zhyrau

For citation: Eshchanova G.A. On the study of the Uzbek version of the dastan "Idegey". *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 934–942. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.934-942> (In Russian)

Acknowledgements: The author expresses gratitude to I.M. Mirgaleev for the idea of writing this article and for his comprehensive assistance in working on the text. Thanks to this publication, researchers will be able to learn more about the Uzbek versions of the dastan "Idegey".

«Идегей» – один из популярных эпосов тюркских народов. Географический ареал распространения эпоса очень широк, имеются множество версий у татар, казахов, каракалпаков и т.д. Как известно, выдающийся татарский исследователь Наки Исанбет на основе самых многочисленных татарских вариантов [7, с. 60–70] сумел создать сводный текст дастана [4, с. 256]. Остальные тюркские народы также имеют свои версии эпоса, имеющие схожие сюжеты с татарскими вариантами.

Узбекская версия эпоса «Идегей» называется «Тулумбий» или же «Тулумхужа». Исходя из принятых в других тюркских вариантах название «Идегей», узбекскую версию также издали под названием «Эдиго» [9, с. 170–262],

что ближе по прочтению к узбекскому произношению этого имени. Необходимо отметить, что узбекская версия эпоса до сих пор не стала объектом серьезного научного изучения. Сравнение узбекских вариантов показывает, что они разного художественного уровня.

В 1939 году Ходи Зарифов включил некоторые фрагменты круга преданий об Идегее распространенных в Хорезме в «Узбекский фольклор» под названием «Тулумбий» [18, с. 201–214]. В работах Х. Раззокова, Т. Мирзаева, О. Собирова [11; 5], С. Рузимбоева [13], Ж. Эшанкулова [15] даны краткие сведения об этом эпосе. Но к сожалению, в отличие от других тюрских вариантов, узбекская версия практически не изучена. Первым шагом в серьезном изучении узбекской версии «Идегея» можно назвать только работы Г. Эшчановой [16; 17].

В последние годы были изданы два варианта эпоса и написаны к ним предисловия. Один из них был опубликован под названием «Тулумхужа» [14 с. 115]. Еще один экземпляр эпоса опубликован в эпическом комплексе «Ошикнома» [9, с. 159–246]. Хотя эпос и основан на копии Угилжона-халфа, жившего в Янгибазарском районе Хорезмской области Узбекистана, некоторые эпизоды заполнены с использованием других вариантов. В данной публикации название эпоса дано как «Эдиго». К сожалению, в этих публикациях допущены многочисленные ошибки, что снижает их научный уровень.

Узбекские варианты «Идегея» распространены в Хорезме и связаны пребыванием части предков современных узбеков в составе Золотой Орды. В этом плане узбекский Хорезм выделяется четко. Поэтому не удивительно, что чисто золотоордынские персонажи, более характерные для татар и казахов имеются и у узбеков. Поэтому иногда узбекские варианты называют еще и как хорезмийские варианты. Также в Хорезме существует древняя традиция рассказывания историй во время траурных церемоний или же перед Рамазаном и Курбан-байрамом и во время различных обрядовых праздников практикуются рассказы историй. Поэтому, именно в Хорезме и были распространены рассказы исторических преданий и были частью традиционной культуры жителей хорезмийского оазиса. Нам кажется, это тоже способствовало сохранению преданий об Идегее среди жителей Хорезма.

Безусловно, исторические персонажи и связанные с ними реальные события передавались жырауами и стали популярными среди народа. Передаваясь из поколения в поколение, они вобрали в себя вымышленные образы и таким образом превратились в исторические легенды. В этом плане И.М. Миргалеев в одной из своих последних работ сравнил дастан «Идегей» с исторической точки зрения и пришел к интересным выводам [7, с. 60–70]. На наш взгляд, его выводы важны для тех, кто занимается фольклором тюркоязычных народов. Особенно теми, которые имеют отношение к реальным событиям, т.е. являются «историческими преданиями».

Необходимо учитывать тот факт, что узбекская версия дастана «Идегей» в отличие от татарской маловариативна, что говорит о том, что она получила распространение от одного жырау. Но все же версии имеют некоторые отличительные особенности, которые были привнесены переписчиками при переписывании. Еще одна причина этого, безусловно, при формировании круга преданий об Идегее, устные рассказы смешивались с письменными. Хотя, у нас нет никакой информации, что узбекская версия исполнялась жырауами, или

по-узбекски бахшиями, однако в пользу того, что она имела и устное хождение говорит тот факт, что в нем встречается много диалектных слов, таких как “g‘oli”, “chug‘ul”, “o‘kcha”, “do‘g‘ma”, “yoxti”, “olis”. На наш взгляд, такая ситуация свидетельствует о том, что произведение изначально исполнялось устно. Конечно, в устном исполнении импровизации предоставляются широкие возможности, и исполнитель может в полной мере проявить свой талант, изобретательность. Когда каждый исполнитель опирается на опыт своих предшественников, но воссоздает его в каждом новом исполнении [10, с. 207]. Поэтому «эпос стоит на неустойчивой границе, пока она не записана. А это значит, что бахши сможет свободно действовать в процессе ее исполнения и поворачивать события в ту или иную сторону» [1, с. 115].

Х.Т. Зарифов отмечал, что «Хорезмские эпосы имеют относительно регулярный текст, обработанный неизвестными грамотными бахши, знающими письменную литературу и городскую культуру» [3, с. 240]. Подобную идею можно встретить в работах А. Мирбадалевой [6, с. 111], Б. Карриева [5, с. 128]. Т. Мирзаев пишет, что «Влияние рассказов и повестей на живой устный процесс узбекских народных эпосов крайне мало. В Хорезме эффект от этого более заметен» [8, с. 15]. С. Рузимбоев отметил важность письменной фиксации легенд для сохранения наследия народа [12, с. 12]. В случае с дастаном «Идегей», как и с другими эпосами это очевидно. Только письменная фиксация сохранила для нас этот интереснейший эпос.

При устной же передаче очень много нюансов. Во-первых, рассказчик должен быть грамотным и обладать определенным уровнем знания литературной лексики, во-вторых, он должен приобрести культуру произношения речи, в-третьих, иметь приятный голос и умение петь. В прежние времена рассказчиками были особые люди, получившие образование в медресе.

Сходства между искусством повествования и рассказыванием историй заключается в том, что прозаические тексты в эпосе читаются точь-в-точь с учетом стилистических особенностей, а поэтические тексты исполняются на определенный тон, точнее, под мелодию, без музыкального сопровождения. Направление повествований, действующее в женской аудитории, несколько более публичное, и влияние участвующих в них людей весьма широко. Потому что исполнение эпоса в этой аудитории связано с ритуалами.

Как мы уже отметили, первая печатная версия получила название «Эдиго» и вошла в первый том книги «Ошикнома». По мнению редакции издания, в основу ее легла вариант Угилжона-халфы, рукопись, хранящаяся в архиве отдела фольклора Института языка и литературы Академии наук Узбекистана под инвентарным номером 1430, а ее недостатки были исправлены и восполнены с помощью другой рукописи [9, с. 159–246]. В этом варианте приведены две мухаммасы (пястиштише), а остальные поэтические отрывки состоят из мурабба (четверостишие). Всего в них 2369 стихов.

Второй опубликованный вариант получил название «Тулумхужа» [14, с. 115]. По мнению авторов издания, эпос был опубликован по экземпляру, переписанного сыном каллиграфа Шамуродом Самандар углы. Объем эпоса значительно больше первого опубликованного варианта, он состоит из 3287 стихотворных строк, две из них – мухаммы, остальные написаны в стиле мурабба.

Работа с рукописями требует от специалистов большой подготовки. Анализ рукописного текста сложный процесс и зависит от многих факторов. Это и уровень носителя предания – жырау, фиксатора и грамотности переписчика, и уровень исследователя-текстолога. К сожалению, при записи варианта Угилжана-халфы было много неточностей. (Депистогрaф Ф. Султонова). Поэтому, при подготовке к изданию этого варианта издателям пришлось обращаться к другим вариантам для уточнения многих мест. Также и при издании «Тулумхужа» издатели допустили некоторые ошибки, не сумев правильно прочитать некоторые дополнения и слова. Кроме того, некоторые стихи и положения были опущены.

События в произведении существенно не отличаются от первой опубликованной версии. Есть лишь изменения в названиях некоторых мест. Например, если в первой версии сказано, что место омовения Паризода находится на горе Султан Увайс, то в этой версии название горы не приводится. Также в первой версии не указано название места, где Сочли Азиз оставил ребенка Паризода в гнезде семурга. В этой версии название места записано как длина Аштарханского моря, т.е. Каспийского моря.

В завершение второго варианта дано так: «Parizoddin Ediganing bir o'g'li bo'lur, oning oti Nuri Aziz bo'lur, ul o'g'lon shohning silsilasin tuzsa kerak va tamomi Xorazmga peshvo bo'lsa kerak. Oning dovrug'ini o'zining voqeasindabayon qilurmiz» (У Паризода от Эдиго будет сын, его имя будет Нури Азиз, мальчик составит царскую линию и будет вождем Хорезма». Мы расскажем о его славе в его историях) [14, с. 115]. В первой версии приводится информация о сыне Идегея: «Мы опишем его историю в его рассказе». Как видно из этого отрывка, в хорезмийской версии также был раздел или же отдельный текст о сыне Идегее. Но этого раздела в хорезмийской версии не обнаружено. Безусловно, судя по многочисленным рассказам, касающихся сына Идегея Нураддина, приведенных в татарских версиях, в узбекской версии Нураддин (Нуразиз в хорезмийской версии) также должен был быть.

Из неопубликованных узбекских вариантов мы можем перечислить следующие рукописные варианты, которые были найдены также в хорезмийской области Узбекистана. Наиболее распространенное место действия эпоса – город Хива, Хивинский и Ханкайский районы.

Вариант 1. Ниязжан халфа из Шавата. Эта рукопись хранится в личном архиве профессора С. Рузимбоева и содержит 2120 стихотворных стихов. Трое из них – газели, один – мухаммас, остальные – мураббы. Содержание эпоса ничем не отличается от содержания «Тулумхожи». Различны лишь объем и жанр стихотворных стихов. Рукопись состоит из 68 листов, переписана в 1860 году. Имя переписчика отсутствует.

Вариант 2. Мехрибан халфы из Ханки. Текст рукописи, состоит из 123 листов, написанных кириллицей. Все поэтические произведения выполнены в форме мураббы. В содержании эпоса изменений нет, текст рукописи практически идентичен «Тулумхожа», опубликованному в 2004 году. Однако есть и небольшие отличия, например, глава беков хана Токтамыша здесь назван Туксон-беком. В других вариантах это имя не упоминается. В этой рукописи также содержатся сведения о море Аштархане, сыне Идегея Нуразизе. Однако раздела о Нуразизе нет. Этот рукопись хранится на личном архиве Г. Эшчановой.

Вариант 3. (хранится в архиве А. Ахмедова). Этот вариант состоит из 94 листов, один лист в конце отсутствует. После стихотворного отрывка, заканчивающегося строкой «Inna keldik, dilbar Qo'ng'iro't qal'asi», даются десять строк прозаических отрывков, и текст прерывается. Рукопись была переписана на русскую бумагу в 1880-х годах и запечатана в письмо. Начало рукописи несколько отличается от упомянутых выше вариантов. Главным образом это проявляется в названии произведения, где переписчик приводит название своей племени кунгратов. Существенных отличий от других вариантов нет. В целом этот экземпляр является одним из самых полных, если не считать потери последнего листа. Этот вариант аналогичен варианту Угилжона-халфы.

Вариант 4. Дилором-халфы из Ургенча. Текст, написанный на арабике, состоит из 82 листов. Эта версия практически идентична «Тулумхожа» и является ее переписанной копией. Текст эпоса был скопирован в 1990 году. В свою очередь, эта копия «Тулумхожа» стала основой для последующих копий. Например, Дармона-халфой, из села Божгир-шайх Янгибазарский района. Была скопирована в 1993 году. Ксерокопии этой рукописи довольно сильно были распространены в Янгибазоре. Иногда их называют отдельными вариантами по имени владельцев: Дуржонской-халфы, Кутлибека-халфы, Гулчехры-халфы. Однако эти копии являются всего лишь ксерокопиями и не могут быть выделены как отдельные варианты.

Копии, переписанные до начала XX века, совершенны во всех отношениях. В них прежде всего заметны детальность и соблюдение правил орфографии. Причина этого кроется в том, что тексты писались в основном писцами, получившими образование в медресе. Большинство из них хорошо разбирались в художественных произведениях и классической литературе и старались внести определенный творческий вклад в копируемые тексты. По этой причине среди всех копий своим художественным совершенством выделяются упомянутые выше копии Угилжана-халфы, Шамуроода Самандара угли, и вариант А. Ахмедова.

Как видим, узбекские варианты эпоса «Идегей» в основе своей имеют в двух довольно схожих версиях. Эти две версии и стали основой для других вариантов, коих мы насчитали всего четыре. От этих вариантов имеются еще копии, однако, они уже не представляют источниковедческого интереса, но при этом говорят о распространенности и популярности этого эпоса, прежде всего у жителей Хорезма. Эти четыре варианта, которые являются копиями первых двух версий, все же имеют и некоторые свои особенности. На наш взгляд, основная причина этого в том, что эпос переписывался халфами и использовался ими для рассказов и поэтому при переписывании вносились некоторые изменения.

Также и язык эпоса показывает, что он создан в Хорезме. Это подтверждают и топонимические и антропонимические названия в произведении. При этом, в отличие от других хорезмийских эпосов, здесь этнонимы почти все соответствуют узбекским родам, а термины «узбек», «Узбекистан» повторяются много раз. С. Рузимбоев [13, с. 60] и мы считаем, что этот эпос принесен узбеками-шейбанидами, переселившимися из Западной Сибири в Хорезм в начале XVI века. С одной стороны, приход кочевых узбеков в Среднюю Азию не внес существенных изменений в уже бытовавшие эпические традиции, с другой стороны обогатил ее новыми эпическими произведениями,

привнеся с собой легенды, связанные с правителями Золотой Орды. Видимо и отсюда сведения про Аштарханидское море. Эта сторона вопроса еще требует дальнейших исследований. С другой стороны, следует также отметить, что после падения Астраханского ханства, многие астраханские татары, прежде всего политическая элита этого татарского государства, переселились в Мавераннахр и даже создали в последующем здесь династию Аштарханидов. Вполне возможно, появление дастана «Идегей» в Хорезме могла быть связана и с астраханскими татарами. Также, в результате падения мангытского юрта в конце XVI века многие ногайцы, обреченные на голод и нищету, переселились также и в Бухару и Ургенч [2, с. 423]. Хотя прямых указаний о появлении данного эпоса в Хорезме не найдено.

С другой стороны Идегей некоторое время жил и в Хорезме и вполне возможно что хорезмийцы восприняли рассказы о нем, как часть своей истории. Удивительно, но нет сведений о том, что эти предания передавались в устной форме жырауами Хорезма. На наш взгляд, причина кроется в богатой письменной культуре Мавераннахра. Именно поэтому хорезмийская версия дастана «Идегей» имеет сцены из огузских преданий и это влияние существенно.

Узбекская версия дастана «Идегей» – «Тулумхожа» (“Тулумбий”) и «Эдиго» еще ждут своих исследователей. Богатый сюжетный материал хорезмийских вариантов требуют сопоставления с другими тюркскими вариантами, прежде всего с татарскими, казахскими и другими вариантами. Особенно важно сопоставление с каракалпакскими версиями, в силу географической близости ареала распространения этих версий.

Исследование узбекского варианта дастана «Идегей» находятся еще в начальной стадии. Мы надеемся, что данная статья поможет продвинуться в этом вопросе. Пока же, наши данные подтверждают мнение о сильной распространенности этого эпоса среди многих тюркских народов и является их общим достоянием и свидетельством общей истории. Узбекские варианты несомненно внесут понимание в историческую память тюркских народов, особенностей их формирования, общее и различие версий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гринцер П.Н. Эпос древнего мира // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М.: Наука, 1971. 311 с.
2. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 727 с.
3. Зарифов Х.Т. Ўзбек фольклоршунослиги тарихидан // Ўзбек совет фольклори масалалари. Тошкент: Фан, 1970. 240 б.
4. Идегей. Татарский народный эпос. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 256 с.
5. Карриев Б.А. Эпические сказания о Кёроглы у тюркоязычных народов. М.: Наука, 1968. 128 с.
6. Мирбадалева А.С. Общая черты и специфика туркменских и узбекских романтических дастанов // Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. 117 с.
7. Миргалеев И.М. Дастан «Идегей» с исторической точки зрения // Южный и Средний Урал от хана Бату до Николая I. Материалы научной конференции. Челябинск, 2023. С. 60–70.
8. Мирзаев Т. Халқ бахшиларининг эпик репертуари. Тошкент: Фан, 1979. 15 б.
9. Ошикнома. 1 китоб. Нашрга тайёрловчилар: С.Рўзимбоев, Г.О.Эшчанова, С.С.Рўзимбоев, А.Ахмедов. Урганч: Хоразм, 2006. Б. 159–246.
10. Петросян А.А. История народа и его эпос. М.: Наука, 1982. 216 с.

11. Раззоков Х. Мирзаев Т. ва бошқалар. Ўзбек халқ оғзаки поэтик ижоди. Тошкент: Ўқитувчи, 1980. Б. 205–206.
12. Рузимбоев С. Хоразм дostonларининг спетсификаси, типологияси ва поэтикаси: Докторлик дисс. Тошкент, 1990. 212 p.
13. Рузимбоев С. Тулумбий-дастан истoрико фантастического типа // Тезисы докладов Хорезмского ГПИ. Ургенч, 1988. 174 с.
14. Тулимхўжа. Нашрга тайёрловчилар. М.Жўраев, Х.Эшчанов. Тошкент: Навоий номли Ўзбекистон Мийлий кутубхонаси нашриёти, 2006. 115 б.
15. Эшонкулов Ж. Эпик тафаккур тадрижи. Тошкент: Фан, 2006. 121 б.
16. Эшчанова Г. Эпосда Эдиго образининг талкинлари. Тошкент, 2013. 163 б.
17. Эшчанова Г. «Эдиго» дostonидаги от образининг мифологик хусусиятлари // Хоразм фольклори. III том. Хива, 2010. 231 с.
18. Ўзбек фольклори. I китоб. Тузувчи: Ҳоди Зариф. Тошкент, 1939. 246 б.

REFERENCES

1. Grintser P.N. Epics of the ancient world. Typology and interrelations of literatures of the ancient world. Moscow: Nauka, 1971. 311 p. (In Russian)
2. Zhirmunsky V.M. Turkic heroic epic. Leningrad: Nauka, 1974. 727 p. (In Russian)
3. Zarifov Kh.T. From the history of folklore. Problems of Uzbek folklore. Tashkent: Nauka, 1970. 240 p. (In Uzbek)
4. Idegei. Tatar folk epic. Kazan: Tatar Book Publ., 1990. 256 p. (In Russian)
5. Karriev B.A. Epic tales about Koroglu among the Turkic-speaking peoples. Moscow: Nauka, 1968. 128 p. (In Russian)
6. Mirbadaleva A.S. Common features and specificity of Turkmen and Uzbek romantic dastans. Typology of folk epic. Moscow: Nauka, 1975. 117 p. (In Russian)
7. Mirgaleev I.M. Dastan "Idegey" from a historical point of view. *Southern and Middle Urals from Khan Batu to Nicholas I. Proceedings of a scientific conference*. Chelyabinsk, 2023, pp. 60–70. (In Russian)
8. Mirzaev T. National bakshi's epic repertoire. Tashkent: Nauka, 1979. 15 p. (In Uzbek)
9. Oshiknoma. I kitob. Urganch: Khorazm, 2006, pp. 159–246. (In Uzbek)
10. Petrosyan A.A. History of the people and its epic. Moscow: Nauka, 1982. 216 p. (In Russian)
11. Razzokov Kh., Mirzaev T. and others. Uzbek national folklore poetic creativity. Tashkent: Teacher, 1980, pp. 205–206. (In Uzbek)
12. Ruzimboev S. Khorazm dastans' specifics, typology and poetics: Dissertation for the degree of Doctor of Science. Tashkent, 1990. 212 p. (In Uzbek)
13. Ruzimboev S. Tulumbiy-dastan of the historical-fantastic type. Abstracts of reports of the Khorezm State Pedagogical Institute. Urganch, 1988. 174 p. (In Uzbek)
14. Tulimkhuzha. Tashkent: Uzbekistan National library press named after Alisher Navoi, 2006. 115 p. (In Uzbek)
15. Eshonkulov Zh. Epic Tafakkur Tadrizhi. Tashkent: Fan, 2006. 121 p. (In Uzbek)
16. Eshchanova G. Analyses of Edigu in epochs. Tashkent, 2013. 163 p. (In Uzbek)
17. Eshchanova G. Mythologic characteristics in "Edigu" dastan. Folklore of Khorezm. Vol. III. Khiva, 2010. 231 p. (In Uzbek)
18. Uzbek folklore. Book I. Tashkent, 1939. 246 p. (In Uzbek)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гавхар Атаджановна Эшчанова – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики начального образования Ургенчского государственного педагогического института (220100, ул. Гурленская, 1А, Ургенч, Хорезмская область, Республика Узбекистан). E-mail: eshchanovagavhar@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gavkhar A. Eshchanova – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Methodology of Primary Education, Urgench State Pedagogical Institute (1A, Gurlenskaya Str., Urgench 220100, Khorezm region, Republic of Uzbekistan). E-mail: eshchanovagavhar@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 01.07.2024

Поступила после рецензирования / Revised 30.09.2024

Принята к публикации / Accepted 19.11.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.943-969>
EDN: YLGTPW

УДК 001.891.32

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОГО СВОДНОГО ТЕКСТА
БАШКИРСКОГО НАРОДНОГО ЭПОСА
«ИДУКАЙ И МУРАДЫМ»

М.М. Хабутдинова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
mileuscha@mail.ru*

Резюме. Цель исследования – восстановить хронику работы татарского ученого-энциклопедиста Наки Исанбета (1899–1992) над созданием и продвижением сводного текста башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым».

Материалы и методы исследования. Материалом послужили сводный текст редакции 1933 г. с авторскими пометками для переводчиков, а также источники личного характера: воспоминания, переписка фольклориста. Исследование велось с помощью культурно-исторического, сравнительно-сопоставительного и описательного методов.

Новизна нашего исследования состоит в комплексном изучении творческой истории первого сводного текста башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым» и истории его бытования. В рамках исследования определена научно-историческая ценность редакции 1933 г. Выявлены объективные, субъективные причины драматичной судьбы данного сводного текста. Описана структура рукописного текста на латинице, кратко охарактеризованы его сюжетно-композиционные особенности, система персонажей, художественные особенности. Доказано, что Наки Исанбет является первым составителем сводного текста башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым». Сравнительный анализ редакций сводного текста 1928 и 1933 г. указывает на имевшую место «общую конструктивную преднамеренность», нацеленную на активное воздействие на читателя, соблюдение текстологом сложившегося жанрово-стилистического канона. История сотрудничества Наки Исанбета с издательством «Academia» ликвидирует не только одно из «белых пятен» в истории бытования этого сводного текста, но и косвенно характеризует круг деловых контактов татарского ученого с российскими фольклористами в 1930 г.

Ключевые слова: Наки Исанбет, Золотая Орда, татарская текстология, сводный текст, башкирский фольклор, башкирский народный эпос «Идукай и Мурадым»

Для цитирования: Хабутдинова М.М. Из истории первого сводного текста башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 943–969. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.943-969> EDN: YLGTPW

Финансирование: Исследование выполнено в рамках темы Фонда поддержки социальных проектов -2/24 при поддержке Академии наук РТ по Постановлению КМ РТ № 565 от 16.07.2024 г.

© Хабутдинова М.М., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE HISTORY OF THE CREATION AND PROMOTION
OF THE FIRST CONSOLIDATED TEXT OF THE BASHKIR
FOLK EPIC “IDUKAI AND MURADIM”

M.M. Khabutdinova

*Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russian Federation
mileuscha@mail.ru*

Abstract. Research objectives: The purpose of the study is to restore the chronicle in the work of the Tatar scholar-encyclopedist, Naki Isanbet (1899–1992), pertaining to the creation and promotion of the consolidated text of the Bashkir folk epic, “Idukai and Muradim”. The research material was based on personal sources: memoirs, correspondence of a folklorist, a summary text of the 1933 edition with author's notes for translators. In the second half of 1920s to the first half of 1930s, Naki Isanbet participated in the first academic project in Russian history to collect, study, and create critical texts of epics of the peoples of the USSR, headed by scientists of the USSR Academy of Sciences. The Tatar scientist is rightfully considered a pioneer in this field. Naki Isanbet's textual works on the epic, “Idegey”, have been recognized not only within the USSR, but also abroad.

Research materials: The comprehensive text of the “Idukai and Muradim” epic by Naki Isanbet (1933); sources of a personal nature: memoirs, correspondence with a folklorist, etc. The research was conducted using cultural-historical, comparative, and descriptive methods.

Novelty of the research: The novelty of our research is found in its comprehensive study of the creative history of the textual work on the “Idukai and Muradim” Bashkir epic, providing the first summary text and the history of this epic's development.

Results of the research: The scientific and historical value of this source has been determined within the framework of the study. The objective and subjective reasons for the dramatic fate of the consolidated text of the Bashkir version of the epic about Idegey are revealed. The structure of the handwritten text in Latin is described. Its plot and compositional features, character system, and artistic features are briefly described. It is demonstrated that Naki Isanbet was the first compiler of the consolidated text of the Bashkir folk epic, “Idukai and Muradim”. A comparative analysis of the editions of the consolidated text of 1928 and 1933 indicates that there was a “general constructive premeditation” aimed at actively influencing the reader, following the established genre and stylistic canon, as was noted by the textual critic. The history of Naki Isanbet's cooperation with the Academia publishing house eliminates not only one of the “blind spots” in the history of the existence of this consolidated text, but also indirectly characterizes the circle of collaborative contacts of the Tatar scientist with Russian folklorists in 1930.

Keywords: Naki Isanbet, The Golden Horde, Tatar textual studies, summary text, Bashkir folklore, Bashkir folk epic “Idukai and Muradim”

For citation: Khabutdinova M.M. The History of the Creation and Promotion of the First Consolidated Text of the Bashkir Folk Epic “Idukai and Muradim”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 943–969. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.943-969> (In Russian)

Financial Support: The research was carried out within the framework of topic of the Social Projects Support Fund -2/24 with the support of the Tatarstan Academy of Sciences according to the Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan No. 565 (dated July 16, 2024).

Данная статья является очередной в цикле наших работ, посвященных изучению вклада Наки Исанбета в исследование и популяризацию сведений о Золотой Орде, в том числе народных эпосов об Идеее [10; 22; 23; 24; 25; 26; 28; 29]. К сожалению, в региональной фольклористике продолжают появляться работы, где некорректно оценивается вклад ученого в изучение башкирского и татарского эпических памятников. Так, например, в 2022 г. башкирские исследователи А.Г. Салихов, Н.А. Хуббутдинова, разрабатывая вопрос об истории изучения башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым», со ссылкой на труды Н.Т. Зарипова хотя и признают первенство Наки Исанбета в деле составлении общего свода этого памятника, однако в результативной части своей статьи делают вывод, который вводит читателей в заблуждение: «В современной татарской филологической науке данный свод изучается как письменный дастан об Идеее, созданный, как признают ученые, на основе вариантов эпоса, хранящихся в фондах ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, которыми являются списки, непосредственно записанные у сибирских татар» [20, с. 61–62]. При этом башкирские ученые делают ссылку на статью татарского фольклориста Л.Х. Мухаметзяновой [18, с. 94], посвященную на деле изучению не башкирской версии, а книжной версии дастана «Идегей» татар Поволжья. Это не единичный случай фальсификации при изучении эпического наследия двух братских народов.

Изначально хотелось бы обратить внимание на то, что Наки Исанбет уже в 1930 г. ратовал за издание башкирского фольклора. Ученый выступал против любых проявлений “ложного” патриотизма, ратуя за публикацию уникальных материалов, принадлежащих каждому из братских народов, не допуская путаницы. В письме к С. Кудашу в 1980 г. татарский писатель, подводя итоги своей работы на склоне лет, так определяет свой вклад в культуру земляков:

“Что бы ни говорили, однако ты прав, я являюсь человеком, который для башкирских детей создал азбуку на родном языке; выступил составителем хрестоматии по литературе; кроме того, подписав договор, сдал в Башкнигу хрестоматию с образцами башкирской народной литературы, собранными на Урале, который я не раз обошел пешком с котомкой за плечами; разработал теоретические вопросы ее изучения. К сожалению, этот мой труд так и не увидел свет из-за того, что мои башкирские уфимские друзья не смогли отстоять и защитить мое имя во время провокации 1930-х гг. – дела «Джидеген» и последовавшего за ним погрома. Написанный 50 лет назад этот труд, если на него посмотреть сквозь призму сегодняшних достижений, возможно, и далек от совершенства, однако он является еще одним свидетельством дружбы между двумя братскими народами; моего вклада в собирание, систематизацию и изучение башкирского фольклора; весомое доказательство проделанной мной работы” (*подстр. пер.* здесь и далее наш – М.Х.)¹.

В 1994 г. фольклорист Н.Т. Зарипов написал ряд фундаментальных работ, посвященных изучению башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым» (см., например, [16]). Было бы логично, чтобы новое поколение фольклористов, краеведов, взяв на щит достигнутое, приступило бы к изучению

¹ Письмо Наки Исанбета Сайфи Кудашу // Личный архив писателя Наки Исанбета. Рукопись на татарском языке. Казань, 1980. С. 16.

архивных первоисточников. Вызывает недоумение, почему соответствующая работа не была проделана на средства гранта РГНФ и Республики Башкортостан в рамках научного проекта №16-14-02002 «Устная эпическая традиция во времени (на примере эпосов «Идукай и Мурадым», «Кузыйкурпяс и Маяхылыгу»). Давно пора ввести в научный оборот вводную статью и анализ Наки Исанбета на арабице об истории бытования данного башкирского народного эпоса, особенностях композиции и поэтики и др. объемом в 24 с. В 1994 г. Н.Т. Зарипов в своей книге указал на то, что этот научный труд татарского ученого, выполненный на листах нестандартного объема в 1930 г., не был утрачен и хранится в Научном архиве федерального исследовательского центра РАН [16, с. 307]. 28 марта 2023 г. мы обратились с такой просьбой к А.Г. Салихову и Н.А. Хуббутдиновой, указав на возникшую путаницу двух сводных текстов в их статье. Мы планировали подготовить к печати на основе изучения материалов в башкирском и татарском архивах совместную с башкирскими коллегами статью, чтобы объективно раскрыть вклад татарского ученого Наки Исанбета-уроженца Башкортостана в собирание, систематизацию, изучение и продвижение башкирского фольклора. Ввиду затянувшейся паузы, мы решили написать очередную работу самостоятельно, т.к. обнаружили, что ряд других исследователей, анализируя «Идукай и Мурадым», лишь вскользь упоминают имя Наки Исанбета (С.А. Галин [5], Р.М. Зарипова [11] и др.), а в некоторых работах, посвященных изучению художественных особенностей эпоса «Идукай и Мурадым», имя татарского ученого-фольклориста и текстолога не упоминается в степени изученности вопроса и вовсе (З.Г. Аминев [3], А.Х. Давлеткулов [6; 7; 8], Р.А. Султангареева [21] и др.). Жаль, что традиция объективного и всестороннего изучения этого башкирского народного эпоса, заложенная в трудах фольклориста Н.Т. Зарипова, не востребована.

Введенные нами в научный оборот эпистолярные источники содержат ряд документальных свидетельств, которые проливают свет на хронику работы Наки Исанбета над составлением и продвижением сводного текста башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым», который татарский ученый уже в 1930 г. считал предметом особой гордости земляков, достойным издания в столичном издательстве в серии, где позднее был опубликован знаменитый карело-финский эпос «Калевала». «Мышиная возня» со стороны уфимских коллег в 1934 г. помешала Наки Исанбету сделать столь весомый подарок землякам, хотя исследователь успел заручиться поддержкой мэтров отечественной фольклористики и тюркологии. Осознать масштаб утраченной возможности помогают сохранившиеся документы.

Обсуждение. Изначально труды Наки Исанбета восхищают читателей своей прочной и выверенной методологической базой. Очевидно, что ключ к этому феномену следует искать не только в энциклопедической натуре, исключительном трудолюбии ученого, но в том числе и в характере его научных контактов. В своих воспоминаниях Наки Исанбет не скрывает, что стал собирать и изучать фольклор под влиянием Г. Тукая и К. Насыри. Известно, что в медресе «Мухаммадия» будущий ученый занимался в фольклорном кружке Ходжи Бадыгова (Хужа Бадыгый, 1887–1940), который стажировался у венгерского этнографа, антрополога, фольклориста Дьюлы Месароша (1883–1957).

В 1920 г. Наки Исанбет поступает учиться в Уфимский институт народного образования. По инициативе Башнаркомпроса, отучившись год, в разгар Гражданской войны, он внезапно переводится на третий курс Харьковского института народного образования. Почему Башнаркомпрос направляет лектора-активиста, согласовав с Москвой, учиться в Одессу или Харьков? А в это время другой знаменитый фольклорист, уроженец Сарапульского уезда Вятской губернии, Д.К. Зеленин не может покинуть Харьков, опасаясь за свою жизнь в пути, и занять место ординарного профессора в Казанском университете. В письмах к руководству университета известный этнограф обещает «прибыть в Казань при первой возможности безопасного переезда». Известно, что в 1919 г. Д.К. Зеленин успел частично перевезти свою библиотеку в Казань. Наше внимание привлекло письмо ученого к академику С.Ф. Ольденбургу от 4 октября 1918 г., где он посетовал, что из-за Гражданской войны лишился доступа к своим экспедиционным материалам, оставшимся на родине на хранении у родственников. А тем временем Наки Исанбет, презрев опасности, получив две справки-направления на учебу в Совет Одесского университета и Харьковский университет, уезжает из Уфы и в условиях выхода страны из ада Гражданской войны оказывается в Харькове. Причина, как нам кажется, кроется не столько в необходимости смены климата из-за астмы, голода Поволжья, но прежде всего в том, что в эти годы в Одессе и Харькове располагались мощные центры русской фольклористики. В то время Украина была юридически независимой Украинской Советской Социалистической Республикой, находящейся в военно-политическом союзе с РСФСР, а Харьков был ее столицей. Только к осени 1920 г. на основной территории УССР закончились военные действия. Как отмечает Т.Г. Иванова, «до революции 1917 г. фольклористика в организационном плане развивалась в основном внутри научных обществ (Русское географическое общество; Общество любителей естествознания, Антропологии и этнографии при Московском университете; Московское археологическое общество; Харьковское историко-филологическое общество; Уральское общество любителей естествознания, и др.)» [14].

Харьковский университет в годы революции и Гражданской войны превратился в Центр притяжения выдающихся учёных-фольклористов и этнографов, несмотря на неоднократную смену властей в городе. Здесь преподавали учёные-этнографы, филологи, в том числе такие известные фольклористы, как Д.К. Зеленин, Е.Г. Кагаров (1882–1942), Н.Ф. Сумцов (1854–1922), Р.С. Данковская (1885–1956) и др. На заседания Харьковского Научного общества для участия в дискуссиях приглашались такие крупные учёные, как Ю.М. Соколов (1889–1941), Г.С. Виноградов (1886–1945) и др. Такая форма

Рис. 1. Фотография Н. Исанбета из студенческого билета Харьковского университета.

Fig. 1. Naki Isanbet photo from the student card of Kharkov University.

работы позволяла, не дожидаясь публикаций, быть каждому из фольклористов в курсе научных идей своих коллег.

Смеем предположить, что Наки Исанбет (рис. 1) смог перепрыгнуть через курс и восстановиться на третьем, благодаря поддержке земляка, автора «Очерков русской мифологии» (1916) – Д.К. Зеленина, который был завкафедрой славяно-русской филологии Харьковского университета. Татарского ученого, должно быть, заинтересовала его методология сравнительно-сопоставительных исследований восточнославянского («русского» или общерусского) материала с материалом этнически неславянским – финно-угорским, тюркским. «Очерки» Д.К. Зеленина явились одной «из первых серьезных работ, освещающих соотношение русской мифологии с мифологиями «инород-ческими»». За этой книгой, как указывает Н.И. Толстой, «должны были последовать книги, посвященные целой серии обрядов и действий мифологического характера», «обозревающие основные русские мифологические представления, лежащие в основе русской дохристианской народной духовной культуры». Однако неблагоприятные для автора условия в конце 1920-х, в 1930-е и в 1940-е годы, видимо, помешали Д.К. Зеленину осуществить этот замысел. Не стоит забывать и о том, что «редкое по своей полноте познание архивного материала сочеталось у этого уникального ученого с хорошим знакомством с научной литературой и, что самое важное, с «полевыми» наблюдениями в родном Вятском крае, в Оренбургской, Пермской, Уфимской, Костромской, Псковской, Рязанской губерниях и Акмолинской, Семипалатинской и Уральской областях» (См. подр.: [12, с. 10–28]). Д.К. Зеленин в 1920 г. разрабатывал новые методы в изучении народного быта. Фольклорный текст ученым не сводился только к вербальной (литературной) составляющей. Интерес исследователя был сосредоточен на историческом, бытовом, языковом, обрядовом контекстах фольклорного текста.

21 августа 1921 г. Наки Исанбет становится сотрудником Секретариата ЦК КП(б) Украинской ССР – переводчиком татарской секции. Учебу в университете успешно совмещает с работой и творчеством. Спустя два месяца Наки Исанбет вновь возвращается к лекторской работе: с 15 ноября 1921 г. по 5 февраля 1922 г. читает лекции на шестимесячных педагогических курсах при Татарской секции Наркомпроса Украины. Из-за возникших материальных трудностей, смены языка обучения в Харьковском университете с русского на украинский Наки Исанбет уезжает по направлению ЦК КП (б) Украины на учёбу в Москву. В личном архиве ученого сохранилось Удостоверение, датированное 28 января 1922 г., о том, что Наки Исанбет отправлен Наркомпросом УССР в распоряжение Наркомпроса РСФСР в г. Москва. Согласно Трудовому списку, он был студентом Коммунистического университета трудящихся Востока с 9 февраля (15 марта) по 25 сентября (1 октября) 1922 г. Здесь Наки Исанбет учится в подготовительной группе переводчиков марксистской литературы.

1920-е гг. – это период открытых дискуссий, появления новых научных школ и направлений, кружков. В это время этнологические экспедиции опирались на местные краеведческие организации. Новые методы в изучении народного быта были тесно связаны также с именем Д.К. Зеленина, который вместе с единомышленниками занимался изучением исторического, бытового, языкового, обрядового контекстов фольклорного текста. Знаменитый

ученый, будучи в Харькове, был членом московской секции Российской Академии истории материальной культуры. Членами этнологического отделения также были В.В. Богданов (глава отделения), А.Н. Максимов, В.А. Гордлевский, Б.А. Куфтин, М.В. Сергиевский, Б.В. Миллер, Б.С. Жуков [14]. 4 апреля 1921 г. на закрытом заседании Московского лингвистического кружка (1915–1924) в Историческом музее Ю. М. Соколов сделал доклад об организации подотдела фольклора ЛИТО Наркомпроса. В 1921 г. созданный в 1919 г. в Петрограде при Петроградском университете Институт имени А.Н. Веселовского был переименован в НИИ сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока. Бюджет и штаты этого подразделения утверждались непосредственно в Наркомпросе. 19 ноября 1925 года в Институте была образована секция «Живой старины» (фольклора), где председателем стал Д.К. Зеленин, а секретарем – Н.Е. Ончукова. В работе секции фольклора принимали участие В.П. Адрианова-Перетц, В.М. Жирмунский, Н.С. Державин, П.К. Симони, Л.Я. Штернберг, А.И. Никифоров, В.И. Чернышов, А.А. Макаренко, Н.М. Элиаш и другие видные ученые [13]. Д.К. Зеленин сотрудничал с В. Проппом и был рецензентом его работы «Морфология русской народной сказки», работать над которой ученый начал еще в 1921 г. (Протокол №17 заседания Сказочной комиссии от 12 февраля 1926 г.). (См. подр.: [12; 14]).

Осенью Наки Исанбет был вынужден уехать из столицы. В Удостоверении от 30 сентября 1922 г. утверждается, что Наки Исанбет решением мандатной комиссии не принят в КУТВ и откомандировывается обратно в распоряжение Башкирского представительства Народного комиссариата национальностей РСФСР. Ученый был беспартийным, поэтому не отвечал требованиям этого учебного заведения, нацеленного на подготовку «учителей коммунизма».

Вернувшись из Москвы, Наки Исанбет в Академцентре Наркомпроса Башкирской АССР, занимается разработкой учебной литературы. Однако, судя по сохранившимся в архиве удостоверениям, параллельно ведет полевые исследования. Наки Исанбет сохранил удостоверение о «научной командировке-экскурсии в Крым и на Кавказ для изучения быта, культур и литературы населения указанных областей», датированное 19 июля 1927 г., подписанное наркомом просвещения Башкирской АССР А.Т. Гисматулиным. В архиве ученого хранятся удостоверения и справки 1920-х гг. с требованием не чинить препятствия краеведу при сборе фольклорных материалов и помогать с подводами для передвижения по тому или иному району.

Научные контакты фольклориста после работы в 1928 г. в составе Башкирской комплексной экспедиции АН СССР (далее – БКЭ АН СССР) выходят на новый уровень. Наки Исанбет был прикомандирован к лингвистико-фольклорному подотряду, которым руководил Н.К. Дмитриев (рис. 2)*.

В ходе экспедиционной работы Наки Исанбет собрал богатый материал, который в дальнейшем был использован ученым при составлении хрестоматии «Башкирский фольклор», не изданной до сих пор. В частности, Наки Исанбет записал 3 варианта башкирской версии об Идиге из уст информантов

* Все фотографии документов – из личного фонда Наки Исанбета.

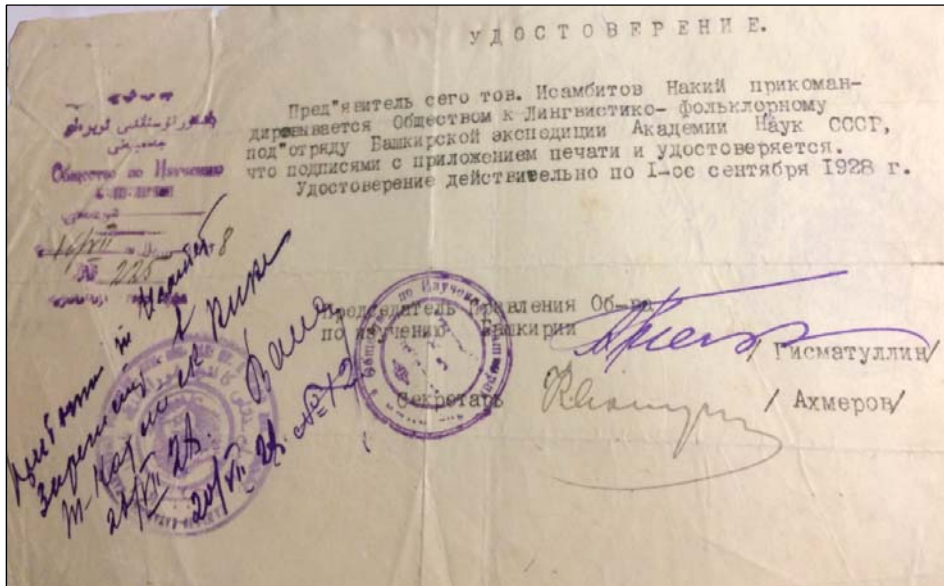

Рис. 2. Командировочное удостоверение Наки Исанбета №225 о работе в Башкирской комплексной экспедиции АН СССР.

Fig. 2. Naki Isanbet's travel certificate No. 225 on work in the Bashkir complex expedition of the USSR Academy of Sciences.

Салима-хальфы (д. Кусимово (Күсем авылы) Тамьян-Катайского кантона (Абзелиловский р-н), Бикбулатова (д. Туркменево Зилаировского района), Вали Магазиева (д. Нугаево (Нугай авылы – Яикбаево, Баймакский район). По мнению ученого, записанные версии в жанровом отношении представляли из себя легенды [4, с. 135; 10, с. 184–185].

Данный экспедиционный материал был сдан в Академцентр Наркомпроса Башкирской АССР в 1928 г., о чем Наки Исанбету была выдана расписка. Затем ученый приступил к обработке и изучению собранного материала. Татарский ученый сравнил свой полевой материал с вариантами, записанными коллегами Сагитом Мрясовым (информант – Кажергул карт из деревни Фазылша) и Даутом Юлтыевым (информант – Батырхан карт из Тук-Сорана). В результате проделанной работы Наки Исанбет пришел к заключению, что указанные варианты мало чем друг от друга отличаются². В 1930 г. фольклорист сдал подготовленную к печати рукопись со вступительной научной статьей на арабской графике в Академцентр [16, с. 443].

Сводный текст с научными комментариями представляет из себя машинопись на латинице на нестандартных листах. Она хранится в УФИЦ РАН³. Муссируемые в окололитературных и околonaучных кругах с 1930-х гг слухи о плагиате Наки Исанбета, легко разбиваются, если заглянуть во вступительную статью ученого, где он оговаривает, что сводный текст составлен на основе записанных им в экспедиции вариантов, а также отрывков из вариантов,

² Исәнбәт Н. Идүкәй менән Морадым. Текст. 36 б. Фәнни мәкалә «Идүкәй менән Морадым күсереге турысында». 24 б. // НА УНЦ РАН: Ф.3, Оп.12. Д. 232.

³ Идүкәй һәм Морадым / Nәgi Isәнбәт варианты. Текст. 42 б. Keres syze. 34 б. // УФИЦ РАН: Ф. 3, Оп. 12, Д. 223; Ф. 3, Оп. 12, Д. 225; Ф. 3, Оп. 12, Д. 231.

записанных Сагитом Мрясовым и Даутом Юлтыевым, а также пословиц тюркских народов. Ученый во введении к своей научной работы выразил благодарность своим коллегам за предоставленную ему возможность поработать с этими источниками. На это обратил внимание в своей книге в 1994 г. и фольклорист Н.Т. Зарипов [16, с. 308].

В 1930 г. кропотливая текстологическая работа Наки Исанбета прошла этап рецензирования в Научном обществе. Получивший положительную оценку рецензентов сводный текст башкирского народного эпоса «Идукай» (составитель Наки Исанбет) был рекомендован секцией языка и литературы 17 января 1930 г. к печати. Работа татарского ученого была включена в Научный план Башкирского книжного издательства [16, с. 309–310]. Однако данная рукопись «мертвым грузом» в Уфе пролежала, по словам ученого, 13 лет⁴. Попытки издать ее отдельной книгой в Уфе предпринимались в 1934–1935 гг. (См. пометки на рукописи Наки Исанбета⁵).

Мы считаем, что судьба сводного текста Наки Исанбета оказалась столь драматичной по ряду объективных и субъективных причин.

1. Одним из негативных факторов явилось отсутствие у БКЭ АН СССР должного финансирования. В 1929 г. наступил переломный момент в ее деятельности. За год в АН СССР в ходе «чистки» было арестовано 150 сотрудников. Сия участь не обошла и руководителей БКЭ АН СССР. В результате ряда реорганизаций в ходе выработки новой государственной научной политики между Совнаркомом Башкирской АССР и Советом по изучению производительных сил АН СССР (СОПС) возникли финансовые разногласия. Отступив от имеющихся договоров, Центр все отдал на откуп региону. СОПС считал, что республика самостоятельно должна решать вопрос по финансированию БКЭ АН СССР. Выделенных Центром денег не хватало для организации полноценной работы. К 1931 г. долг по смете экспедиции, как указывает в своем исследовании Е.Н. Алдашова, составлял 50 тысяч 729 рублей 73 копейки. Несмотря на выделенные в 1932 г. 2 тысячи рублей, дефицит сметы не был преодолен [2, с. 93–94]. Вот почему вопрос об издании научных трудов БКЭ АН СССР в 1932 году оставался открытым, что не могло не отразиться на судьбе рукописи Наки Исанбета в Уфе.

2. Второй причиной стала травля ученого. Из-за «академического дела», скандала вокруг пьесы «Портфель» Наки Исанбет в начале 1930 г. был вынужден вместе с семьей переехать в Казань, где над ним нависла новая угроза ареста по сфабрикованному делу «Жидегэн» («Джидеген») [19, с. 450–470]. Сведения об обстоятельствах жизни ученого в этот драматичный период имеются и в официальных «Автобиографиях», обнаруженных в личном архиве:

«В 1930 году я переехал в Казань, но рапповцы обвинили меня в принадлежности нелегальщине, так называемой «Джидганщине» «Семерке» и отстранили на долгие годы от литературной деятельности, вследствие чего я

⁴ Исәнбәт Н. Башкортостан язучылар союзына Ачык хат // Личный архив писателя Наки Исанбета. На латиннице. 4 л. Без даты. Л. 2.

⁵ Исәнбәт Н. Идүкәй менән Морадым. Текст. 36 б. Фәнни мәкалә «Идүкәй менән Морадым күсереге турысында». 24 б. // НА УНЦ РАН: Ф.3, Оп.12. Д. 232.

поступил рабочим на фабрику «Спартак», а позже вел преподавательскую деятельность»⁶.

«Орудовавшие тогда в Казани татарские рапповцы вынесли решение, что я классовый враг, буржуазный националист и выгнали из литературы. Я был под следствием и скоро был реабилитирован, но эсеры и рапповцы так зашумели и все равно не допустили меня ни к преподаванию, ни к литературе»⁷.

3. В числе преследователей Наки Исанбета были земляки, перебравшиеся из Уфы в Казань и оказавшиеся на руководящей работе в Татарском обкоме ВКП (б). Конфликт с Газымом Касымовым (1891–1937), разгоревшийся в Уфе, в Казани вышел на новый уровень. Наки Исанбет мог контактировать с этим деятелем еще в 1919 г., когда начал печататься в газете «Чулпан», редактором которой был назначен Г. Касымов, командированный ранее из Уфы в Москву для сопровождения имущества «Милли Идаре». В 1920 г. земляк Наки Исанбета стал членом Уфимского губернского ревтрибунала. В 1922 г. он занял пост председателя Губернского совета просвещения мелких национальностей. По прибытии резиденции руководства Башкирской АССР из Стерлитамака в Уфу Г.К. Касымов был вновь назначен Председателем Башкирского Единого Ревтрибунала. Эту должность он занимал до 1 января 1923 года. В 1923–1924 г. Г.К. Касымов был избран народным комиссаром Рабоче-Крестьянской инспекции БАССР. В 1924–1926 гг. он работал в должности наркома просвещения БАССР. В 1926–1928 гг. Г.К. Касымов стал наркомом юстиции БАССР. Одновременно он занимал пост прокурора Башкирской АССР. В 1928 г. стал председателем Центрального комитета нового башкирского алфавита при БашЦИКе. В январе 1929 г. Г.К. Касымов был откомандирован в Казань (см. подр. [9, с. 136–137]).

Согласно воспоминаниям самого Наки Исанбета, он соприкоснулся с этим партаппаратчиком в период преподавательской работы в 4-й школе и общественной деятельности в Уфе. По наблюдению татарского ученого, Г.К. Касымов в те годы претендовал на лавры Г. Ибрагимова. Однако, несмотря на организаторский дар, по оценке Наки Исанбета, на культурном фронте этот функционер успел наломать немало дров: «Мечтая о головокружительной карьере, возможно, он и желал лучшего на ниве литературы-искусства, однако не будучи специалистом в этой сфере, не имея фундаментальных знаний в этой области, на деле по большому счету вставлял всем палки в колеса, оказывая медвежью услугу.» (*подстр. пер.*) [16, с. 459].

Наки Исанбет схлестнулся с Г.К. Касымовым из-за травли поэта Сагита Рамиева, затем из-за невыплаченного гонорара за перевод гимна «Интернационал», занявший призовое место в конкурсе [19, с. 460–461]. У этих стычек в Уфе в будущем были нешуточные последствия: арест по делу «Джидеген», которое было сфабриковано против Наки Исанбета в Казани; отлучение от литературы, невозможность получить высшее образование и т.д. Г.К. Касымов сначала «работал проректором Татарского коммунистического университета, некоторое время – в аппарате обкома партии, в 1931–1934 годах – директором Восточного педагогического института, заместителем наркома зем-

⁶ Исанбет Н. Автобиография // Личный архив Наки Исанбета. Машинопись на кириллице. Без даты. 3 л.

⁷ Исанбет Н. Автобиография // Личный архив Наки Исанбета. Машинопись на кириллице. Без даты. 3 л.

леделия ТАССР, а с августа 1935 года – директором Казанского педагогического института» [9, с. 136–137]. Уфимская интеллигенция знала о влиятельном государственном деятеле, преследовавшем Наки Исанбета, поэтому многие предпочли дистанцироваться от опального писателя, сведя деловые контакты до минимума, чтобы не навлечь беду на себя. О мстительном нраве Г.К. Касымова Наки Исанбета предупредили и соратники, ставшие случайно свидетелями их стычек на одном из заседаний [19, с. 463]. Все это в свою очередь также негативно отразилось на издательской судьбе сводного текста «Идукай и Мурадым». Башкирское издательство предпочло вернуть выданный «опальному автору» аванс и разорвало имеющиеся договоры. Так рукопись вновь оказалась в Башкирском научно-исследовательском институте.

4. Четвертой причиной стала «мышинная возня» вокруг сводного текста в Башкирском комплексном научно-исследовательском институте (далее – Башкирском НИИ), созданном в 1930 г. на базе Академцентра с образованным при нём «Обществом по изучению Башкирии», преобразованном в 1931 г. в Институт национальной культуры. По воспоминаниям Юлдуз Исанбет, Наки Исанбету предложили записаться башкиром, т.к. в соответствии с установкой, спущенной свыше, составителем сводного текста башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым» должен был быть ученый-башкир. Наки Исанбет отказался менять свою национальность.

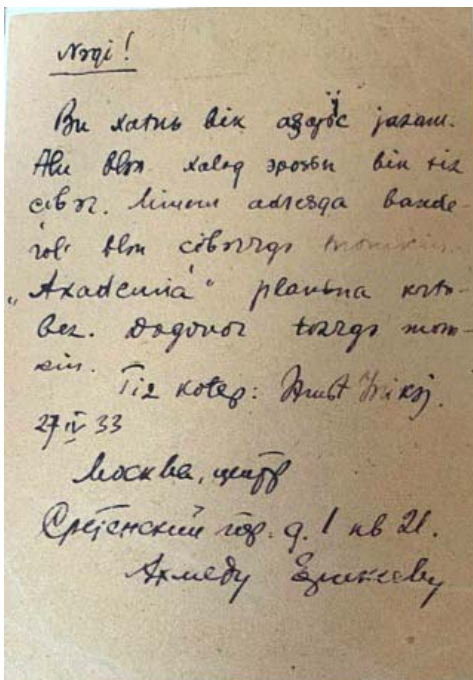
Несмотря на арест и травлю, ученый не опустил руки. Отлученный от литературы, он был вынужден в 1930-е годы сконцентрироваться на научной работе и преподавательской деятельности. Наки Исанбету удалось пробыть со сводным текстом на столичный уровень. Почтовая карточка, отправленная 27 апреля 1933 г. из Москвы земляком, поэтом-переводчиком Ахмедом Ерикеевым, доказывает, что татарский фольклорист, потерпев неудачу в Уфе, добился успеха в столице. Сводный текст Наки Исанбета эпоса «Идукэй менэн Мурадым» был включен в издательский план на 1934 г. книжного издательства «Academia», выпускавшего серии «Сокровища мировой литературы», «Памятники литературного, общественного, художественного быта и искусства» (рис. 3).

К слову, именно здесь в 1932 г. был опубликован «Амран. Осетинский эпос». В 1933 г. в этом издательстве увидели свет финский эпос «Калевала»; поэма М.П. Плотникова «Янгал-Маа», которое характеризуют как «первоисточник народного эпоса манси»; «Сербский эпос». В 1935 г. «Academia» опубликовала «Алтайский эпос», в 1936 г. – «Бурятский эпос» (См. подр. Каталог издательства в 1928–1939 гг. [17]). Однако завистники и здесь перешли дорогу Наки Исанбету.

Письма Ахмета Файзи (рис. 4, 5) проливают свет на дальнейший ход событий. Одно из них написано после завершения работы Первого всесоюзного съезда советских писателей в Москве 9 сентября 1934 г.: «Наки, я задержался с письмом, т.к. ждал окончания работы съезда. Я ведь должен был прояснить судьбу твоего «Едигея». Выяснил. Однако еще не до конца. Дело обстоит так: в издательстве «Academia» на эту твою вещь заведена карточка, однако в графе «автор» значатся фамилии Ахмета Ерикеева и А. Миниха (русский поэт, друг Ерикеева). Твоего имени там нет. Возможно, это получилось так: они оба взяли за перевод этой книги и перевели «вступление». По моей просьбе сотрудники издательства мне показали этот перевод. Так в моих руках

Рис. 3. Письмо Ахмеда Ерикеева Наки Исанбету от 27 апреля 1933 г.
Fig. 3. Letter from Akhmed Erikeev to Naki Isanbet dated April 27, 1933.

оказались 3 больших листа с подстрочным переводом, выполненным Ерикеем, и литературным ритмизированным переводом этого отрывка, который сделал Миних. Твоей рукописи в издательстве нет. Должно она на руках у переводчиков. Ерикеев в Москве нет, а Миних – в Москве. Я обязательно с ним встречу и основательно переговорю. О дальнейшей судьбе поэмы должен знать Соколов из издательства. Однако он здесь бывает оказывается раз в декаду. Мне не удалось с ним встретиться. Я переговорил с одной русской сотрудницей по фамилии Антокольская. Теперь тебе надо с ними выйти напрямую на связь: Москва /Покровский бульвар/. Больш. Вузовская ул., д. №1, Издательство «Academia», Соколову или Антокольской» (подстр. пер.)⁸.

⁸ Письмо Ахмеда Файзи Наки Исанбету от 9 сентября 1934 г. // Личный архив писателя Наки Исанбета. Почтовая карточка. Москва. На латинице.

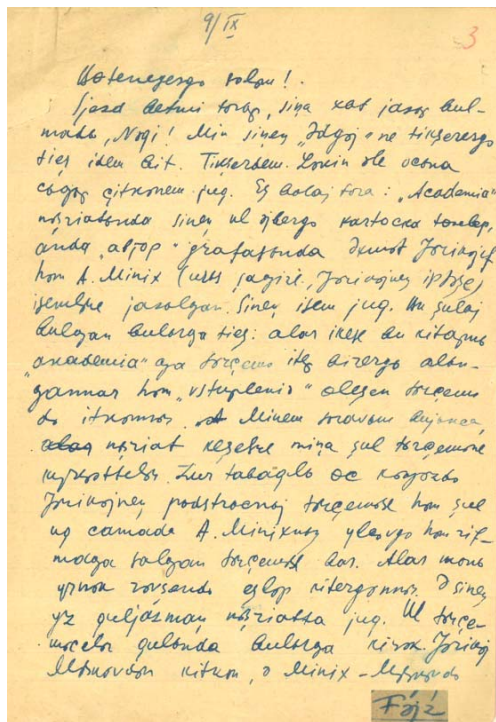

Рис. 4. Письмо Ахмеда Файзи Наки Исанбету от 9 сентября 1934 г.
 Fig. 4. Letter from Akhmed Fayzi to Naki Isanbet dated September 9, 1934.

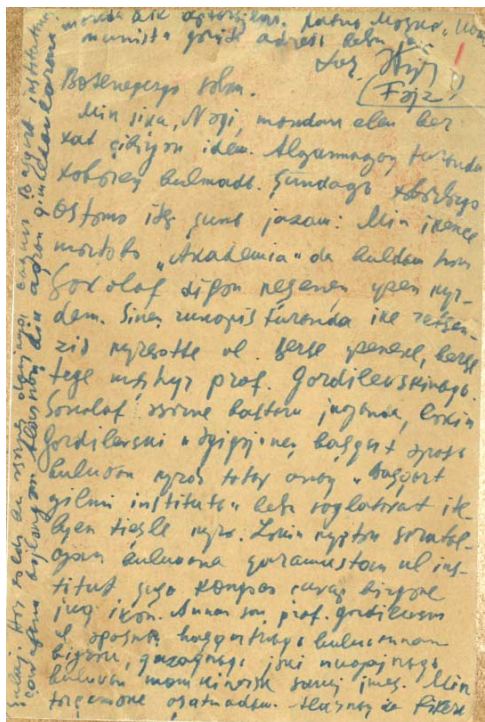

Рис. 5. Письмо Ахмеда Файзи Наки Исанбету. Дата [неразборчиво] 1934 г.
 Fig. 5. Letter from Akhmed Fayzi to Naki Isanbet. Date [illegible] 1934.

В письме упоминается Ю.М. Соколов (1889–1941) – фольклорист, литературовед, этнограф, в 1933 году организовавший секцию фольклора при Союзе писателей СССР. Он является автором учебного пособия «Русский фольклор» (1938, 1941), которое до сих пор считается «классическим университетским учебником». По инициативе братьев Ю.М. и Б.М. Соколовых стала выходить неперiodическая серия книг «Художественный фольклор» (вып. 1–5, 1926 – 1929). В 1936 г. по представлению Московского института филологии, литературы и истории ученый был удостоен степени доктора литературоведения без защиты диссертации. В связи с Постановлением Комитета по делам искусств о пьесе Демьяна Бедного «Богатыри» и последовавшими статьями в «Правде» с критикой взглядов В.Ф. Миллера 27-го ноября 1936 г. Ю.М. Соколов обратился к И.В. Сталину. В письме содержалась оценка сложившегося положения и выражалась надежда на развитие науки о фольклоре. В результате ученому удалось в 1938 году организовать в своем институте кафедру фольклора, которая позже была переведена в Московский государственный университет.

Отрадно, что Ю.М. Соколов всецело поддержал инициативу Наки Исанбета по продвижению сводного текста. Известно, что татарский фольклорист к нему ездил консультироваться и по вопросу систематизации и изучения народных пословиц.

В 1933 г. Наки Исанбет отредактировал текст, ориентируясь на читательскую аудиторию московского издательства и задачи серии. Подстрочный перевод сводного текста он доверил подготовить Ахмеду Ерикёю, а литературный – поэту Александру Миниху. Под этим псевдонимом печатался поэт Маслов Александр Викторович (1903–1941). Хорошо его знавшей писатель Павел Железнов охарактеризовал Александра Миниха как «самобытного, своеобразного поэта». А.В. Маслов переводил стихи национальных поэтов на русский язык. В Москве он подружился с Мусой Джалилем, в частности, выполнил авторизованный перевод его стихов. Итогом совместной работы стала опубликованная в 1935-м году первая книга татарского поэта на русском языке. Точкой притяжения этих деятелей в 1934 г. станет Татарская оперная студия при Московской консерватории.

В следующем письме, отправленном Ахметом Файзи вдогонку первому, указаны уже имена рецензентов сводного текста: «Я во второй раз побывал в «Academia» и встретился с человеком по фамилии Соколов лично. Он мне показал две рецензии на твою рукопись. Одна его собственная, другая принадлежит известному профессору Гордилевскому [В.А. Гордлевский – М.Х.]. Соколов ратует за издание книги. Однако Гордилевский считает необходимым заручиться поддержкой, согласовать с Башкирским исследовательским институтом, т.к. эпос считается башкирским. Несмотря на то, что запрос был отправлен давно, институт до сих пор не ответил на запрос. Помимо этого, говорят, проф. Гордилевский склоняется к тому, чтобы назвать этот эпос не башкирским, а скорее казахским или ногайским. Мне перевод не понравился. Того же мнения придерживаются и сотрудники. Выход книги привязан к ответу Башкирского исследовательского института. Они недоумевают, почему те не торопятся с ответом» (*подстр. пер.*)⁹.

Рецензентом наряду с руководителем секции фольклора при Союзе писателей Ю.М. Соколовым выступил известный востоковед-тюрколог, доктор филологических наук, профессор В.А. Гордлевский (1876–1956), автор около 300 работ по турецкому фольклору, литературе, истории Турции. Татарскому ученому удалось заручиться поддержкой столь серьезных ученых, что свидетельствует о высоком уровне проделанной им текстологической работы, и, если бы не затянувшееся «молчание»-саботаж башкирских коллег из Башкирского комплексного научно-исследовательского института, сводный текст башкирского эпоса был бы издан в московском издательстве в один год с «Автобиографией Тимура. Богатырскими сказками о Чингис-Хане и Аксак-Темире» [1]. Очевидно, что Ю.М. Соколов задумал напечатать в один год серию книг о Золотой Орде, чтобы показать рецепцию этой темы в фольклоре тюркских народов в динамике.

5. Пятой причиной стал конфликт Наки Исанбета с Габдуллой Амантаевым (1907–1938). Н.Т. Зарипов зафиксировал в своем исследовании круг исследователей, знакомых близко с текстологическим трудом татарского ученого: это писатели и общественные деятели Даут Юлтыев, Губай Давлетшин, Афзал Тагиров, Габдулла Амантаев, Мавлеткулов и др.

⁹ Письмо Ахмеда Файзи Наки Исанбету. Дата [неразборчиво] 1934 г. // Личный архив писателя Наки Исанбета. Почтовая карточка. Москва. На латинице.

Baqortstan jazucilar Sojuzina
Naki Isanbetton
Ateq xat.
Ondaq xatq jorasa Farax
qintsoyru aluwi belon barckemem.
Baqarsu iusanda bayqamjca,
tix slqo suno yona yter ytsse kil:
Kitap bel hom adbiat qilmi insti-
tuta marxara belon ceyarlap ta,
Usmanov jargam sybazında (13na
8.1to) Farax iqadana "... iqtibar
siv... 1938 jaldan yona baslandı"
diga sybar yavon riakarloga belon
mine em unan qozqplanderda.
Cenapta bit mindi zur, qilmi qia-
to!
Kitap toyna Gajam Emiri iqtoz
lar ferman. Farax toybada minem da

1

2
xermetemne xtergo alus qlom
belon jarap cibarelgon.
Ni diim? Alq xtergo alus
ocen do Gajam iqtozuz raxmat!
Inde sal usaj belon min y-
xemem ikone ter xermetemne,
Baqortstan Aji Tel adbiat qilmi
fikserony institutında 13 jaldan
birle sunap jata lorgan. Tolqaj-
Moxadom "no" ~~ter~~ ixkeret xermet
xterledem. An qitp birgon oca
"qilmi keqeta keq" (?) lordon
dmanraj ise bardslor nice jalla
huj' mine syqop, sal uz vaqotto
qilme sal material ostonds qitp
huj'v kysatop, kvalifikatsiobra
xterop, institutlarda, uqatop.
simo

2

3
ispekulatsio jarap, cep-qozop
jardeln. Inde no ul qimmetle
qilmi xermetnes monon con da
smdij julqa totolmatonnan min
imin bula alamto? Sunon ocen do
min Baqortstan jazucilar Soju-
zo ul materialnes jormasora
qiladi qarap, misa jardmgo kiler
dijp qanam hom bu xaqta tybom-
dagelorne iqlan itim:
1. Tolqaj-Moxadom epornoz
dogor'or sroclaro ollo qacan yter
kitxon. Ul qintozga minem bazga
ter kemem do iuredix xoqur' juq.
2. Anon xycermetne belon fajda
sunyga da minem jirem raxsaten
hom vakalstemnon bazga ter kemem
do xaq' juq.
3. Anon ostonds qilmi linscunq

3

4
disertatsio jaxi anar sybarlax
jarap jorery minem karafeman
berxang' do xaq birelme juq.
Conxi ul qintoz lordon qulqama
balsa, ixoncedon anar minem
karafeman analiz jarolgon.
Qilmi linscunqyalar oca minem
analizni "brax" ra celtop, yalovon
sumon sosmatlarsiman kem
imin? Moxaldo, moxara bulgan
sixelle, bu tirado plagiatcelog
hom xubileqru eklep, bilgelis
qitp bulacog. Sunlyqan anar jul
qajmox qulqamga ficile.
4. Sal ajfelgmordom coqop, qitp-
yon materialnos oim bulma'ca ra-
qma, Baqortstan jazucilar Soju-
minem ul qitpoxemora yz qula
alsa ide hom tybondspe adres
belon misa cibaxer ide.

4

Fig. 6. «Открытое письмо» Наки Исанбета в адрес Союза писателей БАССР.

Fig. 6. "Open letter" by Naki Isanbet to the BASSR Union of Writers.

Обнаруженное в архиве Наки Исанбета «Открытое письмо» в адрес Союза писателей БАССР (рис. 6) свидетельствует о том, что ученый-текст-

толог систематически интересовался у башкирских коллег судьбой своей рукописи и научного труда.

Смеем предположить, что данное письмо было написано не позднее 1939 г., когда при издании второй книги слепого Фарраха издатели «потеряли», т.е. проигнорировали имя первого составителя сборника произведений народного поэта, которым являлся Наки Исанбет (См. подр. [29]). В «Открытом письме» фольклорист требует вернуть ему рукопись сводного текста и анализ, чтобы воспрепятствовать краже материала: «Пользуясь случаем вынужден напомнить вам о еще одном труде “Идукай и Мурадым”, застрявшему на 13 лет в Башкирском научно-исследовательском институте языка, литературы. Вот уже несколько лет “псевдоученые” типа Амантая, организовавшего всего лишь набор моей рукописи на машинке, обрушивают на меня поток ругательств, живут при этом припевающе, демонстрируя на моем материале свой научный багаж, улучшая свою квалификацию, используя в преподавательской деятельности. Есть ли гарантия, что в дальнейшем судьба моего ценного научного труда будет благополучной, не окажется в руках таких проходимцев? Вот почему я прошу Башкирский Союз писателей принять деятельное участие в судьбе моего ценнейшего научного труда, оказать мне посильную помощь и содействие:

1. Сроки издательского договора по эпосу “Идукай и Мурадым” давно истекли. На этот сборник, кроме меня, ни у кого авторских прав нет.

2. Никто от меня не получал разрешения делать копии моей работы и на это ни у кого прав, кроме меня, нет.

3. Я не выдавал никому разрешение вести на этом материале какую-либо исследовательскую работу, писать диссертацию, никто не имеет права, кроме меня, на написание к нему вступительного слова. Во-первых, данный сборник не был издан и существует в рукописном виде, во-вторых, к нему написан уже мой анализ. Кто наделил правом исследователей, забрав мой анализ, на его основе написать свою работу? Во всяком случае, в таком случае будет трудно в дальнейшем разобраться, в каких объемах произошло плагиатничество и жульничество. Вот почему возникла необходимость всемерно этому препятствовать.

4. Исходя из сказанного Башкирский Союз писателей во имя сохранения целостности моего труда должен забрать из Института сборник и выслать на указанный в письме адрес» (*подстр. пер.*)¹⁰.

В открытом письме Наки Исанбет жалуется на самоуправство Габдуллы Амантаева, который в 1933–1937 гг. был первым директором Башкирского НИИ. В 1934 году он стал заместителем председателя правления Союза советских писателей Башкирии, главным редактором журнала «Октябрь». Судя по письму, у директора были свои виды на текстологическую работу Наки Исанбета. Теперь становится понятно, почему издательство «Academia» не дождалось ответа из Башкирского НИИ в 1933 г.

6. В БАССР решили сделать ставку на башкирского поэта, драматурга, фольклориста, чичэна Мухаметшу Бурангулова (1888–1966), который с 1938 г. начал работать в Башкирском НИИ. По словам Н.Т. Зарипова, коллега Наки

¹⁰ Исәнбәт Н. Башкортостан язучылар союзына Ачык хат // Личный архив писателя Наки Исанбета. На латиннице. 4 л. Без даты.

Исанбета начал заниматься изучением эпоса «Идукай и Мурадым» в 1930-е гг. В рамках подготовки к юбилею эпического памятника в институте была сформирована научная группа: Мухаметша Бурангулов, Рашит Нигмати, Баязит Бикбай, перед которыми была поставлена задача подготовить к печати сводный текст эпического памятника. Однако, как утверждает Н.Т. Зарипов, Наки Исанбет оказался «расторопнее» [16, с. 9]. Татарский ученый успел издать составленные им самостоятельно оба сводных текста раньше башкирских коллег. В частности, татарский сводный текст дастана «Идегей» был опубликован в журнале «Совет әдәбияты» в №11–12 за 1940 год (№11 подписан к печати 8 января 1941 г.) [15], сводный текст Наки Исанбета «Idukəj həm Moradum» увидел свет в газете «Коммуна» в апреле 1940 г. [27]. На татарский язык последний перевел Максуд Сюндюкле. Машинопись на латинице объемом в 32 с. хранится в УФИЦ РАН¹¹. Башкирские исследователи утверждают, что Мухаметша Бурангулов в апреле 1940 г. сумел подготовить к печати копию рукописи с башкирским эпосом, датированную 1762 г., оказавшуюся в руках фольклориста в 1910 г. (!) [16, с. 8].

В личном архиве Наки Исанбета в июле 2024 г. мы обнаружили две рукописи об Идегее. Одной из них оказалась рукопись эпоса «Идукэй менэн Морадым», судя по датировке – 20 мая 1933 г. – подготовленная для московского издательства¹². Вторая – типографский вариант татарского «Идегея» с авторскими и корректорскими правками, свидетельствующими, что рукопись в 1941 г., если бы не Великая Отечественная война, была бы опубликована отдельной книгой.

Во введении Наки Исанбет так определяет значение башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым»: – “это произведение вне сомнения является башкирской героической эпопеей” (*подстр. пер.*)¹³. Ученый оговаривает, что решил здесь не останавливаться на вопросах, касающихся поэтики, композиции текста или проводить параллели с другими, бытующими в среде тюркских народов версиями эпоса, т.к. этот материал уже был давно представлен в уфимский Академцентр: “Я здесь не стал останавливаться на таких моментах, как история создания, этнографическое значение, художественное своеобразие, особенности языка и композиции эпоса. Также не стал проводить параллели с другими версиями, бытующими в среде тюркских народов. (Исследования в этой области я представил ранее в Башкирский научно-исследовательский институт)” (*подстр. пер.*)¹⁴.

Значит, Наки Исанбет в 1933 г. рассчитывал, что башкирские коллеги передадут его материалы редколлегии московского издательства. По-видимому, земляк Ахмед Ерикей должен был помочь преодолеть возникшие трения. После окончания Института журналистики в 1930 г. он остался в Москве и занимался переводами на татарский язык русских поэтов.

¹¹ Idukəj həm Moradum / Nägi Isənbət варианты. Текст. 42 б. Keres syz. 34 б. // УФИЦ РАН: Ф. 3, Оп. 12, Д. 232.

¹² Idukəj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət жыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Сүз башы 2 с. Сводный текст 2-32 с.

¹³ Idukəj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət жыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Сүз башы. 1 б.

¹⁴ Idukəj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət жыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Сүз башы. 1 б.

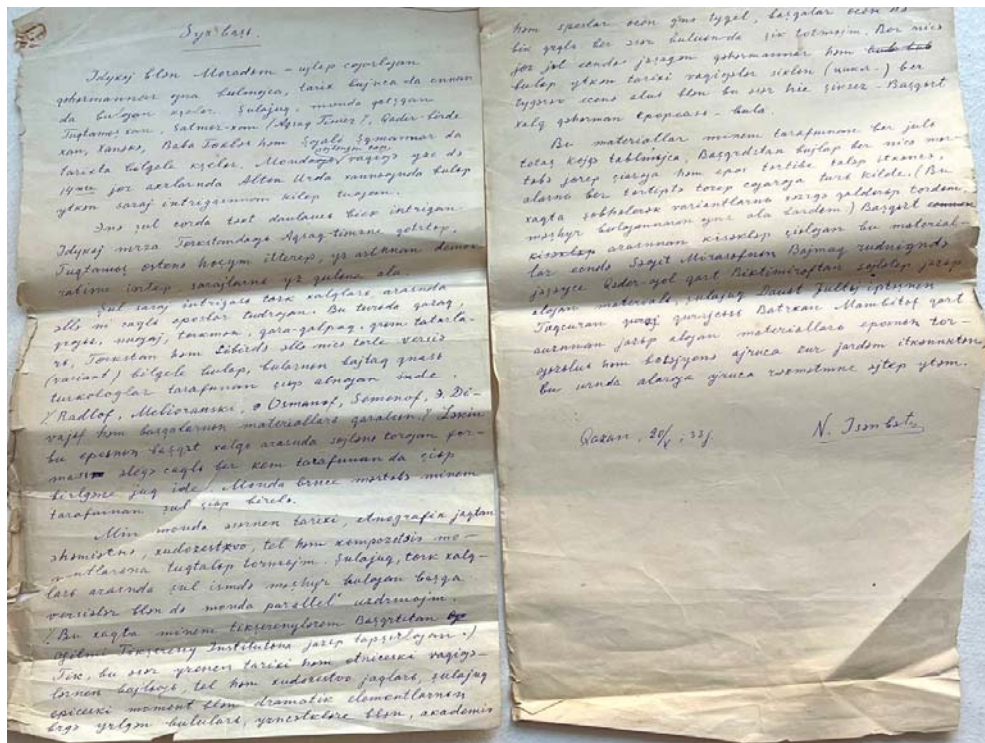

Рис. 7. Введение Наки Исанбета к сводному тексту
«Идукай и Мурадым», 1933 г.

Fig. 7. Introduction by Naki Isanbet to the consolidated text
of "Idukai and Muradim", 1933.

В введении Наки Исанбет акцентирует внимание читателей на том, что в сводном тексте эпоса встречается целый ряд реальных, невымышленных персонажей: – “встречающиеся в тексте персонажи Токтамыш хан, Сатмор-хан (Аксак Тимер), Кадыр-бирде хан, Ханике, Баба Туклес и Шагали Шакман реально существовали” (подстр. пер.)¹⁵.

В основу сюжета легла дворцовая интрига конца XIV в. Каждый из тюркских народов в своих эпосах по-своему переплавил историю этой междусобицы. Наки Исанбет во введении перечисляет имена тюркологов, которые занимались изучением вариантов эпоса об Идееге: В.В. Радлов, П.М. Мелиоранский, М. Османов, А.А. Семенов, А. Диваев. Акцентируя внимание на новизне своего текстологического труда, татарский ученый констатирует, что до него башкирская версия эпоса не была предметом серьезного научного осмысления. Таким образом ученый за столбил за собой звание первопроходца: “Однако башкирская версия этого эпоса, бытующая в разных вариантах в устной традиции, до сих пор никем не была составлена в сводный текст. Я являюсь первым составителем сводного текста” (подстр. пер.)¹⁶.

¹⁵ Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isänbät žyelmasy // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Сүз башы. 1 б.

¹⁶ Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isänbät žyelmasy // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Сүз башы. 1 б.

Наки Исанбет считает, что его сводный текст ориентирован на широкие слои читателей. Ученый подчеркивает, что отобрал из имеющихся вариантов самые значимые отрывки. Среди источников, взятых за основу сводного текста, Наки Исанбет называет варианты своих коллег Сагитом Мрясовым и Даута Юлтыева: «Отдельное слово благодарности хотелось бы высказать в адрес моих коллег, записавших варианты эпоса, бытующие в среде башкир, отрывки из которых я использовал при составлении сводного текста, сыгравших важное значение в деле восстановления композиции и в достижении целостности: это вариант, записанный Сагитом Мирасовым из уст старика Кадерьюла, жившего на Баймакских рудниках, а также вариант, записанный товарищем Даутом Юлтыевым из уст кураиста из Гукчырана Батырхана Мамбитова» (*подстр. пер.*)¹⁷.

Н.Т. Зарипов подробно проанализировал все варианты башкирского эпоса «Идукай и Мурадым». Фольклорист кратко пересказал содержание варианта записанного Наки Исанбетом [16, с. 307–323]. В книге вариант татарского писателя дается под 7 номером.

В сводном тексте, подготовленном для издательства «Academia», писатель прибегает к сюжету инициации эпических героев: отца – Идукаю – и сына – Мурадыма, на долю которых выпала великая миссия объединения башкирских племен на родной земле.

Биография рода изначально сакрализуется: Идукай называет себя сыном знаменитого старца-суфия Баба Туклеса: Я сын Баба Туклеса¹⁸. Отгадав трудную загадку мудрого старца, эпический герой получает право самостоятельно определять свою судьбу. Получив в дар от Баба Туклеса перстень и коня, Идукай отправляется путешествовать по свету. Согласно тюркским эпическим традициям, герой должен вступить в брак с названной невестой, воспитать сына и защитить страну. В пути Идукаю предстоит испытать и пережить искушение неземной красой русалки («дөнъяда охшаш булмаган кыз»¹⁹) и приключения в «чужом» мире – водяном царстве. Отказ жениться на названной невесте есть нарушение запрета, поэтому героя должно постигнуть наказание за это. Этот эпизод имеет отдаленное сходство с эпосом «Туляк и Сусылу». Идукай по просьбе девушки вступил с ней в связь. Однако из-за нарушенного обещания – не рассматривать неземную супругу во время расчесывания волос – герой вскоре был наказан и вынужден вернуться назад на землю – «свое» пространство, где на берегу ему пришлось ожидать рождения сына, чтобы взять его на воспитание.

В сводном тексте не описываются ратные подвиги героя. Фольклорист включает в текст характеристику, состоящую из сведений, которые собрал об Идукае Токтамыш хан. В народе герой прославился не только своей мудростью, но и проницательностью: «фирсәтле кеше»²⁰. В ожидании его судьбо-

¹⁷ Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət žyelmasy // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Сүз башы. 1 б.

¹⁸ Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət žyelmasy // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 4.

¹⁹ Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət žyelmasy // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л. 4.

²⁰ Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət žyelmasy // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 5.

носных решений к Идукаю стал стекаться обездоленный люд со всего ханства: «Халык моның хөкөмен бик ярата»²¹. Так подчеркивается в эпосе демократизм героя. Весть о его мудрости, героизме, поэтическом даре чичэна вскоре докатилась и до Токтамыш-хана, и он пригласил его к себе на службу: «Идүкәйнең акыллылығын, батырлығын, чәчәнлеген ишетеп»²². Идукай возглавил войско хана, ярко продемонстрировал на службе лидерские качества: «зур хөкөмчә»²³. Следующее испытание героя связано с «вредителем», в роли которого выступает ревнивая супруга хана, которая стала подозревать Идукаю в измене: она убедила хана, что Идукай рано или поздно начнет претендовать на престол: “придумай какой-нибудь повод, подведи его под смерть, иначе сам погибнешь” (*подстр. пер.*)²⁴. Спаситься от верной гибели помогает Идукаю слуга по имени Лачын. Идукай вместе с сыном покидает ханский двор. Хан сталкивается с новой трудностью – 9 батыров саботируют приказ принести ему отрезанную голову врага: «Батырлар берүсә дә дәшмиләр: һәммесе тик торалар». Оказавшись на распутье, Токтамыш приглашает к себе 195-летнего мудреца Субру, который знакомит с историей Нугай йорты, приоткрывает завесу тайны над Идукаем. Старец делает предсказание хану: «Әй ханиәм, ханиәм, / Шушы киткән Кобагыр / Илеңне килеп басар». Субра рекомендует хану вернуть Идукаю назад. 9 батыров были направлены с этой задачей ему вслед. Однако обиженный Идукай на предложения Янбая отвечает отказом и сообщает о намерении поступить на службу к Сатмыр-хану (Аксак Тимер). В пути он освобождает из плена ханскую дочку, что позволяет ему сблизиться с этим правителем. Идукай видит вещий сон, который помогает расшифровать мудрый старец: «Ил солтаны булырсың». Идукай обещает в случае победы посадить на трон Токтамыш-хана сына и женить его на ханской дочери. Сын Кадыр-бирде тем временем разработал коварный план, как рассорить отца с сыном и посеять раздор: он советует не ждать Мурадыма и самому жениться на ханской дочери. Когда сын Идукай, убив Токтамыш-хана возвращается на ханский двор, то застаёт отца, обнимающего одной рукой ханскую дочку, другой – дочь Тимерхана. Вспылив, ведомый ревностью, сын набрасывается на отца и выбивает ему глаз. В ответ Идукай не скрывает своего разочарования в сыне. Отец подробно перечисляет, что он сделал для него, какую роль сыграл в его возвышении и предупреждает его, что междоусобица приведет к гибели. Разгоряченный гордый Мурадым покидает отца, планирует смыть свой сыновий грех хаджем. Мурадым перед тем, как отправиться на земли предка Баба Туклеса на реке Дим, со своими 17 воинами одержал победу над Кадыр-бирде и разорил его ханство. В сводном тексте кратко описывается возвышение Мурадыма до правителя: «Мурадым вместе

²¹ Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət жыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 5.

²² Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət жыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 5.

²³ Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət жыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 5.

²⁴ Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət жыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 6.

со своими батырами поселился в окрестностях Нарыстау в долине реки Дим, которая впадает в реку Идель. Сын Идукая становится правителем ногаев и башкир, состоящих из 12 юртов». Супруга советует Мурадиму получить благословение отца, прийти к такому выводу заставили выходки своенравного сына. Мурадым совершает хадж и просит прощение у отца. Благодаря молитвам сына, Идукай вновь обретает зрение. Отец прославляет сына. Вскоре он умирает. Его могила у подножия горы превращается в сакральное место поклонения (зийарат). К священному роднику, вытекающему из могилы, стекается народ: – «Народ верит, что этот родник берет начало в пуповине аулийа, поэтому наделяет его воды целительной силой». Таким образом, в сводном тексте Наки Исанбета красной нитью проводится мысль о единении семьи, которое становится гарантией единения и благополучия рода. Эпические герои возвышаются до правителей, не сколько благодаря ратным подвигам, а благодаря проявлению мудрости, пронизательности, красноречию. Выполнение отцовского и сыновьего долга становится гарантией благополучия личной судьбы эпических героев, а нарушение приводит неурядицами, угрожающими судьбе рода. Эта мысль доносится в сводном тексте через параллелизм линий судеб эпических героев. Наки Исанбет сохраняет народные традиции в характеристике своих героев: благородство героев соотносится с коварством их противников по принципу антитезы.

Причинами конфликта становятся межличностные противоречия: ревность и коварство супруги хана привели к конфликту Токтамыша с Идегеем, ревность Мурадима и коварство Кадырберди – к конфликту отца и сына.

В системе персонажей важную роль играют мудрые старцы, наделенные пророческим даром. Одним из сюжетобразующих мотивов становится мотив вещего сна: в сводном тексте вещие сны видят супруга Токтамыш-хана и Идукай. Оду родному краю произносит сын Идукай Мурадым. Не углубляясь в дальнейший анализ идейно-художественного своеобразия сводного текста, хотелось бы обратить внимание на скрупулезный культурологический комментарий, адресованный переводчикам, чтобы они во время работы максимально точно донесли реалии и средства выразительности, встречающиеся в эпическом произведении. К слову, сравнительный анализ данного сводного текста с вариантом, опубликованным позднее в газете «Коммуна» и в книге Н.Т. Зарипова в 1994 г., показал, что при издании комментария и примечания Наки Исанбета были подвергнуты существенному сокращению, некоторые и вовсе проигнорированы, что затрудняет понимание содержания сводного текста. Итоги сравнительного анализа в будущем мы представим в одной из наших работ.

В частности, Наки Исанбет на примере имен героев разбирает, как работает в эпосе прием «говорящего имени», и заостряет внимание на том, как формировались национальные особенности эпоса об Идегее в среде башкир. Так, разбирая семантику имени Морадым, ученый текстолог обращает внимание читателей на то, как по-разному пишется и произносится оно в среде тюркских народов: барадинские татары называют его Мурадил, сибирские – Морадым, казахи – Нурадым, ногайцы – Нур Гадил, каракалпаки – Нурадин. Исторически верное, по мнению Наки Исанбета, написание имени, как Нуретдин. При башкиризации имени эпического героя на первый план выходит

целеустремленность героя: *морадым* – «моя цель»²⁵. Эта ведущая черта героя в дальнейшем в сводном тексте получит развитие и оформление не только в его поступках, но и в одном из монологов, обращенных к отцу Идукаю, в котором он дает слово вернуться на земли прадеда и восстановить его владения: «Бабам гөмер иткән йорт».

Морадым:

– Мин – ун яшькә килгәндә,
Очар коштай талпынган;
Унбер яшькә килгәндә,
Яуга каршы калкынган;
Унике яшькә килгәндә,
Артымдан тузан уйнаган,
Алдымда дошман елаган;
Унөч яшькә килгәндә,
Күп улия алып үзенә мал иткән;
Ундүрт яшькә килгәндә,
Күп батырны кол иткән;
Унбиш яшькә килгәндә,
Атасы, аның сөйгәнән алып, хур иткән.
Төкләс улы түрәнән,
Идүкәй улы морзаның,
Бер кат багы сынгатчың,
Кире кайтыр уе юк²⁶.

Мурадым:

Когда мне исполнилось 10 лет,
Я готов был птицей взмыть;
Когда достиг 11 лет,
Я был готов выступить против напавших;
Когда мне исполнилось 12 лет,
За мной вслед оседала пыль,
А враги передо мной исходили плачем;
Когда мне исполнилось 13 лет,
Я умножил свое состояние, добыв
богатую добычу,
В 14 лет
Я многих батыров взял в полон;
В 15 лет
Меня опозорил отец, отобрав любимую.
У потомка Баба Тукласа,
Сына мурзы Идукая,
На чью долю выпало испытать такое
несчастье,
Нет мысли вернуться назад.
(подстр. пер.)

Идукай пытается достучаться до сознания сына, убедить его, что только в единстве с соплеменниками сила:

Тауда була таркыл таш,
Тарлыкка калсаң, чыга күздән яшь;
Күкрәгенә ук керсә,
Тартып алып кәрәндәш;
Кәрәндәшенә булмаса,
Шунда калыр ялгыз баш²⁷.

Гора бывает не монолитной, камень
пористый,
Коли застрянешь в пустоте, из глаз
полюются слезы;
Если в грудь вонзится стрела,
Ее вырвет соплеменник;
Если не будет у тебя рядом соплеменника,
Здесь сгинет твоя одинокая глава.
(подстр. пер.)

Наки Исанбет при выражении мыслей и переживаний героев максимально бережно сохраняет художественные приемы, характерные для народной поэтической традиции. Важное место в авторских комментариях отводится расшифровке терминологии, связанной с воинской службой: например, «Ат-

²⁵ Idukaj belän Moradam (1933) / Naki Isənbət жыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 5.

²⁶ Idukaj belän Moradam (1933) / Naki Isənbət жыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 22.

²⁷ Idukaj belän Moradam (1933) / Naki Isənbət жыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 23.

кы – стрела с прямыми ушками», «Күвә – железный панцирь» и др. Текстолог раскрывает перед переводчиками метафорический потенциал терминов в эпосе. Так, комментируя строку из сводного текста «Аткыдан йөгрөк ук булмас, / Атсаң, күвә бозылмас»²⁸, Наки Исанбет пишет, что смысл ее сводится к тому, что эта стрела не принесет урона даже панцирю воина, если выстрелишь. Подробно расшифровывается терминология, связанная с коневодством, тесно связанная с образом жизни башкир. Наки Исанбет много место уделяет в комментариях объяснению топонимов, при этом дает арабскую транскрипцию терминов. Изучение этих особенностей сводного текста и примечаний к нему станет в дальнейшем предметом самостоятельного исследования.

Заключение. Наки Исанбет является первым составителем сводного текста башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым» (1930, 1033). Ученый-текстолог за основу сводного текста взял 3 варианта, записанные им лично и коллегами С. Мрясовым и Д. Юлтыем во время БКЭ АН СССР. На основании изучения документов, переписки ученого 1930-х гг. можно прийти к заключению, что данная текстологическая работа получила положительные рецензии как в Академцентре Наркомпроса Башкирской АССР в г. Уфа, так и на секции фольклора СП СССР и была рекомендована к печати в Башкирском книжном издательстве и московском издательстве «Academia» соответственно. Рукописи с вариантами сводного текста состояли из вводного слова составителя, собственно текста с авторскими примечаниями и анализом эпического памятника. К сожалению, данный сводный текст не был опубликован из-за отсутствия должного финансирования БКЭ АН СССР, преследований автора рапповцами и эсерами (конфликт с Г. Касымовым), «мышьиной возни» и ревности башкирских коллег Наки Исанбета (конфликт с Габдуллой Амантаевым), вставляющих ему палки в колеса на региональном и столичном этапах продвижения текстологической работы. Рецензенты сводного текста Наки Исанбета – мэтры отечественной фольклористики Ю.М. Соколов и В.А. Гордлевский планировали издать его в 1934 г. одновременно с книгой «Автобиография Тимура. Богатырские сказки о Чингиз-хане и Аксак-Темире». Очевидно, фольклористы разглядели внутреннее сходство в содержании источников, легших в основы этих двух книг: феодальное общество показано в них в состоянии процесса объединения и экспансии. В обеих изданиях нарисованы яркие образы покорителей и владык мира. И в книге о Чингиз-хане и Аксак-Темире, и в неизданном сборнике со сводным текстом Наки Исанбета заглавные эпические герои даются в обрамлении магических орнаментов. На первом месте у создателей эпических текстов оказываются жизненные мотивы феодального, военно-магического уклада. В эпический текст включаются лишь события, раскрывающие возвышение героя к основной цели жизни, приводятся описания ударов судьбы исключительно в поучительных целях. Отрицательные качества эпических сверхгероев тщательно проговариваются. При составлении сводного текста Наки Исанбету удалось нащупать несколько главных форм в сюжете: 1. Магически-мифологический сюжет и мотив, 2. Авантюрные, 3. Аретологические – нанизывание эпизодов, восхваляющих

²⁸ Idukaj belän Moradum (1933) / Naki İsənβət žyelmasy // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 22.

эпического героя. 4. Агиографические (феномен аулия Баба-Туклеса, Идукая, поломничество Мурадима в Мекку). 5. Моральные заповеди. 6. Произведения устного народного творчества: легендарные, сказочные мотивы, пословицы. Наки Исанбет при составлении сводного текста стремится добиться его цельности, силой поэтического дарования – сохранить народную образность. Изобразительность изложения достигается прежде всего частым многообразным применением диалогов. Она обусловлена блестящим спектром художественных образов, которые почерпнуты из мира природы родного края, неописанной красоты мужской и женской и много другого. На первом месте в сводном тексте Наки Исанбет образы героев, окруженные многоцветными предикатами: таинственным рождением, неописанной красотой, мудростью, удалством и хитростью, необыкновенной удачливостью, великодушием, непосредственностью, пылким умом – олицетворение человеческого идеала тюрков, жителей вольных степей. Героев и их действия окружают магические числа (9, 18). Важную роль в тексте играют гиперболы, сравнения, призванные заострить внимание слушателей и читателей на беспредельных возможностях героев, которые подчеркивают динамичность их образов.

Выводы. Драматическая судьба сводного текста башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым», подготовленного татарским ученым для издания в издательстве «Academia» в 1933 г. – одна из поучительных страниц истории в культуре двух братских народов. Наки Исанбет, несмотря на возникшие трудности, снискал славу составителя двух сводных текстов «Идукай и Мурадым» и «Идегей». Творческую лабораторию ученого мы можем изучить по обширным материалам, сохранившимся, как в личном архиве, так и в государственных архивах Татарстана и Башкортостана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автобиография Тимура: Богатырские сказания о Чингисхане и Аксак-Темире. М.: Academia, 1934. 318 с.
2. Алдашова Е.Н. Роль Башкирской комплексной экспедиции АН СССР (1928-1932) в организации первых научно-исследовательских учреждений в Башкирской АССР // Вестник Самарского государственного университета. 2011. №85. С. 92–96.
3. Аминев З.Г. Урал как родина башкир в эпосе «Идукай и Мурадым» // Башкирский фольклор. Исследования и материалы / сост., автор вступ. ст. и отв. ред. Р.А. Султангареева. Вып. XI. Уфа: Гилем, 2011. С. 58–69.
4. Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 3. Уфа: Башк. энцикл., 2007. 672 с.
5. Галин С.А. Эпические традиции в башкирском фольклоре: автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.01.09. М., 1994. 66 с.
6. Давлеткулов А.Х. Национально-освободительная борьба и ее роль в формировании этнического сознания (на примере эпоса «Идукай и Мурадым») // Национализм и национально-государственное устройство России: история и современная практика / Под общ. ред. А.Б. Юнусовой. Уфа: МЭИ УНЦ РАН, 2011. С. 48–51.
7. Давлеткулов А.Х. Социальные мотивы в эпосе «Идукай и Мурадым» // Ногайлинские эпосы и феномен Мурын-жырау: Материалы международной научно-практической конференции (Казахстан, Актау, 08.12.2014). Актау: КГУТИ, 2014. С. 222–226.
8. Давлеткулов А.Х. Структурные особенности эпического памятника «Идукай и Мурадым» // Мир науки, культуры и образования. 2010. №5 (2024). С. 12–14.

9. Ергин Ю.В. Газым Касымов – Нарком Просвещения Башкирской АССР в 1924–1926 годах // Педагогический журнал Башкортостана. 2009. №6. С. 136–143.
10. Замалетдинов Р.Р., Хабутдинова М.М. Творческая история комедии Наки Исанбета «Рыжий чичян и Черноволосая красавица» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, №4. С. 934–956. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.934-956> EDN: SUEEVY
11. Зарипова Р.М. Образ главного героя в башкирском историческом эпосе «Идукай и Мурадым» // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. №4. С. 1071–1075.
12. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки / Вступ. ст. Н.И. Толстого. М.: «Индрик», 1995. 432 с.
13. Зеленин Д.К. Секция «Живой старины» Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском государственном университете за 1925/1926 год // Этнография. 1927. №1. С. 217–218.
14. Иванова Т.Г. Русская фольклористика в стенах Российской академии истории материальной культуры // Из истории русской фольклористики. Л.: Наука, 2007. С. 10–31.
15. Идегэй: татар халык дастаны / Н. Исәнбәт жыйнамасы // Совет әдәбияты. 1940. №11. 39–76 б.; №12. 34–82 б.
16. Идукай и Мурадым / Сост., авт. вступ. сл. и коммен. Н.Т. Зарипова. Уфа: Китап, 1994. 352 с.
17. Крылов В.В., Кичатова Е.В. Издательство «Academia»: люди и книги. 1921–1938–1991 / Под общ. ред. В.А. Попова. М.: Academia, 2004. 328 с.
18. Мухаметзянова Л.Х. Дастан «Идегей»: книжная версия татар Поволжья // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №16 (345). С. 94–97.
19. Нәкый Исәнбәт: фәнни-популяр жьентык / Төз.: М.М. Хәбетдинова. Казан: Жьен, 2021. 736 б.
20. Салихов А.Г., Хуббутдинова Н.А. К истории изучения башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым» // Проблемы востоковедения. 2022. №2 (96). 60–66.
21. Султангареева Р.А. Башкирский эпос «Идукай и Мурадым» как ретрансляция мифологизированного образа священной страны Иль // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2021. №2 (30). С. 2–6.
22. Хабутдинов А., Хабутдинова М. Образ Наки Исанбета в татарской прозе // Филология и культура. Philologie and Culture. 2019. №4(58) С. 191–201.
23. Хабутдинова М.М. Вклад Наки Исанбета в изучение Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11. №1. С. 181–201. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.181-201> EDN: NZKGGK
24. Хабутдинова М.М. Идеино-художественное своеобразие драматической поэмы Р.Хариса «Идегей» // Филология и культура. Philologie and Culture. 2021. №2(64). С. 207–213.
25. Хабутдинова М.М. Колебания литературной репутации Н. Исанбета // Russian Bulletin. 2022. № 1(29). С. 173–179.
26. Хәбетдинова М.М. «Чорлар рухания» // Казан утлары. 2020. №1. С. 150–162.
27. Idukaĵ häm Moradum // Коммуна. 1940. №78 (1477). 28 апреля; № 79 (1478).
28. Khabutdinova M. Naki Isanbet and Tatar folklore // Tatarica. 2024. №23(2). P. 148–161.
29. Khabutdinova M., Khabibullin F. Nakie Isanbet on Chichan Art // Tatarica. 2021. №17(2). P. 119–140. <https://doi.org/10.26907/2311-2042-2021-17-2-119-140>

REFERENCES

1. Timur's autobiography: Heroic tales of Genghis Khan and Aksak-Temir. Moscow: Academia, 1934. 318 p. (In Russian)
2. Aldashova E.N. Bashkir Integrated Expedition of the USSR Academy of Sciences (1928–1932) and Its Role in the Establishment of the Initial Bashkir Research Institutes. *Vestnik of Samara State University*. 2011, no. 85, pp. 92–96. Available at: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/3638/3540> (In Russian)
3. Aminev Z.G. The Urals as the homeland of Bashkirs in the epos “Idukai and Muradim”. *Bashkir folklore. Research and materials*. Iss. 9, Ufa: Gilem, 2011, pp. 58–69. (In Russian)
4. Bashkir encyclopedia. In 7 volumes. Vol. 3. Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya, 2007. 672 p. (In Russian)
5. Galin S.A. Epic traditions in Bashkir folklore. Abstract of dissertation for the degree of Dr. Sci. (Philology): 10.01.09. Moscow, 1994. 66 p. (In Russian)
6. Davletkulov A.X. The national liberation struggle and its role in the formation of ethnic consciousness (on the example of the epos “Idukai and Muradim”). Nationalism and the National State Structure of Russia: history and Modern Practice Ufa: National Research University, 2011, pp. 48–51. (In Russian)
7. Davletkulov A. Social motives in the epic “Idukai and Muradim”. Nogailin epics and the phenomenon of Muryn-zhyrau: Materials of the international scientific and practical conference (Kazakhstan, Aktau, 08.12.2014). Aktau: Yessenov University, 2014, pp. 222–226. (In Russian)
8. Davletkulov A. Structural features of the epic monument “Idukai i Muradim”. *Mir nauki, kul'tury` i obrazovaniya*. 2010, no. 5, pp. 12–14. (In Russian)
9. Ergin Yu.V. Gazym Kasymov – People's Commissar of Education of the Bashkir ASSR in 1924–1926. *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana*. 2009, no. 6, pp. 136–143. (In Russian)
10. Zamaletdinov R.R., Khabutdinova M.M. The creative history of Naki Isanbet's comedy “Red-haired chichyan and Black-haired beauty”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 934–956. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.934-956> (In Russian)
11. Zariyeva R.M. The image of the main character in the Bashkir historical epic “Idukai Muradim”. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2017, Vol. 22, no. 4, pp. 1071–1075. (In Russian)
12. Zelenin D.K. Selected works. Essays on Russian mythology: Those who died an unnatural death and mermaids. Moscow: Indrik, 1995. 432 p. (In Russian)
13. Zelenin D.K. Section of “Living Antiquity” of the Scientific Research Institute of Comparative History of Literatures and Languages of the West and East at the Leningrad State University for 1925/1926. *Etnografiya*. 1927, no. 1, pp. 217–218. (In Russian)
14. Ivanova T.G. Russian Folklore studies within the walls of the Russian Academy of the History of Material Culture. From the History of Russian Folklore. Leningrad: Nauka, 2007, pp. 10–31. (In Russian)
15. Edigu: Tatar folk saga. N. Isanbet's collection of essays. *Soviet literature*. 1940, no. 11, pp. 39–76; no. 12, pp. 34–82. (In Tatar)
16. Iducai and Muradim. Ufa: Kitap, 1994. 352 p. (In Bashkir)
17. Kry'lov V.V., Kichatova E.V. “Academia” Publishing House: people and books. 1921–1938–1991. Moscow: Academia, 2004. 328 p. (In Russian)
18. Mukhametjanova L.Kh. Dastan “Edigu”: book version of the Tatars of the Volga region. *Bulletin of the Chelyabinsk state university. Philology and Art History*. 2014, Iss. 91, no. 16 (345), pp. 94–98. (In Russian)
19. Nakij Isanbet. Kazan: Dzyen, 2021. 736 p. (In Tatar)

20. Salikhov A.G., Khabutdinova N.A. On the history of the study of the Bashkir folk epic “Idukai and Muradim”. *Problems of Oriental studies*. 2022, no. 2 (96), pp. 60–66. (In Russian)

21. Sultangareeva R.A. Bashkir epos “Idukai and Muradim” as a retransmission of the mythologized image of the sacred land of Il. *Scientific Review of the Sayano-Altai*. 2021, no. 2 (30), pp. 2–6. (In Russian)

22. Khabutdinov A., Khabutdinova M. The image of Naki Isanbet in Tatar prose. *Philologie and Culture*. 2021, no. 2 (64), pp. 207–213. (In Russian)

23. Khabutdinova M.M. The Contribution of Naki Isanbet to the Study of the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, Vol. 11, no. 1, pp. 181–201. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.181-201> (In Russian)

24. Khabutdinova M. Ideological and artistic originality of r. kharis’s dramatic poem “Edigu”. *Philology and Culture*. 2021, no. 2 (64), pp. 207–213. (In Russian)

25. Khabutdinova M. Fluctuations in the Literary Reputation of Naki Isanbet. *Russian Bulletin*. 2021, no. 1 (29), pp.173–179. (In Russian)

26. Khabutdinova M. “Chorlar rukhanie”. *Kazan utlary*. 2020, no. 1, pp. 150–162. (In Tatar)

27. Idukaj and Moradum. *Kommuna*. No. 7–8 (1477); no. 79 (1478), 1940. (In Tatar)

28. Khabutdinova M. Naki Isanbet and Tatar folklore. *Tatarica*. 2024, no. 23 (2) pp. 148–161.

29. Khabutdinova M., Khabibullin F. Naki Isanbet on Chichan Art. *Tatarica*. 2021, no. 17 (2), pp. 119–140. <https://doi.org/10.26907/2311-2042-2021-17-2-119-140>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Милеуша Мухаметзяновна Хабутдинова – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской литературы, старший научный сотрудник НОЦ стратегических исследований в области родных языков и культур, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет (420056, ул. Татарстан, 2, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8110-4001; ElibraryID: 463560; ResearcherID: M-4418-2013; Scopus Author ID: 55929972700. E-mail: mileuscha@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mileusha M. Khabutdinova – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Tatar Literature, Senior Researcher at the Scientific and Educational Center for Strategic Research in the Field of Native Languages and Cultures, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (2, Tatarstan Str., Kazan 420056, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8110-4001; ElibraryID: 463560; ResearcherID: M-4418-2013; Scopus Author ID: 55929972700. E-mail: mileuscha@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 27.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 31.10.2024

Принята к публикации / Accepted 02.12.2024

ХРОНИКА

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.970-976>
EDN: DCHLKQ

УДК 94(517):(47).031

ОБЗОР II МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ИСТОРИИ ТЮРКСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ «ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В ЧИНГИЗИДСКУЮ ЭПОХУ»

Н.А. Умбетов

*Научный институт изучения Улуса Джучи
Астана, Республика Казахстан
nursultan.una@gmail.com*

Резюме. С 4 по 6 октября 2024 года в Алматы (Казахстан) прошёл II Международный Конгресс истории тюркской государственности на тему «Государственность тюркских народов в Чингизидскую эпоху», приуроченный к 800-летию Улуса Джучи. Конгресс был организован Тюркской Академией в сотрудничестве с Турецким историческим обществом при Высшем совете по культуре, языку и истории им. Атаатюрка, а также с Научным институтом изучения Улуса Джучи КН МНВО РК.

Международное мероприятие объединило ведущих учёных, представителей научных и дипломатических кругов тюркских стран, а также гостей из Монголии, Кореи, России, США, Австрии, Украины, Франции и Болгарии, что позволило создать платформу для многостороннего обмена мнениями и научными открытиями. В рамках конгресса были представлены доклады, охватывающие широкий спектр тем – от анализа хронологии ключевых событий до рассмотрения политических, экономических и культурных процессов, связанных с историей тюркских народов в чингизидскую эпоху. Особое внимание было уделено ключевым вопросам по истории Улуса Джучи, его роли в становлении тюркских государств, а также процессам исламизации и тюркизации.

Конгресс не только способствовал обмену знаниями и научными открытиями, но и заложил прочный фундамент для дальнейших исследований. Важным результатом стало укрепление научных связей и международного сотрудничества, открыв перспективы для новых совместных проектов и научных изысканий, направленных на изучение истории тюркских государств и их роли в мировой истории.

Ключевые слова: Тюркские народы, Золотая Орда, Улус Джучи, Чингизиды, Монгольская империя, тюркская государственность

© Умбетов Н.А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Умбетов Н.А. Обзор II Международного Конгресса истории тюркской государственности «Государственность тюркских народов в Чингизидскую эпоху» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 970–976. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.970-976> EDN: DCHLQ

REVIEW OF THE II INTERNATIONAL CONGRESS ON THE HISTORY OF TURKIC STATEHOOD “THE STATEHOOD OF THE TURKIC PEOPLES IN THE CHINGISID ERA”

N.A. Umbetov

*Research Institute for Jochi Ulus Studies
Astana, Republic of Kazakhstan
nursultan.una@gmail.com*

Abstract. From October 4 to 6, 2024, the II International Congress on the History of Turkic Statehood was held in Almaty, Kazakhstan, with the theme “The statehood of the Turkic peoples in the Chingisid era”, dedicated to the 800th anniversary of the Ulus of Jochi. The Congress was organized by the Turkic Academy in collaboration with the Turkish Historical Society under the Atatürk Supreme Council for Culture, Language, and History and the Research Institute for Jochi Ulus studies, under the Ministry of Science and Higher Education of Kazakhstan.

The international event brought together leading scholars, representatives of academic and diplomatic circles from Turkic countries, as well as guests from Mongolia, Korea, Russia, the USA, Austria, Ukraine, France, and Bulgaria, creating a platform for multilateral exchange of opinions and scientific discoveries. The congress presented reports covering a wide range of topics – from analyzing the chronology of key events to examining the political, economic, and cultural processes related to the history of Turkic peoples during the Chingisid era. Special attention was given to key issues concerning the history of the Ulus of Jochi, its role in the formation of Turkic states, as well as the processes of Islamization and Turkification. The congress not only facilitated the exchange of knowledge and scientific discoveries but also laid a strong foundation for future research. An important result was the strengthening of academic ties and international cooperation, opening up prospects for new joint projects and research endeavors aimed at studying the history of Turkic states and their role in world history.

Keywords: Turkic peoples, Golden Horde, Ulus of Jochi, Chingisids, Mongol Empire, Turkic statehood

For citation: Umbetov N.A. Review of the II International Congress on the History of Turkic Statehood “The statehood of the Turkic peoples in the Chingisid era”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 970–976. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.970-976> (In Russian)

С 4 по 6 октября 2024 года в Алматы, Казахстан, состоялся II Международный Конгресс истории тюркской государственности на тему «Государственность тюркских народов в Чингизидскую эпоху», приуроченный к 800-летию основания Улуса Джучи. Становление Улуса Джучи являлось важной вехой в истории тюркских народов и оказало значительное влияние на политические, социокультурные и экономические процессы в Евразии.

Организаторами мероприятия выступили Тюркская Академия совместно с Турецким историческим обществом при Высшем совете по культуре, языку и истории им. Ататюрка, а также Научный институт изучения Улуса Джучи КН МНВО РК.

Инициатива проведения Конгресса возникла в рамках мероприятий, посвящённых юбилею Улуса Джучи, который официально отмечается в Казахстане. Международное мероприятие собрало ведущих ученых, представителей научных и дипломатических кругов из разных стран.

Торжественное открытие Конгресса состоялось 4 октября. Мероприятие началось с приветственной речи президента Тюркской Академии Шаина Мустафаева. Со вступительными речами также выступили ректор КазНУ им. Аль-Фараби Жансеит Туймебаев, президент Турецкого исторического общества Юксель Озген, исполнительный директор Представительства Организации тюркских государств в Венгрии Иштван Вашари, вице-президент Монгольской АН Цэгмид Цэрэндорж, директор НИИ Джучи КН МНВО РК Жаксылык Сабитов, заместитель директора ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова Женис Жомарт. Они подчеркнули важность проведения подобных мероприятий для укрепления научного диалога, международного сотрудничества и продвижения объективного подхода к изучению истории тюркских народов, что способствует формированию общего понимания исторических процессов.

Первая сессия началась с доклада исполнительного директора Представительства ОТГ в Венгрии Иштвана Вашари на тему «Фигура Джучи в "Шаджарат аль-Атрак"», в котором был рассмотрен процесс адаптации и интеграции монголов в тюркский мир. Неслихан Дурак, профессор Университета Инёню, в своём докладе «История тюркской государственности в период Чингизидов» рассмотрела становление империи Чингиз-хана, уделив особое внимание личности самого Чингиз-хана, и подчеркнула значительное влияние тюркской культуры и традиций государственного строительства на организацию и принципы управления созданной им империи.

Депутат Мажилиса Парламента РК Еркин Абиль в докладе «Концепт цивилизации Великой Степи» представил цивилизационный подход к истории степных народов Евразии, который позволил бы рассматривать историю тюркских народов не как фрагментарный набор сменяющих друг друга государств, а как целостное явление – цивилизацию Великой Степи. Профессор Назарбаев Университета Юлай Шамильоглу выступил с темой «Принципы классификации пост-чингизидских тюркских государств (XIII–XX вв.)», где проанализировал эволюцию властных отношений и государственности тюркских государств, образовавшихся после распада Монгольской империи Чингиз-хана, выделяя ключевые аспекты их социально-политической организации и роль чингизидских и нечингизидских элит. В докладе «Об особенностях тюркской государственности кочевой цивилизации» директор Международного института кипчаковедения КазНУ им. Аль-Фараби Болат Кумеков представил особенности тюркской государственности кочевой цивилизации, отметив, что в отличие от оседло-земледельческих обществ, где приоритетом была земля, в кочевом обществе ключевое значение имело население.

В своём выступлении на тему «Смерть и царевубийство в Монгольской империи: исследование ограничений королевской власти» доцент Университета Йонсей Майкл Хоуп проанализировал особенности случаев убийства

правителей в Монгольской империи, включая случаи в Улусе Джучи и в Государстве Хулагуидов, а также их влияние на политическую стабильность этих государств. Александр Кадырбаев, профессор ИВ РАН, выступил с темой «О государственном статусе тюркских народов Дешт-и-Кипчака до монгольского нашествия», где рассмотрел и проанализировал «Кипчакский поход» монгольских завоевателей, отметив, что кипчаки и канглы стали одной из ключевых целей этих завоеваний, и подчеркнул роль Дешт-и-Кипчака в геополитике того времени. Анварбек Мокеев, профессор КТУ «Манас», представил доклад «Взаимоотношения алтайских кыргызских племен с Ак Ордой в XIV – начале XV вв. по сведениям «Бахр аль-Асрар» Махмуда ибн Вали», в котором рассмотрел взаимоотношения алтайских кыргызских племен с соседними народами в XIV–XV вв., отметив их важную роль в политической жизни региона. В своём докладе «Перечитывание некоторых древнетюркских письменных эпиграфических находок: на примере донско-кубанских надписей» профессор Национального центра археологии АН РУ Гайбулла Бабаяров представил анализ древнетюркских письменных эпиграфических находок, уделив особое внимание надписям донско-кубанского региона, их особенностям и расшифровке текстов.

Следующий день конференции, 5 октября, начался с выступления директора НИИ Улуса Джучи Жаксылыка Сабитова, на тему «Население Улуса Джучи в 1206–1255 гг.», где он представил анализ соотношения пришлого и местного кочевого населения на территории Улуса Джучи в указанный период, основываясь на данных различных исторических источников. Доктор-PhD Кайрат Белек из КТУ «Манас» в своём докладе «Тамги кочевников Семиречья как источник по истории Золотой Орды» проанализировал роль тамг и их значимость в социокультурной и политической жизни тюркских и монгольских народов.

Заведующий отделом ИВ им. Зии Буниятова НАН Азербайджана Фарда Асадов выступил с темой «Истоки титула Ильхана Хулагу в истории тюркских государств», в котором он рассмотрел происхождение титула «Ильхан», подчеркнув его более глубокие и древние корни и проследив эволюцию этого титула начиная с ранних государств, образованных кочевниками. В докладе «Кешик и Гюрегенс при дворе Ногай. Чингизидские институты и властные сетевые структуры в ранние годы жизни будущего болгарского царя Теодора Святослава I (1300–1322)» профессор Института исторических исследований БАН Константин Голев рассмотрел статус и роль «Кешик» и «Гюреген» в системе власти, а также проанализировал политические сети и взаимоотношения элит на Балканах и в Восточной Европе с Золотой Ордой.

Айболат Кушкумбаев, профессор ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, представил доклад на тему «Алтын Орда как главный символ власти в Улусе Джучи», в котором отметил, что, согласно множеству рассмотренных источников, «золотой шатёр» или «золотая юрта» выступали важным элементом ханской власти, играя главную роль в утверждении легитимности правителей Золотой Орды. Руководитель Центра исследований Золотой Орды им. М. Усманова ИИ им. Ш. Марджани АН РТ Ильнур Миргалеев выступил с темой «Символ власти в татарском дастане «Идегей», в котором он анализирует дастан «Идегей» как важный источник для реконструкции исторических событий, а также

для более глубокого понимания личностей и восприятия власти и её легитимности среди населения Улуса Джучи.

В своём докладе «Об этносимволических исторических источниках, касающихся государственности и власти в период империй Чингис кагана и Улуг Улуса (Джучи-хана)» эксперт Тюркской Академии Напил Базылхан представил анализ этносимволических данных периода правления Чингизхана и его потомков. Он отметил важную роль символов, государственных атрибутов в структуре власти и общества этих империй. Директор Французского института исследований ЦА Мари Фаверо в докладе «Ведущая роль Улуса Джучи в *Rex Mongolica*» проанализировала экономические и культурные особенности Евразии в XIII–XIV вв., обратив внимание, что монголы не только контролировали торговые пути, но и способствовали развитию ремесел, искусств и научных знаний, что значительно повлияло на развитие регионов под их управлением.

Профессор Университета Анкары Мустафа Уяр выступил с темой «Исламизация или тюркизация? Роль тюркской религиозной среды в культурной трансформации Чингизидов», в котором он рассмотрел сложный процесс принятия ислама монгольской элитой, подчеркнув, что тюркские религиозные деятели сыграли ключевую роль в этом, способствуя религиозным и культурным изменениям в государствах. Выступая с докладом «Дипломатические и правовые документы Монгольской империи: диалог между практиками Центральной и Восточной Азии», профессор Венского Университета Франческа Фиасчетти рассмотрела особенности дипломатии Чингизидов. Она отметила, что монгольская дипломатия сыграла важную роль в установлении связей между различными частями Евразии, создавая уникальную систему взаимодействий.

Профессор Университета Мармара Осман Гази Озгюденли в докладе «Метод обеспечения преемственности султаната в государстве Ильханидов» проанализировал механизмы передачи власти среди правителей династии Хулагуидов, рассмотрев особенности престолонаследия и эволюцию принципов передачи власти в этом государстве. Эксперт Тюркской Академии Тимур Козырев представил доклад «Исследование государственности Чингизидов с точки зрения современной тюркской историографии (на примере Казахстана)», где рассмотрел вопрос выбора исторической «точки отсчета» для тюркских народов, проанализировав особенности Тюркского каганата, Казахского ханства и Улуса Джучи и их значение для формирования исторической идентичности тюркских народов.

В своем докладе «Роль эмиров во внешней политике Золотой Орды» профессор Университета Мармара Ильяс Кемалоглу рассмотрел влияние эмиров на политические процессы и принятие решений, подчёркивая, что они играли важную роль не только в военных и внутренних делах, но и в дипломатии, активно участвуя в установлении связей с другими государствами. Выступая с темой «Казахско-джунгарская война в 20-х гг. XVIII в.», исполнительный директор Казахского исторического общества Радик Темиргалиев рассмотрел ключевые аспекты казахско-джунгарских войн 1720-х годов, привнеся новые важные детали, которые углубляют понимание исторических событий и взаимоотношений между казахами и джунгарами. Эксперт Тюркской Академии Нурдин Усеев представил доклад «Кыргызы и этноним «кыр-

гыз» в монгольской исторической письменной традиции и устных источниках», в котором он рассмотрел упоминания кыргызов в монгольских исторических источниках и фольклоре, подчеркнув их важную роль в отношениях с монголами.

Директор Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ Айрат Ситдинов в своем докладе «К вопросу об урбанизме в государствах степной Евразии» рассмотрел процесс формирования городской культуры в регионах Поволжья и Северного Причерноморья, отметив, что развитие этих городов было тесно связано с международной торговлей по трансевразийским путям и политическими процессами в Золотой Орде, а также её взаимодействием с соседними народами. Старший научный сотрудник Института археологических исследований им. Я. Гулямова Айсулу Искандерова выступила с темой «Художественная керамика Хорезма золотоордынского периода», где она представила анализ керамических изделий, найденных на территории Хорезма в период Золотой Орды, подробно рассмотрев их особенности и подчеркнув высокое мастерство ремесленников того времени.

В докладе «Современные археологические исследования Алтын Орды в Казахстане: результаты и перспективы» зам. ген. дир. по науке Института археологии им. Алкея Маргулана Асемгуль Касенова представила результаты археологических раскопок на территории Казахстана и поделилась перспективами дальнейших исследований. Владислав Гулевич, гл. советник аппарата ВРУ, в своем докладе «Бурундайские войны 1258–1260 годов, или еще раз о проблеме начала правления хана Берке» провел анализ военных походов монгольского полководца Бурундая, обратив внимание, что эти события произошли в период важных перемен в Улусе Джучи, а также рассмотрел вопрос о точной дате начала правления хана Берке. Профессор Университета Думлупынар Алтай Тайфун Озджан представил доклад «Процесс избрания монгольского кагана и его последствия для Золотой Орды», где он проанализировал политические процессы, которые способствовали формированию независимости Улуса Джучи, отметив, что события, происходившие в Каракоруме, напрямую повлияли на его постепенное превращение в независимое государство.

Эксперт Тюркской Академии Динмухаммед Аметбек, выступая с темой «Торе, род Чингисхана: легитимность и преемственность в традиции казахской государственности», проанализировал роль потомков Чингиз-хана в политической и социальной жизни казахского общества, подчеркнув, что концепция Торе была ключевым элементом в обеспечении легитимности казахских ханов и фундаментом преемственности власти и традиций казахской государственности. В своём докладе «От Казанской губернии до Республики Татарстан: татары в XX веке – в начале XXI века» старший преподаватель УГУ им. М. Драгоманова Ярослав Пилипчук проанализировал исторические процессы, которые происходили среди татарского народа. Профессор ИВ РАН Дмитрий Тимохин в докладе «Включение Кермана в состав Монгольской империи в 1220–1230-е годы: по данным местных памятников мусульманской историографии», проанализировал процесс включения Кермана в Монгольскую империю, подчеркнув уникальные сведения, представленные мусульманскими локальными источниками, и их важность для понимания региональной истории, недоступной в более крупных исторических сочинениях.

Таким образом, международный конгресс стал важной научной платформой для изучения эпохи Чингизидов, выявления ключевых аспектов истории Улуса Джучи и формирования основ для дальнейших исследований. Мероприятие укрепило научное сотрудничество, создало новые перспективы для изучения тюркской государственности и углубило понимание её значения в мировой истории.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нурсултан Арманович Умбетов – научный сотрудник, Научный институт изучения Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (010000, ул. Пушкина, 15Б, Астана, Республика Казахстан); ORCID: 0009-0004-8509-5869. E-mail: nursultan.una@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nursultan A. Umbetov – Research Fellow, Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (15B, Pushkin Str., Astana 010000, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0009-0004-8509-5869. E-mail: nursultan.una@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 18.10.2024

Поступила после рецензирования / Revised 28.10.2024

Принята к публикации / Accepted 02.12.2024

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.977-981>
EDN: ZWMTOL

УДК 904

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕДИЦИИ

Л.С. Гиниятуллина

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
lusiia@mail.ru*

Резюме. С 9 по 14 сентября 2024 года сотрудники Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ осуществили экспедиционный выезд в Нижнее Поволжье. Целью экспедиции было изучение состояния золотоордынских историко-археологических объектов и проведение Круглых столов с местными специалистами, установление тесных контактов с научными учреждениями данного региона. Маршрут поездки был запланирован заранее и согласован с местными учеными. Участники экспедиции посетили Саратов, Волгоград и Астрахань, где провели научно-практические семинары, посетили местные музеи и различные археологические объекты. А также встретились с представителями татарской общественности Поволжья. Были обсуждены проблемы и вопросы по изучению золотоордынского наследия в этих регионах, а также перспективы совместных проектов.

Ключевые слова: Экспедиция, Саратов, Волгоград, Астрахань, история, Золотая Орда, археологические объекты

Для цитирования: Гиниятуллина Л.С. Средневековые памятники Нижнего Поволжья: предварительные результаты экспедиции // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 977–981. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.977-981> EDN: ZWMTOL

MEDIEVAL MONUMENTS OF THE LOWER VOLGA REGION: PRELIMINARY RESULTS OF THE EXPEDITION

L.S. Giniyatullina

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lusiia@mail.ru*

Abstract. From September 9 to 14, 2024, employees of the the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates of the Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences carried out an expedition to the Lower Volga Region. The purpose of the expedition was to study the state of the Golden Horde historical and ar-

© Гиниятуллина Л.С., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

archaeological sites and hold round tables with local specialists, establish close contacts with scientific institutions of this region. The route of the trip was planned in advance and agreed upon with local scientists. The expedition participants visited Saratov, Volgograd and Astrakhan, where they held scientific and practical seminars, visited local museums and various archaeological sites. They also met with representatives of the Tatar community of the Volga Region. Problems and issues related to the study of the Golden Horde heritage in these regions, as well as prospects for joint projects, were discussed.

Keywords: expedition, Saratov, Volgograd, Astrakhan, history, Golden Horde, archaeological sites

For citation: Giniyatullina L.S. Medieval monuments of the Lower Volga Region: preliminary results of the expedition. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 977–981. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.977-981> (In Russian)

Последние два-три десятилетия уходящего столетия ознаменовались крупными открытиями в области истории и археологии. Эти открытия значительно дополнили источниковую базу, позволили по-новому подойти к решению многих проблем средневековой истории татарского народа.

Наибольшего масштаба исследования золотоордынских селищ, в том числе раскопки, достигли в последние 30 лет. За это время был накоплен значительный объем материала, характеризующего материальную культуру золотоордынских поселений. Продолжились археологические исследования столичных городов Золотой Орды, было открыто несколько неизвестных золотоордынских селищ, велся сбор подъемного материала. Изучением золотоордынских городов занимались и сотрудники Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. В этом году было решено продолжить экспедиции по изучению средневековых памятников Нижнего Поволжья.

Экспедиция началась с Саратовской области. 9 сентября 2024 г. в Саратовской соборной мечети прошел историко-просветительский круглый стол «Духовное управление мусульман Поволжья: 30-летие первой исламской просветительской организации новой страны». Организатор мероприятия: Саратовская региональная общественная культурно-просветительская организация «Возрождение» при ДУМ Поволжья.

Ученые из Татарстана Ильнур Миргалеев, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (далее ЦИЗОТХ); Искандер Измайлов, д.и.н., в.н.с. ЦИЗОТХ, Люция Гиниятуллина, м.н.с. ЦИЗОТХ посетили данное мероприятие.

Конференцию открыл глава Духовного управления мусульман Поволжья, муфтий Мукаддас-хазрат Бибарсов. Он рассказал о деятельности исламской просветительской организации. С приветственным словом от имени директора Института истории им. Ш.Марджани АН РТ Р.Р.Салихова и от себя лично выступил к.и.н. Ильнур Миргалеев, он передал ценные монографии Института истории в дар библиотеке Духовного управления мусульман Саратовской области.

В ходе круглого стола были обсуждены такие актуальные вопросы, как основание ДУМ Поволжья; задачи настоящего времени и ближайшего будущего для российских мусульманских общественных и просветительских ор-

ганизаций; вопросы о сотрудничестве, об изучении истории татарских деревень Саратовской и Пензенской областей РФ. Вместе с представителями татарской общественности обсудили вопросы по сохранению и популяризации историко-культурного наследия Золотой Орды, в частности золотоордынского города Укека, города предтечи Саратова.

10 сентября 2024 г. в г. Краснослободске Волгоградской области состоялся круглый стол «Перспективные вопросы изучения золотоордынского наследия в Волгоградской области». С приветственным словом от имени директора Института истории им. Ш.Марджани АН РТ Р.Р.Салихова и от себя лично выступил к.и.н. Ильнур Миргалеев, он подарил издания Института истории им. Ш.Марджани АН РТ Фонду культурно-исторического центра «Сарай Берке». Также с приветственным словом к участникам круглого стола обратился Ильнур Хусаинович, исполнительный директор Фонда культурно-исторического центра «Сарай Берке» (г.Волгоград).

На мероприятии прозвучали интересные доклады с презентациями: Миргалеев И.М., Гиниятуллина Л.С. Презентация изданий ЦИЗОТХ; Ермолов Ф.В. История изучения и историческая топография золотоордынских памятников Волгоградской области; Измайлов И.Л. Проблемы и перспективы изучения средневековых городов в Нижнем Поволжье; Каверин А.Н. Перспектива изучения археологических объектов, подверженных длительному антропогенному воздействию (на примере Слодовского пригорода Царевского городища).

После основных докладов участники перешли к дискуссии. Модератор симпозиума Ф.В. Ермолов предложил ряд вопросов для обсуждения: наиболее срочные и перспективные задачи изучения наследия Золотой Орды на территории Волгоградской области; необходимые меры по охране археологических памятников периода Золотой Орды на территории региона; задачи популяризации золотоордынского наследия и его изучения.

11 сентября 2024 г. в Астраханском государственном университете им. В.Н.Татищева состоялся круглый стол «Нижнее Поволжье от Золотой Орды до России: проблемы и перспективы исторических исследований». На круглом столе были заслушаны следующие доклады: Васильев Д.В. Город Сарай: о наименовании ставки правителей Золотой Орды; Измайлов И.Л. Нижнее Поволжье в истории становления и формирования татар и их предков; Курапов А.А., Васильев Д.В. Буддизм в Улусе Джучи: исторические и археологические свидетельства; Сызранов А.В. Ислам в Нижнем Поволжье: исторические традиции; Казакова Е.П. Золотая Орда в музейных экспозициях г.Астрахани; Сызранов А.В. Ислам в Нижнем Поволжье: исторические традиции.

Были презентованы издания Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Миргалеев И.М., Гиниятуллина Л.С.). В дар Астраханскому государственному университету были переданы научные издания Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. В процессе дискуссии участники затронули наиболее актуальные вопросы, связанные с историческим наследием золотоордынского государства: культурные и политические аспекты.

На следующий день ученые из Казани вместе с археологом Дмитрием Васильевым посетили Самосдельское городище (город Саксин). В период расцвета это был крупный и богатый торговый город, который стал столицей

особой исторической области, находившейся под властью болгарских эмиров. В этом городе жил известный арабский путешественник аль-Гарнати, который оставил об этом городе уникальные сведения. В частности, он отмечал, что в городе кроме болгар (выходцев из болгарских городов Болгар и Сувар) проживали также огузы. Археологические исследования полностью подтвердили его сведения и выявили значительное количество восточных импортов – стеклянных изделий, кашинной керамики и т.д. Этот город был разрушен в результате монгольского нашествия. Позднее на его месте существовало поселение золотоордынского времени. Также в этот день посетили Астраханский музей-заповедник – один из старейших провинциальных музеев России. Сейчас у него открыто 14 филиалов в Астрахани и области. Крупнейшим из них является Краеведческий музей.

12 сентября 2024 г. экспедиция вместе с астраханским археологом Дмитрием Васильевым посетили городище «Маячный бугор» и Красноярское городище, комплекс мавзолеев у с. Лапас. Красноярское городище располагается в стратегически важном месте – в точке разделения главных протоков Волги (рек Ахтуба и Бузан), там, где была возможность осуществлять контроль за водной магистралью, соединяющей Верхнюю и Среднюю Волгу с Каспийским морем. Сведений об истории Красного Яра крайне мало. В XVII в. произошел перенос основного торгового речного пути с ахтубинского русла в волжский, в связи с чем эта территория не привлекала внимание путешественников. Здесь осталась только старая караванная дорога, по которой двигались верблюжьи караваны в Хиву и Бухару. Археологическое изучение Красного Яра началось в конце 1980-х годов.

Одним из особых исторических мест Астраханской области, тесно связанных с историей Золотой Орды, является городище Ак-Сарай и комплекс развалин мусульманских мавзолеев на левом берегу реки Ахтубы, к северу от с. Лапас Харабалинского района Астраханской области. Строительство мавзолеев повсеместно широко практиковалось в связи с исламизацией Орды. Еще в конце XIX века, руины стен мавзолеев ещё возвышались над землёй (они были разобраны жителями с. Хошеутово лишь в 30-е гг. XX века).

После Ак-Сарая участники экспедиции посетили Селитренное городище. Развалины столичного золотоордынского города XIV–XV веков расположены у села Селитренное Харабалинского района Астраханской области. Селитренное городище является памятником археологии федерального значения.

13 сентября 2024 г. экспедиция Института истории им. Ш. Марджани АН РТ вместе с археологом из Волжска А. Кавериним посетили Царевское городище, расположенного на реке Ахтубе, у села Царев Ленинского района Волгоградской области. Это один из крупнейших историко-археологических памятников федерального значения Волгоградской области. Судя по археологическим исследованиям, это были остатки столичного мегаполиса периода расцвета Улуса Джучи – города Сарай ал-Джадид или Новый Сарай.

Данная поездка имела важное значение для пропаганды историко-культурного наследия Золотой Орды и установления связей между казанскими учеными и исследователями из поволжских регионов. Были достигнуты договоренности по популяризации научных достижений местных исследователей на страницах журнала «Золотоордынское обозрение» и на Международ-

ном Золотоордынском Форуме (ближайший пройдет в Казани в июне 2025 года). Проведенные в ходе экспедиции мероприятия вызвали большой интерес не только у научной общественности, но и привлекли внимание прессы к проблемам охраны памятников, популяризации и использованию историко-археологического наследия Золотой Орды в качестве центров туризма в этих регионах.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Люция Сулеймановна Гиниятуллина – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3904-6079, ResearcherID: W-4335-2019, Scopus Author ID: 57201655777. E-mail: lusiia@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3904-6079, ResearcherID: W-4335-2019, Scopus Author ID: 57201655777. E-mail: lusiia@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 25.10.2024

Поступила после рецензирования / Revised 29.11.2024

Принята к публикации / Accepted 02.12.2024

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights
of its publications. Any use of the material of this publication
(publishing online, reprinting, republishing, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: листы рукописей с текстом дастана «Идегей»
(Центр письменного наследия «Мирасханэ» Института языка,
литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, ф. 52)

On the cover: manuscripts sheets with the text of the dastan “Idegey”
(Center for Written Heritage “Miraskhane” of the G. Ibragimov Institute of Language,
Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, fund 52)

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2024. Т. 12, №4
GOLDEN HORDE REVIEW. 2024, vol. 12, no. 4

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in the Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Подписано в печать 20.12.2024 г. Дата выхода в свет 28.12.2024 г.
Формат 70×108^{1/16} Печ. л. 15,625 Тираж 200 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Академии наук Республики Татарстан
420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>